

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ПРОСВЕЩЕНИЕ 200000 АМЕРИКА

Цивилизация осиротевших роботов ищет себе подходящих Хозяев. Одной из кандидатур на такую роль становится стремительно возникшее и бурно развивающееся общество Закрытого Мира — планеты, населенной беженцами от «земного образа жизни». Для того чтобы оценить эту кандидатуру, в Закрытый Мир приходит меняющий свой облик робот-разведчик. Но за ним уже ведет охоту посланец конкурентов Человечества в Закрытом Мире. Такой же универсальный и такой же способный к любой мимикрии робот. Люди, однако, не остаются безразличны к планам иных цивилизаций относительно своей дальнейшей судьбы. Свое слово в этой сложной борьбе предстоит сказать игрокам в магические кости, содержателям инкубатора огнедышащих драконов, а также взломщику, а теперь Рыцарю Дорог Дмитрию Шаленому, федеральному следователю Каю Санди и другим.

Борис Иванов

Джокер и Палач

TO GUY RITCHIE

Высокоразвитая наука и магия неразличимы.

А. Кларк

В дерьмо наступить — к большим деньгам.

Родольфо Рей. Книга Подсказок

Сэр Барни чуть-чуть изменился за последние годы. Немного похудел — это означало, что более он стал напоминать обычного бегемота, нежели аэростат. Должно быть, сказывался напряженный ритм работы. И — дополнительная ответственность. Навстречу Каю он устремился, радостно раскрыв объятия. Федеральный следователь был усажен в глубокое кресло и даже наделен чашечкой кофе из рук секретарши.

— Рад вас снова видеть, следователь! — улыбнулся шеф Каю. — Впрочем, вы не долго будете ходить в следователях. Я подал документы на ваш перевод в региональные комиссары. Нет-нет!

Сэр Барни отклонил пухлой ладонью некий жест растерянной благодарности. Правда, Кай о таком — через четыре ступени — повышении вовсе не просил. Явно в этом «подарке» был какой-то подвох.

— Это не выражение моих симпатий к вам, Санди! — продолжил шеф. — Вы же знаете: у меня нет любимчиков! Наделить вас такими полномочиями требуют интересы дела. Так что не будем терять времени. — И навис над Каем, словно скала.

Федеральный следователь понял, что сэр Барни переходит наконец к сути дела.

— Проблема Закрытого Мира для вас не новость? — осведомился шеф.

Закрытый Мир... Планета под названием Зараза... Невероятное государство, управляемое самозваной принцессой Фестой... Мир, в котором даже само Время текло не так, как в этой Вселенной, а так, как, по всей видимости, ему хотелось. Мир добровольных изгнанников, открытый уже на памяти теперешнего поколения людей, среди которых был и «крестник» Кая. Мир, «инфицированный» Магией Предтеч. Мир, который за последние годы стал становиться все большей и большей проблемой для Тридцати Трех Миров.

— Я курировал эту тему по линии нашего филиала, — признал Кай очевидную истину. — Но только это была работа по составлению реферативных обзоров «к сведению». Закрытый Мир — совсем не наша епархия.

— Тем не менее, — опять улыбнулся генеральный куратор, — вы слывете одним из экспертов в вопросе об эмиграции на Заразу.

— Настоящие эксперты, я думаю, — тоже ответил ему улыбкой федеральный следователь, — работают в других конторах. И они хоть не прославлены, но куда более сведущи.

Шеф привычно устроился в кресле за своим огромным столом, распорядился в трубку: «Пригласите господ Янссона, Криспена и мсье аббата для условленного разговора».

— Вообще-то вы правы, Санди, — согласился он. — Признаюсь, одна из этих «контор» — подчиненный мне департамент. Однако «настоящие эксперты» оказались не на высоте. Мы плетемся в хвосте событий. — Шеф вздохнул и, чуть поморщившись, пояснил свою мысль: — Понимаете ли, следователь... Без всякого сомнения, Закрытый Мир — большая головная боль для Федерального Директората. Как и всякая цивилизация из тех, что подают дурной пример членам Федерации. Хотя потеря пары миллионов, прямо скажем, не самых полезных членов общества пошла Федерации скорее на пользу, чем во вред, но все же... Короче, в Управлении был создан секретный отдел по наблюдению за этим процессом. И функции этого подразделения расширены — в них включен также контроль за развитием событий в Закрытом Мире вообще.

Сэр Барни откинулся в кресле. Задумчиво покрутил в воздухе пальцами.

— Ну вы понимаете, следовательно, что при потоке в сотни тысяч человек в год внедрить в Закрытый Мир несколько десятков наших агентов — не проблема. Проблема — как получить от них хоть какую-то информацию. До сих пор наш региональный резидент — там, на Заразе, — вел свою партию ни шатко ни валко. Что ему прощалось: не так уж легко перебрасывать вовремя информацию оттуда, из-за Горловины, отделяющей нашу Вселенную от Закрытого Мира. Да, собственно, в оперативной информации не чувствовалось нужды. Другое дело — деятельность их иммиграционных центров.

— Но она, деятельность эта, как я понимаю, сильно поубавилась? — уточнил Кай, пригубив остывающий кофе. — Поток иммиграции почти иссяк, а «прекрасный новый мир» на Заразе так и не родился...

— Поубавилась, — согласился с ним шеф, вспомнив и про свою чашку. — Но зато прибавилось проблем, объявившихся по ту сторону Горловины. И притом, заметьте, не их проблем, а, я бы сказал, общих. Хотя они там, в Закрытом Мире, любят делать вид, что как раз с нами ничего общего не имеют.

— Так что же вас насторожило? — постарался быть ближе к сути дела федеральный следователь.

— Появились данные — их нам передали по линии Спецакадемии, — что Закрытый Мир становится еще одним каналом проникновения влияния враждебной, нечеловеческой цивилизации.

— Ну, то, что в Закрытом Мире существует по крайней мере еще одна цивилизация, это вроде уже несколько лет как признанный факт, — пожал плечами Кай. — На самой Заразе идея о вторжении Чуждого Разума и о некой «пятой колонне» получила широкое распространение... Там даже специальный Рыцарский Орден имеется для борьбы с Чужими.

— Ну вот... — радостно констатировал сэр Барни. — Вы, оказывается, и в этом вопросе владеете кое-какой информацией. Хотя она уже немного устарела. Появились данные о том, что Чужие переходят от пассивного наблюдения к активным действиям. Сейчас требуется, чтобы компетентный человек — я говорю про вас — всерьез провел инспекцию работы нашей резидентуры на месте. И не медля выдал бы рекомендации по организации работы в новых условиях. Или даже принял бы срочные меры прямо на месте...

Блок связи на столе залился тонкой трелью, и голос секретарши сообщил из скрытого динамика, что «господа Янссон, Криспен и мсье аббат ждут в приемной».

— Пусть заходят! — распорядился шеф, принимая несколько более официальный вид.

Вошли трое мужчин. Один высокий, похожий на скандинава. Второй — среднего роста, аскетичного, даже желчного типа, в его внешности явственно читались галльские черты. Третий выглядел более экзотично: узкое и смуглое лицо украшала окладистая борода, пальцы были прямо-таки унижены перстнями, а одежда, хотя и вполне цивильная, уж очень напоминала походный наряд мага из какого-нибудь сказочного сериала.

— Будьте знакомы, — добродушно прогудел шеф. — Господин Арно Янссон — шеф нашего Особого департамента.

Скандинав боднул воздух своей белесой макушкой. Такая, видно, у него была манера приветствовать.

— Он-то и занимается, — пояснил шеф, — вплотную всеми вещами, связанными с Закрытым Миром. А это, — сэр Барни простер руку в сторону желчного аскета, — наш гость из Закрытого Мира. Аббат тамошнего храма Учителя... Преподобный Филипп Шануа.

Преподобный Шануа сухо кивнул и скрипучим голосом уточнил:

— Я приписан к храму Суровых Уроков. Это второй по числу прихожан храм Учителя в Закрытом Море из шести.

«Забавно, — подумал Кай. — Духовное лицо в кабинете шефа спецслужбы... Ну-ну...»

— И... Карл Криспен... — указал шеф на экзотического бородача.

Тот поклонился.

— Наш эксперт по так называемой Магии Предтеч...

Шеф широким жестом предложил присутствующим занять места за столом заседаний. Стол был традиционно сконструирован буквой «Т».

— Позвольте представить: федеральный следователь Кай Санди, — торжественно произнес сэр Барни, занимая место во главе стола. — Он возьмет на себя задачу проверить работу нашей резидентуры на Заразе. Переведен сюда из того самого Секторального филиала, который довольно долго возглавлял ваш покорный слуга. Смею вас уверить, что с лучшей стороны знаю господина следователя. Впрочем, к тому моменту, когда он отправится в Закрытый Мир, он будет уже наделен полномочиями регионального комиссара. Кстати, его хорошо знает и наш резидент на Заразе. И некоторые влиятельные люди, которые не станут сдавать его властям.

— Что ж, могу только поздравить господина следователя с предстоящим повышением, — проскрипел аббат. — И с предстоящим перевоплощением.

Кай улыбнулся в ответ. Понимающе и слегка кисло.

— И под какой же маской я буду гостить там, за Горловиной?

— Как вам нравится моя должность? — поинтересовался желчный прелат. — Ей-богу, оклад неплохой, а больших требований к слугам Учителя устав нашей Церкви не предъявляет... Я на время вам уступлю мое место и мое имя.

— И это не удивит окружающих вас знакомых братьев по вере? — поразился Кай.

— Те братья, с которыми вам придется иметь дело, будут предупреждены, — успокаивающе проскрипел аббат. — Контрразведка нашей Церкви с Управлением сотрудничает давно и, я бы сказал, плодотворно...

Такая роль Церкви Учителя была не то чтобы уж слишком большим сюрпризом, для федерального следователя.

— А то, что я не силен не только в знании вашего почтенного Учения, но и в богословии вообще, вас не смущает? — поинтересовался Кай.

— Ничуть, — улыбнулся аббат. — Поработаю с вами недельку — и вы сможете сдать экзамен на должность в любом из наших монастырей. Тем более что никто никакого экзамена вам не будет устраивать...

— А господин Янсон, — вставил свое слово сэр Барни, — будет инструктировать вас по всем основным моментам жизни в Закрытом Море.

Молчаливый скандинав снова боднул воздух — в знак согласия.

— Предварительная подготовка у вас имеется — и довольно неплохая, — продолжил шеф. — Кое-что вы уже знаете, а вот что касается остального... Вы даже не представляете, следователь, какой учебный курс вам предстоит пройти! К тому же в нем предусмотрено еще далеко не поверхностное ознакомление с теорией так называемой Магии Предтеч.

— Не обращайтесь внимания на мой антураж, — усмехнулся из глубин своей бороды Криспен. — Просто мне часто приходится изображать из себя мага, верящего в сверхъестественные причины Магии Предтеч. А постоянно менять внешность несколько

обременительно. На самом деле я нанотехнолог. Работаю постоянно в Спецакадемии. А к Управлению я всего лишь прикомандирован.

— Значит, вы не верите в сверхъестественные способности Предтеч? — уточнил Кай.

— Еще в двадцатом веке была сформулирована мысль о том, что высокоразвитая технология и магия неразличимы, — пожал плечами Криспен. — Да вы это знаете из общеобразовательного курса. Мне же предстоит ввести вас в курс того, с чем вы конкретно столкнетесь в Закрытом Море.

— Как видите, подготовка ваша будет вполне солидной, — снова включился в разговор шеф. — У вас будет на что опереться на месте действия. И главное... — Он со значением притушил в массивной пепельнице «гавану» и взял с рабочего стола две папки с распечатками. — Главное то, что в столице этого дурацкого государства есть два человека, которых вы очень хорошо знаете. Один из них — наш резидент.

Шеф двинул к Каю по столу одну из папок. Тот открыл ее и сделал удивленное лицо, потом закрыл и воззрился на сэра Барни с иронической улыбкой.

— В общем-то я мог догадаться, что вы использовали эту фигуру... Для такого мира, как Зараза, вполне подходит человек, который был резидентом на Фронде... А относительно второго кандидата в мои знакомые и гадать нечего... Ведь вы имеете в виду Дмитрия Шаленого?

— Именно его! Вашего «крестника».

Сэр Барни пододвинул к локтю Кая вторую папку.

— Как-никак, а полезно иметь в списке хороших знакомых личных друзей главы государства. Пусть даже таковые не чужды криминалу. — Шеф откинулся на спинку кресла и с сожалением признал: — Конечно, ваш «крестник», по тамошним понятиям, взлетел в высокие сферы. Даже ходил в министрах Двора. Но то ли впал в немилость, то ли по какой другой причине от Престола был удален, и сейчас его статус непонятен. Однако это лучше, чем ничего.

Кай взял папку, взвесил ее в руке... Взглянул на первые страницы, закрыл папку и откинулся в кресле. Неплохо, что ему предстоит встреча со старым знакомцем. И хотя ему приходилось этого господина арестовывать на предмет отправки в места не столь отдаленные, отношения между ними сложились скорее дружеские, чем приятельские.

«Что-то там сейчас с тобой, Дмитрий?» — подумал он.

Глава 1

БОГ НАДЕЖД

«И все-таки надо, надо было отправляться в путь верхом, а не на проклятом внедорожнике!» — сказал себе Дмитрий Шаленый, более известный среди галактической уголовщины как Шишел-Мышел, а среди рыцарства Заразы как «Рыцарь без коня».

Не то чтобы жизнь не научила Дмитрия держаться в седле. На парадных выездах, учиняемых Орденом по разным случаям, он неплохо управлялся с покладистой кобылой, что звалась Мариэттой. Кобылу ту без лишних разговоров ему всегда рад был безвозмездно ссудить на день-два преславный Коннетабль Ордена, достойнейший сэр Стрит. Но при этом Дмитрий прекрасно понимал, что смотрится он на коне не лучше, чем корова во храме Божиим. То есть вообще-то просто и непритязательно, но больно уж привлекательно для черни, охочей до всяческих забав, и для сплетников, которых хватает среди собратьев по Ордену.

Иногда ему приходила в голову прямо-таки абсурдная мысль о том, что, принимая его прошение об отставке, принцесса Феста даровала ему достоинство Рыцаря Дорог в качестве изощренной мести за такое пренебрежение близостью к Престолу.

Дело усугублялось еще и тем обстоятельством, что, то ли желая сделать приятное принцессе, которая оставалась-таки закадычной подругой Шишела, то ли по дури, порожденной сердечным уважением к Дмитрию, Конклав Ордена, не мудрствуя лукаво, верил Шишелу высокую честь быть хранителем Жезла, а на парадных выездах — почетным выносящим Жезл Ордена.

Многочисленные обиженные Орденом водители транспортных средств давно упражнялись в остроумии относительно этого орденского атрибута, и шуточка о том, что Полосатый Жезл есть не что иное, как увеличенная копия фаллоимитатора для зебры-переростка, уже проела плешь Шаленому.

Дмитрий достаточно хорошо представлял себе, как он выглядит со стороны, вооруженный этим сомнительным символом и восседающий на покорной Мариэтте. Неся на себе чуть ли не четверть тонны чугуновых мышц, скомпонованных в дизайне медведя-гризли и забранных в парадный наряд Ордена, Шишел являл собой зрелище, на которое валил народ со всех концов Семи Городов. Знаменосец Ордена, доблестный сэр Смыга, всякий раз пенял Шишелу после парада, что он «отвлекает на себя внимание толпы».

Так или иначе, а на дежурные «рабочие» выезды, которые по уставу Ордена всякий уважающий себя Рыцарь Дорог должен был совершать не менее шести в месяц, Дмитрий отправлялся на своем верном «лендровере». Вот как сейчас.

В свое время — в краткий период пребывания министром без портфеля в кабинете принцессы Фесты — он этих самых «лендроверов» для перепродажи населению и пополнения тем казны умудрился закупить чертову уйму. И эти надежные и неприхотливые внедорожники возложенных на них надежд, как правило, не обманывали.

Но в этот раз с выбором транспорта у Шишела вышла незадача. Дожди, лившие всю предыдущую неделю, и отсутствие хоть какого-то присмотра превратили Тракт в нечто совершенно непригодное для движения колесного транспорта. Даже «лендроверу» здесь приходилось нелегко.

Так что ничего удивительного в том, что точно такой же «лендровер», на каком

пробирался сейчас по Тракту и сам Шишел, замаячил впереди. Видно, какой-то бедолага прямо по курсу — довел свой внедорожник до того места, где злая судьба прервала его путь нешуточной поломкой.

Но чем ближе Дмитрий оказывался к месту происшествия, тем все больше странных деталей замечал его наметанный глаз. Глаз Рыцаря Дорог с некоторым стажем. И по совместительству глаз заматерелого медвежатника (стаж которого если и был прерван, то только временно). А медвежатника ждут на каждом шагу ловушки, расставляемые людьми Закона. Оттого и глаз у Шишела был, как мы уже сказали выше, наметанный.

Прежде всего, настораживала позиция, занятая «лендровером»: машина была поставлена на сужении Тракта. Конкретно между крутым и неогороженным, разумеется, спуском к речушке, абсолютно безымянной, зато глубокой и стремительной, и здоровенным — размером с хорошую скалу — дрянь-деревом. За громадой этого неприятного феномена местной флоры раскинулась гладь Больших Трясин — бескрайняя и непроходимая.

По Трясинам пробираться могли разве что пошаливающие на Тракте лихие людишки. И то далеко не все.

Кар стоял практически поперек Тракта, блокируя всякую возможность проезда. Ко всему прочему машина была поставлена на домкрат. Это превращало ее в непреодолимое препятствие на пути любого путника — стоило тому хоть чуть припоздниться и не проскочить сужение Тракта до того, как его пробкой заткнул вышеупомянутый «лендровер».

Еще более поражало воображение то, что одно из колес отсутствовало напрочь. Его просто нигде не было. Оно не валялось на земле, поодаль от машины, не было прислонено и к ее борту. Не виднелось ничего подобного и в отворенной кабине кара, по которой все увереннее и увереннее начинал барабанить собравшийся с силами дождь.

И уж совсем странно смотрелись растопыренные ноги водителя, торчащие из-под приподнятого корпуса автомобиля. Предположительно тот был занят какими-то ремонтными работами. Но вид этих ног производил жутковатое впечатление. Слишком индифферентно и отрешенно они торчали из-под кара.

И главное, какой же уважающий себя водила полезет под брюхо своего средства передвижения, не подстелив хоть что-нибудь влагонепроницаемое? Это после ночных-то проливных и затяжных дождей, которые могли превратить лежание на голой земле поперек Тракта в некий вид купания. Для садомазохистов, вероятно. Нормальному человеку смотреть на подобное занятие со стороны причинило бы страдания. Шишел не был исключением. И вышло так, что по причине доброго, в принципе, сердца сострадание к мокнущему в холодной луже горемыке одержало победу в его душе над инстинктом осторожности.

А к осторожности взывали все примеченные его поднаторелым глазом странности места действия. «Засада! Элементарная дорожная засада!» — буквально орало ему в ухо это самое чувство. Но Шишел не внял ему.

Он подогнал свою тачку поближе к терпящему бедствие средству передвижения и выбрался из кабины. Прихватив из кузова запаску, повесил ее на левую руку. Правой поправил под курткой ствол, болтающийся в наплечной кобуре, и двинулся к машине. Едва он оказался в достаточной близости от торчавших из-под кузова ног бедолаги — опа!!!

Вот вам они оба! Братья Хого-Фого.

Один чертиком выскочил из-за машины и пошел на Дмитрия спереди, второй, прыгнув с корявых ветвей дрянь-дерева, блокировал Шишелу путь к отступлению. Оба были в черных нарядах а-ля ниндзя. У обоих на спинах болтались мечи в ножнах. В руках каждый держал

по боевому топорнику, и братья сразу же принялись мастерски жонглировать. В общем-то и без этой эквилибристики все было предельно ясно.

Вот только кто из двоих был Хого, а кто — Фого, оставалось под вопросом. Впрочем, этот вопрос сейчас не слишком волновал Шишела.

«Ну ты попал!..» — сообщил ему свое мнение внутренний демон. Демона Шишел подцепил на Шараде, но это совсем другая история.

— Ну вы, ребята, попали! — мрачно произнес Дмитрий и выхватил из-под куртки ствол. Этого братья-разбойники не ожидали.

Дело в том, что они были прекрасно осведомлены о содержании эдикта принцессы Фесты, повелевающего умерщвлять на месте и без разговоров всех, при ком обнаружится огнестрельное оружие и не обнаружится высочайшего разрешения на ношение оного. Эдикты принцессы, надо сказать, выполнялись неукоснительно. Тем паче эдикт о стволах. Помогало делу и то, что огнестрел был на Заразе в огромном дефиците. А разрешение на него имели только люди бранного ремесла да Городская Стража Семи Городов. И еще, разумеется, рыцари Доблестных Орденов. Орден Дорог входил в число Доблестных.

Но, на свою беду, как раз Рыцаря Дорог оба бандита не распознали в Шишеле. И, скорее всего, не слышали ни одного анекдота про эту личность. Их ввело в заблуждение и отсутствие коня и доспехов, и то, что свою орденскую бляху Дмитрий таскал в кармане и без дела никому в нос не совал.

Явление на сцену «действующего лица» неплохого калибра, известного как «Глок-Миллениум», произвело на братьев совершенно неизгладимое впечатление. Однако реакция их при этом сильно различалась.

Тот, что наступал спереди, резко отступил за корпус «лендровера». Тот, что заходил сзади, наоборот, с боевым воплем ринулся на Шишела и с размаху рубанул его топором.

Сделал он это не подумав.

Беда его состояла в том, что Дмитрий, не успев полностью повернуться к нему, только и смог, что выставить перед собой запаску. Запаска была повышенной устойчивости. По крайней мере, для езды по Тракту. Изделие фирмы «Мишлен» согласно рекламным посулам выдерживало даже автоматную очередь. Похоже, что по какой-то неведомой причине реклама неожиданным образом не соврала. Покрышка запаски доблестно отразила яростный удар боевого топора точно в лоб нападавшему.

Хого (а может, и Фого — кто их разберет) на несколько секунд замер — уронив топор, выпрямившись и остолбенев. Так вот постоял секунд тридцать-сорок — пошатываясь и с великим удивлением глядя на что-то, видимое ему одному и находящееся в двух сантиметрах от его носа. Потом произнес, словно обращаясь к кому-то, пребывающему в его закадычных друзьях:

— Ладно... Ты победил... Меч твой...

И грянулся физиономией в дорожную грязь.

Шишел отбросил запаску и резко развернулся ко второму из братьев. Но того и след простыл. Семимильными прыжками разбойник удалялся по Трясинам, уже исчезая в зыбкой мгле, вечно царящей над зловонной, испещренной неровными кочками гладью. Палить ему вслед было бы глупейшим делом.

Только лягушек пугать, которых на Заразе, впрочем, сроду не видали. Огнедышащие драконы — другое дело.

Шишел наклонился над поверженным им Хого, а может быть, Фого, перевернул его и

проверил дыхание и пульс. Не было ни того ни другого. Ни дыхания, ни пульса. Пролом во лбу уже заполнила черная, дурная кровь. По уму, следовало бы вколоть пострадавшему какой-нибудь из стабилизаторов и быстренько доставить в реанимацию. Только на Заразе, где все не так, как у людей, стабилизатору, даже устаревшему и просроченному, неоткуда было взяться в походной аптечке Рыцаря Дорог.

Все это вовсе не радовало Дмитрия. Он даже за деньги не мог бы вспомнить, когда такие вещи радовали его. Никогда он на человеческую жизнь не покушался. И в самых острых ситуациях мокрухи избегал. А сейчас вот... И ведь тоже вроде как и не виноват, тем не менее хочешь не хочешь, а «жмурик» налицо.

«Хреново, — обрисовал положение вещей его внутренний демон. — Еще никогда на тебе мокрухи не числилось...»

Шишел и без него понимал, что дело дрянь. Надо было что-то срочно предпринять. Он вынул из кармана мобильник, но это средство связи молчало.

Шишел поднатужился, подхватил пострадавшего на руки и постарался определить его в кузов своего кара. При этом меч, притороченный за спиной у разбойника, порядком мешал ему. Пришлось снимать с бездвижного противника испачканную в запекшейся крови амуницию.

И вдруг, едва коснувшись руки Шишела, меч словно ожил. Какая-то не то теплая, не то, наоборот, обжигающе-ледяная волна прокатилась по пальцам, вверх по руке и... прямо куда-то в самую душу. Шишел нервно вздрогнул.

Первым его побуждением было отшвырнуть чертов клинок и перекреститься. Меч, похоже, был предметом Магии. А с такими предметами у Шишела были связаны главным образом не очень приятные воспоминания. Однако он моментально унял нервную дрожь и стал внимательно присматриваться к мечу. Он прекрасно знал, что здесь, в Закрытом Мире, так просто от этой чертовщины не избавиться. Как и не заполучить ее.

«Есть только четыре способа избавиться от этой штуки, — напомнил ему внутренний демон. — А точнее, пять. Честно, без умысла, потерять. Обменять на другую магическую хрень. Пасть в бою и тем самым отдать свой предмет Магии победителю. И, наконец, подарить от чистого сердца. Желая добра тому, кого одариваешь. Ну и — сам знаешь — можно еще в магические кости проиграть». Кстати сказать, последнему, пятому, способу и обязан был Шишел обладанием назойливым собеседником, в самый неподходящий момент подающим свои непрошенные реплики. Демон был его выигрышем.

Проиграть его или потерять Шишелу так до сих пор и не удалось. Проиграть — потому что играть в магические кости он больше не рисковал. Ну их к дьяволу. А потеряться демон не мог никоим образом, поскольку обитал в сознании своего хозяина, откуда имел наглость частенько напоминать о своем существовании, чем вызывал у последнего приступы злобы.

Шишел тяжело вздохнул и засунул меч в багажник — до кучи к разному инструменту, сваленному там. Опустил сиденье и пристроил бездыханного Хого-Фого в более-менее пристойной для пострадавшего позе.

И только теперь вспомнил про то, что на месте действия осталось еще одно действующее лицо. Снова, испустив тяжелый вздох, он подошел к раскуроченному автомобилю и осторожно носком ботинка потрогал одну из торчавших из-под кузова ног. Та судорожно дернулась и попыталась скрыться под кузовом. Но неудачно.

Это порадовало Шишела. Водила-горемыка, стало быть, скорее жив, чем мертв. Вид этих довольно коротких ног, одетых в широкие вельветовые брюки и обутых в узконосые

мокасины, показался ему знакомым. Он обошел машину и поглядел на ее номер. Потом, усмехнувшись, энергично подошел к продолжавшим нервно елозить по дорожной грязи нижним конечностям.

— Можете вылезать, мистер как вас там! — добродушно прогудел он. — Плохие парни убрались...

Никаких изменений в поведении видимой части водителя не произошло. Разве что елозить по месиву из глины и щебенки его ступни стали более энергично. Было непонятно: то ли он оглох, то ли считал холодные грязевые ванны исключительно полезными для своего здоровья. Шишел в очередной раз вздохнул, крикнул с досады и, ухватив бедолагу за щиколотки, выдернул его на свет божий.

Перепаханный твидовый пиджак, в который была упакована большая (и довольно упитанная) тушка страдальца, был совсем еще недавно пиджаком в клетку. И в области воротника и нагрудного кармашка таковым и оставался. На кармашек была пришпилена опознавательная карточка, извещавшая всякого, кто умеет читать, о том, как страдальца зовут в миру. Уши тот зажимал руками, а глаза продолжал держать плотно зажмуренными.

— Ну и долго ты будешь морочить мне голову?! — проревел Шишел, сдвинув одну из ладоней приятеля с его ушной раковины. — Так и собираешься переждать горе-злосчастье?

Страдалец повертел головой, поморгал и потряс немного щеками. Затем спросил:

— Э-это ты, Шишел? А где эти?..

— Это я. А «этих» вы долго не увидите, мистер Челлини.

Последнее (произнесенное тоном весьма ироничным) относилось к опознавательной карточке, пришпиленной к нагрудному карману твидового пиджака.

— Да, здесь я Челлини! — горделиво признал обладатель громкой фамилии. — При иммиграции разрешено менять свои имена. По-моему, звучит вполне пристойно — Челлини!

— Хорошо запоминается, — только и заметил Шишел и поинтересовался:

— Так как ты напоролся на этих братцев?

— Взрывать надо эти чертовы деревца к едрене-фене! — в сердцах крикнул приятель Шишела, кивая на дрянь-дерево. — Растут где не надо! Братцы с веток спрыгнули — чуть ли мне прямо не под колеса!

— А ты затормозил, — вздохнул Шишел. — Дальнейшее ясно.

— Я и понять ничего не успел! — тараща глаза-маслины, продолжил свою взволнованную речь поименованный мистер Челлини. — Выдернули из кабины, отметилили, колесо заставили снять и туда, под откос, скинуть... И потом приказали лежать под машиной. Будто я исправляю там что-то. Ну... Я делал, что приказывали... А куда они...

Он снова завертел головой.

— Один отправился по болотам скакать, — пожав плечами, пояснил Шишел. — А на второго, если соскучился, можешь посмотреть, он у меня в кабине отдыхает. А заодно, кстати, подскажешь, кто это был: Хого или Фого...

Челлини нехотя приблизился к машине Шаленого и осторожно заглянул в нее.

— По-моему, Фого это... — неуверенно промямлил он. — Чем это ты его?

— Так это не я... — развел руками Шишел. — Сам себя, козел, замочил... Со всей дури этой штукой, — он пнул оставшийся валяться на дороге боевой топор, — да вот по этой!.. — и пнул запаску. — Боюсь, что не откачают. Я его к сэру Стриту в Стриткасл отвезу. На предмет опознания, ну и, может, оказания помощи... Тебя туда не подбросить?

— Лучше не надо, — покачал головой Челлини. — Я — только что оттуда...

— У тебя дела с кем-то из людей Коннетабля? — дался диву Шишел.

— С самим! — гордо отвечивал Челлини. Он пожал плечами, давая понять, что изумлен и даже несколько обижен такой постановкой вопроса. — Видишь ли, через неделю Большой Размен. И проходить он будет в этом году как раз под эгидой Коннетабля Стрита. А я, к твоему сведению, меняла. Заезжал уладить организационные вопросы... А сейчас опаздываю на сделку в Саттервилль. И если ты поможешь мне с колесом...

— Возьмешь мое, — буркнул озадаченный Шишел. — Твое надо еще вытаскивать оттуда, — кивнул он в сторону крутого склона. — Я задержусь и займусь им... А ты, говоришь, опаздываешь...

Сопя и побрякивая, приятели принялись ставить запаску на место выбывшего из игры колеса.

— Да, меняются люди со временем, — заметил Шишел, подтягивая болт. — Надо же, ты — и занялся обменом магической дребедени. — Он выпрямился и пнул ногой колесо — больше в знак того, что дело сделано, чем для проверки его упругости. — И даже на Большой Размен допущен... — покачал он головой. — Значит, смыслить кое-что в этом стал... С Коннетаблями дела имеешь.

— Ну, вообще-то, я и другой бизнес держу... — торопливо признался Челлини, усаживаясь за руль. — Хотя вокруг Магии тоже неплохие денежки крутятся. Особенно в Семи Городах.

— Что же ты ко мне ни разу не зашел? — поинтересовался Шишел. — Как ручкой мне после посадки сделал, так и пропал, как сквозь землю провалился.

— Знаешь, — вздохнул Челлини, запуская движок, — сначала ты был лицо к Престолу приближенное... А это штука опасная... А потом вроде как лицо от Престола удаленное. Это тоже опасно. А потом уже и времени столько прошло, что мало ли что там у тебя... Сам же говоришь: люди меняются...

* * *

Действительно, приятель Шишела «по прошлой жизни» на сделку безбожно опаздывал. К тому же ему требовалось время на то, чтобы в ближайшей придорожной гостинице привести себя в порядок и переодеться. Нельзя же заниматься бизнесом в таком виде, словно ночевал в свинарнике!

Поэтому он пренебрег одной рутинной обязанностью, которую должен был исполнять регулярно в связи со своей деятельностью некоммерческого характера. (Занимался он и такой.)

Всего-то и надо было — проверить, не болтается ли в условленном месте определенный человек. Вот уже больше года таковой там не появлялся. Собственно, не появлялся вообще на памяти Челлини. Так что изрядно перенервничавший в это утро бизнесмен решил, что не грех будет разок и пропустить одну такую проверку.

Как назло, ожидаемый человек ожиданий не обманул и в одежде монаха Церкви Учителя именно в этот раз в условленном месте и объявился. Место было выбрано не без юмора. Монаху надлежало околачиваться на небольшой площади напротив дома, чей фронтон был украшен изваянием Проказника — теологической противоположности

Учителя, почитаемого его верой. Впрочем, изваяние стоило того, чтобы поглазеть на него минут десять. Было оно, конечно, не здешней работы и красовалось на доме задолго до того, как началась колонизация Заразы. В пору, когда герои пантеона Учителя еще не воплотились в канонические образы изобразительных искусств.

Такого Проказника монах видел впервые и поэтому рассматривал его с любопытством и интересом. Продав положенное время, он неприметно убыл в сторону шумной аллеи Гастингс, где из первого попавшегося по дороге автомата отправил электронное письмо в анонимный «почтовый ящик».

* * *

Дом, украшенный древним, вывезенным с одного из Старых Миров изваянием Проказника, вовсе не был храмом этого божества. По крайней мере, храмом в прямом смысле этого слова. Хотя, безусловно, здание это было посвящено именно ему. Ведь почти на всех своих изображениях Проказник если не творит свои не всегда добрые шутки, то занят игрой. Или — это почти каноническая для игорных домов версия — предлагает сыграть тем, кто задержится у священного изображения.

Так вот, перед Чоп-хаусом, известным больше как Дом Секача, на свой манер, вроде как по-турецки сидел худющий бронзовый оборвыш и с хитрой миной на голодной физиономии предлагал прохожим срезаться с ним в рассыпанные на игральном блюде магические кости. Время покрыло бронзу тонким слоем патины, но все равно Проказник был как живой. Многие поколения мальчишек и даже народ постарше пытались стащить весьма натурально исполненные кости, отчего те блестели, будто начищенные.

Бронзовый игрок был практически бесплатным зазывалой. Потому что в Доме Секача регулярно, пару раз в неделю, происходили самые крупные в Семи Городах турниры Игры в самые настоящие магические кости. Отнюдь не в их бронзовые подобию. Ее и называли Игрой с большой буквы, и никак иначе. Занятие это было крайне предосудительным — ввиду того что шутки с магией вечно влекут за собой неприятности для третьих лиц. Мы еще убедимся в этом. И над подобными турнирами, разумеется, тяготел запрет Магистрата.

Но если бы Магистрат хоть что-то мог поделать с Секачом, то в Семи Городах не было бы и духа Гарри Гордона, носившего эту кличку (и носившего ее не без гордости и не без оснований). Но дух сей в Городах был. Был и пропитывал, пожалуй, все области царства Запретного Бизнеса. От невинных кабаньих боев и «крышевания» в разной степени законного бизнеса до наркотрафика и контроля за торговлей органами для пересадки, «живым товаром» и оружием. Да всего и не перечесать. При этом, заметим, Гарри был еще не самой большой шишкой в криминальных кругах Семи Городов, хотя и входил если не в десятку, то уж наверняка в дюжину «нужных людей», державших на откупе здешний Магистрат и полицию.

Присутствовал в Семи Городах не только дух Секача, но и сам Секач — мужчина видный, всегда одетый с иголочки и уже начинающий стареть. Седина придавала ему даже некую респектабельность и легкий налет аристократизма. Правда, речь его носила обычно непарламентский характер и в хорошем обществе портила всю обедню.

Впрочем, в хорошем обществе Секача видели нечасто. Его фотогеничные, тщательно подстриженные усы ни разу не украсили экрана телевизора или страницы газет. И если ему

и взбрело в голову раскошелиться на журналюг, то только затем, чтобы снять упоминание о своей персоне из эфира или прессы. «Светиться» ему было совершенно незачем.

Вообще, если он покидал свою резиденцию, то исключительно по делам или отправляясь на охоту. Так что из посторонних в лицо его знали в основном только крупные браконьеры, с которыми он был дружен. Ну и, разумеется, его прекрасно знали коллекционеры предметов Магии. Преимущественно магических игральные кости. Секач держал одну из лучших в Городах коллекцию этих металлических, деревянных, из кости или керамики выполненных кубиков. Но истинной его страстью было магическое оружие. Мечи, кинжалы, зеркала-убийцы и всякое такое, чему и названий-то толковых придумано не было. Однако же, к глубокому сожалению Секача, его коллекция подобной смертоносной амуниции не могла пока что считаться одной из лучших в Семи Городах. И это буквально ранило ему душу.

* * *

Несмотря на личность хозяина, Чоп-хаус не являлся уж таким гнездом греха и вертепом, как следовало бы ожидать. Два верхних этажа были всего лишь прекрасно обставленной и ухоженной (хотя и по-холостяцки) квартирой самого Секача. Стены внутренних помещений были обшиты панелями дорогих сортов древесины. Комнаты насыщены лучшими образцами бытовой техники. Далеко не дешевые — произведения самых разных видов искусств были не без вкуса размещены по всему жилищу. В доме имелись плавательный бассейн, спортзал и оранжерея — одним словом, земной рай, куда допуск имел не всякий смертный.

Гнездо же греха, где бушевали порой адские страсти, естественно, располагалось в подвале. Занимало оно, однако, далеко не весь подземный этаж. За получение права присутствовать на сражении требовалось выложить кругленькую сумму, а это было не всякому гражданину Семи Городов по карману. Поэтому зал для игры в кости был сравнительно небольшим помещением.

Итак, только кости. Все остальные незаконные виды бизнеса не были допущены в стены Дома Секача. Исключение для магических костей Гарри Гордон сделал лишь потому, что сам умел в них сражаться. Это было предметом его гордости.

Секач часто играл с претендентом на победу в турнире заключительную партию и редко когда проигрывал. Тем, кто доставал его вопросами о причине такого везения, он любил отвечать сакраментальной сентенцией: «Любая азартная игра, парень, это только на треть случай. И это очень хреновая треть! На другую треть это еще соображаловка. И если ты в ней, в игре, не уверен, то твое место у параша, парень! А на главную треть (тут Секач вздымал к небу указательный перст, увенчанный наманикюренным и толстым, как броня танка, ногтем) — это, блин, знание людей!» К каждому турниру он готовился тщательно, не оставляя вниманием личность каждого из возможных противников. Вынюхивал его слабые и сильные стороны. Точно так же он готовился и к турниру, который должен был состояться в эту ночь.

Сегодня Секач поднялся ни свет ни заря и первым делом вызвал «к ноге» своего первого помощника.

— Ну?.. — сурово бросил Гарри, хмуро уставившись на занимавшего изрядную часть его нетесного, заметим, кабинета громилу.

Легко было подумать, что Секачу не понравилось что-то во внешнем виде Себастьяна Горнецки, прозванного Себастьяном Мочильщиком. Громила был, однако, несмотря на ранний час, чисто выбрит, наряжен в более чем приличный костюм — даже подобранный в тон к галстуку платочек торчал из нагрудного кармана — и попахивал дорогим одеколоном. Впрочем, немолодому уже уголовнику со стажем, облеченному особым доверием самого Секача, полагалось выглядеть респектабельно. Ну хотя бы чтобы соответствовать вкусам шефа. Несмотря на полную дебилность, означенную природой на упитанной физиономии, Мочильщик справлялся не только с выбиванием долгов с крысятничающих «богатеньких зверушек» Семи Городов, но и с ролью главы «внешней разведки» Секача.

Мрачный вид Гарри ничуть не взволновал Себастьяна. Секач редко когда выглядел иначе.

— Я провентилировал этого перца, — сообщил Себастьян, усаживаясь на дорогой кожаный диван. — Это действительно приемный сын Шинни. Но фамилия у него по родному отцу — Звонков. Так сказать, в память. Тот накрылся, когда парень еще мочился в пеленки и говорить не умел... Кстати, тогда же накрылась и жена Шинни. При том что Шинни и отец парня были друзья не разлей вода... Так что хоть он и неродной, но для Шинни ближе родного. Хотя прохиндеем растет. Полиция им уже интересовалась не по-детски...

Себастьян вытянул из кармана футляр с сигарой и принялся ее раскуривать. Подобные вольности в присутствии шефа были Мочильщику дозволены за большие заслуги перед этим самым шефом и верность ему.

— Откуда столько монет набрал, чтобы на турнир выставляться? — поинтересовался Секач. Себастьян усмехнулся.

— Их трое — таких вот прохиндеистых парнишек. И одна девчонка. Поняли, что дурачить народ всякими псевдолотерейками и толкать лохам паленый товар долго не получится, и решили рискнуть. Скинулись. Насколько я знаю, магия это допускает. Я имею в виду: если несколько владельцев магических монет доверят вести игру кому-то одному. В смысле — добровольно... Так что...

— Ясно... — буркнул Секач. — Это неплохо. А как насчет слухов, что в кости за парня играет сам Господь Бог?

— Вот тут плохо, — вздохнул Себастьян. — Похоже, что в этом что-то есть...

* * *

В этом действительно что-то было.

Все дело в том, что Гринни (Грегори, Григорий, Гришка) уже в свои двадцать лет не хуже, чем Секач, знал, что любая игра состоит из тех самых трех частей. Причем, несмотря на молодые годы, вторая часть (напомним — «соображаловка») проблем ему не создавала. А третья («знание людей») хорошо давалась ему по части интуитивного чувства партнеров и противников. Нет людей, которые полностью владели бы своими эмоциями. Даже если бы игроки садились за стол, нацепив маски — как это заведено у картежников Ауреллы, — Гринни по движениям пальцев, верчению на стульях, вздохам и кряхтению читал бы настроения и намерения игроков не хуже уличных вывесок. И прекрасно отличил бы игру от настоящих эмоций. Даже в игре по электронной почте люди умудряются выдавать себя. Ну

хотя бы теми ошибками, которые делают. Правда, за такую чуткость в обыденной жизни Гринни приходилось порой платить тяжелыми нервными срывами и периодами мрачайшей депрессии. И это было как раз его слабой стороной. Высокий, угловатый и худощавый, он был слишком нервен и неуравновешен. Зная за собой этот недостаток, как мог, гасил свои эмоции. Иногда — чересчур удачно, просто впадая в апатию. Если такое случалось в критические моменты, когда надо было принимать решение и действовать, то, увы, можно было сказать, что «дело — труба».

С везением (как вы помните, первой составной частью всякой азартной игры) у Гринни обстояло своеобразно. И хотя случались с ним невероятные неудачи, в целом с тех пор, как он взял в руки магические кости, везло ему невероятно. Микаэлла Кортни, поднаторевшая — даром что молодая — в делах магии, уверенно поставила ему диагноз. Согласно этому диагнозу, попади в руки Гринни нужный амулет — у него прорезался бы Дар управления случаем.

В общем, в задуманной четырьмя молодыми прохиндеями комбинации Гринни отводилась роль главной пробивной силы. Но — никак не руководителя. Руководителем проекта был Тимоти Стринг.

Из всей четверки ему одному удалось заняться бизнесом всерьез и даже заиметь свой офис. И магазинчик, который если и не давал сколько-нибудь приличного дохода, то, по крайней мере, служил неплохой «крышей» для бизнеса самого разного рода. Правда, бизнес, основанный на торговле «паленым» товаром, законным не назовешь, но и деловой жилки у Тимоти отнять было нельзя. Точно так же, как верности своим обязательствам и жесткости. Будучи лишь на пару лет старше Гринни, он вполне годился ему в отцы.

Сейчас, этим ранним утром, болтаясь между прилавками, уставленными самым неожиданным товаром, Гринни с тоской ждал, когда наконец Тимоти закончит торговаться с невероятно изворотливым вроде как макаронником Челлини, впарит тому нечто, чего днями хватились на складах «Грандисона», да так и не сыскали, и освободит время для настоящего дела. Это ж надо такому прохвосту такую фамилию присобачить. Хорошо, что звать этого толстененького живчика все-таки не Бенвенуто, а просто и скромно — Апостолос. Что сразу делало его из вроде как итальянца вроде как греком. Притом ни одна живая душа не дала бы руку на отсечение, что это настоящее, при рождении данное имя энергичного, частично лысоватого, частично кучерявого приземистого толстячка, любителя пиджаков в клетку и обладателя располагающей улыбки. Чтобы не ломать над этим голову, всяк, кто имел дело с упомянутым Апостолосом, остановился бы на погонялове Енот, что каким-то вневчувственным образом ассоциировалось с обликом не лишнего обаяния проныры.

— Так как? — с явным подозрением в голосе спрашивал Енот у Тимоти. — Есть гарантия или нет гарантии?

— Я что-нибудь говорил о гарантии? — холодно парировал тот неуместный вопрос.

Наблюдать за диалогом этой парочки было презабавно. Хотя бы уже потому, что Тимоти внешне был полной противоположностью Еноту. Он был бледен, как выцветшая моль, коротко стрижен и имел комплекцию хорошо препарированного скелета.

— Опломбированный фирменный ящик, — продолжил он, — прямо со склада. И ноль документов.

— Но там полный комплект? — с надеждой в голосе продолжал настаивать на своем праве не покупать кота в мешке однофамилец титана Возрождения.

— На ящике все написано: корректор наводки, регулятор поля... И все такое.

Инерционный стабилизатор — в комплекте отдельной поставки... Все предельно ясно.

Услышав что-то про корректор наводки и инерционный стабилизатор, Гринни подумал, что в ящике вполне может оказаться, скажем, какая-нибудь самонаводящаяся ракета. Он прислонился спиной к стеллажам и продолжил без особого интереса слушать вполне бессмысленный диалог.

— Может быть, документация там, внутри? — без особого энтузиазма предположил Енот.

Его колебания относительно решения приобрести обсуждаемый товар становились все более заметны.

— Может быть, — пожал плечами Тимоти. — А может быть, кирпичи и битое стекло. Я честно тебе объяснил, откуда вещь пришла. Мы оба всегда рискуем. И не одной только «капустой».

— Я заплачу за товар, только если ты вскрыешь упаковку и я смогу посмотреть, что там.

— Хорошо, — согласился Тимоти. — Но только в том случае, если ты товар берешь. Гони деньги и заглядывай в ящик.

— А если там будет туфта? Тогда давай договоримся: ты возвращаешь баксы назад.

— Туфта — это что? — парировал Тимоти. — Это когда ты просто не хочешь выполнять уговор? Или когда это мусор в буквальном смысле?

— Туфта — это туфта, — с досадой произнес Енот. — Хватит тянуть резину.

Тимоти устало вздохнул и, кивнув в сторону внутренних дверей заведения, быстрым шагом двинулся к себе.

Офис Тимоти, честно говоря, более всего походил на склад, где среди высящихся пирамид разнокалиберных пакетов и ящичков каким-то непостижимым образом затесался довольно убогий канцелярский стол.

Вот на него-то, слегка поднатужившись, и водрузил хозяин кабинета довольно внушительных размеров ящик. Гринни проявил интерес к товару. Он наклонился и, склонив голову набок, выяснил, что Тимоти впаривает Еноту какую-то «Ангроглиссаду». Гадать о предназначении сей штуковины ему было лень, и он принялся рассматривать остальные коробки и вообще весь хлам, заполнявший офис. За его спиной некоторое время слышалось шуршание и скрип. Потом наступила тишина.

Наконец Тимоти спросил:

— Ну, ты доволен?

Челлини некоторое время молчал, посапывая, и только потом ответил вопросом на вопрос:

— А оно то самое, что надо? Похоже на трансформер... Знаешь, такой, для детей... Только очень большой...

— А ты что? Не знаешь, как должно выглядеть то, что покупаешь?

— Я ж на продажу покупаю! — возмутился Енот. — Я даже не знаю, зачем эта штука нужна.

Последовала пауза.

— Знаешь, я тоже, — с ядом в голосе сообщил ему Тимоти. — Мне такие знания без пользы... Ты мне заказал товар, я нашел...

«Ну дают! — подумал Гринни. — Когда-нибудь Тим доторгуется — этак вот...»

— Ты платишь? — уже с раздражением осведомился Тимоти у Челлини. — Или ты затем пришел, чтобы просто так глаза на эту штуку таращить? Типа того, что у меня

свободного времени до хрена?

— Ну знаешь, — уныло прогундел Енот, — двести «орликов» за незнамо что — это перебор получается. Сбрось половину. Или накинь чего в придачу...

Тимоти без лишних слов прихватил с полки небольшую приятного вида коробочку и кинул ее Еноту. Тот поймал и повертел приборчик перед носом.

— Шифратор к «мобиле»?

— Угу. И дешифратор тоже, — подтвердил Тимоти. — Причем без прямого подключения. Достаточно настроить и таскать в кармане. Полицейские дешифраторы отдыхают...

— Так ведь нужна парная... Для того, с кем... — закапризничал Енот.

— Вот «того, с кем» и присылай ко мне, — жестко оборвал его Тимоти. — Продам со скидкой.

Енот разочарованно повертел дешифратор перед носом и сунул в карман.

— И это всё? — спросил он разочарованно.

— Нет! — окрысился Тимоти. — У меня тут еще шапка Мономаха где-то завалилась! Прямой доставкой из Метрополии. Не помню только, из Кремля иль из Эрмитажа!.. — Он решительно задвинул крышку ящика. — Знаешь, я раздумал вещь продавать. Она мне самому пригодится. Витрину украшать.

— Ладно, не кипятись, — вздохнул Енот и с удрученным сопением полез за бумажником. В бумажнике, судя по его виду, мог уместиться валютный запас какого-нибудь не особенно большого государства.

Еще некоторое время Гринни наблюдал, как Енот пытался расплатиться с Тимоти кредитными карточками банка Магистратуры, затем заплатил-таки «орликами», ухватился за ящик с «Ангроглиссадой» и с кряхтением поволок его на задний двор, к своему кару.

Тимоти, не говоря худого слова, отпер свой сейф, бросил на верхнюю полку до кучи пару сотенных, полученных от Челлини, а с нижней достал кожаный кисет и положил его на стол.

— Мои три, — сухо сказал он. — Первую сам нашел. Еще там. В Простом Мире... Остальные две на всякую всячину выменял. Которую с Джея еще в багаже притащили. Больше магии у меня не осталось. Не подведешь?

Гринни ответил ему только взглядом. Тим понимающе кивнул, развязал кисет и вытряхнул три тяжелые, из тускло поблескивающих сплавов монеты на тисненую крышку кожаного бювара — единственного предмета роскоши, украшавшего его основательно захламленный стол. Гринни полез в карман и молча выложил рядом свою тройку магических монет. Когда-то, в день совершеннолетия, его приемный отец Шеннон О'Нейл вручил ему оставшуюся от погибшего отца мелкую магическую монетку «твинк», приносящую добрые сны. Ее Гринни давно проиграл. Но в ту пору, когда она еще была его монеткой и давала право участвовать в играх любителей, успел выиграть пару других, котирующихся куда как выше. Правда, так же как и все игроки, он никогда не использовал их силу. Это означало бы, по всеобщему мнению, верный сглаз и неудачу в игре. Третью монету, а с ней и право участвовать в «настоящих» турнирах он выиграл только недавно. Собственно, это и дало толчок их затее.

Некоторое время они любовались красотой неброской чеканки, таинственным блеском неведомых металлов, из которых были сработаны эти увесистые диски и многоугольники (может, они были и не монетами вовсе?). Потом Тимоти решительным движением сгреб все

шесть монет в кисет, затянул его потуже и упрятал во внутренний карман.

— К Сянчику или к Мике теперь? — осведомился Гринни.

— Мика просила раньше полудня к ней не появляться, — пожал плечами Тим. — Так что к Сяну как раз успеваем.

* * *

Из всех четырех приятелей Сян Ли был единственным, кто жил в полнейшей гармонии и дружбе с Законом. Хотя Закон на территории Семи Городов был настолько запутан и стретен, что это казалось совершенно невозможным. Сян, как и многие поколения его предков — выходцев с берегов желтых рек, был поваром и на паях с двумя братьями (старшим и младшим) содержал ресторанчик на довольно респектабельном отрезке Мэйн-стрит. Ресторанчик, правда, предстояло выкупать у давшего под него кредит банка еще долгие и долгие годы.

Репутацией заведения Сян чрезвычайно гордился и вошедших с черного хода Гринни и Тима не пустил даже на порог блещущей чистотой и чудесами современной техники кухни. Разговор состоялся в кабинете Сяна, размерами не превышающем аварийную капсулу патрульного орбитера. Громоздящийся в углу этой каморки сейф всегда напоминал Гринни неразрешимую задачу о том, как больший предмет можно поместить внутри меньшего.

Впрочем, беспокоил его не давно привычный слоноподобный несгораемый шкаф.

Гринни впервые увидел на круглой, как полная луна, физиономии Сяна тень тревоги и сосредоточенность игрока.

Обычно физиономии этой было свойственно выражение благодной радости от созерцания собеседника или счастья от возможности обслужить долгожданного клиента. А иногда — в компании с друзьями — просто дурашливого веселья. Суровый Сян — это было дурное предзнаменование.

Три его монеты не были, собственно, его монетами. Сян никогда не играл в магические кости или другие подобные игры, в которых такие монеты посчастливилось бы выиграть. Среди предков его не было ни одного, кто был бы связан с Магией — даже простых гадалщиков. Так что и наследство, полученное им и братьями, ничего магического, на что можно было бы выменять такие монеты, не содержало. Нет... Сян представлял в четверке китайскую общину, в которой нашлось трое обладателей магических монет, пожелавших удвоить их количество в своих заветных кошельках. Уговорить на эту роль именно Сяна (а уговорить его было совсем нелегко) их подвигло то, что в лучших друзьях Сяна ходил Гринни.

Когда-то в другой жизни — во время перелета из Мира Малой колонии в Закрытый Мир — их родители жили в недрах корабля бок о бок. Приемный отец Гришки Звонкова и родной Сяна сдружились на почве одинаковых интересов. Шеннон собирался открыть на Заразе свой бар (он его и открыл впоследствии), а отец Сяна — свой ресторан (но в этом преуспели уже только его сыновья). Сошлись и их совсем малые тогда отпрыски — но не столько интересами, сколько их различиями. Их достоинства и недостатки дополняли друг друга, словно зубья сдвинутых вместе расчесок.

Вечно встревоженный и нервный Гринни то и дело подзуживал (иногда не без успеха) уравновешенного и добродушно-беспечного Сяна на разного рода проделки. А тот, в свою

очередь, всячески наставлял Гринни на путь истинный и вечно учил, в чем состоит жизненное предназначение достойного сына своих родителей. С тех пор и по нынешнее время он чувствовал себя ответственным за похождения своего приятеля. Кем-то вроде его старшего брата. Принимая во внимание то, что Сян был года на два младше Гринни и, как и все потомки выходцев с берегов Хуанхэ, выглядел к тому же моложе своих европеоидных сверстников, такое распределение ролей среди них двоих забавляло всех, кто их знал достаточно хорошо. Тем не менее каждый из них был чем-то жизненно необходим для другого.

Вот и сейчас, поглядев на Гринни, Сян покачал головой и заметил, что в день турнира тому надо было бы получше выспаться и не налегать с утра ни на спиртное, ни на кофе, ни на...

— Тебе что-то мерещится, Сянчик, — остановил его Тимоти. — Я за Гринни присматриваю и отвечаю. Как-никак мы в него вкладываем по полной.

— Меня мешки под глазами у него беспокоят, — озабоченно вздохнул Сян и полез в сейф за своим вкладом в игру.

— Так... Типа бессонница... — вялым голосом объяснил Гринни. — Так, на ночь припоминал все, что про Секача говорят. А такие воспоминания, знаешь ли, как-то сна не навевают. Опять же снотворного никогда не пью. А тем более перед хорошей игрой... Так что слегка дурной теперь. Ну ничего. Днем часика четыре поспать успею.

— Это верно, — одобрил его слова Сян, уже наполовину скрывшийся в недрах несгораемого шкафа. — Перед игрой поспать — святое дело. Говорят, изредка везучим сам Киш-ар-Беш в таком сне приходит. Побеседовать. И если его верно понять...

— Не учи ты его, — остановил поток речи китайца хмурый сегодня Тимоти. — Гринни знает, что ему делать перед игрой. А про Киша он тебе самому все сплетни рассказать может, так что не учи дедушку кашлять...

Он был прав. Хотя Киш-ар-Беш и не посещал Гринни в снах, его ум впитал с детства столько рассказней и легенд о Непобедимом Боге Игр, что не принимать его всерьез (а так принято относиться к Пестрой Вере и ее богам по всему Обитаемому Космосу) он просто не мог. И никогда не забывал благодарить того после удачной игры маленьким жертвоприношением. Когда купюрой в пять «орликов», сжигаемой перед изваянием Киша, а когда свечкой, затепленной в часовенке Пестрой Веры.

Но у Сяна в уголке его офиса-каморки пропитанная благовониями свечка теплилась перед янтарным, похожим на нэцкэ изваянием другого, тоже вполне заслуживающего уважения бога — изваянием Наири-о-Наори — Доверчивого Бога Надежд.

Решение они приняли уже давно и всерьез. Меняя одни магические игрушки на другие, не сделать ни денег, ни удачи. Приводить в действие магическую мелочовку вроде отдельных монет — себе дороже. И магию транжирить, и только душу себе травить. Для того чтобы счастье действительно улыбнулось тебе, надо завладеть большой массой Магии. Или огромным количеством мелочовки, или чем-то одним, но стоящим. Дары, находки, обмен и поединки для достижения такой цели — путь долгий, ненадежный и порой смертельно опасный. Только одно может привести к цели — победа в Игре!

Правда, завладеть сильной Магией — значит превратиться в мага самому, а в этом есть что-то жуткое. Но каждый делает свой выбор. И Тим, Гринни, Сян и Микаэлла его сделали.

— И чего мы монеты наши под замком храним? — уныло спросил Гринни, наблюдая за копошением Сяна в недрах сейфа. — Просто рефлекс какой-то...

Вопрос он адресовал не кому-то из друзей персонально, а так — в пространство.

— Ведь каждый дурак знает, что магический предмет спереть — только приключения на свой зад поймать...

Действительно, уж где-где, а в Закрытом Море и стар и млад сызмальства знали, что предметы Магии можно заполучить лишь пятью, и только пятью способами: найти, поменять на другой магический атрибут, выиграть, унаследовать у предков или у насмерть поверженного в честном бою противника. Купля-продажа, воровство или ограбление могли привести к весьма бедственным для приобретателя последствиям. В лучшем случае — к потере предметом магической силы.

— Что под замком держишь — того не потеряешь! — поучительно провозгласил Сян, появляясь на свет божий с шелковым, расшитым лепестками лотоса сверточком в руках.

Мелодично позвякивающий сверток был помещен в центр очищенного от посторонних предметов столика и с величайшим уважением развернут. Глазам друзей предстали еще три вполне подлинные — это было видно как-то само по себе — магические монеты.

Конечно, в китайской общине не принято «кидать» своих тем более в делах, связанных с магией. Но береженого бог бережет. Гринни подержал по очереди монеты в ладонях. Закрыв глаза, впитал нечто, исходявшее от каждой из них, снова разложил на платке и молча кивнул — «порядок!».

Как водится, тут же, в самый неподходящий момент, за дверью кабинета послышался шум: возбужденное лопотание младшего брата Сяна, возмущенные восклицания, издаваемые кем-то весьма знакомым всем трем друзьям. Дверь отворилась, и в кабинет колом вкатился разъяренный обладатель клетчатого пиджака, импозантной лысины и живописных остатков кучерявой шевелюры, а именно Апостолос Челлини, известный в мире как Енот. Каким чудом в комнатухе уместился четвертый представитель рода людского, объяснить трудно.

Сян молниеносно свернул платок и накрыл его каталогом «Сабатье».

— Тимоти! — сверкнув глазами, произнес Енот. — Я расторгаю сделку! Ты впарил мне невообразимое дерьмо!

Он швырнул на стол дешифратор, который совсем недавно фигурировал как «приз от фирмы» при купле-продаже таинственной «Ангроглиссады».

— Как ты меня тут отыскал? — холодно поинтересовался Тимоти, беря аппаратик и рассматривая его со всех сторон, словно неведомое насекомое. — Что-нибудь не так?

— Не пудри мне мозги! — возмутился Челлини. — Тебя найти сейчас, как говорят на Террамото, легче, чем найти блоху на кобеле сторожа городской помойки! Все Семь Городов знают, что вы, четверо корешей, скинулись монетками под сегодняшний турнир в Чоп-хаусе! Народ бурлит, пари заключает, делает ставки, а ты думаешь, что сидишь, как Мальчик с пальчик под чертовой шапкой-невидимкой! Любому, кто о ваших делах хоть чуть-чуть наслышан, ясно как божий день при хорошей метеосводке, что вы все кучкуетесь у кого-то из вашей четверки! Но у тебя тебя нет, у Гринни тоже. Элли сидит одна и грызет ногти... Это, кстати, очень плохая привычка для девушки ее лет — грызть ногти... И...

— Енот! — остановил его словоизлияния Тимоти. — Кто кому тут пудрит мозги? Если бы ты научился произносить раз этак в десять меньше слов в минуту, ты бы сильно вырос в глазах общества. И люди бы к тебе потянулись... Говори по делу, что не так с вещью?

— Знаешь, Тим, — снова вскипел Челлини. — Нормальному человеку мне проще объяснить, что с вещью «так»! Ее можно включить и выключить — и это самое лучшее, на что она способна! Еще она может работать на прием. Но только на одном канале. Переключить ее никак не можно!

— Стоп-стоп-стоп! — снова притормозил его Тимоти. — Как так «никак не можно»? Парный дешифратор у кого? Ты что — успел уже прикупить такой?

— Да нет! — отмахнулся Енот. — Я такую фигню и не думал покупать. Я просто включил — посмотреть, что будет. А фигня вдруг начала болтать. Отвратительный, между прочим, разговор пришлось выслушать бедному Апостолосу Челлини по твоей вине! Вот послушай!

— У меня труба с этой штукой не согласована, — пожал плечами Тимоти. — И вообще...

— А там внутренний динамик есть, — уведомил его Енот. Тимоти ткнул в клавишу. Каморку наполнило противное потрескивание. Тимоти пожал плечами.

— Нажми «Воспроизведение предыдущего разговора», — подсказал Енот, подпрыгивая от желания предъявить доказательства дерьмоподобия подсунутого ему товара.

Тимоти нажал.

«...Говорил! — прозвучал в динамике хрипловатый низкий голос. — Всегда говорил, что если ты не будешь халтурить, Макс, то все у тебя будет не хуже, чем сейчас. Больше порошка тебе сейчас ни к чему... (Послышалось протестующее кудахтанье, издаваемое на другом конце канала Очевидно, Максом.) Говорю: это тебе же на пользу. Окучивай этих своих зоологов, не халтурь и не петушись. Как принесешь что-нибудь в таком роде, как сегодня, дозу увеличу. Если, конечно, не попытаешься нас обштопать. Знаешь, что бывает за такие вещи?»

Голос с противоположного конца канала заверил, что знает. И попытался вставить что-то еще, но его собеседник, не давая себе труда выслушивать вздорное блекотание, уже отключился от линии.

— Явно антиобщественные элементы сидят на том канале! — констатировал Енот. — Не дай бог, узнают, что какой-то Челлини прослушивает их разговорчики! Очень милую свинью ты мне подложил, Тим! И как я ни корячился, чтоб с этого канала убраться, — ни черта!

— Так, а ты инструкцию читал? — поинтересовался Гринни. — Там должен быть файл с инструкцией... Может...

— А мне плевать, что там понаписано, в этой инструкции! — снова вскипел Енот. Если я включаю штуку, которая должна защищать разговор от прослушивания, и тут же впираюсь в чей-то — не для чужих ушей — разговор, то на кой она мне сдалась, хрень эта? Сделку аннулирую — и точка!

— Резонно, — согласился Тимоти и бросил дешифратор на стол. — Только...

— Слушай, Тим! — пришел на помощь другу Сян. — Пусть Енот у меня отобедает от пуза. В разумных пределах... И сочтем это компенсацией. А мы с тобой, — кивнул он Тимоти, — потом сочтемся...

Мысль о халявном обеде в неплохом китайском ресторанчике явно показалась Челлини

привлекательной. Но так просто сдаваться было не в его привычках.

— Да мне теперь и сам товар тот на фиг не нужен! — возмущенно воскликнул он. — Куда я это счастье дену?

— Это почему же так? — вскинулся Тимоти. — Только-только знал, куда девать. И вот уже не знаешь? Как это?

— А так, что покупателя моего в Высокий дом взяли. Люди Байера. Так что мне этот трансформер ни к чему! — фыркнул Енот.

— Люди Байера? — поразился Сян. — Ну ты попал, Енот! Это не Родни Паркера случайно?

— А ты уже знаешь? — огорченно воздел брови Челлини.

— Еще с утра, — пожал плечами Сян. — О таких вещах сразу узнают все Семь Городов — когда люди Байера берутся за дело, то...

Он выразительно скривил губы.

Орден «Своих», возглавляемый преславным Лео Байером — Страшным Коннетаблем, поставил своей задачей пресекать всяческие тайные проникновения Иного Разума в Закрытый Мир. То есть, по общему мнению, занимался охотой на ведьм. Никакой Магистрат Байеру со товарищи был не указ И хоть жертвы Ордена насчитывались единицами, вцепившись в какую-нибудь из них, Орден не ослаблял хватки и последствия для жертвы и для выявленных сообщников бывали самыми мрачными.

— Ну и что, что «люди Байера»? Да хоть черт с дьяволом! — высказался по существу дела Тимоти. — Я не то что на товар, я и на то, что с твоим покупателем ни черта не случится, гарантии не давал. Рыбка задом не плывет! Твой был риск — твои и проблемы. Или на халяву харчишься у Сяна, или — ариведерчи!

Теперь уже Енот вынужден был признать правоту оппонента.

— Но я пообедаю на пару! — сообщил он. — Скорее всего, завтра, около трех.

— Ладно, — махнул рукой Сян. — Приводите свою подругу, мистер Челлини. Будем вам рады...

— Отлично, — принял условия капитуляции Енот и уже в дверях обернулся, чтобы добавить: — Но, скорее всего, со мною будет не дама, а... э-э... деловой партнер. И старый друг молодости.

— Это уже трое, выходит! — возмутился было Сян. — А тетушку Сарру с внучатами ты ко мне не приведешь на дармовщинку?

— Я имел в виду одного и того же человека! — с достоинством пояснил Енот и убыл, оставив после себя аромат дешевого одеколona и чувство всеобщего облегчения.

* * *

— Уфф!! Запарил! — бросил Тимоти. — Спасибо, что выручил, Сянчик! За мной не станет. Только учти: у нашего Енотика неплохой аппетит. И, думаю, приятеля он приведет тоже не дистрофика... Хорошо еще, если тот будет не любитель станцевать на столе, покрушить мебель и пострелять в потолок... И по сторонам тоже...

Взяв снова дешифратор, он огляделся, словно ища урну для мусора.

— Чувствую, эту хрень мне не сбить с рук до конца дней моих! Вроде партия была небракованная... Но ничего не поделаешь. Сперва полдюжины штук неведомо для кого

прикупил Чувырла... Ты, кстати, его прелестный голосок в записи слушал.

— Чувырла? Макс Чумацки? — уточнил Гринни. — Этот ушлепок дорогую технику дюжинами покупает? Смешно.

Тимоти поморщился при каком-то воспоминании.

— Не для себя, ясен пень, берет. Для кого-то, Гринни, для кого-то... И то делает это по-уродски. Как и все, что он делает... На второй день приволок этот аппарат обратно и стал талдычить, что машинка не пашет. Я тогда подумал, что он просто в инструкции не разобрался. Но для понту тут же заменил ему аппарат и еще раз показал, что да как... А этот так без дела на полке и валялся, пока Енота ко мне не принесло. А теперь вот, гляжу, действительно: канал убрать иль заменить не получается. Придется в утиль отправить. Здесь кто такую вещь починит? А все равно досада берет, когда подумаешь, что там какой-нибудь вшивенький контакт отвалился... Но кто ж знает, что там Чувырла своими кривыми граблями понаворотил?..

— Слушай, — предложил Сян. — А может, сначала Мике вещь покажем? Раз уж к ней сейчас намылились. А что? У нее руки из нужного места растут... И разбирается во всем, что к магии относится. А к магии относится всё.

Тимоти скептически скосился на него.

— Если сама не сдюжит, — подкрепил свои слова Сян, — так кого-нибудь присоветует. Здесь, в Семи Городах, все, кто хоть на что-то путное способен, друг друга знают... А так тебе вдобавок и парный аппарат не продать.

— Ты иногда путные вещи советуешь, — признал Тимоти, сунул дешифратор в карман и кивнул приятелям, приглашая двигаться за собой.

— Я здесь останусь, — покачал головой Сян. — Сейчас клиент волной пойдет: обеденный перерыв в офисах. Все столики расписаны. Я после шести дела Вану сдаю...

Гринни понимающе кивнул.

— Ну вот, к двадцати ноль-ноль и подтягивайся ко мне или лучше сразу к тому пабу у Чоп-хауса... «Топор и плаха», одним словом...

— Ребята, вы забыли монеты, — напомнил развернувшимся к выходу друзьям Сян.

* * *

Мастерская Микаэллы Кортни (Мики — для друзей, Элли — для прочих) располагалась на «ничейной территории» — в ложине, разделявшей Грибные Места и Светлые холмы — земли весьма респектабельной застройки. В ложине же сейчас активно строились гаражи и ангары, за один из которых и можно было принять место работы и обитания Микаэллы.

Друзей своих она дожидалась, коротая время в рассматривании старых открыток, погруженная в воспоминания о родном мире. Терранова, бесспорно, была куда более богатым и цивилизованным миром, чем Зараза. Тут нельзя было и слова возразить. Но тоска по открыточно-синим небесам, по словно рекламными, дизайнерами вырисованным снежным горам и лазурным заливам была у Микаэллы замешена совсем не на сожалении о том, что она предпочла голодный и бурлящий мир сытому и застывшему.

Она — в который уже раз — пыталась проанализировать это чувство чего-то совершенного и непоправимого уже... Но ей вовсе не хотелось вернуться в покинутый ею мир. Да, она тосковала по нему, этому миру, тоской волка, воющего на луну. Но меньше

всего ей нужен был обратный билет туда — к пляжам в лазурных лагунах и фуникулерам, уносящим состоятельных любителей гор в их стихию.

Тимоти не пришлось окликать свою давнюю по меркам слишком молодого Закрытого Мира подругу. Та всегда была созданием очень чутким к присутствию любых других живых существ. А уж костлявого и энергичного Тимоти чуяла за версту. Тем более что тот означил свое с Гринни появление в ее мастерской порядочным грохотом и скрежетом. Полутьма в сочетании с металлическими листами, набросанными под ногами, тому очень способствовала. Тем более дополненная обилием всякого хлама и инструментария, расположенного в самых неподходящих с точки зрения здравого смысла местах.

— Ну вот...

Микаэлла поднялась из-за стола (точнее, странного гибрида письменного стола с верстаком и токарным станком, смахнула открытки в ящик. Ящик со скрипом и дребезжанием задвинула, а на месте открыток на столе оказался небольшой шелковый сверток. Развернув его, девушка аккуратно, в ряд расположила на расшитом неброским узором шелке три почти одинаковые магические монетки. Тим и Гринни молча стояли вокруг стола. Тим понимающе цокнул языком.

Несмотря на небольшой размер, монетки были из тех, что котируются довольно высоко. Микаэлла глянула на него с какой-то жалостью — как старшая сестра на младшего брата. Хотя старше Тимоти она уж никак не выглядела.

— Вот эту... — Она двинула одну из монет. — Эту надо проиграть. Где-нибудь к концу матча. Чтобы она недолго маячила на столе.

— Почему, Мика? — поинтересовался Гринни.

— Она кривая, — пояснила Микаэлла.

— То есть фальшивая? — уточнил Тимоти. Его невообразимо тощая физиономия изобразила недоумение. Тоже невообразимое.

— Я сказала — кривая, — зло уточнила мастер околوماгических ремесел. — Она магическим действием обладает. Но тоже кривым. Ею лучше владеть, но не пользоваться.

Тимоти подхватил монету со стола и покрутил ее у себя перед глазами.

— И откуда у тебя эта прелесть?

— Я ее сама сделала, — пожала плечами Микаэлла. Воцарилась тишина.

— То есть денежка все-таки поддельная, — скорее заключил, чем спросил Тимоти. — Но с магическими какими-то свойствами. Неприятными, как я полагаю.

— Если монета обладает какими-то магическими свойствами, то это настоящая магическая монета! — чеканя слова, произнесла Микаэлла. — А она обладает. Ее демон честно выполнил те две просьбы, которые смог. Но взял с меня слишком большую плату. Но теперь мы с ним в расчете. Пусть уходит к тому, кто хочет заключать сделки с дьяволом.

— Как так?.. — почесал в затылке Гринни. — Ты что, знаешь технологию изготовления магических штук?

— Нет, — покачала головой Микаэлла. — Это происходит случайно. И очень редко. Когда делаешь копию на уровне молекулярного или даже понуклонного копирования. Как вы знаете, практически это не удастся. Это правда. Но... не вся правда.

Она забрала монету из рук Тимоти и бросила ее к остальным.

— В одном случае из тысячи, нет, из миллиона такая копия начинает работать, — пояснила она. — Но работает обязательно неправильно. Словно назло! Удачей это не назовешь. Вот я и скопировала одну очень перспективную монетку себе на голову. Знала же,

дура, чем это грозит. Самонадеянная была. Глупая совсем. За две моих просьбы, что были выполнены, мне пришлось выполнять приказы демона монеты все эти годы. Под страхом Превращения.

— А о чем же ты допросилась черта, Мика? — с флегматичным видом поинтересовался Тимоти.

— Мастерство и молодость, — сухо ответила Микаэлла. — И не спрашивайте, что приказывал мне демон. У меня в памяти это стерто. Или доступ к этим воспоминаниям закодирован. И не дай мне бог узнать код. А то, что сохранилось, настолько дико и нелогично, что это только для дурдома.

Мастерство Микаэллы как специалиста по «предметам Магии» было и впрямь необыкновенное. И смотрелась она, пожалуй, не на «-дцать», а на «-надцать». Гринни впервые задумался над тем, что, по слухам, Мика еще до начала колонизации Закрытого Мира знала Шишела Друга Престола. И знала чисто в деловом плане. Выполнила для него какой-то головоломный заказ. За что и была взята в Закрытый Мир. И, похоже, это не было блефом.

— А это хорошо будет — подбросить такую бомбочку кому-то, кто заграбастает «малый куш»? — с сомнением спросил Гринни.

— Среди игроков нет таких идиотов и идиоток, какой была я, — отмахнулась от его слов Микаэлла. — Они выигрывают всю эту мелочь не для того, чтобы ею по назначению пользоваться, а чтобы обменять потом на что-то крупное. Как вот вы задумали. И уж тогда, когда получают на руки что-то путное, посоветовавшись с магами, пускают вещь в дело. А у Секача — а он-то «малый куш» и возьмет, в обиду не останется — монетка эта в сейфе проваляется до невесть каких времен. В общем, берете вы меня в свою компанию или нет?

— Берем, — нестройным, но вполне уверенным хором ответили Тимоти и Гринни.

Отступать было поздно. Решение они приняли, как было сказано выше, уже давно и всерьез.

* * *

Сказать, что дом 33 по Ботанической ничем не отличался от других, достаточно трудно. Потому что на относительно короткой Ботанической не было ни одного похожего дома. Единственное, что придавало этим сооружениям толику сходства, так это одинаковая обшарпанность и запущенность. Обшарпанность и запущенность, правда еще только начинающиеся, но уже подающие надежды. Точнее — питающие безнадежность. В общем, правильнее было бы сказать, что тридцать третий дом ничем не выделялся на фоне утомительного, поношенного разнообразия здешней архитектуры.

Скрытое глазу различие состояло в том, что фасад тридцать третьего дома был много уже основного корпуса, потеснившего на заднем плане соседей. В плане дом выглядел тупым, широким клином.

Второе отличие состояло в том, что в доме 33 по Ботанической разводили драконов.

Собственно, совсем маленьких дракончиков. Не больше крупного геккона каждый. Вырасти в смертельно опасных огнедышащих тварей крошкам предстояло на пустынных полигонах далеких горных плато, а на аукционах, проходивших пару раз в год, обученных и тренированных, их за бешеные деньги приобретал объявленный вне закона Орден Разбойных

рыцарей. Секретные силы Армии самообороны тоже не прочь были приобрести этих злобных тварей — в количестве, потребном противостоять драконьим соединениям Разбойных рыцарей. Авиация и зенитная артиллерия пока что были против них малоэффективны.

Здесь же, на Ботанической, в одном из тайных инкубаторов столь перспективные крошки лишь вылуплялись из яиц, которые сюда заботливо и всегда вовремя доставляли из других мест.

Ясно, что и занятия немногочисленных обитателей дома 33 были сугубо конспиративны. Орден Дракоборцев и еще три Ордена, поставившие своей целью очистить Заразу от драконьей нечисти, разоряли, уничтожали, выжигали каленым железом драконьи фермы, школы и инкубаторы. Но никому из рыцарей этих преславных Орденов пока не пришло в голову, что один такой, правда не самый большой, инкубатор расположен всего в получасе неспешной ходьбы от замка Магистратуры, где заседали представители всех Орденов, не враждующих с Законом.

Сегодня, в тот час, когда четверо друзей готовились — каждый на свой манер — к решающему для них турниру, все остальные участники предстоящих событий были заняты кто чем. Секач обсуждал свои планы с Себастьяном Мочильщиком. Шишел стучал в ворота Стриткасла. Енот имел проблемы с трансформером «Ангроглиссадой». А в сухом и обжигающем воздухе камеры инкубатора под лучами почти инфракрасного, тускло мерцающего света мудреных ламп над искусственной кладкой драконьих яиц задумчиво стояли двое.

— Уже на подходе, — сказал блаженного вида, слегка женоподобный блондин — из тех, что за рост получают у русских прозвища «колокольня», «верста коломенская» и тому подобные. — Этот выводок получше будет, чем прошлые разы... Продукт — класс! Это я тебе, Швед, говорю как специалист. Не стоило фьючерс заключать. Прогодали мы сильно...

— Удивляюсь, Мутти, — отозвался Швед, — как у тебя еще крыша вконец не потекла от «грезника». Кое-что соображаешь все-таки. Ты у нас единственный драконолог с дипломом. Не хочется искать другого. А ты то видеофильмы без Ти-Ви смотреть умудряешься, то про книжку, которую всю ночь читал, рассказываешь долго и увлеченно... И сильно удивляешься, когда выясняется, что книжки этой у тебя сроду не было и вообще такой в природе не существует... Завязывай с Чувырлой. Не нравится мне, что он тебе с Пугалом по дешевке порошок толкает. А там, глядишь, еще и приплачивать станет. Чтоб не отвыкли. Вы его к нашему домику прикормили, а он вас к чему-то такому, что еще не выявилось. Но вот выявится, боюсь.

Швед был невысок, сложен крепко, но коряво, простоват на вид, волосы имел светлые и редкие. Но в отличие от его несколько артистически выглядящего собеседника глаза Шведа не завлакивала мутноватая поволока и движения были скоординированнее и точнее. Хотя накопившаяся за сезон созревания «продукта» усталость делала их слегка замедленными.

— Ну что ты! — возмутился Мутти. — Макс просто одинокий, нелепый человек, который ищет у окружающих понимания... Тебе следует быть терпимее к людям. И тогда...

Зазвеневший где-то в недрах дома звонок прервал его нравоучительный монолог. Оба собеседника заспешили к выходу.

Но к тому моменту, когда они вошли в вестибюль, услужливый третий член команды драконоводов уже отпирал закрытую почти на дюжину замков входную дверь.

Швед подобрался. Ему было что сказать этому третьему.

— Янек, — тихим, но въедливым голосом начал он, — объясни мне, глупому, зачем у нас видеокамера на входе, автоматика на замках и тамбур между дверями? Ведь мы тут, кажется, драконий инкубатор содержим — не так ли?

— Швед, ты кругом прав! — признал Янек.

— Так какого же черта, вместо того чтобы, оставаясь на месте и глядя на экран, нажать на кнопку, ты отрываешь задницу от стула и прешься сам откручивать все замки и щеколды. Не проверив, кто пожаловал, и не закрыв тамбур?

Янек, уже отворяя дверь, одновременно умудрился развести руками.

— Так это ж Коста!

Подтверждая его слова, в дверях и впрямь появился Коста Леонидис — пьяный вусмерть и с неизвестным типом под руку. Тип был элегантен и черен, как эбонитовый корпус антикварного телефона. Но не напоминал это устройство решительно ничем больше. Скорее он напоминал искусно остриженного и прихорошенного усилиями мастера парикмахерского дела домашнего песика. Только глаза у этого песика были волчьи.

«Песик» сжимал в левой руке черного дерева трость с резным набалдашником в виде головы Люцифера. На трость он не опирался, а так — слегка жонглировал ею на весу.

— Это М-мишель, — сообщил Коста. — Я ему п-продал наших м-малюток... Огнедышащих... Но тссс!

— Господи! Коста! — взвился Швед. — Ты вышел на пятнадцать минут, чтобы в банкомате получить наличные. А вернулся через четыре часа, в дрезину бухой и с каким-то пуделем под руку! А если бы это был не Коста? — повернулся он к возящемуся теперь с запиранием двери Янеку. — Понимаешь? Не Коста, а чертовы драконоборцы?! Или просто грабители?

— Покуда я с вами, ребята, не стоит бояться таких вещей, — рассеянно бросил «пудель» и двинулся к ведущей наверх лестнице.

На этом пути он уронил висящего на нем Косту в случившееся по дороге кресло. А Шведа ухватил за плечо и повлек за собой. Был он, оказывается, силен необычайно. И глаза у него были даже не волчьи, понял теперь Швед. Нет, это были мутные глаза бешеного зверя. Мутные глаза сбесившегося хищника... на изящном, даже изысканно красивом лице черного аристократа, украшенном любезной улыбкой. Швед не стал сопротивляться.

— Я хотел, чтобы вы поняли, — ласковым, убедительным тоном втолковывал ему «пудель», — что вам теперь со мной работать. И ни с кем другим больше. Разве что с вашими поставщиками...

— Да кто ты такой, парень? — наконец набрался духу и выдавил из себя вопрос Швед.

— Я теперь твой папа и мама, — все так же ласково ответил нежданный гость. — Для начала я беру у вас весь выводок этого сезона...

— Как это «берете», мистер? — развел руками Швед, остановившись перед дверью офиса. — У нас фьючерсная сделка. Товар продан. Весь выводок этого сезона.

— Во-первых, ты ошибаешься, парень, — заверил его гость.

Он толкнул дверь, вошел в офис и удобно расположился за председательским столом в кресле, в котором Швед привык видеть себя.

— Ты ошибаешься, — повторил он. — Выводок — это не ваш товар. Вам платят не за

самых дракончиков, а за работу и за риск. Вот это ваш товар. А хозяин вывода получает за то, что разрешает пользоваться своими летучими огнеметами, много больше. Мне вот захотелось стать таким хозяином... Вот я и покупаю этот выводок у его прошлого хозяина. Вы не против?

— По мне, хоть ансамбль песни и пляски себе заводите, — пожал плечами Швед и, за неимением выбора, опустился в кресло для посетителей. — Но я заключил сделку. И если вы, мистер, такой крутой, то должны хорошо знать, что бывает с теми, кто в нашем деле отступает от своего слова. А мой заказчик...

— Это ты про Рихарда Бражника? — с презрительной миной поинтересовался гость. — Про Модника? Выражайтесь правильно. Грамотно выражайтесь, ребята. Он дракош у вас не покупает. Он их арендует. Для тренажа и воспитания. Он полигон имеет на примете, тренеров. С их труда и кормится. Они ему за поставку дракош его долю отстегнут. Из того, что им хозяин драконов от платы конечного арендатора, на которого дракоши пахать будут, определит. Но только у меня есть другой полигон на примете. Покруче. И без всяких Бражников-посредников. — Он брезгливо поморщился, полез во внутренний карман и вытащил оттуда кожаный футляр для сигар. — Э-э... Не нравился мне Рихард. Никогда не нравился... Ты, наверное, знаешь, что этот парень по два раза на день делал себе маникюр? Любил это занятие...

Гость открыл футляр, полюбовался его содержимым, извлек из него, как показалось Шведу, какую-то странную сигару, бросил ее на стол. При соприкосновении с крышкой стола сигара издала звук, совсем не похожий на шорох плотно свернутых табачных листьев.

— Узнаешь маникюрчик? — осведомился «пудель» у Шведа, который, застыв от ужаса, смотрел на то, что лежало перед ним на столе.

— Не переживай за бедолагу, — посоветовал ему гость. — Ему этот пальчик уже без надобности... Главное то, что он тебя больше не побеспокоит. Фьючерс ваш считай аннулированным. Закуривай, — добавил он, убирая палец Модника в футляр, а вместо него вытягивая оттуда настоящую «гавану».

Швед машинально взял сигару и уставился на «пуделя», как кролик на удава.

— Вот и место освободилось, — заметил тот, разглядывая содержимое футляра. — Знаешь, что я вставлю сюда, рядышком?

Швед с тупой обреченностью смотрел в мутные желтые гляделки.

— Твой поганый член я сюда заткну! — уже без всякой ласки в голосе заорал гость. — Оторву с корнем и буду носить этак вот! Если ты, сука, еще хоть раз обзовешь меня Пуделем!!!

Мишель Лакост, по кличке Кобра, ненавидел свое второе (и более популярное в народе) погонялово. Собственно, оно было на самом деле первым. Прицепившимся к нему, еще когда он бегал на подхвате у самых последних «шестерок» «черной мафии» в одном из мегаполисов Метрополии. Давно — по здешним меркам.

— А теперь слушай меня внимательно, — продолжил он, мгновенно успокоившись.

Глава 2

БОГ ЖЕЛАНИЙ

В темноватом гараже Енот мрачно сидел на ящике из-под запчастей к комбайну и предавался грустным размышлениям. Другой ящик, распакованный и содержащий в себе столь не пришедшуюся ко времени покупку, стоял рядом. «Как же все-таки сбыть проклятую шуковину с рук и не остаться в накладе?» — спрашивал себя Енот. Похоже, для этого надо было хотя бы знать, что такое эта самая «Антроглиссада». Документации ящик не содержал.

На самом же дурацком трансформере не было написано ровным счетом ничего.

Точнее, ничего, что было бы доступно разуму нормального индивида. Какие-то значки в столбик были врезаны в металл корпуса. Но их значение было покрыто мраком. Это наводило на мысль, что предназначена шуковина была для жителей каких-нибудь Желтых Лун, где в ходу был китайский...

Енот вперил свой взгляд в дурацкие иероглифы, пытаясь разгадать их сокровенный смысл. Что-то не понравилось ему в их виде. Что-то было с ними не так.

Ах вот что! Сейчас они были одинаковыми. Все, кроме последнего, в самом низу. Енот мог поклясться, что такого не было, когда он пялился на эту надпись в тот раз — когда занес ящик в гараж. Да-да... Тогда одинаковыми — вот такими косыми паучками или звездочками — были три первых, что сверху, значка. Два последних от них здорово отличались. А сейчас — только один... Ой!

На глазах у Енота этот единственный — не такой, как все, — изменился. Из чего-то, напоминающего нарисованный детскими каракулями кораблик, стал чем-то, напоминающим астрологический знак Меркурия.

Енот потряс головой, потер глаза и пощупал трансформер. Металл был холодный, значок — отчетливо рельефный... Как может мгновенно измениться рисунок, вырезанный по стали?

С сомнением Енот посмотрел на софит, освещавший нутро гаража. Нет, конечно, все дело в освещении. Он поднялся, поправил софит и снова сел, уставившись на идиотские иероглифы. И тут же помянул нечистого.

Теперь все четыре значка были совершенно одинаковыми — косыми звездочками-паучками.

— Чтоб тебе пропасть! — пробормотал Енот. — Что мне это напоминает? Что-то очень нехорошее...

А напомнило это ему цифры на индикаторе таймера бомбы, одна за другой превращающиеся в нули. Только не сверху вниз, а слева направо. Любимый прием режиссеров остросюжетной видеопродукции.

«Чье-то время истекло...» — с нехорошим чувством шевеления мурашек в различных частях тела подумал Енот. И замер.

Но не происходило ровным счетом ничего.

И мысли незадачливого обладателя «Антроглиссады» вернулись к прежней проблеме: кому она могла быть хоть на фиг нужна — «глиссада» эта?

Самое простое, что можно было придумать на этот счет, — просто сделать запрос в Сеть. Только на Заразе, известное дело, все не как у людей. И Сеть здесь завелась не так уж и давно, и выхода во Всемирную у нее не было... И главное, послав запрос, в котором

содержится название проклятой штуковины, — наследишь. То, что Паркер еще с утра давал показания в застенке Ордена, тревожило. По какой-нибудь причине в показаниях этих может фигурировать клятый ящик и название идиотского изделия, в нем находящегося. И тогда запрос относительно этого — единственного, надо полагать, на Заразе — изделия выведет людей Ордена и людей Закона на след того, кто за каким-то чертом интересовался этой фигней. Очень это надо?

Нет. Не очень...

Но можно сделать и так... Енот подошел к заваленному бумажным хламом и огрызками карандашей верстаку у окна и отыскал на нем свой мобильник. Нашел в его памяти номер канала репортера «Городских новостей» Тони Крюгера и нажал клавишу вызова. Он намеревался попросить старого приятеля сделать запрос с редакционного компа. Тогда концы отыскать будет очень трудно. Но Тони все не отзывался, как вдруг произошло нечто, самым серьезным образом отвлекшее Енота от задуманного разговора.

Он услышал за спиной шорох. Очень отчетливый шорох.

Затем звук металла, скользящего по металлу. Тот, что звучит между кликами «ку-клукс-клан!» — звук взводимого затвора. Енот испуганно обернулся.

И испугался еще больше.

Трансформер поднимался из своего ящика. Поднимался и на ходу менял форму и размеры. Р-раз — у него из корпуса высунулась башка. Металлическая башка в металлическом капюшоне. С пустыми провалами глаз. Еще р-раз — и руки растопырились в разные стороны...

— Ч-черт!! — прошептал Енот. — Воистину черт из коробки!

И стал пятиться к выходу. Осторожно, чтобы не привлечь внимания проклятого «черта». Но не тут-то было! Дурацкий ящик из-под запчастей подвернулся ему под ноги, и Челлини с размаху грянулся седалищем о давно не метенный пол. И оказался лицом к лицу с уже покинувшим свою упаковку посланцем дьявола. Это буквально парализовало его.

«Ей-же Господи, — сообщил он свое мнение обо всем этом Всевышнему, — посылать человеку два таких ужаснейших потрясения за один всего-то день — это явный перебор!»

Обитатель ящика «Ангроглиссады» стоял во весь рост. Рост этот был — сантиметров сто семьдесят. Он напоминал выполненную из темного, хорошо отполированного металла фигуру человека в каком-то средневековом наряде. Глядящие в упор пустые глазницы вызывали у Енота нехорошие ассоциации. А накинутый на плечи капюшон с фестончиками — уж и вовсе дурные. Он только не мог припомнить, с чем именно.

Эволюция зловещей фигуры тем временем продолжалась. Она начала сочиться какой-то дымкой и через мгновение окружила себя туманом. Точнее, тонкой пеленой белесой мглы. Мгла эта, однако, начала быстро обретать цвет и форму. Она уплотнилась, облекла металлического истукана, словно перчатка руку. Какая-то зыбь пробежала по ней, добавляя порожденному образу последние штрихи.

И вот перед Енотом стоял сухопарый человек в черном трико и красном капюшоне. Из-за плеч его выглядывала рукоять чего-то явно режущего или колющего. Тип хмуро смотрел на Енота.

— Вы Паркер? — строго спросил он. Голос у него был как у телеведущего, без малейшего акцента.

— Н-нет! — потряс щеками Енот. — Паркера забрали люди Байера...

— А вы кто? — осведомился «черт из коробки» все так же строго.

— А вы-то кто?! — вопросом на вопрос ответил Енот, обретая способность выказывать некое неповиновение. С кряхтением он принялся подниматься с пола.

— Я... — Тут, похоже, гость из ящика слегка призадумался. — Как в этом Мире называется человек, которого посылают, чтобы уничтожить?

— Как?! Всех уничтожить, кого встретил?

Енот, уже принявшийся было отряхивать пострадавшие от приземления на грязный пол брюки, замер в ожидании ответа. Он был для него весьма важен.

— Нет, не всех, — уточнил по некотором размышлении гость. — Только указанный объект. И помехи. И тех, кто будет их создавать.

Это прозвучало многообещающе. Но создавать выходцу из ящика помехи Енот не собирался.

— Тогда тебя называют «киллер», — с некоторым облегчением просветил он гостя и возобновил чистку брюк. — Тебе... Вам не Паркера, часом, заказали?

— Ответ неправильный! — строго произнес гость. Енот вздрогнул, ожидая, что за такой оценкой последует наказание. И наказание это будет суровым.

— Киллер, — пояснил гость, — это человек, которого нанимают за деньги, чтобы он кого-то убил. Как правило, другого человека. А меня не нанимали. Я выполняю свое предназначение... Паркер должен был помочь найти объект...

— Тогда вы, извините, палач, — сообщил ему свое мнение Енот. — Правда, палачам тоже должны платить. Но они именно выполняют свое предназначение. И одеты вы как палач. Как это я сразу не сообразил? Прямо как в кино. Или в детской книжке. А за спиной у вас ни дать ни взять самый настоящий топор. Головы рубить...

— Пожалуй, это точное определение, — заключил гость. — Я — палач. Это достаточно точное слово. Просто я не думал, что оно сохранилось у вас в языке... И выгляжу я действительно как палач. И это... — Он быстрым движением вынул из-за спины топор, и впрямь словно взятый на прокат из киностудии. — И этим можно отрубить голову...

Енот уже жалел о проявленном любопытстве.

«Терминатор чертов!» — подумал он, вспомнив древнюю видеосказку. В той сказке, помнится, всем встречным и поперечным очень похожего посланца злых сил приходилось туго.

Но пронесло. Топор снова спрятался за спину Палача. В петлю на его плече.

— Однако, — снова суровым голосом продолжил гость, — мне необходимо видеть Паркера. Без него я не смогу найти объект... И вы не ответили мне — кто вы! Отвечайте мне только правду. У меня есть возможность проверить любую информацию.

— Понимаете...

Глаза у Енота забегали, словно он уже в чем-то провинился перед жутким гостем.

— Если вас интересует, как меня зовут, — торопливо заговорил он, — то, вот видите, на бейджике написано, что я Апостолос Челлини.

Он постучал пальцем по опознавательной карточке у себя на груди. Это была святая правда. Написано на карточке было именно это. А ничего другого он и не утверждал. Например, того, что это его истинное имя.

— Я свободный предприниматель. На сегодняшний день — меняла. Менялы... Это не те, кто обменивает деньги... Хотя я и могу... Тоже... Но здесь менялами называют тех, кто... Посредников, одним словом. Тех, кто посредничает при обмене предметами Магии... И Паркер тоже меняла... Я должен был для него выкупить ва... вот этот контейнер. У одних

парней... Я и выкупил. Но за это время люди из Ордена «Своих» забрали Родни в свой застеноч...

— Вы очень много говорите, господин Челлини, — остановил его гость. — И очень сложно. «Люди Байера» и «люди Ордена “Своих”» — это одно и то же?

— Именно так!..

Енот сглотнул слюну и энергично закивал.

— Почему Паркер сам не забрал контейнер со склада компании «Грандисон»?

— Это сложная история...

Енот снова судорожно сглотнул.

* * *

История контейнера действительно была сложной. Доставленные из Старых Миров предметы — а доставлялись они только «с оказией» и вопреки законам Федерации Тридцати Трех Миров — поступали на склады компаний, занимающихся такого рода торговлей, путями часто окольными, без прямого указания имен и адресов отправителей и получателей. Ясное дело, что при таком бизнесе толклось много нечистого на руку народу. Не диво, что контейнер, адресованный Родни Паркеру, бесследно испарился в недрах складов «Грандисона». Заявлять в полицию тот не стал. Это было и бессмысленно, и — как теперь понял Енот — дьявольски опасно. Родни лишь поставил на уши всех своих надежных знакомых (а среди таковых числился и Енот), обещая им золотые горы. Золотые горы выставлялись тому, кто в кратчайший срок найдет на черном рынке и выкупит для него некий товар, приходивший на склад по такому-то (фиктивному, конечно) адресу и со склада пропавший. Товар был им детально описан, совершенно никому другому не нужный товар, как утверждал Родни, вполне безопасный товар. Последнее, похоже, было наглым блефом.

Надежные знакомые охотно пошли навстречу Паркеру. Все знали, что золотые горы у Родни в закромах сверкают своими вершинами и шелестят вполне федеральной зеленью.

В одиночку Родни, конечно, не справился бы с такой задачей. Но в компании с надежными людьми она не представлялась невыполнимой. Хотя черный рынок Семи Городов и был огромен, полдюжины хорошо знающих его людишек было достаточно, чтобы отыскать в его недрах любой предмет. Повезло из всей полдюжины, конечно, лишь одному. И этим единственным был Апостолос Челлини. Правда, повезло ему весьма относительно как он убеждался все больше и больше.

Жулью, осуществившему хищение, не повезло. Несмотря на то что среди местных умельцев большой спрос имела любая аппаратура, никому из них «Ангроглиссада» и на фиг не сдалась. Как сказал кто-то из авторитетных мастеровых, «из этой хрени и самогонного аппарата не изваяешь...» А поскольку аппарат такой на Заразе могли «изваять» практически из чего угодно, вещь была действительно абсолютно бесполезной. Истинный же получатель, который, может, и хорошо заплатил бы за товар, был жулью неизвестен и признаков жизни не подавал. Секреты истинных адресов получателей «люди на выдаче» раскрывали разве что под пытками.

Вся «розыскная бригада» Паркера старалась действовать тихо и шума не поднимать, используя только конфиденциальные каналы. Чтобы жулье не узнало и не задрало цену. Но какая-то зыбь прошла все-таки по бескрайним рядам подпольной торговли Семи Городов.

— Вот что, — сказал трое суток тому назад старший Зильберман Апостолосу, зайдя к нему на чашечку кофе и попросив хозяина «слушать сюда». — Я знаю, у кого вещь, но я никогда не смогу вещь получить. Я могу только немного сказать тебе, куда идти. Тебе отдадут. Мне — нет! Никогда!

— И сколько ты за это хочешь? — по-деловому поставил вопрос Енот.

Вообще-то после последних слов Зильбермана его можно было просто отправить куда-нибудь подальше. Все было ясно как божий день. Почему кто-либо мог отказать Ари Зильберману в явно выгодной сделке и не отказать в том же первому попавшемуся, скажите мне? Только потому, что этот «кто-либо» — ярый антисемит. Другого объяснения нет. Единственным антисемитом в кругах скупщиков краденого Семи Городов был Щука, он же Мыкола Просыпа. Можно было прямиком идти к нему. Но в деловых кругах теневого мира Семи Городов не принято было обижать старика Зильбермана.

Сошлись на том, что, получив от Родни золотые горы, Апостолос отсыпет в карман Ари Зильбермана ровно половину. В конце концов, это было справедливо. Завершив торг, Енот бросил: «Ну?»

— Вещь выкупил Щука, у Гадины Рутгерта, — раскололся Ари. — Всего-то за пятьдесят «крылатиков». А со мной отказался даже говорить. Хотя я начал с пятисот федеральных.

Несмотря на строжайший запрет, валюта Старых Миров котировалась на черном рынке гораздо выше местного «орла». «Орла» нежно называли «крылатиком», «пташкой», «пернатым», «орликом» и бог весть еще как. Но предпочитали ему федеральные баксы из Старых Миров.

— Ты бы только слышал, Апостолос, — продолжал Зильберман, — куда этот негодяй послал меня с моими деньгами! Ты знаешь, я сам старый сквернослов, но такого...

Что и говорить, искусством табуированной лексики Просыпа владел на уровне мастер-класса.

— Вот такое вот мое еврейское счастье, — заключил старик свои объяснения.

— Мне следовало бы поднять свою доли до шестидесяти... — задумчиво произнес Енот. — Мне будет нелегко работать с Щукой.

— Почему же? — изобразил искреннее удивление Зильберман. — Ты всегда прекрасно ладил с людьми...

— Ты сам знаешь, Ари, — вздохнул (и вздохнул совсем непритворно) Енот, — Щука и меня числит в евреях...

— Но ты ведь не еврей, Апостолос? — с некоторым подозрением в голосе спросил Зильберман, опасливо присматриваясь к профилю собеседника. — Ты не посещаешь синагогу, не соблюдаешь шаббат, за милую душу трескаешь трэфную пищу.. И, наконец, ты же ведь необрезанный! Нет-нет-нет! — пресек он попытки Енота что-то возразить ему в том духе, что «поди расскажи все это Николе». Он крепко ухватил Енота за запястье и доверительным жестом прижал его руку к столу, а сам перегнулся через столик — к уху Апостолоса. — Не возражай! Ты необрезанный! Нина с Грибных Мест это подтвердит! И есть еще достойные женщины, которые не станут обманывать! Так что тебе есть что предъявить этому негодяю!

Енот представил себя предъявляющим Мыколе Просыпе свой основной аргумент непричастности к семитскому корню. И чем чревато такое предъявление. Но золотые горы стоили того.

К тому же одна нестандартная идея посетила его. На нестандартные идеи Енот был

горазд.

— В конце концов, — горячо продолжал Зильберман, — мы можем нанять какого-нибудь поца скандинавской наружности...

— Поца... Это — рискованно, — отрезал Апостолос. — Ладно, я берусь за дело, Ари.

* * *

И приступил он к реализации своей нестандартной идеи. В основе ее лежала уверенность в том, что старый Ари, слегка сдвинутый на почве своей переоценки местного антисемитизма, что-то не понял в ситуации. Не таким антисемитом был Щука, чтобы отказаться от дуриком идущей в руки полштуки. А за целую штуку он отдал бы товар хоть главному раввину проклятой Федерации.

Значит, либо Щука знал другого покупателя (хуже всего, если самого Родни). Либо... это был не тот Щука!

Начал Енот со второго варианта. Потому, что первый был абсолютно фатален.

Для этого он первым делом направил свои стопы в бильярдную клуба яхтсменов, отыскал там Гадину Рутгерта и угостил его кружечкой пива.

— Я снова свел дружбу с Мыколой Щукой?! — посреди мирного разговора «за то, за другое» возмутился тот. — Да старому Зильберману это приснилось. У него уже глюки пошли насчет всемирного гойского заговора. Можно подумать, что у нас тут один Просыпа в «щуках» ходит...

— Неужто еще кто такое погонялово подцепил? — наивно поинтересовался Енот, чувствуя, что выходит на цель.

— Да тот же покойный Муренго... — пожал плечами Гадина и отхлебнул пивка. — Да мало ли кто!

Покойники решительно не интересовали Енота как перспективные партнеры.

— Ну, тот уже «этажом выше переехал», — усмехнулся он. — А в Семи Городах, выходит, все ж таки Просыпа — единственная щука, что еще не кверху брюхом плавает.

— Пфе! — презрительно поморщился Гадина. — С одной щукой — вполне живою — ты вроде бы неплохо дела ведешь...

— Это с кем же? — поразился Енот.

— Да с тем тощим парнем, что магазин типа секонд-хенда на площади Эпидемии держит. Вот щука так щука. Морда худая, острая, сам скелет скелетом, а взгляд ну точно щучий!

— Это с Тимоти Стрингом, что ли? — догадался Енот. — Так его ж обычно Толстяком дразнят...

— Ну а по мне, Щука он, — отрубил Рутгерт. — Больно торговаться умеет. На днях ободрал меня как липку...

Апостолос тяжело вздохнул. Он знал, что Тимоти хорошо умеет торговаться. И столь же хорошо информирован о веяниях черного рынка.

* * *

И вот конспект этой истории — с купюрами и без ненужных деталей, но в сильно запутанном виде — обрушил Енот на голову своего inferнального гостя.

Если тот и не понял чего (а чудом было бы, если бы он понял хоть что-то вообще), то ничем не выдал этого. Он только смотрел на Енота холодным взглядом, терпеливо дожидаясь, когда тот наконец выдохнется. Когда дождался, сказал только:

— Вы слишком много говорите, господин Челлини. Так каким образом я могу как можно скорее увидеть господина Паркера? Повторяю, вы должны мне говорить только правду.

Апостолос тяжело вздохнул.

— Я уже объяснил вам, что сегодня с утра Родни загребли рыцари Ордена «Своих». Вы в курсе того, что это такое?

— Я хотел бы выслушать ваше объяснение, — несколько уклончиво, но очень строго произнес Палач.

По всей видимости, он знал некий тайный способ извлекать из запутанной речи Енота какую-то смысловую составляющую. Или думал, что знает. Так или иначе, он сам напросился еще на четверть часа довольно сбивчивых и путаных объяснений того, что кто попал в лапы «Своих», еще иначе как конченым психом воли не видел. И на этих ребят, кроме Престола, никакой управы нет. И стволы у них разрешены любые, притом чаще всего они вооружены не по-детски... — И, несколько понизив голос, Апостолос Челлини стал пояснять, что вообще-то цели у «Своих» — чрезвычайно благородные. Но вот методы их получили в народе неоднозначную оценку...

— Цели тех, кто послал меня, — прервал его наконец Палач, — точно совпадают с целями этих «Своих».

Еноту ничего не оставалось, кроме как одеревенеть от изумления.

— Кроме того, — продолжил гость из ящика, — я не собираюсь освобождать господина Паркера. Мне нужно только переброситься с ним парой слов. Пусть даже в присутствии посторонних...

— Никто вас к нему не пустит, — сокрушенно развел руками Енот. — А если и пустит, то...

Мысли бедолаги заклинило, когда он сообразил, что совершенно не может представить себе, как будет выглядеть это самое «то...». И еще он сообразил штуку куда более странную. А именно то, что этак запанибрата учит уму-разуму, как учил бы какого-нибудь новичка, объявившегося в Семи Городах, нечто, что вовсе не было никаким новичком. Оно вообще не было человеком. И всего лишь полчаса тому назад испугало его до полусмерти.

— Мне придется немного подготовиться, — решительно произнес Палач. — Меня пропустят.

— К-как подготовиться? — задал Енот, пожалуй, самый глупый вопрос, который можно было измыслить в сложившейся ситуации.

— Собственно, это не должно вас волновать. Я достаточно подготовлен в вопросах организации вашей жизни здесь. Так что мне не надо будет тратить слишком много времени на то, чтобы найти Паркера. Единственное, что требуется от вас, — это забыть о моем появлении и о моем существовании вообще. Вы способны на это?

Палач посмотрел на Енота испытующим взглядом. Ни капли иронии не было в его голосе.

— Если нет... я могу помочь вам.

— Можете быть во мне уверены, — торопливо отвечал Апостолос. — Я...

— Это вы должны быть уверены во мне! — оборвал его Палач. — Во мне и в моих возможностях!

— Я только хочу предупредить вас... — все так же торопливо и услужливо затараторил Енот. — В таком виде, как вы сейчас одеты... И вообще... Вам так не стоит появляться в городе...

Палач смотрел на него отеческим терпеливым взглядом. И только когда Апостолос запнулся, захлебнувшись в желании доказать свое искреннее желание быть полезным гостю, пусть и незваному, заговорил.

— Вы очень заботливы, — все с той же ледяной серьезностью произнес гость. — Но я в курсе дела. Вы можете оказать мне только единственную услугу.

Енот принял позу полнейшей готовности действительно быть полезным. И оставаться таковым как можно дольше.

— Удалитесь в свое жилище, — объяснил ему смысл ожидаемой услуги гость. — Удалитесь и сделайте так, чтобы... Чтобы, скажем, полчаса, сюда... в это помещение, я имею в виду, не прошел никто. В случае если это будет невозможно, предупредите меня.

Он взял со стола мобильник Енота и кинул его хозяину резко и неожиданно. Так что тому пришлось проделать сложное балетное па, чтобы перехватить телефон в полете. То, что ему это удалось, он записал в число самых больших достижений своей жизни. Учитывая его комплекцию и балетную подготовку, он был прав.

Совершив сей отчаянный подвиг, Енот уставился на гостя совершенно круглыми глазами.

— К-как?... Каким образом я вас предупрежу?

Палач еле заметно улыбнулся:

— Просто быстренько наберите любой номер. Чтобы вызов поступил в эфир... Можете даже номер полиции или этих... Ордена «Своих». Я способен воспринимать сигналы этих штук... — Он кивнул на мобильник. — Этого мне будет достаточно. У вас здесь есть утилизатор?

Енота обдало ледяной волной страха. Он представил себе собственный расчлененный труп, исчезающий в пасти утилизатора.

— В-вот... — кивнул он в сторону громоздящегося в углу агрегата.

— Он действует? — осведомился гость. Енот нашел в себе силы кивнуть.

— Благодарю вас, — тоном, не подразумевающим продолжения разговора, сказал Палач. — Ступайте!

— Д-да... Разумеется! — затараторил Енот. — Я сейчас! Я немедленно!

И его словно ветром вынесло в дверь, ведущую в дом.

* * *

На черной лестнице, куда выходила эта дверь, Енот, чтобы не рухнуть, вцепился в перила и, обливаясь холодным потом, на подкашивающихся ногах стал карабкаться вверх. «Необходимо наглухо запереться в своем кабинете и не выходить оттуда, даже если сам Сатана явится по мою душу! — Мозги его работали на полных оборотах. — Защита! Вот что тебе нужно! — объяснил Енот сам себе. — Кто-нибудь из тех, кто с такими штуками

запанибрата... Ведь есть же такие! Здесь, на чертовой Заразе!..»

И тут внутренний голос сказал ему: «Стоп! Ты уже знаешь такого человека! Разговаривал с ним только сегодняшним утром. И это не просто человек, которому приходилось иметь дело с Магией. Это — человек со связями при Дворе!»

Енот уже чуть было не надавил клавишу мобильного, чтобы немедленно набрать номер Шишела, но вовремя схватил себя за руку.

«Полчаса! — сказал он себе. — Полчаса надо выждать, чтобы эта тварь убралась из гаража! Но боже ж ты мой! Что, если через эти полчаса меня уже по кускам сбросят в глотку утилизатора? Недаром же эта тварь о нем спрашивала!»

Он кое-как добрался до двери кабинета. С трудом сообразил, как отпереть собственным ключом собственный замок. Но запер дверь за собой — стремительно!

И тут же обернулся, так, словно его окликнул нечистый. В голову стукнула мысль, что в его святая святых — где-нибудь под столом или за креслом притаилось и сейчас кинется на него еще какое-нибудь чудище.

Но никакого чудища в кабинете не было. От пережитого страха ноги Енота стали совершенно ватными, и он, прислонившись к стене, начал медленно сползать на пол.

Как вдруг сам себя — мысленно, конечно, — за шиворот подтянул вверх и привел в некое подобие стойки «смирно» — ну, такой, какую бы сделала наделенная громадной силой воли медуза.

«Полчаса, — сказал он себе снова, зажигая все, что только имелись в кабинете, лампы и панели освещения. — Бежать не годится. Эта тварь, должно быть, подсматривает за тобой и использует твою, Енот, попытку к бегству как повод, чтобы с тебя заживо содрать шкуру... Хотя зачем ему повод, скажите мне, пожалуйста?»

В том, что Палач не простит ему ни одного ложного шага, Енот был уверен — эта уверенность таилась в нем где-то на уровне спинного мозга. И это — несмотря на то что общение их длилось, пожалуй, менее получаса. Это была Ее Величество Интуиция. А не интуицию свою Енот полагался всегда, когда Логика и Опыт молчали, поджав хвосты и норовя укрыться в уголке сознания потемнее.

Он посмотрел на часы: ждать оставалось двадцать семь минут.

«Потом пойду, — решил Енот, — и, не заглядывая в гараж, запру его. А потом ломану в город и сниму номер в гостинице подальше. А лучше — в кемпинге. И отсижусь с недельку. На дно лягу. Но прежде всего свяжусь с Шишелом. Так вернее...»

Енот снова бросил на часы нервный взгляд. Положительно — время остановилось в его кабинете. Он заглянул в ящик стола — проверить, не затерялась ли там, вопреки законам природы и эдиктам принцессы Фесты, какая-нибудь пушка.

Пушки не было. Оно и к лучшему. Енот подошел к холодильнику, открыл его и задумчиво посмотрел на томящуюся батарею банок пива. Покачал головой и закрыл холодильник. Подошел к заветному шкафчику с «тяжелой артиллерией» и извлек оттуда бутылку контрабандной граппы. Задумался, выбирая подходящую случаю емкость, махнул рукой и основательно приложился к горлышку. Резко выдохнул и задумался — ставить граппу на место или приложиться к целительному напитку еще раз.

И в этот момент в дверь постучали.

Енот решительно приложился еще.

«Ты идиот! — бросил он себе, закрывая шкафчик со спиртным и решительно направляясь к двери. — Оставил, старый дурак, дверь незапертой... И вот теперь — все, кто

удовно... Все, кто угодно, и всё, что угодно... шастанут... по... твоему... дому!»

— Кто там! — рявкнул он так, что впервые сам испугался своего голоса. — Кого принес черт?!

Вполне возможно, что он кого другого и испугал бы. Но только не старую гримзу Пьеретту де Сен-Пьер. Его секретаршу и по совместительству домохозяйку с функциями уборщицы.

— Я, конечно, слышала, что вам туго пришлось этим утром, мсье Челлини, — с большим ядом в голосе произнесла она. — Но это еще не повод, чтобы повышать голос на даму...

— Простите, мэм, — только и вымолвил Енот, отворяя дверь. — Я совершенно забыл за всеми делами, что у вас сегодня день уборки...

— Принимаю ваши извинения, мсье... — сухо парировала все еще уязвленная Пьеретта. — Уборку я закончила, вот ваши ключи. Должна сообщить вам, что там внизу один джентльмен желает вас видеть... Не знаю, правда, пожелает ли мсье встречаться с...

— Джентльмен уже не внизу, — раздалось у нее за спиной.

Пьеретта дернулась, как ужаленная, Апостолос же ограничился тем, что удивленно выкатил глаза. Посетитель был худощав, наряжен в свитер с высоким горлом, легкого брезента брюки и тяжелые армейские ботинки.

Родни Паркер почти всегда одевался так.

* * *

— Джентльмен уже наверху, — устало продолжил Родни. — И мсье с ним встретиться пожелает... Обязательно пожелает. Ведь я не обманываю мадам де Сен-Пы, а, Енотик?

«Енотик» только посторонился, давая проход своему неведомо как покинувшему узилище Ордена партнеру. Он молча принял ключи из рук мадам и с максимально возможной благодарностью во взгляде отвесил ей поклон-кивок. Та в знак глубочайшего неодобрения происходящего поджала губы и торопливо удалилась.

Этим она, по крайней мере, избежала очень больших неприятностей.

Енот прислушался, сработал ли автоматический замок, после того как захлопнулась наружная дверь за его столь универсальной и столь деспотичной служащей, и тщательно запер дверь своего кабинета. Родни уже устроился в кресле «для почетных посетителей» и покручивался в нем направо-налево.

— Весь город только и судачит, — начал разговор Енот, — о том, что тебя заграбастали люди Байера. А ты жив-здоров, сидишь у меня в офисе: еще и рассчитывая угоститься виски? Объясни мне: почему это так?

Родни поморщился.

— Политика, дорогой мой... Орден у Престола в немилости... Кстати, от виски я бы не отказался.

Енот молча поставил перед еще одним незванным гостем шкалик «Шивас-Регаль» и высказал свое мнение:

— Орден-то с принцессой не в ладах с самого начала. Но пока что нашего брата из тюрьмы не выпускали, чтоб Престолу угодить. Такого еще не было. Скажи честно: «хвост» тебе не привесили?

Родни проглотил виски и скроил брезгливую мину.

Ничего необычного в противоречиях Двора и Престола с некоторыми особо шустрыми Орденами не было. На системе рыцарских Орденов держалось многое на Заразе и даже в Семи Городах, где Закон более или менее подавал признаки жизни. Но полностью отдавать свои прерогативы бандам вооруженных «братков» в планы Престола не входило. Тем более когда какая-то из таких банд претендовала на то, чтобы монополизировать право «охоты на ведьм», что было чревато раздвоением всех вообще силовых структур в поддающихся контролю районах планеты. Ссылка на эти противоречия выглядела, однако, не очень убедительной. Обычно судьбы жертв «простого звания» не становились предметом особого внимания Престола. И Ордену любые действия в их отношении сходили с рук.

Так что чудесное освобождение Родни вызывало у Енота вполне обоснованные подозрения.

— Что ж я, сука, что ли, хвост за собой приводить? Ты лучше Расскажи, — усмехнулся Родни, — как это вы с Дорожниками засаду на лихих братцев устроили? Об этом тоже все Семь Городов шелестят... Неужели у тебя смелости хватило живцом-приманкой работать и в луже под каром лежать, поджидая этих типов? Не побоялся воспаление легких заработать? Братьев действительно обоих в капусту изрубили?

— Воспаление — не знаю, а радикулит точно я себе обеспечил, — вздохнул Енот. Только никакой засады никакие Дорожники не устраивали. Все наоборот было. Один только Фога и убит был. Точней — сам себя своим же топором и уделал.

— Ты даешь... — с нескрываемой иронией заметил Родни. Енот махнул рукой.

— Трудно тут эту петрушку объяснить.

Ну не объяснять же человеку, что большую часть произошедшего сражения он просто пропустил, забившись под кузов «лендровера» — зажмурив глаза и зажав ладонями уши.

— Вот видишь, — попенял ему Родни. — Не все так просто в двух словах объяснить. А поэтому давай по делу. Ты товар у Щуки перекупил?

Холодок прошелся по спине Енота.

— Ты, я вижу, уже успел с Зильберманом переговорить? — с неудовлетворением констатировал он. — Ну так вот: глюконавт наш старый Ари! Не было у Просыпы никакого твоего товара. Просто сроду не было — и всё! — Енот замолчал, придерживая Родни энергичным жестом короткой ручки. — Но я могу тебе устроить встречу с одним интересующим тебя лицом. Прямо сейчас. Если ты сможешь подождать пять минут. Здесь. В этом кресле.

Родни с прищуром уставился на Енота.

— Слушай... — произнес он. — Я, конечно, доверяю тебе, Апостолос. Но было бы очень хорошо, если бы ты не говорил загадками. В той истории, в которую мы влипли, нам нужно предельно доверять друг другу...

— Я тебе, Родни, полностью доверяю, но еще больше — своей интуиции, которая подсказывает, что ты пришел ко мне за своим товаром. Забирай его и уноси подальше! Старик Зильберман все перепутал, но я эту хрень все-таки для тебя достал! Не спрашивай, как и откуда...

Родни перегнулся через стол, и глаза его, до сих пор ироничные и глубоко упрятанные в складках тяжело набрякших век, вдруг выкатились, грозя выскочить из орбит.

— Говори честно, Енот! Я удвою сумму! Говори — что произошло?! Оно... Ну то, что было в ящике... Оно заработало? Оно должно было заработать! Если его не активировали до

контрольного срока, он должен был активироваться сам!

— Он и активировался, — подтвердил Енот. — Он активировался, твой чертов Терминатор!.. Палач... Удваиваешь, говоришь? Да мне за все, что я натерпелся, за то, что ты в дело меня втравил такое, за которое головы снимают, надо, блин, столько заплатить, что ты всю жизнь не отработаешь! Ты ж как подставил меня, задница! Так что не надо мне никаких денег! Только заberi эту сволочь и вали от меня подальше! Я на такие штучки не подписывался!

— Не вибрируй! — прервал его Родни. И грохнул кулаком по столу. — Да ты не знаешь, дурачина, что, можно сказать, помогаешь спасать человечество. По крайней мере, ту его часть, что имела глупость здесь, на Заразе, собраться!

— Не знаю и знать не хочу! — Енот тоже приложился к столу своим полным кулачком. — Я не хочу в таких делах светиться, за которые лишают жизни без суда и следствия!

— То, что было в ящике, — продолжал гнуть свое Родни, — это дар очень высокоразвитой цивилизации. От наших, можно сказать, небесных кураторов. Это высокоспециализированный робот. Масса функций и возможностей. Искусственный интеллект и все такое... Он должен найти и уничтожить очень опасное наследие сгинувшей цивилизации. Она оставила после себя устройство, которое, если попадет в руки разумных существ, приведет их к гибели! Этаким информационный и экономический наркотик, которому не сможет противостоять наша цивилизация...

— Кончай хмуреж! — мрачно отрубил Енот, судорожно дую на ушибленную об стол руку. — Сейчас я тебя сведу с роботом этим высокоспециализированным, и можешь с ним целоваться. Только не здесь, а где угодно в другом месте. От меня подальше. — И вольный предприниматель двинулся к двери. — Сиди здесь, — распорядился он уже в дверях. — Сиди и не отворяй никому, кроме меня!

* * *

Спускаясь по черной лестнице, Енот мысленно клял себя за легкомысленный, под наплывом эмоций сделанный им отказ от вознаграждения за труды. Тем более — от двойного вознаграждения.

«Ладно, ладно, — утешал он себя, входя в гараж. — Все тот же старый Ари не устает повторять. “Не заглазывают наживку слишком глубоко, господа! Ее могут из вас вытащить вместе с желудком!” — Енот завертел головой, отыскивая в полутьме фигуру Палача. — Господи, может, его уже черти унесли куда-нибудь подальше? — подумал с надеждой. — Жаль, конечно, что денежки просвистели мимо, но...»

Тут его мысли резко изменили свое направление.

Потому что кого-то он все-таки узрел. И потому еще, что фигура, маячившая в царившем в гараже полумраке, никак не была фигурой Палача. Это была другая, неплохо знакомая жителям Семи Городов, фигура.

Высокий, крепко сбитый тип, одетый словно для верховой охоты. Но скроен его наряд был не из шерстяной ткани, а из суперкевлара, и был «охотник» при орденском мече — длинном и узком. Эфес меча украшала эмблема «Своих».

Аккуратная, черная, словно бархатная, борода. Вьезшийся в каждую черточку лица,

годами не проходящий скепсис. И пронзительные, глубоко посаженные темно-карие глаза.

Коннетабль Лео Байер собственной персоной.

— К вашим услугам! — пяясь к двери, поклонился ему Енот с отрешенно-ошалелым видом. — Чем обязан видеть вас в моем... э-э... доме, Коннетабль?

Последовала несколько затянувшаяся пауза. Появление столь высокой персоны в захламленном гараже дома, расположенного далеко не в самом фешенебельном районе Семи Городов, было, вообще-то говоря, неким очередным нарушением естественного хода вещей во Вселенной, в которой привык обретаться Апостолос Челлини. Но на сегодня его способность удивляться уже исчерпала свои ресурсы на пару недель вперед.

А вот Коннетабль еще не утратил способности удивляться и смотрел на Енота с некоторой оторопью.

— Это что? — спросил он наконец не без растерянности в голосе, привычно въедливым и мягком. — Ваш персональный трюк?

— Вы про что? — и вовсе уж недоуменно воззрился на него Енот.

— Да про то, как вы умудрились, только что покинув меня и выйдя вон в те ворота, через пять секунд скатиться мне на голову, выходя из этой вот двери?

— А... Э... Вы что, застали меня здесь? — начиная о чем-то наконец догадываться, спросил Енот. — И что я делал здесь?

Сэр Байер пожал плечами:

— Вы сжигали какой-то хлам в утилизаторе...

— В утилизаторе?

Енот шагнул к утилизатору. Тот еще излучал тепло. Енот растерянно оглядел внутренность гаража. И тут Ее Величество Интуиция подсказала ему, что именно распалось на молекулы в плазменной мусоросжигательной печи.

Нигде не было видно и следа от контейнера, содержавшего якобы некое устройство с нелепейшим названием «Англоглиссада».

— Вы этого что — не помните? — продолжал допытываться Байер. — Не помните нашего разговора?

И вдруг лицо Коннетабля изменилось, озаренное догадкой.

— Черт возьми! — вскричал он. — Вы только что из дома?! Родни Паркер у вас? Там?! Быстрее туда!

* * *

Только сейчас Енот понял, что кроме них в гараже и во дворике его дома в неприметных углах и за всяческими подходящими предметами притаились еще пять-шесть человек Ордена. Сейчас они — все при оружии — не дожидаясь дополнительных команд, вроссыпь кинулись блокировать ходы-выходы дома.

В левой руке у Байера, словно по мановению волшебной палочки, возник здоровенный пистолет, а правая привычно скользнула на рукоять меча: раздался еле слышный среди поднявшегося шума щелчок, и ножны его распахнулись, как распахивается футляр для очков, выпустив из себя узкий прямой клинок, они тут же сами собой захлопнулись.

Ощетинившись оружием, Коннетабль бросился в дверь, ведущую в дом. Енот никогда бы и не вздумал последовать за ним, если бы не страх остаться одному в пустом, темном

гараже, в котором явился ему Палач.

Как это ни странно, но Енот лишь на шаг-два отстал от стремительного Лео Байера. Возиться с дверью кабинета не пришлось — та была отперта и открылась настежь под ударом Байерова сапога.

Сам Лео сразу же занял позицию посередине комнаты и лихорадочно осматривался по сторонам. А Енот влетел в собственный офис от толчка ринувшихся туда же двух бойцов орденовской дружины. Один из них бросился к окнам, другой — занял позицию у двери.

В комнате стало тесно от клинков и стволов. Только один лишь Родни Паркер не проявил ни малейших признаков суеверия. Он сидел все в том же вращающемся кресле «для почетных посетителей», блаженно развалившись в нем и ласково удерживая на коленях свою начисто срубленную голову.

* * *

— Знаете ли, дражайший мой Шишел, — гудел сэра Стрит, жестом приглашая Дмитрия пройти в трапезную. — Кой черт их разберет: Фого это был или Хого... Док Крузерс утверждает, что ему все равно не поможешь. Так что нам остается только выпить за ужином хорошего «Замкового» за то, чтобы негодяю потеплее было в аду. Вот даст о себе знать тот из братьев, кто остался в живых, — тогда и выяснится, кто есть кто... А покойника сегодня же заберут люди из Городской Стражи. Я уже отправил курьера на Крутые холмы... А пока полежит у меня в леднике.

Шишел тяжело вздохнул и осведомился, где перед ужином можно вымыть руки. А также и отлить.

— Пойдемте, провожу вас, а заодно составлю и компанию, — добродушно пробасил сэра Стрит. — У меня есть что показать вам...

— Не сомневаюсь, — заверил его Шишел несколько растерянно.

— Я имею в виду, что я ремонт учинил. И теперь в Стриткасле сантехника не хуже, чем во Дворце... А вовсе не то, что вы подумали. Впрочем, не смущайтесь. Сегодня вы у меня почетный гость... Даже не представляете, от какой доуки вы избавили меня, устранив одного из двух ушлепков. А что до того, которого из них именно, так их родная мама не различала, говорят. Мало того что они похожи как две капли воды, так они вдобавок еще и рожи себе разрисовывали то так, то этак. В общем, различать их можно только по мечам, а не по лицам... Я имею в виду магические мечи. Вы знаете историю этих их мечей?

— Замечательная у вас в замке сантехника, — отозвался Шишел, ополаскивая руки в пахнущей свежими яблоками воде. — Производства Океании? Большая редкость на рынке... Мечи, говорите?.. — Он подставил руки под струю горячего сухого воздуха. — Если их можно различить по мечам, то один — у меня в машине. Прикажете принести?

Сэра Стрит изменился в лице.

— Магический меч — у вас в машине? Один из пары мечей Ньюмена?! Господи! Как я не сообразил! Как же я не сообразил, что братья-негодяи непрерывно таскают эти мечи при себе! Как я не сообразил, что это ваш законный боевой трофей!

Войдя в трапезную, сэра Стрит принялся энергично щелкать пальцами и хлопать в ладоши, вызывая дежурных учеников Ордена, в обязанности которых заодно входило и исполнение роли прислуги в замке Коннетабля. Меч был доставлен наиболее шустрому из

них — в наилучшем виде и всего через несколько минут.

После чего всем посторонним велено было оставить сэра Стрита и Дмитрия наедине — для конфиденциальной беседы. Тем более что общая трапеза уже закончилась. Для хозяина замка и его гостя ужин был сервирован отдельно, и прислуживал за столом лишь верный оруженосец Коннетабля — андроид по имени Тригг, выходец с Большой колонии. Да еще один из пажей был послан к библиотекарю замка за потребовавшимся сэру Стриту фолиантом. Как только фолиант был доставлен, паж был с благодарностью выставлен вон.

Шишела проблемы Магии волновали мало — и то только в том отношении, что старался держаться как можно дальше от них. Поэтому он без лишних слов отдавал должное ужину, вполглаза оценивая реакцию хозяина на вид его боевого трофея. Стол был представлен в основном продукцией придорожных ферм, процветающих под патронажем Ордена Дорог и лично сэра Стрита, и винокуренного заводика, также процветающего, но уже прямо при замке Коннетабля. Так закусить можно было далеко не везде в Семи Городах. И тем более где-нибудь окрест. Так что Шишел не намерен был пренебрегать редкостным угощением.

После выпитого за здоровье гостеприимного хозяина объемистого бокала мысль еще об одной возможности, которую дарит ему случай, посетила его. Но он не стал торопиться, предоставляя партнеру начать партию первым.

Сэр Стрит тем временем предался любованию мечом. Тот и впрямь заслуживал восхищения. Изготовленный по неведомой технологии, целиком выточенный из одного куска металла — и клинок, и рукоять, и гарда — он был прекрасно сбалансирован, словно специально изготовлен для руки человека. Хотя вряд ли те, кто создали его, сильно напоминали людей. По узкому, темного металла лезвию еле заметной полоской инея или застывшей дымки скользил тонкий орнамент. Он и глазу-то был виден не под всяким углом. А на ощупь металл оставался гладким.

— Прекрасное творение... — произнес сэр Стрит. — И прекрасное оружие. Даже если забыть о его магических свойствах. К сожалению, свойства эти проявляются только у пары, когда они оба находятся в одних руках. Служат одному хозяину...

— Да? — из вежливости отреагировал Шишел, обрабатывая запеченный со специями бараний бок.

— Вот прекрасная статья об этой паре мечей. — Коннетабль развернул к Шишелу забранный в кожаный переплет фолиант. — Принадлежит перу Арчибальда Ньюмена. Мне не надо объяснять вам, кто это такой и что значит его подпись хотя бы под двумя строчками текста? А здесь таких строчек на целых две дюжины страниц. Да еще фотографии и рисунки...

Шишел слышал краем уха об этом авторе И даже мог припомнить, что в прошлом теперь уже веке тот посетил все известные на то время миры, «инфицированные» Магией. Причем многие из них — неоднократно. Что этот человек был дружен со многими людьми сект и каст, соприкасавшихся с тем, что, по умолчанию, именовалось Магией Предтеч. И еще — ему вспомнилось, что, как и многие материалы, относящиеся к Магии, сочинения Ньюмена в Федерации были запрещены к распространению и копированию.

На Заразу, естественно, не распространялись законы Федерации. Скорее даже наоборот. Следование им не приветствовалось Престолом. Однако, как уже было упомянуто, на Магию Шишел смотрел в основном как на источник неприятностей. Поэтому на предложенные его вниманию страницы лишь скосил вежливый взгляд. Не более того.

Мечи — точно такие, как тот, что достался Шишелу, — были изображены на развороте текста статьи. Один — на одной странице. Другой — на соседней. Они были зеркальными отображениями друг друга.

— Первый из них — тот, что окрещен теперь «правым», — найден на Джее, — благостно рокотал сэр Стрит. — Второй — в теперешней терминологии «левый» — предположительно пришел с Шарады. Сравнить их друг с другом додумался только через полсотни лет все тот же Ньюмен. Потому в честь его эту пару и назвали. Почти все время оба меча находились в разных руках. А когда попадали в одни, то с владельцем их рано или поздно приключались весьма значительные жизненные пертурбации. Сам Ньюмен собрал все бытовавшие в Обитаемом Космосе мнения о том, какого рода властью наделяют мечи своего владельца.

Все, кто достаточно изучил этот вопрос, сходятся на том, что мечи раскрепощают своего владельца. Снимают те тормоза в подсознании, которые мешают реализоваться его внутреннему потенциалу. Однако это рискованный дар. Он может как возвысить своего обладателя, так и низвергнуть его в пучину кровавых преступлений.

Достоверно известны три человека, в руках которых сходились оба меча. Китаец Лу Шень с Желтых Лун — игрок в магические кости (говорили, что довольно посредственный). Он неожиданно удалился от мирской суеты, создал братство бродячих монахов и разработал собственную философию бытия и боевых искусств. И то и другое до сих пор процветает по всему Обитаемому Космосу. Жил исключительно долго. Перед смертью подарил оба меча, представьте себе, малолетнему воришке из приюта для детей с преступными наклонностями. Это в Метрополии. Должно быть, хотел таким образом открыть дорогу тому хорошему, что было в душе мальчика. Малец этот жив и поныне. И зовется он Кривой Император. Правит на Харуре — несчастной заснеженной, погруженной в вечный мрак планете, власть на которой захватила созданная им община «Свободных и равных». Развлекается тем, что сталкивает своих вассалов в бесконечных междоусобных войнах. Это его способ существования... Но мечи не удержались в руках Кривого Императора. Да, наверное, и не нужны стали ему больше. И он их выменял — по одиночке. С тем расчетом, чтобы они никогда уже не сошлись.

Сэр Стрит презрительно скривился, отхлебнул вина и продолжил:

— Но они сошлись-таки еще раз. В руках Агнес Эспинозы. Сначала обычной медсестры на Квесте, а затем известного всему Обитаемому Космосу борца с эпидемиями. Она не оставила ни мемуаров, ни воспоминаний. Как она заполучила мечи и куда они делись, после того как она погибла во время событий на Аваллоне, достоверно не известно никому. Вот так... — Сэр Стрит отложил фолиант в сторону. — Каким образом мечи попали сюда, неясно. Один долгое время даже выставлялся в «Галерее редкостей», затем — то в одном, то в другом из городских музейчиков. Потом вроде объявлялся на первых Разменах... Оказался каким-то образом у известного коллекционера Терри Милна, который все силы положил на то, чтобы отыскать второй меч. У него были какие-то основания думать, что артефакт тоже здесь, на Заразе. Так оно и оказалось. Но только к тому моменту, когда Господь прибрал Милна к себе. А его меч по сложившимся правилам выставили как джекпот на подпольной игре. Там его и заполучил Фого. Кстати, вот этот и есть тот самый, «правый» меч, который теперь достался вам, сэр Шишел! Так что теперь не осталось ни малейших сомнений в том, что вы помогли izbавить свет именно от паскуды Фого. Еще раз примите мои поздравления...

Шишел почтительно кивнул, не прекращая обсасывать баранье ребро.

— Ну а второй меч... — продолжил сэр Стрит, наполняя свой бокал и глазами показывая, что не мешало бы и Шишелу последовать его примеру. — Второй меч каким-то образом нашел своего хозяина в лице довольно загадочной личности — Симона Ионеску. Карточного шулера, повсюду распускавшего о себе слухи, в которых намекалось на его чуть ли не прямую связь то ли с потусторонними силами, то ли с тайными потомками Предтеч. При этом в качестве доказательств фигурировали тот самый меч и еще пара-тройка предметов магии. Бог его знает — настоящих или подделок. Дуралей, одним словом, доигрался. В том смысле, что раздражил Хого. Тому и так не давали спать мысли, что такая штука есть у его брата, который уже потому не достоин такой чести, что на четыре минуты позднее его появился на свет божий. А вот у него самого нет ничего подобного. И тут еще какой-то цыганский прощелыга помахивает у него под носом как раз тем, чем он мог бы хоть как-то утереть нос своему везучему братику — недостающая половина пары, которая дала бы обоим мечам и их обладателю невероятное могущество.

— М-да, — согласился Шишел, наливая себе вина. — Это, должно быть, задевало парня за живое...

— Так или иначе, — вздохнул Коннетабль, — но Хого по какому-то поводу вызвал этого мадьярского дурня на поединок.

— Вряд ли мадьярского, — задумчиво заметил Шишел, рассматривая окружающую действительность через налитое в бокал «Замковое». — Скорее уж румынского или молдавского...

— Ну, вам, славянам, — пожал плечами сэр Стрит, — легче разобраться, кто у вас есть кто...

Шишел решил не тыкать Коннетабля носом в прорехи его этнографических познаний и промолчал — с видом достаточно значительным.

— Надо сказать, — продолжил хозяин стола и замка, — что спровоцировать Симона-картежника на поножовщину было легче, чем у бэби отнять леденец. На нем и самом грешки были — по части загубленных душ. Но Хого настоял на том, чтобы драться по правилам — на саблях. А в этом деле оба брата Хого-Фого — большие мастера...

— Вот и не хватались бы за топоры, — мрачно сыронизировал Шишел.

— О-о-о... — покачал головой сэр Стрит. — Тогда тебе пришлось бы плохо... Даже ствол — прости за откровенность — тебе бы не помог... Словом, те, кто это дело видел, рассказывают, что даже и смотреть было, в сущности, не на что. Ну дал Хого этому мадьяру у себя под носом помахать сабелькой, потом сделал выпад небольшой — те из свидетелей, что зазевались, и заметить не успели — и всё: представление окончено! Симон с перерезанной глоткой отходит к праотцам. О реанимации вопрос не стоит. Хого снимает с хворостины свой приз — заранее вывешенный, — заворачивает в овчинку и, не говоря худого слова, удаляется. Трупчик подбрасывают на Тракт, и все идет своим чередом. Знаешь, Шишел... Я на твоём месте погостил бы у меня недельку-другую. Пока не прояснится, какие у Хого намерения. В отношении тебя. Боюсь, что очень дурные...

— Спасибо, Джонатан. — Не часто Шишел позволял себе обращаться к Коннетаблю Ордена по имени. — Спасибо... Но я, знаешь, привык не прятаться от неведомо чего. В таких ситуациях надо работать на опережение...

— Это как же? — недоуменно развел руками сэр Стрит.

— Пока не знаю, — пожал плечами Шишел. — Для начала доберусь до города и

поставлю богу свечку. А там... утро вечера мудренее... Господь вразумит.

— Ну, хорошо, если так... — снова развел руками, на этот раз огорченно, сэр Стрит.

— У меня вот встречное предложение есть, — начал разыгрывать вслух задуманный гамбит Шишел.

И Коннетабль всем своим видом дал понять, что предвидел этот момент. Он выпрямился в кресле, чуть наклонился в направлении Шишела и впился в него глазами.

— Ну, говори! — произнес он тоном, полным ожидания. — Хотя постой! Давай выпьем...

— За все хорошее, что ли? — неуверенно предположил Шишел.

— За то, чтобы оставаться друзьями! — решительно сказал Коннетабль.

Глухо звякнул хрусталь, и с водопроводным урчанием две солидные емкости, наполненные «Замковым», опорожнились в две не менее солидные глотки.

— Так вот я о чем, — приступил Шишел к делу, обстоятельно утерев бороду салфеткой. — Я вижу, ты о мечях тех уже давно задумываешься. Оно и понятно: гуляют они буквально под носом, да на руках у бандюков. Это не дело! А у тебя, вижу, глаза загорелись и книжка нужная тут же под рукой очутилась... А книжка-то редкая. И в бабки не слабые она тебе, видно, стала. Это не случайно ведь. А мне вот меч этот без надобности. Я ж говорил как-то, что зарок дал: с Магией дела не иметь! Так что все очень даже срастается: я от чистого сердца, с открытой душой...

— Нет!!! — неожиданно, в сердцах, врезал по столу кулаком сэр Стрит. Секунда-другая потребовалась ему, чтобы взять себя в руки и смахнуть со штанов пролившийся на них чесночный соус. — Я не могу принять от тебя такого подарка. Прости меня, сэр Шишел, но это было бы большой политической ошибкой с моей стороны!

«Сэр Шишел» только удивленно повел головой.

— Пойми, — продолжил Коннетабль — Я не могу принять от тебя дар, который может возвысить меня или низвергнуть в бездну, и после этого делать вид, что ничего не случилось! Можно подарить человеку маленькую удачу или немного нового знания... Но Судьбу не дарят! Я буду всю оставшуюся жизнь сознавать, что своим взлетом или падением обязан лишь тому, что кому-то — пусть даже моему хорошему боевому товарищу — не по вкусу этот путь. И он уступил его мне — просто так! За ненадобностью!

Шишел, ошарашенно молчавший во время этого монолога, наконец спохватился и попытался перебить так неожиданного сорвавшегося с цепи сэра.

— Дык я не... Я ж не имел в виду... Я... И отчего вы решили, благородный сэр, что я дарю вам не просто некомплектный металлолом, а какую-то Судьбу? Ведь второй-то меч бог его весть где гуляет... Так что...

Джонатан чуть поостыл, но сохранил на лице суровость, а в голосе металл.

— Тогда еще хуже, дорогой мой Шишел! Тогда — еще хуже!! Тогда получается, что ты даришь мне не предмет Магии, который может быть подарен только от чистого сердца и должен быть отвергнут при малейшем подозрении, что это не так, тогда получается, что ты даешь мне взятку в виде произведения оружейного и прикладного искусства, имеющего немалую стоимость на рынке такого рода изделий!

— Вот это ты загну-у-ул! — диву дался Шишел, откинувшись в кресле и начиная наливать гневом. — Так ты... Так вы...

— Не кипятись! Я не сомневаюсь, что это не так! — оборвал его Коннетабль. — Наливай еще. Выпьем и разберемся! Ну... — Он наполнил свой бокал. — Ну, в общем — за

взаимопонимание... Я теперь не сомневаюсь, Дмитрий, что заполучу и второй меч. Прости меня за откровенность, но ты сейчас сделался такой приманкой для Хого, что мне надо быть начеку и насадить его на вертел раньше, чем это сделаешь ты. Не в этом дело... Раз уж так или иначе я получаю из твоих рук новую Судьбу, то... Одним словом, заполучить твой меч мне хотелось бы менее унижительным для меня способом...

«Надеюсь, — подумал Шишел, глотая вино, — что Коннетаблю не придет в голову вызывать меня на честный бой из-за проклятого ковыряльника. Это уж ни в какие ворота не лезет!»

— Значит, хочешь меняться? — как можно более сурово спросил он. — Предупреждаю: в кости играть не стану. С меня одного раза хватило!

— Да, будем меняться! — воскликнул сэр Стрит и, чуть пошатнувшись, поднялся из-за стола.

— Хочешь сделаться великим, как Лу Шень, Кривой Император и эта... Эспиноза? — с тревогой осведомился Шишел.

Сэр Стрит бросил на него тяжелый взгляд:

— Хочу, брат ты мой Дмитрий. Хочу! Для чего же рождается человек, как не для великих дел?

Он нетвердым шагом пересек трапезную, остановился перед стеной, на которой пристроилось не меньше дюжины миниатюрных алтариков Пестрой Веры, вытащил из кармана сотенную федеральными баксами и запалил ее перед ликом Мануан-Огни — Коварного бога Желаний.

С минуту посмотрел на пламя и кивнул Шишелу:

— У меня есть нечто достойное для обмена! Следуй за мной!

* * *

То, что Коннетабль, как бывший участник двух экспедиций на Скимитару, не чужд коллекционированию предметов Магии и со вниманием относится к связанным с ними обстоятельствами, Шишел прекрасно знал. Но то, что в его коллекцию могло войти что-то достойное встать в один ряд с парными магическими мечами, было для него полным сюрпризом.

Святая святых магической коллекции сэра Стрита располагалась, к удивлению Дмитрия, не в глубоких подвалах замка, а в одной из его башен — в той, в которую вела лестница из кабинета преславного сэра.

Под самой крышей башни в небольшой комнатке почти без окон перед Шишелом предстала чуть ли не дюжина намертво запертых шкафов, молчаливо выстроившихся вдоль стен. Сэр Стрит безошибочно определил среди них нужный ему. Видимо, заветный. Поковырявшись с полминуты ключом в его замке, он торжественно произнес:

— Вот, смотри! — и распахнул створки.

Панель освещения под потолком вполне справлялась со своими обязанностями, и содержимое шкафа открылось Шишелу достаточно ясно. По крайней мере, настолько, чтобы уяснить себе, что ничего особенного он перед собой не видит. Оно так и должно было быть: как правило, большую часть времени предметы Магии выглядят самым заурядным хламом, который не всякому старьевщику еще может оказаться интересен.

Так что задаваться вопросом, какой из многочисленных предметов непонятного назначения, любовно размещенных хозяином на полках заветного шкафа, был той гордостью его собрания, которая предлагалась на обмен, Шишел и не думал. Его, честно говоря, вообще не интересовало, что там будет ему предложено. Чем бы это ни оказалось, он намерен был как можно скорее избавиться от этой чертовщинки любым из дозволенных законами Магии способов. Впрочем, нет... Один из этих способов, а именно: потерять хреновину вместе с жизнью в честном бою — был для Дмитрия не слишком привлекателен.

Из вежливости к хозяину он изобразил на физиономии живейший интерес к содержимому шкафа.

— Вот... — повторил уже менее уверенно сэр Стрит, приглядываясь к чему-то на четвертой снизу полке. — Видите эту вещь?

Он взял предмет, который имел в виду, и продемонстрировал гостю. Какая-то растерянность сквозила в его поведении.

— Симпатичная куклища, — признал Шишел, уставившись добродушным взором на отлитого из металла и непонятной керамики болвана ростом чуть ли не в полметра. Болван был не чем иным, как стилизованным и очень ядовитым изображением самого сэра Стрита.

И следовательно, в понимании Дмитрия, никак не мог относиться к предметам Магии. Поэтому гость не мог ничего путного добавить к уже высказанной им одобрительной оценке этого изделия.

— И кто ж вам такой шаржик изваял? — растерянно осведомился он.

— Кто, кто... Да никто! — с досадой отозвался преславный сэр. — Сам он изваялся! Еще позавчера эта штука была чем-то вроде кофемолки. А с неделю назад — креслом... Понимаешь, меняется она. То стоит, стоит себе и ничего ей не делается. А потом: раз! И стала уже чем-нибудь совершенно непохожим...

— Прямо на глазах? — удивился Шишел.

— Нет, — покачал головой Коннетабль. — Ни разу на моих глазах это не происходило. Всегда без свидетелей. Такая вот штука... Я ее у Фландерса выиграл... Он ее называл Джокер.

— У самого Фландерса? — поразился Шишел.

Один из самых мужественных первопроходцев Закрытого Мира Рафаэль Фландерс был для него чем-то вроде бога, живущего по нелепой прихоти среди людей. И то, что с этим божеством можно было сыграть партию в строжайше запрещенные магические кости, было для него вещью совершенно невообразимой.

— А что в этом удивительного? — пожал плечами сэр Стрит. — Мы же с ним вместе на Скимитаре чуть ли не целый год сидели. Вот и сошлись. А вот из-за этой штуки рассорились. Он очень жалеет, что проиграл мне ее. А в дар назад принимать отказывается. Вообще со мной дела иметь не хочет. Считает, что я коварно воспользовался его слабостью... Такие вот пироги...

Скимитара, названная так в честь старинной турецкой кривой сабли, была одной из самых загадочных планет системы Заразы. Планетой, почти пригодной для заселения, но — только почти. Основной особенностью ее, заставившей переселенцев из Старых Миров потратиться на организацию на этой планете постоянной базы, была Магия Предтеч. На Скимитаре энтузиасты, подобные Фландерсу, накопили огромное количество сохранившихся в целости и сохранности следов пребывания Предтеч. В том числе — и предметов Магии. А уж уговорить на денежное вливание Престол в лице принцессы Фесты, тронувшейся на перспективах, которые, по ее мнению, открывали такие артефакты, им не стоило большого

труда.

— Ну и что эта штука может? — для проформы осведомился Шишел.

На самом деле он ни за какие коврижки не собирался прибегать в каком бы то ни было деле к помощи Магии.

— Если это кто и знает, — пожал плечами сэр Стрит, — так только сам Фландерс. Но он — молчит. Говорит, что в этой штуке таятся возможности, для которых человечество еще не созрело. Во как! Очень сокрушался, когда хакеры влезли в файлы с его дневниками. И с тех пор записи ведет только на бумаге. Если сможешь у него что-то выведать или отыскать те файлы, что выкрали хакеры, — твое счастье. Как видишь, ситуация очень похожа на случай с мечами...

— Ну а его, Фландерса, предшественники что говорили на этот счет?

Шишела уже начал одолевать его вечный недуг — любопытство.

— У Рафаэля не было предшественников, — с досадой произнес сэр Стрит. — Он нашел Джокера на Скимитаре. Вместе со мной. Точнее, он говорит, что сам Джокер лично пришел к нам. Случилось это в его дежурство. А мне не повезло. Я как раз после дежурства отсыпался. — Сэр Стрит закручинился. — Эх, как вспомню те годы... Сколько всего было! И сколько всего было упущено... Так вы согласны на обмен, сэр Шишел?

— Разумеется! — заверил его Дмитрий.

* * *

Ларри Брага мог бы стать вторым человеком после Себастьяна Мочильщика в команде Секача, но предпочитал быть человеком, который существует «сам по себе». Он выполнял разовые поручения от разных хозяев — за разовую оплату, как правило. Но чаще всего все-таки от Секача. Тот ценил его за то, что с поручениями он справлялся всегда безукоризненно, без шума и не «грузил» заказчика лишней информацией. Ларри появлялся в кабинете шефа только для того, чтобы доложить, что «вопрос улажен». И получить плату за сделанную работу. Поэтому с деликатными поручениями Секач обращался в первую очередь к Ларри. Это при том, что Ларри всегда мог и отказаться «уладить дело».

«Улаживать вопросы» было его семейным бизнесом. «Вопросы улаживали» его отец и раньше — в Старых Мирах — его дед. А здесь, на Заразе, в не таком уж и далеком будущем «дела улаживать», вероятно, предстояло двоим его сыновьям, пока что прилежным воспитанникам средней школы.

Сказанное выше вовсе не следует понимать в том смысле, что Ларри был потомственным адвокатом или стряпчим.

Стокилограммовый атлет в дорогом «прикиде», принятом среди здешнего народца, живущего «по понятиям», короткая стрижка и физиономия, подобная некоему железобетонному изделю, — таков был облик Ларри Браги. Правда, из общей картины выпадали глаза Ларри — слишком живые и выразительные для людей его круга. Выдававшие наличие незаурядного ума, пусть даже ума, используемого не по назначению.

Но предполагать, будто Ларри принадлежал к числу тех паразитов, что кормятся от Закона, точнее от его несовершенств, было бы просто глупо. Скорее наоборот. Ларри улаживал «вопросы», в которых от адвокатов и стряпчих нет ровным счетом никакой пользы, кроме вреда. Ларри требовался Гарри Гордону только в тех щекотливых ситуациях, в

которых в основном слово имел «товарищ Маузер». Впрочем, любителем стрельбы (и чего-то вроде того, чтобы самому быть мишенью) Ларри не являлся. Он очень ценил то разрешение на ношение огнестрельного оружия, которое выбил для него Секач. Но никогда и нигде не забывал, что всегда и в любой ситуации крайне желательно, чтобы «товарищ Маузер» высказывался как можно более лаконично, а лучше всего — и вовсе не появлялся на месте действия. В этом отношении его функции были прямо противоположны функциям Себастьяна Горнецки.

Сегодня, за два часа до начала очередного подпольного матча, Ларри зашел в кабинет мистера Гордона, чтобы доложить, что конфликт между парой людишек из Красных Камней и Грибных Мест больше не будет отвлекать внимание Секача от более важных дел.

То, что Секач слушал его вполуха и пребывал в некоей эйфории, будучи чем-то к делу не относящимся до крайности доволен, Брага заметил сразу. Но это касалось его в наименьшей степени.

Закончив краткий доклад, он уже было повернулся к двери, но немного притормозил и, откашлявшись, сказал довольно равнодушным тоном:

— Может быть, это не мое дело, мистер Гордон, но... Вы знаете, что на воротах заднего двора у вас кто-то висит?

— В самом деле? — поразился Секач. — И что же так просто и висит?

— В петле. На ремне, — уточнил Ларри. — Судя по всему, на собственном. Я имею в виду, что штаны с него свалились. Но его это, наверное, уже не волнует. Покойники, как я заметил, удивительно спокойно относятся к подобным вещам... Я просто думаю, что кто-то что-то, может быть, этим хотел вам сказать? Например, сам покойный.

— Кто бы это мог быть? — задумчиво поскреб подбородок Гордон.

Всяко бывало в Чоп-хаусе. Было разок так, что один очень сильно загнанный в угол подполковник Городской Стражи вышиб себе мозги прямо в кабинете у Секача. Бывало и так, что игроки «ставили на перо» друг друга и лиц к их неудачам непричастных. Бывало, что и вешались — с горя. Вообще много чего бывало. Так что ничем особо поразительным новость, принесенная Ларри, не являлась. Однако требовала-таки внимания.

— По-моему, — все так же равнодушно заметил Ларри, — это один из братьев Хого-Фого.

— Тогда, — умозаклучил Себастьян, — я бы даже сказал, что это, скорее всего, Хого. Потому что Фого сегодня поутру Дорожники замочили на Тракте. И кроме того...

Секач остановил его, придержав за руку.

— Всего один Дорожник, — внес свои дополнения Ларри. — Шишел-Мышел. Вы его знаете.

— Ты это точно знаешь? — Секач вскинул на него пристальный взгляд.

— Я, мистер Гордон, никогда не говорю того, в чем не уверен, — напомнил ему Ларри. Это было святой истиной.

— Пошли, — мотнул головой Секач. — Я должен убедиться... И надо убрать это украшение. Скоро народ начнет собираться на Игру. Мне такая реклама — без надобности.

* * *

Ларри примерился к узлу ремня, затянутому на верхней перекладине решетчатой

створки ворот. Потом терпеливо воззрился на Гордона. Тот кивнул. Ларри перерезал ремень и спустил покойника наземь.

— Да, он, — заключил Секач и пнул Хого в бок носком остроносого полуботинка. — Вот что, Ларри... — Он достал из внутреннего кармана роскошный бумажник и отсчитал из него несколько купюр. Купюры протянул Браге. — Не сочти за труд, Ларри... Вывези эту падаль на Трясины и определи в топь ненадежнее. Ну, в том, что трепаться ты не будешь, я уверен, так что даже не напоминаю. А вот завтра с утра зайди — будет работа... Впрочем... Вот что — завтра, если сможешь, то сегодня найди Шишела и выясни, как он намерен распорядиться тем трофеем, что ему достался от Фого... У него должен объявиться такой трофей. Про меня — ни слова... Ну ты у нас не глупый. Как только узнаешь, сразу мухой ко мне...

— Я вас понял, мистер Гордон, — с вежливым равнодушием произнес Ларри.

Он достал из кармана пульт и набрал команду своему кару. Меньше чем через минуту из сгущающихся сумерек выкатилась серебристая тушка «Форда Торпедо» и тихонько просигналила хозяину подфарниками. Еще через минуту Себастьян и Секач были лишены приятного общества покойного Хого и остались вдвоем в пустом и безлюдном пока что дворе.

— Не ожидал я, — задумчиво бросил Секач, — что у парня такие хлипкие нервы...

— Может быть... — задумчиво молвил Мочильщик. — Может, он и не сам...

Секач решительно повернулся спиной к воротам и зашагал в Чоп-хаус.

Себастьян поторопился за ним.

— Прикинем, — рассуждал Секач, меряя двор широкими шагами. — В середине дня Хого вваливается ко мне в расстроенных чувствах... Вообще весь из себя никакой. И сообщает, что хочет ни больше ни меньше как со мной махнуться. Магию — на Магию. Свой меч — «левый» из пары — на Зеркало Смерти. Ни фига себе заявочка! Я честно предлагаю ему просто сыграть — тут же, на месте. Одно против другого. Долго торгуемся. Выставляем в дополнение всякую мелочишку. Наконец играем. Игра складывается сложно. По дороге Хого пьет все, что может гореть. Выкладывает мне, что Зеркало сдалось ему, чтоб мстить за то, что брата его замочили. Мы, конечно, ему сочувствуем и подливаем. В конце Хого проигрывается вчистую и лезет драться. Но уже плохо стоит на ногах. Я забираю меч, и вы, ребята, вышвыриваете его на задний двор. Следующий раз мы его видим уже в петле...

— По пьяни еще не то мужики творят, — резонно заметил Мочильщик, избегая по лестнице вслед за шефом. — А Хого, уже когда к тебе заявился, был здорово подогретым. Больно за брата своего кручинился, наверное. А может, и не по пьяни... Может, у ворот повстречал кого-нибудь... Из тех, кто давно с ним хотел вот этак поговорить...

Секач молча вошел в кабинет, кивнул Себастьяну, чтобы тот закрыл дверь, и подошел к тяжелому железному шкафу — из тех, в которых в казармах хранят огнестрельное оружие. Отперев его, Гордон осторожно и с нежностью извлек на свет божий нечто, завернутое в тонкую шкуру местной козлоногой обезьяны. Положил сверток на стол, развернул и некоторое время любовался похожим на иней узором клинка, явно вышедшего не из рук мастеров, ведущих свой род от Адама и Евы. Потом достал из бара бутылку виски и подошел к другому шкафу — полки в нем были заставлены алтариками божков, в которых никто не верил всерьез. Чарка виски досталась Коварному богу Желаний.

— В конце концов, — бросил Секач, рассеянно созерцая миниатюрный, жадный лик божества, — ненаше это дело, сам ли Хого отправился к праотцам или кто-то ему с этим

делом слегка помог. Не фигу вдребезину бухим шататься по таким местам, как наш дворик! Верно, Себастьян?

Мочильщик отозвался одобрительным «гы!».

Глава 3

БОГ ОТЧАЯНИЯ

— Папеле, — обратился к старику Зильберману его почтительный, уже сорокалетний сын Мордехай (для близкого круга — Мордка). — Я хотел спросить вас: вы опять собираетесь в бега, папеле? Или мне просто так кажется?

— Не будь идиотом, сынок, — дал ему добрый совет старый Ари. — А лучше помоги поднять эту глупую крышку.. Неужели ты, прожив так долго в этом месте, так и не понял, что когда твой папа берет свой кейс, с которым он прилетел сюда, и берет с собой Тору, то это всегда значит, что твоему папе надо немного убежать? Чтобы у всех нас не было неприятностей. Боже мой! Что это за место, куда ты нас определил, чтобы мы тут мучились, как в аду?! — возвел он глаза к потолку подвала. — Что это за место, Господи, где старому Ари приходится раз в год лезть под землю, словно кроту? Я ведь уже не так молод, Господи. Ты это заметил?

— Что случилось, папеле? — с тревогой спросил Мордка. — Почему вы так волнуетесь? Вы хорошо поужинали, вы хотели пройтись до реки. Но вместо этого я прихожу и нахожу вас в нашем погребе с вашим старым кейсом и Торой?

— Ты бы тоже так волновался, сынок, если бы узнал, что тобою очень сильно интересуется Лео Байер и его архангелы.

— Но ведь сэр Байер только поговорил с тобой и спокойно ушел... И, по-моему, он вел себя очень почтительно...

— Настолько почтительно, что поставил четырех своих человек присматривать за старым Ари, — отозвался папеле с большой горечью в голосе. — По крайней мере, я вижу четырех. Этот Родни Паркер — я хочу сказать тебе, сынок, — он оказался очень нехорошим человеком. Он нас всех — своих честных партнеров — втравил в такое дело, которым немножко интересуется сэр Байер. А нет ничего хуже, чем заниматься делами, которыми интересуется сэр Байер, сынок. Родни Паркер очень нехорошо сделал нам всем. Я даже думаю, — тут старый Ари перешел на шепот, — что он сделал так потому, что он антисемит!

Мордка тяжело вздохнул. «Вот доживу я до тех же лет, что папочка, — подумал он, — и тоже в каждом прохиндее, который меня надует, буду видеть антисемита... Дайте только дожить, и вы увидите...» Вслух же он согласился с отцом:

— Да, папеле, Родни Паркер — очень нехороший человек. Настолько нехороший, что его убили. Сегодня в обед. Взяли и убили человека, как будто он для этого родился! И говорят, это сделали люди Байера. В доме у этого смешного грека. — Он подумал и добавил: — Или итальянца.

— Перестань болтать языком! — решительно приказал Ари. — И помоги мне наконец поднять крышку!

Речь шла о крышке, хорошо замаскированной в полу подвала. Она скрывала спуск в туннель, промытый обмелевшей теперь подводной рекой. Отсюда можно было пройти в места, где переждать опасность было надежнее, чем по своему адресу. Ари искренне считал, что о туннеле этом люди Закона и люди Страшного Коннетабля не догадываются. Был ли он прав, сказать трудно.

Вид разверстой пасти спуска в здешний Аид вызвал у старика прилив сентиментальности.

— Давай попросимся, сын! — сказал он с чувством. — Я уже очень старый человек, и мы можем больше не увидаться.

— Типун вам на язык, папеле! — дрогнувшим голосом молвил Мордка. — Но... Но если вы так сделаете, я хотел бы, чтобы вы меня простили... Я чуть было не совершил великий грех сегодня, папеле...

Глаза его наполнились слезами.

— Говори, сын... — голосом, исполненным подозрения, благословил сына на исповедь старый Ари.

— Я хотел этим вечером пойти в Чоп-хаус и играть там в магические кости...

— Это очень глупо, сын, — сухо сказал Ари. — Для того чтобы играть в магические кости, надо иметь магические монеты. Целых три магические монеты. Не меньше. Или другие магические предметы, которые можно выставить на Игру...

— У меня была магическая монета. Та, которую вы подарили мне на день сорокалетия, папеле...

— Ты очень, очень огорчил меня, сын, — еще более сухо дал оценку намерениям своего отпрыска Ари.

— А остальные две вложил в Игру Рябой Али, — совсем упавшим голосом уведомил его сын. — И, по-моему, одна из них была фальшивой.

— Но ведь Али исповедует веру в Аллаха. Он мусульманин... — не понял его старый Зильберман.

— Суннит, — уточнил Мордка.

— Я прокляну тебя, сын, — уведомил его Ари и стал пробовать носком ботинка, не скользко ли будет спускаться по вырубленным в черной скале ступеням.

— Но Бог не дал нам согрешить, — горячо заверил его Мордка.

— Это хорошо, сын, — дал оценку ситуации старик и приготовился к спуску в здешний филиал Аида.

— Ты не хочешь знать, как он это сделал, папеле? — огорченно спросил Мордка.

— Долго ты будешь отнимать у меня время? — возмутился Ари. — Его и так уже мало осталось у старого Зильбермана.

— Он послал к нам того из братьев, что разбойничают на Трясинах. Того, что тогда — помнишь, три года назад? — загнал в Трясину караван вездеходов с оборудованием для новой больницы? Мы должны были получить за эти вещи хорошие деньги. Ты хорошо помнишь этого человека?

— Их было-таки двое. — Ари хорошо помнил тот случай. — И один вездеход вел твой брат Шлойме...

— А еще один вездеход вел сын Рябого Али — Джибраил, — напомнил отцу обстоятельства дела Мордка. — Всего в караване было шесть машин, шесть водителей и пятеро человек охраны — из Ордена Охраны Путников. Братья Хого-Фого обещали, что если эти люди отдадут им свой груз, свои деньги и свое оружие, то они помогут им выбраться из Трясин. Те им отдали всё, а братья их всех расстреляли из их же пулеметов. Только двое охранников остались живы. По ошибке, наверное. Или они были очень хорошими людьми и Бог сохранил им жизнь... Но ведь и Шлойме был очень хорошим человеком, хотя и играл иногда в карты?

— Это было большое горе для всех нас, сын, — вздохнул отец.

— И для семьи Али тоже, — уточнил Мордка. — Именно после этого случая мы с ним

стали лучше относиться друг к другу.

Ари промолчал, поджав губы.

— И вот мы встретили этого человека... — продолжил его сын. — Это было на заднем дворе Чоп-хауса.

— Вряд ли он узнал вас, — подумав, определил старик. — Но вы правильно сделали, что поняли этот знак, который послал вам Бог, и вернулись по домам.

— Он нас не мог узнать, — объяснил ему сын. — Да и мы бы его не узнали, наверное. Но он был сильно пьян и пристал к нам. Нес всякую околесицу. Он, оказывается, был очень огорчен тем, что какой-то хороший человек зарезал его брата на Тракте. Сегодня утром.

— Я знаю об этом, — кивнул Ари. — Я думаю, ему многое простится на том свете. Этому хорошему человеку, я имею в виду.

— Ну и когда мы поняли, кто это... — несколько запинаясь, продолжил Мордка. — Когда м-мы это поняли... То мы... Мы ушли не сразу. Но ушли. Никто не видел... Ну а Хого остался висеть на воротах у Секача. А душа его — гореть в геенне огненной... Я надеюсь, что это так... А потом мы пошли... Я — в синагогу, а Али — в мечеть... Ты простишь меня, отец?

Наступила пауза.

Потом Ари поставил свой кейс на пол и молча положил освободившуюся руку на голову сыну. Другой рукой, левой, он крепче прижал к себе том Торы. Если бы Мордехай осмелился поднять глаза, то увидел бы, что по устам папеле змеится счастливая улыбка. Улыбка отмщения.

Старик чтит Тору. А Тора никогда не советовала, получив по одной щеке, подставлять другую. Человек, которому пришла в голову подобная идея, явился на далекую отсюда Землю много позже, чем была написана мудрая книга.

* * *

— Ладно, — бросил Секач, покончив с принесением жертвы божку Пестрой Веры. — Нас сильно отвлекли. А времени у нас почти не осталось. — Он пристроился на краешке своего стола и плеснул виски себе и Мочильщику. — Ты вроде говорил, что у тебя против каждого из игроков есть свой убойный прямо-таки ход... Меня интересует, какой ход у тебя припасен для этого русского приемыша.

Себастьян лукаво ухмыльнулся. Это у него получилось в точности на манер одного из политиков двадцатого столетия — лучики-морщинки легли вокруг его глаз.

— Дело в том, что где-то к концу игры у нас будет возможность схватить этих обнаглевших птенчиков за ручку...

— Неужели этот парень думает, что сможет «передернуть», играя в такой компании? — поразился Секач, как будто Себастьян сообщил ему о какой-то уж и вовсе из ряда вон выходящей непристойности.

— Да нет... — покачал головой Мочильщик. — Правил Гринни не нарушит... Не такой человек. Просто у него одна монета будет кривая...

— Это как? — Секач подлил себе еще виски. — Порченная, что ли?

— А так, — отозвался Себастьян и тоже плеснул себе спиртного. — И магическая, и, однако же, людьми сделанная. Большая редкость, замечу. Такими иногда цыганские маги играют. А строгими правилами их ставить в Игре запрещено. Наравне с фальшивыми. У тех,

кого на этом ловят, «все ставки аннулируются и уходят в джек-пот». А самих таких игроков, бывает, что и бьют... Нужен только специалист, чтобы распознать мог. У меня такой есть на примете...

Секач задумчиво смотрел на Мочильщика:

— Информация надежная? Откуда?

— Эту монетку одна девица сварганила. Из той же компании... У нее в связи с этим какая-то история вышла...

— Так она уже попадалась на подделках? Что-то я не слышал ничего подобного. Что за девица?

— Нет, мистер Гордон. То другого рода история была. Не имевшая отношения к властям. Что-то темное... Связанное с Магией. Девицу вы знаете. Это Элли Кортни. Помните историю с магическими замками?

— Х-хе! Вот, оказывается, кто! — почти восхитился Секач. — Ну и компания там подобралась у них.

— Так вот, — уточнил Себастьян. — У девочки были серьезные неприятности по части Магии. Она кое-что сболтнула на этот счет — главным образом всякими недомолвками. Слишком умная, как говорится. Но знающие люди просекли, что, как только появится первая возможность, она попробует от этой монеты избавиться... Не может быть, чтобы она эту монету не выставила на Игру. Их у нее и так не очень много, таких монет. Еще одна или две.

— Я спрашивал, откуда информация? — сурово напомнил Секач.

— От Чувырлы, — с некоторым смущением признался Мочильщик. И тут же добавил: — Но в данном случае его можно считать надежным источником информации.

— Макс Чумацки... — Секач выговорил это имя, словно скверно пахнущее ругательство. — Это же дерьмо, как говорится, еще того замеса... Еще не было человека, с которым он имел дело и которого бы рано или поздно не подставил. И ты предлагаешь мне верить тем байкам, что он распространяет? Он, скорее всего, зол на девицу. Я помню, что после той истории с замками она его и на порог не пускает... А чертов нарк рассчитывал чем-то там у нее поживиться. Вот теперь и сочиняет...

— Дело тоньше, — покачал головой Себастьян. — До той истории с замками Чувырла у Элли не то чтобы в лучших друзьях ходил... Даже не в друзьях вовсе. Но вроде как в делах ей помощь оказывал. На людях что-то вроде ее импресарио корчил. А после подмены тех замков стало ясно, что он просто разнюхивал, где что плохо у Элли лежит. «Жучки» расставлял. И все такое. Или для кого-то наводчиком работал, или сам воображал, что у девочки где-то несметные богатства запрятаны. Но после того как на замках попался, Элли его шуганула из своей мастерской, как блохастую псину. И — кстати о блохах — «жучки» его ему в морду бросила. Но, видно, не все нашла. Макс тоже не лыком шит. Потому что от Макса продолжала кое-какая информация плыть... Вчера вот насчет монетки той он мне кое-что наплел. А сегодня в обед кое-что добавил.

— И сколько взял?

— Под обещание продал. Что если наврал, то просто сломанной челюстью не отделаешься. А если инфа его подтвердится, то с меня пятьдесят. Федеральными. Он знает, что мое слово — железное.

— Под обещание... — задумчиво протянул Секач, покачивая свешенной с края стола ногой. — Под обещание... Тогда это похоже на правду...

Лео Байер двумя пальцами левой руки потер глаза, так что казалось, что он хочет взять их в щепоть и выбросить вон. Потом выдвинул боковой ящик стола, но не стал туда заглядывать, а устремил внимательный взгляд на тихо потевшего перед ним вольного предпринимателя Апостолоса Челлини.

— Подытожим, — произнес он устало. — Поправьте меня, если я неверно передам ваши слова.

Вольный предприниматель всем своим видом выразил готовность оказывать посильную помощь святому делу Ордена.

— Покойный меняла Паркер, — начал уже в который раз зачитывать Еноту конспект его показаний Страшный Коннетабль, — действительно просил вас заняться поисками некоего груза, который прибыл для него, по его словам, откуда-то из Старых Миров, но... э-э... затерялся на складах компании услуг «Грандисон». Это так?

— Именно так, — со всей охотой подтвердил Енот.

— Прекрасно...

Коннетабль разгладил лежащий перед ним листок.

— Через некоторое время, а именно позавчера, некто Ари Зильберман поставил вас в известность, что вышеупомянутый груз находится в руках владельца скаковых конюшен и ряда ферм Мыколы Просыпы... Кстати, вы не знаете, где можно найти упомянутого Зильбермана? Не считая, разумеется, адресов его квартиры и офиса?

— Нет, — испуганно ответил Енот. — В том смысле, что да... То есть вы меня запутали, благородный сэр...

— Постарайтесь выражаться яснее, — посоветовал ему Коннетабль, мучительно морщась.

Пошел всего третий час их задушевной беседы. Но способ, которым излагал свои мысли вольный предприниматель Челлини, уже стал вызывать у главного охотника за Чужими стойкую и притом довольно сильную мигрень.

— Я имею в виду то, что вы конечно же правы, сэр, — торопливо стал объяснять Енот. — Только вы не правы совершенно! Старик Зильберман действительно живет по своему адресу. Но я не могу знать, где он живет, когда он не бывает там... В смысле — ни по своему адресу, ни в своем офисе, ни в синагоге! Мы с ним совсем не разговариваем о таких вещах! Зачем?! Нам и так есть о чем разговаривать — Апостолосу Челлини и старому Ари Зильберману! Например...

— Стоп!

Коннетабль прилепнул лежащий перед ним листок бумаги, словно по тому крался нахальный таракан. И снова попытался взять в щепоть свои глазные яблоки.

— Я уже понял, что вы не знаете, где находится почтенный Ари Зильберман, — сказал он голосом, по которому чувствовалось, что его, голоса этого, обладатель старается из последних сил сохранить спокойствие. — Вы и не обязаны это знать. Но вы подтверждаете, что именно он утверждал, что искомый вами и покойным Родни Паркером груз находится в руках господина Просыпы? Да или нет?

Енот развел короткими ручками.

— Разве же я утверждал что-нибудь другое, сэр?

— «Да» или «нет»? — напомнил Страшный Коннетабль. — Вы ведь не хотите ввести меня в заблуждение?

Енот всем своим видом показывал, что оказался в тупике из-за непонятливости высокопоставленного собеседника. Он постарался растолковать свою мысль как можно яснее:

— Нет — в том смысле, что конечно же да... Я ничего другого и не говорил... Следовательно, вы можете считать, что...

— Значит, «да», — волевым усилием подвел итог путанице Коннетабль. — Вы не помните еще чего-нибудь, что сообщил вам почтенный Зильберман в этой связи? Например, каким образом этот груз попал к господину Просьпе? Или откуда он, Зильберман, взял, что груз этот находится в руках именно у этого господина, а не где-либо еще?

Енот воздел свои ручки к небу.

— Я сам хотел бы знать это! Никакого груза для покойного Паркера у Щу... У-у... У уважаемого Просьпы не было и в помине. Он это и самому почтенному Зильберману так и сказал... Точнее, он сказал ему...

— Стоп! — снова прервал его Байер. — Где же стали искать этот груз вы?

Енот попробовал расстегнуть пуговку на воротнике, но не преуспел в этом занятии.

— Знаете, достопочтенный сэр... Скажу вам честно: у меня есть и другие дела... Более важные, чем искать незнамо что неведомо где...

— Одним словом, вы не занимались этими поисками.

— Именно так, сэр! И не думал заниматься! Почтенный Зильберман вас направил ко мне только по той причине, что он непроходимый идиот! Он подумал, что я прямиком после того, как выслушал его бредни, побегу трясти задницей перед этой скотиной — уважаемым господином Просьпой! Дудки! Если вы хотите знать мое мнение о...

— Не хочу! — чуть ли не по слогам произнес сэр Байер. — Итак, вы не занимались поисками потерянного груза и не знаете, где он находится. Так?

— Именно так! — с энтузиазмом подтвердил Енот.

Разговор подошел к моменту, которого он опасался больше всего. Сейчас должны были снова последовать скользкие вопросы. О том, как в его кабинете неожиданно объявился почтенный меняла Родни Паркер сам по себе и его голова — сама по себе... Что не есть хорошо.

Однако к этой части их долгого разговора Коннетабль возвращаться не стал. Он, по-прежнему не заглядывая в ящик, извлек из него коротенькую, но массивную, из какого-то особо корявого дерева вырезанную трубку и объемистый кисет. Потом отпер с помощью ключика, висящего на длинной цепочке у него на шее, еще один ящик, бросил в него многострадальный листок, хранящий запись его разговора с Енотом, и снова запер его.

— Вы пока поразмыслите над тем, что вы мне наговорили, — мрачно посоветовал он вольному предпринимателю, поднимаясь из-за стола. — Может быть, припомните какие-нибудь обстоятельства, о которых, по вашему мнению, стоило бы мне сообщить... Или измените показания... А я пока выйду, выкурю трубочку... А потом мы подпишем протокол...

Енот остался один в кабинете Коннетабля, помещении довольно мрачном. Стены его были обшиты панелями темного дерева. А украшением служили копии работ известных живописцев, изображающих страдания святых мучеников...

На балюстраде, опоясывающей Замок задушевных бесед, сэр Байер похлопал себя по карманам и крякнул с досады.

Позади него раздалось деликатное покашливание и щелчок зажигалки.

— Я так и знал, сэр, что свою вы забудете, — пряча в усах улыбку, посочувствовал шефу лучший сыскарь Ордена Роман Плонски, протягивая Страшному Коннетаблю огонек. — Все остается в силе?

— Да, Ромми, — кивнул сэр Байер. — Отпускаем этого клоуна на все четыре стороны. То, что не он снес башку мерзавцу Паркеру, ясно как божий день. Так же, как и то, что среди нас теперь бродит дьявол. Притом дьявол, который, по всей видимости, может принимать обличье любого смертного.

В последнем Лео Байера убедил даже не столько Апостолос Челлини, который, попросившись с ним, вышел из гаража через ворота, а через считанные секунды вошел в гараж через дверь, ведущую в дом, не имея представления о том, что уже виделся со Страшным Коннетаблем несколько минут назад.... А скорее то обстоятельство, и досадное обстоятельство, что буквально под самым его носом кабинет Челлини, а затем и его дом покинул человек, по словам наблюдателей как две капли воды похожий на него самого — сэра Лео Байера. К немалому удивлению наблюдателей, сначала их шеф удалился по кривой улице Вознесшихся, не воспользовавшись своим служебным автомобилем. А затем он вновь появился из дома Челлини — охваченный гневом и раздающий направо и налево тычки и грозные «ценные указания».

— У меня все подготовлено, — доложил Роман. — Как только Челлини покинет ваш кабинет, я и двое моих людей установим за ним слежку, не спуская с него глаз ни на мгновение.

Сэр Байер сделал затяжку и выпустил дым вниз, себе под ноги.

— Запись с «жучка», которым мы снабдили Паркера, так и не удалось прочитать? — спросил он вроде бы невзначай.

— Нет, — вздохнул Плонски. — Ребята из лаборатории говорят: пустой номер. Сдох «жучок»...

— Будьте осторожны, — буркнул шеф. — Вы видели, чем обошлась неосторожность проклятому иуде Паркеру.

— Не думаю, что этот тьюфак состоит в сговоре с Сатаной, — пожал плечами Плонски. — Скорее всего, дьявол шел за нами по пятам. И когда мы послали Паркера в дом Челлини, он принял образ хозяина. Больше он ему уже не понадобится... Боюсь, мы зря потеряем время.

Лицо сэра Байера сделалось суровым.

— Твое слабое место, Роман, это то, что ты иногда недооцениваешь и партнеров и противника. Этот Челлини не так уж прост, как тебе кажется. — Он снова затянулся трубочкой и, задумавшись, добавил: — Да и дьявол — тоже...

Выйдя из Замка задушевных бесед целым и невредимым, Енот вовсе не ощутил себя счастливейшим из смертных, как того можно было ожидать.

«Так просто Орден от тебя не отцепится, Енотик, — сказал он себе. — Не думай и не мечтай. Ты — в “разработке”! Под колпаком, дорогой мой, под колпаком... И — будь уверен — под колпаком надежным. Да и дьявол из ящика может в любое время вспомнить о тебе».

Он обратил взгляд своих глаз-маслин к быстро темнеющим небесам, словно накрывший его колпак был зрим и осязаем. Но увидел лишь первые звезды, загорающиеся в вышине. Чужие звезды чужого ему до сих пор мира.

Однако жизнь продолжалась. Надо было спать, есть и выполнять свои обязанностями перед клиентами. Однако появляться дома Еноту было не с руки. Все окрест уже знали, что Апостолоса Челлини посетили «Свои» и что из его дома вынесли покойника, а самого его — правда, без наручников — увезли в Замок задушевных бесед. Желающих увидеть его и задать ему сотни идиотских вопросов будет тьма.

Слава богу, никому из журналюг не пришло в голову, что попавший в Замок человек может выйти из него на волю еще до наступления темноты. Такое допущение иначе чем идиотством окрестить решительно было нельзя. Так что никто из шакалов пера не караулил Енота на выходе. Да и вышел-то он, строго говоря, не из Замка, а из подъезда одного из домов на противоположной стороне реки. Так — через подземный ход — из Замка выпускали тех, к кому не хотели привлекать внимания.

Выспаться, поесть и привести себя в порядок можно было в любом из подходящих местечек, загодя присмотренных и тщательно «окученных» Енотом. Пока придется все делать под носом у наблюдателей Байера. Заодно, глядишь, наблюдатели эти сами «засветятся». Пытаться сейчас «нырнуть», пустить в ход закаченные в тайниках документы на чужие имена, обналичить кредитные карточки пока не горит... Надо взять тайм-аут. А дела можно делать, связываясь с компом в своем офисе через здешнюю Сеть. Худо-бедно, а работает болезная...

С идеей как-то выйти на Шишела Енот не расстался. Но действовать напрямую означало светиться перед «Своими». Нет, вопрос надо обмозговать... Где-нибудь за столиком с доброй закуской... Еноту вдруг дьявольски захотелось есть. В чем, впрочем, не было ровно ничего удивительного. Тут как о чем-то, что было с ним в далеком прошлом, он вспомнил, что завтра ему обещан дармовой обед «от пуза» на двоих в ресторанчике Сяна. Что ж... Этой возможностью он решил не пренебрегать и использовать ее наилучшим образом.

Но — завтра будет только завтра. А есть отчаянно хотелось сегодня и сейчас. Вытащив свой мобильник, он начал вызывать такси.

* * *

— Ну все. Мне пора, — решительно произнес Гринни. — Ждите меня здесь, ребята, и костерите последними словами. Вернусь ближе к полуночи. Со щитом или на щите.

— Ни пуха тебе ни пера! — напутствовал его Сян, который никогда не забывал про ритуальную часть любой затеи.

Тимми и Мика просто сделали Гринни ручкой. И тот исчез в дверях.

Вздохнув, Тимоти повернулся к заскучавшему было бармену. В «Топоре и плахе», одном

из немногих пабов, был самый настоящий, живой бармен. Не кибер-автомат. Не удивляйтесь. На Заразе такое сплошь и рядом.

— Три пива, — буркнул Тимоти. — А лучше — сразу шесть.

— Я буду только имбирное, — предупредила Мика. — Или колу.

— Все равно — шесть вашего фирменного и большую колу для дамы, — уточнил Тимоти. — Нам тут сидеть долго. И если можно, переключи Ти-Ви на что-нибудь повеселее.

Из двух действовавших в Семи Городах каналов один транслировал дебаты в Магистрате, а другой — учебный фильм о способах оказания первой помощи. Бармен выбрал последнее.

Когда на поясе у Микаэллы залился трелью мобильник, друзья уже успели узнать, как определять, получил ли пострадавший сотрясение мозга или же является таким козлом от рождения, а также, что надо делать в случае отравления ребенка плодами дрянь-дерева.

Девушка допила колу, нехотя поднесла трубку к уху и приветствовала звонившего мрачным «ну?..». Дурные предчувствия одолевали ее.

Послушав с минуту говорившего на другом конце канала связи, она нахмурилась и морщась, как от приступа мигрени, попросила:

— Шишел, дорогой... Не грузи меня сегодня. Я понимаю, у тебя проблемы. Но давай — завтра. Ладно? Ты уж извини... — и отключила трубку.

Вид мобильного навел Тимоти на одну почти позабытую за делами вещицу.

— Вот что, Мика... — начал он, доставая из внутреннего кармана давешний, поуродованный предположительно дурнем Чувырлой дешифратор. — На-ка посмотри...

— Посмотрела, — сообщила ему Микаэлла, выждав секунд пять или шесть. — Знаешь, ума у меня от этого не прибавилось.

— Это дешифратор, — пояснил Тимоти.

— Да, это дешифратор, — признала Микаэлла. — Сдаюсь, ты выиграл. С тебя кола.

— Понимаешь, Мика, — задумчиво протянул Тимоти и положил аппарат на стойку. — Один урод мне, похоже, сбил у этой штуки настройку.. Колу для мисс, пожалуйста. Маковую.

Последнее было адресовано бармену.

Тот с сомнением посмотрел на часы и заметил, что время, вообще говоря, уже не детское и если у мисс нет удостоверения...

Мисс предъявила удостоверение личности, получила маковую колу и поинтересовалась у Тимми:

— Какой урод?

— Макс Чумацки, — отмахнулся Тимоти. — Ты его не знаешь. Это не важно.

— Еще как знаю, — заверила его Микаэлла. — Чувырла. Говнюк еще тот.

— Так вот, — горестно сообщил ей Тимми, — он это еще раз доказал: вернул мне вещь в неисправном состоянии. Эта штука теперь все время ловит один и тот же канал и его дешифрует. И можно круглые сутки слушать голосок Чувырлы и его друзей. Но мне это не надо. Я не могу продать вещь... У тебя нет знакомых, которые...

— У меня есть знакомые, — вздохнула Мика, взяла дешифратор со стойки и кинула его в висевшую на плече сумку. — Это всё?

— Еще раз прокрути мне схему того, как этот тип намеревается из Магии делать деньги, — попросил Мутти Швед. — Это выше моего понимания. Магию ведь задумывали так, чтобы все время Магия была бы отдельно, а денежки отдельно.

— Ты розовый идеалист, Мутти! — отмахнулся от него Янек. — Швед заманался уже объяснять тебе простые вещи...

Швед только зло зыркнул на обоих болтунов. Они отвлекали его от довольно важного занятия. Занятие это состояло в том, что он извлекал из стоящей перед ним кожаной сумки одну за другой пачки «орликов», пересчитывал их и укладывал аккуратными стопками на журнальном столике перед собой. В отдельную кучку укладывались попадающиеся среди золотистых «орлов» невзрачные на вид сотенные федеральной «зелени». Сидевший рядом Коста Леонидис зачарованно провожал каждую из них благоговейным взглядом.

«Орлики», что пересчитывал Швед, люди Пуделя внесли и сдали четверым «зоологам» под расчет через пять минут после того, как Пудель, он же Мишель Лакост, разъяснив своим новым подопечным ситуацию, убыл болеть за своего человека на подпольный матч в Чоп-хаусе.

Швед с шумом выпустил воздух из ноздрей, отложил в сторону непересчитанную пачку денег и зло уставился на бестолкового партнера.

— Нет, — обессиленно выдавил он из себя. — Для этого надо быть дипломированным драконоведом, чтобы не понимать простых вещей. Ты не задумывался, Мутти? Почему это «деньги — отдельно, Магия — отдельно»? А от какой такой радости самые большие коллекции предметов Магии оказываются в руках у самых богатых буратинок нашего мира, а не у кого-нибудь другого?

Он поднялся с продавленного дивана, подошел к Ти-Ви, что-то вещавшему в углу гостиной, в которой происходил разговор, и переключил его на музыкальную программу. В отличие от «Топора и плахи», дом 33 по Ботанической был оснащен чертовой уймой кабельных каналов.

— Магия сама по себе, Мутти, не продается за деньги. В этом вся ее подлая натура, — пояснил Швед. — Но услуги, оказываемые Магией, вполне продаются. Нельзя продать самих дракончиков. Но можно продать их работу, боевую работу. И из полученного дохода содержать таких, как мы, «зоологов». И тренеров. И подпольные базы. Но большую часть дохода оставлять себе. Владельцы драконов — богатый народ. Вот Пудель и захотел к их компании присоединиться. Они только купоны стригут с таких, как мы. Ты думаешь, с этой кучи «капусты», — он кивнул на сумку у себя под ногами, — мы получим большой навар? Нет, дорогой. Все это предназначено хозяину нынешней кладки. Как отступные. Мы договорились не называть вслух имен. Поэтому промолчу. Себе мы оставляем обычный процент и премиальные за проведение переговоров с хозяином кладки. Если мы, конечно, проведем эти переговоры успешно. Вся беда в том, что хозяева дракош — народ скрытный. И с кем попало не общаются. Поэтому-то Пудель и нуждается в наших услугах. Потому что настоящих хозяев кладок знаем только мы. И только с нами эти хозяева станут разговаривать.

— И как мы заставим хозяина драконов согласиться на такую дурацкую сделку? — поинтересовался Коста.

— Мы оба слышали, что сказал мсье Лакост, — напомнил Швед. — В случае отрицательного результата мы лишаемся премиальных и передаем ведение переговоров напрямую самому мсье Лакосту.

— То есть сливаем хозяина Пуделю? — уточнил Коста. — Это не называется сделкой... И это не называется партнерством. Пудель — просто дурак. Магия не терпит насилия, шантажа и обмана.

— Да, — пожал плечами Швед. — Лакост — придурок. Но придурок, который знает то, о чем ты забыл. Если хочешь, Мутти тебе прочтет лекцию о том, что драконы приобретают магические свойства только на втором, а то и на третьем году жизни. Когда «становятся на крыло». Им Магией надо заразиться и переболеть. Причем хворают они, болезненные, тяжело. Некоторыедохнут. А некоторых выбраковывать приходится. Они к Магии — иммунны. Так ящерами и остаются. Фокус в том, что хозяин кладки остается и хозяином драконов, из нее вылупившихся. Как видишь, Магия за деньги таки приобретается. Так что в этом смысле наш Пудель ровно ничем не рискует. А что до честного бизнеса, то я не Джордано Бруно, чтобы терпеть паяльник в заднице ради соблюдения правил игры...

Его излияния прервал переливчато зазвучавший сигнал дверного сенсора.

— Гос-с-споди, кого это несет сюда? — нервно спросил Швед и проверил, на месте ли бейсбольная бита — традиционное оружие самообороны от непрошенных гостей. Бита была на месте — стояла прислоненной к дивану.

Янек дал себе труд покоситься в сторону экранчика системы внешнего наблюдения.

— Да это Чувырла, — махнул он рукой. — К тебе, Мутти.

— Почему это только ко мне? — обиженно возразил тот, но поднялся, чтобы нажать кнопку замка.

Швед хотел добавить к своим словам что-то достаточно нелицеприятное, но по лестнице уже зацокали подбитые фигурными подковками ковбойские сапожки Макса Чумацки. Швед решительно застегнул сумку, накрыл разложенные на столике купюры сдернутым с дивана пледом, с недовольным видом уселся в кресло и сосредоточил свое внимание на экране Ти-Ви.

Макс Чумацки был закадычным приятелем всех, кто еще не сподобился въехать ему в морду. От Мутти ожидать этого было трудно. Янека и Косту он еще не довел до нужной кондиции. А Швед его просто игнорировал. Поэтому в небольшой комнатке, исполнявшей здесь роль гостиной, Макс чувствовал себя как дома.

Надо заметить, что гостиную эту он своим видом не украсил. Смахивал Чувырла больше на белесую моль. Только на моль с крысиной мордочкой. Глаза его были вечно красны и безостановочно бегали, словно опасаясь, что пропустят что-то существенное в окружающей обстановке. Например, что-нибудь, что плохо лежит.

Не дожидаясь приглашения, он вальяжно развалился в свободном кресле у журнального столика.

— Ну что, закурим? — осведомился Чувырла, извлекая из кармана грязноватого плаща портсигар. — Отличный «грезничек»... У хорошего знакомого достал партию...

— Я пас, — хмуро бросил Швед, не потрудившись даже повернуться к гостю.

— И почему травка? — поинтересовался Коста, потянувшись за самодельной сигареткой.

— Для вас — в долг, ребята... — добродушно отозвался Чувырла, раздавая самокрутки «зоологам» и нацеливаясь закурить сам. — Почти что даром...

Мутти понюхал сигарку и с видом знатока покачал головой.

— Не бойся! — захихикал Чувырла. — «Товар сертифицирован»!

Он потянулся за большой настольной в виде бронзового дракона зажигалкой и зацепил покрывавший столик плед. Золотистые «орлики» водопадом хлынули на пол.

— Да я смотрю, вы здесь, ребята, не бедствуете... — крикнул Чувырла, нагибаясь, чтобы собрать рассыпавшиеся купюры.

— Убери грабли! — строго сказал ему Коста, грохаясь на колени и торопливо сгребая золотистое половодье в плед.

— Да я что, я — как скажете... — с демонстративной обидой буркнул Макс и присел — уже не на кресло, а на краешек дивана.

Для такого перемещения у него были свои причины. Он наконец-то смог дотянуться до прилепленного под сиденьем «жучка». «Жучок», оформленный под невинный комоч засохшей жвачки, ничем не выдавал себя — ничего не излучал, а только заносил в память каждый звук, раздававшийся в помещении. Сейчас дешевенькая память его уже была близка к переполнению. Чувырла без особых усилий снял устройство, определил его в карман и заменил новым. Все это прошло совершенно незамеченным: «зоологи» были заняты сбором купюр с пыльного ковра.

— Ну вы, я вижу, сильно заняты, ребята, — сохраняя обиженный тон, пробормотал гость, поднимаясь с дивана. — Я тогда пошел...

— Да, лучше заходи как-нибудь в другой раз, — виновато пробормотал Мутти, пытаясь бейсбольной битой извлечь забившуюся под шкаф золотистую бумажку. — Ты уж не обижайся...

Каблуки Чувырлы торопливо зацокали вниз по лестнице.

— Я буду не я, — буркнул Коста, прислушиваясь — хлопнула ли входная дверь, — если подлюка не утащил с собой пару сотенных...

* * *

— Твой пропуск, парень! — с ленцой окликнул Гринни мордovorот на входе.

Конечно, бизнес Секача был «священной коровой», неприкосновенной в общем-то для людей Закона. Представить себе налет Городской Стражи на игорный зал Чоп-хауса мог только человек, одаренный большой фантазией и начисто лишенный чувства юмора. Если уж и было от кого ждать подвоха, так только от кого-либо из партнеров и конкурентов Гордона, чего-то с ним не поделивших, или от какого-то закусившего вдруг удила Ордена.

Так или иначе, несмотря на очевидную безнаказанность Секача — хотя бы внешнюю, — тот тщательно соблюдал конспирацию.

Входили игроки и приглашенные зрители исключительно с черного хода, оставив свои роскошные кары на стоянках не ближе чем за квартал от Чоп-хауса. Желających поставить свои магические монеты на того или иного игрока или на самого себя было гораздо больше, чем мог за раз вместить скромный игровой зал. Поэтому в зал (по очереди, расписанной на полгода вперед) допускались только сами игроки или лица, сподобившиеся предъявить записку, собственноручно написанную Секачом и им же подписанную. Эти автографы тут же на входе и забирали даже у самых важных персон. Во избежание повторного использования

— Я в списке, — коротко бросил Гринни.

— Я знаю парня в лицо, — буркнул второй охранник и заглянул в список. — Монеты с тобой?

Гринни молча предъявил кожаный кисет.

— Записано: «Ставка за четверых», — констатировал охранник. Он пересчитал монеты. — Двенадцать. Проходи!

Следующая пара охранников — в коридоре — обыскала его. Один — вручную, другой — с помощью хитроумного детектора. Третья пара стражей — уже на входе собственно в зал — оставалась совершенно равнодушна. Что входило в функции этих двоих, Гринни не знал.

Зал был убран строго — никаких вульгарных «магических» росписей, никаких атрибутов дешевой кунсткамеры. Только массивный стол для Игры посередине, тяжелые дубовые стулья для шести игроков вокруг. Помост для судей, точнее — скамья на возвышении на три-четыре персоны, отгороженная от зала трибуной-барьером. И в три яруса скамьи для зрителей вдоль стен. Не больше чем на две дюжины мест. Толчея недопустима. Если вы не входили в число личных друзей Секача, то место на такой — не слишком комфортабельной — лавке обошлось бы вам в стоимость неплохого автомобиля. Правда, колу, виски и соленые орешки подали бы вам совершенно бесплатно.

Секач сидел во главе стола. Пока что всего лишь как Хозяин Игры и почетный зритель. Его партия всегда бывала последней. Провожала игроков к столу и рассаживала их по местам модератор Игры — седая как лунь и сухая, как демон пустыни Азазель, Тася Млинская. Ужасная тетка, связываться с которой побаивался и сам Секач.

Гринни досталось место прямо под трибуной судей и напротив Секача. Не самая лучшая позиция. Но спорить не приходилось. Трое игроков, пришедших раньше, уже заняли свои места и тихо сидели, приглядываясь друг к другу. Лишь один из них, Везунчик Тони, явно выделялся на публику. Разминал пальцы с помощью хитроумных упражнений, со значением елозил задом по стулу, бросал то на кого-нибудь из сидящих за столом, то в зал исполненные таинственного смысла взгляды, давая понять, что он на короткой ноге со многими из пришедших поглазеть на Игру богачей.

«Он вылетит из Игры первым, — отрешенно подумал Гринни. — От силы — вторым. Как эта “дешевая повидла” вообще сюда просочилась?»

Тася провела к столу последних двух игроков и окинула взглядом зал.

Все поняли, что отсчет времени уже пошел.

Последние зрители расселись по местам. Игрокам подали тоник. Везунчик попросил заменить пойло на виски. Ему принесли.

Гонг!

Один удар — предупреждение. Тишина.

* * *

— Напоминаю! — каркающим голосом провозгласила Тася. — Игра идет в три раунда. — В каждом раунде: ставки, розыгрыш костей, размен костей, бросок. Двое выбывают после первого раунда и оставляют ставку в Игре. Двое — точно на тех же условиях — выбывают во втором. Оставшиеся двое могут поделить выигрыш и закончить Игру.

Зачитывая правила, Тася поворачивалась то вправо, то влево. То ли проверяла, не оглохли ли слушатели. То ли давала этим слушателям лицезреть свой аристократический профиль. Профиль этот наводил даже сведущих людей на бредовую мысль о том, что, может, и впрямь существовала в незапамятные времена в Российской, надо полагать, империи (на

худой конец в Речи Посполитой) династия князей Млинских.

— В последнем раунде, если игроки решают продолжить Игру, — продолжала она, — выбывает один из двух оставшихся. По желанию Хозяина Игры играется четвертый раунд — с победителем. Победитель не может отказаться. Отказ равен проигрышу. Это всё. Все всё расслышали? Ни у кого уши не заложило?

Ответом ей был тихий гул. Нестройный и невнятный.

Гонг!! Два удара. Полная готовность.

Везунчик Тони демонстративно смаковал виски. Гринни смотрел перед собой. Мимо зрачков Секача. Это у него получалось.

К столу подошел служитель с деревянным подносом. На подносе — кости. Встал за спиной Секача.

— Кто-нибудь желает проверить подлинность инструмента Игры?! — прокаркала Тася. — Повторяю. Тот, кто хочет убедиться в подлинности костей, может это сделать сейчас.

— Дайте-ка сюда на пробу... пару... — небрежно попросили с трибуны судей.

Знакомый голос.

Гринни осторожно посмотрел через плечо. Мэтью Честертон! Во как! Давно Мэта и Семи Городах видно не было. И вот — нате. Один из трех судей... В общем-то, какое Гринни до этого дело? Но любая неожиданность в Игре неприятна. Наверное, потому что отвлекает. Да, конечно.

Служитель почтительно приблизился к трибуне судей, и Мэтью Честертон наугад подхватил с подноса две кости — костяную и металлическую. Для порядка рассмотрел их, положив на ладонь под разными углами. Прислушался к ним, приняхался... Хорошо, что не лизнул.

«Дешевый спектакль, — подумал Гринни. — И все-таки зачем здесь этот клоун? Ведь зачем-то Секач пригласил его сюда. Посадил на судейскую трибуну.. В костях Мэт разбирается не лучше любого другого. А в чем он по-настоящему разбирается?»

Какая-то неясная тревога коснулась его души холодным лезвием.

— Я удовлетворен, — сообщил Честертон, возвращая кости на поднос.

Служитель ссыпал содержимое подноса в огромный кожаный кисет, затянул его горловину и принялся с большим почтением перетряхивать его.

Гонг! Сигнал игрокам.

— Господа, приготовьтесь делать ставки! — каркнула Тася жестким, жестяным голосом. — Напоминаю: размер ставки — не менее четырех монет! Разрешается ставить монеты, доверенные игрокам любыми другими лицами. — Млинская снова обвела игроков взглядом коршуна. — Ваши монеты — на стол, господа! Напоминаю: все время Игры все выставленные на Игру монеты должны находиться на виду у всех, на столе. В любой момент любой из игроков или любой из судей может потребовать проверки выставленных на Игру монет — всех сразу или любой из них — на подлинность. Напоминаю. Предъявивший фальшивую монету лишается всех выставленных на Игру монет. Лишается права участвовать в Игре. Лишается права участвовать во всех других Играх этого дома. Лишается права входить в зал Игр навсегда.

Тася, не глядя, подтянула под себя кресло на колесиках и, опускаясь в него, добавила то, чего не говорила обычно:

— Напоминаю. Строгие Правила приравнивают кривые монеты к фальшивым.

Ловушка захлопнулась.

* * *

Такси в Семи Городах еще только пробивало себе дорогу. И если вы думаете, что, выйдя на улицу и нажав предназначенную для вызова такси кнопку на корпусе вашего мобильного, вы его дождетесь, что через пару минут (ну минут через пять максимум) по тротуару к вам подплывет привычно ярко-желтая «субмарина» такси-автомата и голосом робота извинится за задержку, то вы жестоко ошибаетесь. Так — не было. По крайней мере, так не было на Заразе и особенно в Семи Городах.

А эту самую кнопку считайте пустым декоративным украшением вашего средства связи.

Еноту пришлось связываться подряд с четырьмя фирмами, практикующими в Семи Городах извоз пассажиров, пока наконец бестолковый диспетчер «Крылатых колесниц» не соизволил пообещать ему, что «минут через пятнадцать-двадцать кто-нибудь из наших парней освободится и завернет за вами... Если ему будет по пути».

Вольный предприниматель скрипнул зубами и стал пристраивать мобильник на пояс. Тут-то и раздался у него за спиной тихий знакомый голос:

— Разрешите предложить вам воспользоваться моей машиной, мистер. Уверен, что нам по пути...

Ни монашеский наряд, ни слегка измененный голос не могли ввести Енота в заблуждение. Сердце его радостно екнуло. И горестно в то же время. Он послушно последовал за монахом к небольшому «Субару Каприз», стоящему поодаль.

— Вы на редкость не вовремя нашли меня, святой отец, — тихо произнес Енот, усаживаясь справа от места водителя. Водителем был, понятное дело, сам носитель одеяния посвятивших себя вере Учителя.

Он без лишних слов захлопнул дверь и устало уведомил пассажира:

— Всякое прослушивание блокируется только в полностью закрытом салоне.

«Субару» тронулся с места.

— Что происходит, резидент? — спросил монах, выруливая в путаницу кривых улиц Речного Порта. — Я уже счел вас пропавшим без вести.

Енот только горестно усмехнулся:

— Вы, отче, разгуливаете под капюшоном. А мне вот приходится ходить под колпаком...

«Отче» промолчал.

* * *

Гонг!

— Ставки первого раунда, господа. Напоминаю, — каркнула Тася. — Выигравший будет вправе требовать обмена выигранных монет на любой из выставленных на обмен призов. Но только — после партии с Хозяином Игры. Кладите ваши монеты на белую линию...

Гринни выложил первые четыре монеты из своих двенадцати. Три — полученные от Сяна и одну — монету Тимоти. Монету Микаэлле он решил приберечь напоследок. На душе у него скребли кошки.

— Теперь каждый из господ игроков получает на руки по шесть костей. Каких — определит рулетка.

Тася запустила руку в кожаный кисет, оказавшийся уже перед ней, и выбросила на поднос ровно полдюжины совершенно непохожих друг на друга кубиков.

Первая шестерка костей пошла!

Служитель крутанул рулетку.

Ворожба началась. Зрители большей частью зачарованно смотрели на метания блестящего шарика по бешено вращающейся чаше, в отличие от рулетки казино разбитой только на шесть секторов. Игроки просто терпеливо ждали. Возможно, Везунчик и выпендривался каким-то новым способом, но на него не смотрел никто. Гринни — в том числе.

Метания шарика становились все менее и менее паническими. Наконец он с затихающим «глок-глок-глок...» замер в каком-то из секторов. Номера секторов, понятное дело, совпадали с номерами, под которыми значились игроки. Гринни выпал четвертый. Шарик остановился на шестом.

Служитель ссыпал кости перед усатым Ноэлем Ашкенази.

Затем последовали: номер три — Везунчик, номер четыре — Гринни, номер один — Хосе Мартинес, номер пять — Бенедикт Мальта...

Номеру второму — Ване Четному — без закручивания рулетки досталось шесть последних костей, оставшихся в кисете.

Наступила слегка потрескивающая напряжением пауза.

* * *

Гонг!

Первый размен костей.

Размен костей... Первая фаза Игры. Каждый из игроков, пожалуй, без всяких сомнений согласился бы с тем, что размен — это решающий для каждого из них этап Игры (и обязательно становился таковым, но никто не мог сказать точно — в какой момент). У каждого игрока была своя теория насчет того, какой обмен ему выгоден, а какой нет. Каждый стремится набрать в своей «горсти» самый «удачливый» набор магических костей. Фокус Игры состоит в том, что, после того как — ударом гонга, конечно, — будет остановлен размен, решать, кому в Игре оставаться, будут уже сами кости.

Торг между игроками шел на привычном для них языке жестов и обмена короткими, непонятными для непосвященных, фразами. Гринни достался — на его взгляд — неплохой расклад, но парой костей он таки обменялся с Мальтой и Четным. Не поучаствовать в размене было дурным тоном.

Снова прозвучал гонг.

Игроки сложили кости в кожаные стаканы и принялись трясти. Трясли каждый на свой манер. Шептали заклинания. Гринни свой набор магических слов решил оставить напоследок. Всяк знает, что в Игре одно заклинание работает только один раз. Не больше.

Первым выкинул свои кости Ашкенази. Последним — Везунчик. Секунд десять игроки рассматривали выпавшие у каждого из них комбинации. Потом Мальта молча налил себе виски, проглотил его, поднялся и вышел из-за стола. Он даже не стал занимать место в зале, чтобы досмотреть, как сложится Игра. Просто повернулся и покинул зал. Везунчик отреагировал на неудачу (а она, как верно угадал Гринни, его постигла) куда как более бурно. Побледнел, хватил об пол стакан с виски и был мгновенно выдворен из зала двумя мордоворотами из охраны.

Самой выигрышной была комбинация Ашкенази. Тася лопаточкой отодвинула выложенные на белую линию монеты к нему.

Гринни потер лоб. По своей силе комбинация, выпавшая у него, была третьей с конца. Он тоже позволил себе глоток виски. И почувствовал на себе пристальный взгляд Секача.

* * *

Гонг!

Второй тайм Игры. Ставки второго раунда.

Теперь в запасе у Гринни остались только его собственные монеты и монетка Микаэллы. Ашкенази — строго по правилам — выставил на Игру весь свой выигрыш, убрав с белой линии только четыре монеты — по выбору. Как свой выигрыш первого тура. Такое право у Игроков было.

Розыгрыш костей. Размен...

Перед тем как вытряхнуть свой набор костей на зеленое сукно стола, Гринни все-таки произнес еле слышно одно из своих заклинаний. Оно, видно, помогло. В этот раз он снова остался в Игре. С дистанции сошли Мартинес и Ашкенази. Последний — сохранив (и немного увеличив) свой запас магических монет. Оба остались в зале — досматривать третий и — неминуемый — четвертый раунд.

Во время короткого перерыва, ожидая, когда же снова по нервам ударит гулкая медь гонга, Четный и Гринни потихоньку прихлебывали виски и осторожно присматривались друг к другу поверх стаканов.

Гонг!

«Делайте ставки, господа»...

Четный поднял руку и негромко произнес: «Игра на равных».

Это был удар под дых. Это означало, что сам он выкладывает на белую линию все выигранные монеты и все, что были оставлены для третьего раунда, — в сумме тридцать шесть монет. Но ровно столько же должен выложить и его противник. Если противник этого не сделает, то потребовавший «Игры на равных» считается победителем, но ставка проигравшего сохраняется за ним. Такое не приветствовалось. Но Строгими Правилами допускалось.

Тася Млинская молча повернулась к Гринни. Тот также молча указал глазами на выложенные им на белую черту четыре монетки. Ровно четыре — ни больше ни меньше.

Наступила тишина.

* * *

— Внимание, господа! — проскрежетала Млинская. — Игрок потребовал «Игры на равных». Противник, как я понимаю, не имеет нужного количества монет. У него есть право просить дополнительные монеты у того, кто пожелает участвовать в его ставке. Есть здесь такие?

Она обвела зал взглядом.

В глубине зала гулко откашлялся сухой, subtilный, с иголки одетый Николас Толль. Всем известный игрок, дожидавшийся второй Игры этой ночи. То, что он богат на магические монеты, было известно каждому.

— Парень два раза был на грани фолла, — произнес он резко. — Я не стану рисковать. И никому из вас не советую. У нас впереди — еще вторая и третья Игра.

Снова наступила тишина.

И в тишине этой добродушно прогудел голос Секача:

— Ты слишком уж наезжаешь на мальчишку... Надо дать ему шанс... Слушай-ка, Гринни... — Секач обратил свою физиономию к молодому игроку. — Подумай... Может быть, конечно, тебе и не стоит рисковать. Но если ты желаешь рискнуть, то... Я тебя поддержу. Только, понимаешь, я не меценат. Ты знаешь условия такой помощи.

Взгляд Гринни заметался между каменной физиономией Секача, иссушенным профилем Млинской и ничего не выражающей маской Четного. Это были даже не лица. Маски Игры. Он затравленно посмотрел в зал. Там среди взглядов, исполненных холодного и циничного любопытства, были и такие, в которых читалось и сочувствие поставленному перед нелегким выбором совсем молодому парню.

А сочувствовать была причина. Все знали, что означают «условия такой помощи». Вот это и было одним из способов делать из Магии деньги. Довольно грязным способом, но кто из сидевших в зале осмелился бы бросить такой упрек Хозяину Игры?

На игрока делал ставку владелец костей. Но за эту услугу надо было платить — по счетчику.

— Я делаю на тебя ставку, — счел нужным объяснить Секач. — Ставлю недостающие монеты. И мы заключаем пари. Если ты выиграешь у парня, то имеешь право взять выигрыш и на весь сыграть со мною. Я предложу тебе самый высокий приз. Знаешь какой?

— Знаю, — ответил, сглотнув слюну, Гринни.

Все знали это. Высшим призом сегодняшних Игр были магические кости. Полный их набор. Хорошая основа для хорошего бизнеса.

— И знаешь... Если ты выиграешь у этого парня, — продолжил Секач, — то считай, что ты мне, можно сказать, ничего не должен. Отдашь, когда заработаешь.

Это был воистину великодушный жест. Зал затих: великодушие Секача означало прелюдию к какой-то исключительной подлости.

— Ну вот, а если ты меня разочаруешь... — Лицо Секача стало из просто жесткого совсем жестким. — Тогда, Гринни, тебе придется выплатить все по полной программе. По правилам. Как-никак я рискую тридцатью двумя монетами.

Гринни мгновенно прикинул в уме, сколько он будет должен. Точностью расчета можно было пренебречь. Он хорошо понимал, что таких денег он не будет держать в руках никогда в жизни. Разве что если сам сделается содержателем подпольного игорного дома. И то даже в таком случае это еще не факт. И неожиданно для себя самого услышал собственный голос:

— Принято. Принято, мистер Гордон.

Секач еще раз смерил парня испытующим взглядом и кивнул возникшему, словно из ниоткуда, Мочильщику.

Тот — жестом фокусника, из-за спины — достал и положил на стол потертый кожаный кисет. И стал из этого кисета одну за другой извлекать магические монеты. Продemonстрировав каждую залу и судьям, принялся укладывать их столбиком на белую линию. Всякий раз при этом он бросал на Четного косой взгляд, и тот непрестанно кивал в подтверждение того, что согласен со сделанной ставкой.

На белой линии — рядом с кинутыми россыпью монетами Четного и выложенными в ряд монетками Гринни выросли два солидных столбика монет, поставленных на Гринни Секачом. Зрелище было, что называется, не требующим лишних слов.

— Господа, ставки сделаны! — объявила старая карга Млинская и повторила роковую формулу еще пару раз: «Господа, ставки сделаны. Господа, ставки сделаны». А для особо непонятливых объяснила: — Ставки сделаны, господа!

Гринни глотнул виски и даже не почувствовал его вкуса.

Гонг!

Раздача костей. Пронзительный взгляд — зрачки в зрачки. Почти формальный, ничего уже не значащий торг парой костей...

Гонг!!

Снова гипнотизирующий обмен взглядами. Сложные фигуры, выписываемые зажатými в ладонях кожанými стаканами. Пассы. Заклинания...

Гонг!!!

Кости высыпаются на стол и ложатся сложным узором, определяющим волю Судьбы.

Четный секунду-другую окаменело смотрит на этот узор, потом отрешенно и обессиленно откидывается на спинку стула...

— Ну что ж, — прозвучал в тишине по-прежнему добродушный говорок Секача, обращенный к Гринни. — Твоя взяла, сынок. Не желаешь ли сыграть на все со мной?

Ответ не подразумевал отказа. Только коротенький перерыв — на глоток виски. Собственно, ради этой короткой фразы и была затеяна вся Игра. Гринни ответил коротко:

— Принято, мистер Гордон.

Наступила пауза. Секач откинулся в кресле и посвятил минуту-другую раскуриванию сигары.

— Ну, раз уж Игра пошла по-крупному... — Он выпустил в пространство над столом клуб ароматного дыма. — Раз пошла Игра всерьез...

Он скосился на Четного. Тот поднялся и на ватных ногах добрался до первого ряда. Тяжело рухнул на первое же попавшееся сиденье и по-прежнему бессмысленным взором уставился в пространство перед собой.

— Так вот, — закончил Секач. — Раз уж играем на большой приз, то надо соблюсти все формальности. Пойми, я ничуть не сомневаюсь в тебе, сынок... Но Игра есть Игра. Мэт!

Он щелкнул пальцами в сторону трибуны судей. Мэтью Честертон почтительно поднялся со своего места и снизошел к столу игроков.

— Играем на большой приз, — сообщил ему Секач и без того очевидный факт. — Будь добр, подтверди, что ставки в порядке.

Лицо Мэта Честертона не дрогнуло. Только покривилось чуток.

— Со ставками не все в порядке, господин Гордон.

Он наклонился и уверенно взял из четырех монет, выложенных Гринни, монету

Микаэлла. Потом повернулся к Звонкову и строго осведомился:

— Ведь это вы выставили на Игру эту монету?

Отрицать очевидное было бессмысленно.

С этого момента окружающее начало медленно вращаться вокруг Гринни и одновременно двоиться и даже троиться, словно пыталось расщепиться на несколько не зависимых друг от друга реальностей, которые бы зажили каждая своей жизнью.

— Монета кривая, — с чувством бросил Мэтью. — Вы потребуете доказательств или не будете спорить?

Он швырнул монету Гринни и, не дожидаясь ответа, повернулся и зашагал назад — к трибуне судей. Всем своим видом он выражал глубочайшее презрение к обмишутившемуся игроку.

В очередной раз тишина повисла в зале. На этот раз определенно гробовая.

— Ты огорчил меня, сынок... — наконец произнес Секач. — Более того, ты меня разочаровал. Ну что же... Ты, оказывается, не выиграл... Ты проиграл... А значит, должен мне... Тебе нарисовать на бумажке или сам посчитаешь?

С боков к Гринни придвинулись двое охранников.

По залу прокатился ропот. Еще немного — и могло начаться уж и совсем страшное.

Но Секач голосом перекрыл шум вскипающего мордобоя.

— Не надо месилова, ребята. Парня подставил кто-то из тех, кто на него поставил. Парень виноват только в том, что доверился какому-то, кто оказался похитрей его...

Гринни, пребывая в состоянии какого-то растроения или расчетверения личности, стал вылезать из-за стола. Даже неопытному глазу было видно, что он едва держится на ногах.

— С парня достаточно того, что он попал на довольно большие бабки, — почти ласково продолжил Секач. — Это, конечно, серьезная для тебя проблема, сынок. Но ты ведь справишься с ней за недельку? — Он проводил пошатывающегося и отрешенно уставившегося в пространство перед собой Гринни почти отеческим взглядом. Потом кивнул Мочильщику: — Парень совсем плох. Будь добр, проследи, чтобы с ним ничего не приключилось...

Мочильщик понимающе кивнул и словно растворился в воздухе.

— Ну что же... — помолчав, обратился Секач к Четному, по-прежнему сидевшему на первой скамье и пытавшемся прийти в себя от неожиданного кульбита Судьбы. — Ты теперь проходишь за победителя третьего раунда. Играешь партию на большой приз?

Четный отрицательно помотал головой.

Млинская лопаточкой подвинула монеты к Хозяину Игры.

— Ты вправе забрать свою ставку, — мягко прогудел Секач, кивнув Четному.

— Первая Игра закончена! — объявила Млинская.

* * *

Гринни шел по улице, не видя перед собой ничего. И ничуть не удивился, наткнувшись на ставшего на его пути скалой Мочильщика. Просто уставился на него совершенно шальным взором.

— Ты понял, парень, что залетел на пятьсот тысяч «орликов»? — осведомился тот, придерживая Гринни за отвороты пиджака. — И не ты один, а вся ваша компашка. Доходит

до тебя?

Он встряхнул Гринни, и тот ответил ему взглядом — понимающим, хотя и мутным.

— Так вот, — чуть ли не по слогам стал объяснять Мочильщик. — Втолкуй своим друзьям, что у вас, голубчиков, неделя сроку на все про все. И вы не открутитесь, дорогие! Не уложите — начнем вас зачищать. Сперва всяческие члены и членики поотрезаем, ну а что дальше будет — легко додуматься.

Он отпустил Гринни. Тот, пошатнувшись, но остался стоять на ногах. Помотал головой и нетвердым шагом двинулся поперек площади — к сумеречно сияющей вывеске паба «Топор и плаха».

* * *

В паб Гринни не столько вошел, сколько впал. Все трое его приятелей без всяких слов поняли, что дело — швах. И даже не просто швах, а много хуже. Как ни странно, нервы сдали в первую очередь у всегда сдержанного и хладнокровного Тимоти. После первых же слов, которые выдавил из себя Гринни, он заорал: «Я его убью!» и чуть было не осуществил свое намерение, но был удержан Сяном.

Когда же Гринни, проглотив протянутый ему Микаэлкой стакан спиртного, добрался в своем рассказе до суммы финансовой задолженности Секачу, уже Тимоти пришлось удерживать Сяна от совершения акта смертоубийства своего ближайшего друга.

И только Микаэлла избежала каких-либо эмоциональных взрывов. Она пребывала в состоянии какой-то отрешенности. Она уже мысленно, без слов взяла вину на себя. И поэтому просто смотрела перед собой пустым, лишенным всякого выражения взглядом. И взгляд этот привел в чувство и Сяна и Тимоти. Очень нехорошим был этот взгляд. Взгляд человека, которого уже нет.

— Вот что, — определил Тим. — Если ты считаешь себя виноватой, то виноваты мы все. Раз согласились играть на таких условиях. И ты... не больше виновата, чем любой из нас. Раз мы приняли правила Игры.

Он сунул кредитную карточку в щель кассы, и сервисный автомат тут же выставил перед ним двойное виски. Тимоти молча передвинул стакан к Гринни, который проглотил его содержимое как лекарство. Потом вытащил свою кредитку и удачно попал ею в нужное место сервисного автомата. Получил еще сто грамм крепчайшего местного самогона и тоже проглотил его, не меняя выражения лица.

— Слушай, ты до дома дойдешь? — осторожно осведомился Тимоти. — Ты вообще меня слышишь? Сейчас мы в ауте. Ни до чего не додумаемся, потому что не сможем. Давайте по домам. Необходимо выспаться и протрезветь. Завтра с утра встречаемся и думаем. Сейчас мы все должны прийти в норму. Просто-напросто. А там — сесть и думать.

— О чем думать-то? — возопил Сян. — Если бы я знал, как за неделю сделать полмиллиона «орликов», я бы не пахал в своем сраном ресторане, а...

Тимоти отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и с ударением на каждом слове пояснил суть дела:

— Тем не менее нам придется сообразить: как их сделать. Хотя бы раз в жизни. Потому что без этого и жизни не будет. Ни у кого из нас. Порешат всех по очереди — и точка!

В общем-то он был прав.

Гринни чуть качнулся вперед-назад, вправо-влево и словно в забытьи двинулся к выходу.

— Стоп! — сказал Тимоти Сяну, попытавшемуся было остановить приятеля. — Сейчас не надо его трогать... Завтра. Всё — завтра...

* * *

Снова осознавать себя Гринни начал на какой-то малознакомой ему площади — где-то за Саттервилем, ближе к Речному Порту. И осознавать себя в этот раз было ему непереносимо больно и тошно. Ему даже не приходило в голову искать виновника своих бед на стороне. Винить кого бы то ни было, кроме самого себя. Например, Микаэлла.

«Я козел! — не переставал повторять он. — Я козел из козлов!...»

С этими словами он и вошел в приютившийся в углу площади довольно уютный на вид ночной бар. До полудюжины полуночников, коротающих время за стойкой, остались, в общем-то, равнодушны к этому его заявлению. В большинстве своем даже не обернулись на обозначившийся шум. Но убедившись, что погрома не намечается, утратили к происходящему всякий интерес. Ну считает себя человек козлом, так и пусть себе считает... Ему виднее. В конце концов, все мы козлы. Одни — больше, другие — меньше...

Примерно в такую жизненную философию посвятил Гринни бармен, отмеривший ему первое двойное виски. На третьем двойном Гринни попытался остановить себя. Хотя, возможно, это было четвертое или шестое двойное. Но не тут-то было! Легче было остановить на ходу разогнавшийся локомотив. Измотавшие сами себя бесконечными упреками мозги его просто жаждали быть оглушенными.

Сам ли он смог «притормозить» или его вышвырнули из заведения, Гринни не мог вспомнить. В памяти на этот счет у него не сохранилось ровным счетом ничего. Или, наоборот, слишком много. В момент, когда заблудившееся где-то сознание снова посетило его, он на автопилоте уже почти добрался до родных мест. По сторонам тянулись кварталы улицы Сиреневых Лилий, ведущей, понятное дело, к площади Эпидемий. Той, на которой базировался магазинчик-офис Тимоти Стринга. Этот магазинчик Гринни мог спокойно рассматривать из окна своей квартирки, которую снимал с тех пор, как стал жить один.

Беда же состояла теперь в том, что ноги постепенно переставали слушаться Гринни, и навалившаяся вялая усталость подсказывала ему прекрасный способ избавиться от необходимости преодолеть последние сотни метров до своего жилища. Провести остаток ночи на ближайшей скамейке. Или просто под забором.

Но этот вариант не устроил те остатки сознания, что упорно копошились в его черепе. И, двигаясь короткими перебежками от одной точки опоры до другой, Гринни достиг расположенной неподалеку часовенки Пестрой Веры. Теплый трепещущий свет, льющийся из ее приоткрытых дверей, почему-то придал ему силы. Вернул уверенность в себе.

Почти твердым шагом (один только раз пришлось придержать норовящую повернуться под несколько необычным углом окружающую действительность, ухватившись за косяк двери) он вошел в часовенку и на минуту-другую замер, слегка покачиваясь и пытаясь поймать витающую где-то рядом мысль.

Потом, действуя по наитию, он принялся хлопать себя по карманам и нашел-таки остатки своей наличности. Видимо, он так плохо управлялся с «капустой», что какая-то

добрая душа позаботилась, чтобы он не растерял свои «орлики». Добрая душа пребывала, видимо, тоже в состоянии далеко не полной трезвости. Купюры были спрессованы в почти неразделимый комок и засунуты поглубже в нагрудный кармашек пиджака. То есть в самое неожиданное, с точки зрения Гринни, место.

Он отслоил-таки от денежного комка несколько золотистых бумажек и стал двигаться вдоль одной из стен часовенки, мимо неровными шеренгами выстроившихся на полках изваяний божков Пестрой Веры. Перед некоторыми фигурками трепетало пламя свечей, лампадок и курильниц. Нужного ему божка он отыскал не сразу.

То был бог, которого не любил никто. И найти его алтарик можно было лишь в часовнях и храмах. Никто не хотел держать в своем жилище алтарь Уинну-а-Онноу — Неукротимого бога Отчаяния.

Гринни запалил свои купюры от ближайшего огонька, помахал занявшимся пламенем перед носом злого божка и прошептал в его лицо бешеным шепотом:

— Убирайся! Отцепись! Нетроньменя, скотина!! Нетронь!!!

Глава 4

БОГ ОШИБОК

Быть меж двух огней, вертеться между молотом и наковальней, сидеть между двух стульев — вот было жизненное предопределение Енота. Его Судьбой. Но сейчас он ощущал, что госпожа Судьба загнала его в чересчур уж узкий тупик.

Быть резидентом федералов в Закрытом Море — уже само по себе довольно стремное занятие, на которое не первый встречный дал бы согласие. Ну первым встречным Енот не был. Когда у человека за плечами стаж работы на галактическую мафию, а затем — в ее же рядах — на Федеральное управление расследований, то встретить такого субъекта живым и здоровым не всякому удастся за всю свою жизнь в этом грешном мире. Что же до согласия на предложение занять должность, исходящее от господ федералов... Для человека с таким послужным списком, к сожалению, вопрос насчет того, согласен ли он с решениями, которые относительно его самого принимают «наверху», не более чем некая фигура вежливости.

Он как можно более обтекаемо отвечал на вопросы, которые один за другим задавал ему проверяющий. Это было очень сложно. Не только потому, что приходилось быстро придумывать невразумительные ответы на вполне ясные вопросы. Это было для Енота делом нетрудным. Даже пустяковым. Таким, которое он вел «на автомате». Чего-чего, а морочить людям голову было его профессией. Даже, выражаясь точнее, призванием. Плохо было другое. То, что морочить голову приходилось человеку, которого он по-настоящему уважал и который был ему чем-то симпатичен. При всем том, что пару раз чуть было не отправил Енота, созерцать небо в клеточку. К тому же морочить голову этому человеку было, в общем-то, бесполезно. Но...

Но его сковывал страх. И страх основательный. Если только этим утром тебе выпало сомнительное удовольствие полюбоваться обезглавленным трупом, привольно расположившимся в кресле твоего офиса, то не так-то легко отмахнуться от причины, по которой с твоим деловым партнером приключилась этакая неприятность. А приключилась она из-за того, что тот сдал гостя Байеру. Сдал, не успев еще и встретиться с этим своим гостем. Такого гостя врагу не пожелаешь. Какая бездна извергла — на его, Енота, несчастье, — этого разноликого монстра, вольный предприниматель понятия не имел. И, честно говоря, не хотел иметь. И теперь его страх распространялся и на человека, который прислан сюда совсем из иных мест. И именно для того прислан, чтобы разобраться в том, что же, в конце концов, за странная игра разыгрывается здесь. Игра между грозным Управлением и его простоватым и бестолковым на вид резидентом. Или игра между ними и всем этим непонятным, «инфицированным Магией» Закрытым Миром.

Разговор между проверяемым и проверяющим — дело всегда деликатное не только для одного проверяемого (как может показаться). Результат любой проверки может дурным боком обернуться и для самого проверяющего. Всякий проверяющий — коли у него все в порядке с серым веществом коры головного мозга — должен хорошо представлять, чем для него лично обернутся результаты его проверки. Кроме того, если ситуация сложна, а проверяемый не взят в кандалы, а из себя есть хоть сколько-то «вольная птичка», то птичку эту можно запросто спугнуть. Толкнуть запутавшегося союзника в объятия противника неосторожно заданным вопросом. Или ненужной угрозой и без того уже запуганному

партнеру.

Проверяющий прекрасно знал это. Как знал и то, что ни его партнер, ни ситуация, в которой тот находится, отнюдь не просты. И поэтому предполагал, что с некоторыми — очень волнующими его — вопросами надо скрепя сердце повременить.

— Итак, вы считаете, что я посетил вас не вовремя? — рассеянно спросил монах, приглядываясь к пролетающим за окном пейзажам незнакомого ему города.

— Не вовремя — это не то слово! — нервически повел плечами Енот и стал приглаживать остатки своей шевелюры. — Вы нехорошо подставились... Неужели вы не в курсе того, что произошло?

— Вы имеете в виду убийство в вашем офисе? Это было в сегодняшних «Новостях». С этого места поподробнее, пожалуйста. Почему вами занялась не Городская Стража, а «Свой»?

— Господи! Вы знали, что я влип в такую передрагу!.. И вы пошли на встречу со мной?!

— Мало того, — сухо улыбнулся проверяющий. — Я еще и записался на прием к Коннетаблю Байеру. Не удивляйтесь. Надеюсь, наша с ним встреча будет полезной.

Енот откинулся на спинку сиденья и уставился на собеседника взглядом, остановившимся от изумления.

— Я ведь не представился вам до конца... — снова улыбнулся проверяющий.

* * *

— Ну и что за рыбка клюнула на наш крючок? — устало осведомился Страшный Коннетабль у секретаря, почтительно возникшего перед ним. — Вот так сразу и клюнула, не успели мы еще, как говорится, по уму этому субъекту наш «хвост» подвесить...

— Плонски уже его вычислил, — с готовностью доложил расторопный помощник, не заглядывая даже в листок, прихваченный с собой. — Это человек Конгрегации. Аббат Шануа. Филипп Шануа. До переселения в Закрытый Мир жил и работал в Метрополии, на Парагее и Джее. Вернулся из командировки в Старые Миры. Там был по личному заданию его преосвященства Люстига... Должен сказать, что совсем недавно записался на прием к вам лично.

— Вот как... Аббат церкви Учителя... — Коннетабль хрустнул пальцами. — Личный порученец Люстига, однако... Вы...

— Я позволил себе смелость позвонить в Конгрегацию, — упредил секретарь вопрос шефа. — Меня заверили, что речь идет о человеке надежном и наделенном известными вам полномочиями...

Отношения Конгрегации с Орденом были далеко не просты. То, что его преосвященство Марсель Люстиг возглавляет внешнюю разведку церкви Учителя (да и то, что у церкви есть своя разведка), знали на Заразе немногие. Лео Байер, однако, в число этих немногих входил. Сейчас он только слегка заломил бровь в знак того, что очередная пилюля им проглочена.

— Вот как... Оказывается, наши дублеры по церковной линии неплохо присматривают за нами... Вечная привычка путаться под ногами у деловых людей! Объясните Роману Плонски, что терять время на этого шута горохового не стоит. Это не тот след, что нам нужен. Говорите, записан ко мне на прием? Хорошо. Придется поболтать с этим пронырой. Но помаринуйте его часок-другой в приемной...

Секретарь почтительнейше поклонился и исчез — словно бы и не было его в мрачноватом кабинете.

Коннетабль с минуту-другую походил взад-вперед по комнате, остановился у окна и снова задумчиво хрустнул пальцами. «Учиться надо у проклятых святош... Учиться... Оперативности», — сказал он себе. И вернулся за рабочий стол. К текущим делам.

* * *

Енот с любопытством и даже с некоторым трепетом повертел в пальцах визитную карточку проверяющего.

— Право, не ожидал... — Он осторожно, с уважением вернул карточку своему старому знакомцу. — М-да... — с глубоким одобрением произнес он. — Когда Управление делает крышу, то делает ее в два слоя — не меньше. Замаскировать агента под агента — это, скажу вам, неплохая, в общем-то, мысль. Неплохая, хочу сказать я вам...

— Вы поняли, по чьему ведомству прохожу я по этой легенде? — скорее дал понять, чем осведомился проверяющий.

Проверяемый посмотрел на него большими глазами. И кивнул в знак того, что уж о том, что такое разведка Конгрегации, он осведомлен.

— Это хорошо... — тихо проговорил он. — Это очень хорошо... Но... Как эта крыша защитит меня?

Человек в наряде монаха строго покачал головой.

— Я думаю, что сэр Байер уже знает, что вы ходите под этой крышей. Но вас я попрошу: только в крайнем, самом крайнем случае вспоминать о том, что небольшая секция Святой Конгрегации — та, которую курирует его преосвященство Марсель Люстиг, — имеет к вам хоть какое-то отношение. И может хоть чем-то помочь. Упаси вас бог от этого. Козырять такими вещами не стоит.

Проверяющий смолк, словно сосредоточившись на стремительно скользящем снаружи пейзаже. Прошло несколько мгновений.

— У тебя... — спросил он, переходя на «ты». — У тебя серьезные проблемы? Которые трудно объяснить?

— Их опасно объяснять... — Енот зажмурился и ослабил узел галстука. — Мне надо лечь на дно... И вот что... Шеф, поймите меня... Да, крыша у вас что надо. Для господ «Своих», для разведки Престола... Но со мной — другой случай. Очень сильно я влип. Я сейчас, знаете, шеф, что-то вроде Ангела Смерти... — Он замолчал на секунду, сам пораженный родившейся у него произвольно метафорой. — Понимаете, случилась тут со мной такая петрушка, что я для всех, с кем стыкуюсь, опасен стал. Вот — для Паркера тоже. Я сам дам знать, когда это кончится. Если жив буду. А сейчас, шеф, прошу вас: постарайтесь быть от меня подальше. Как можно дальше...

Обряженный монахом человек некоторое время пытливо смотрел на своего подопечного. Они достаточно долго знали друг друга, эти двое. И оба были в курсе того, что бывает такое знание, которым лучше не делиться даже с друзьями. Потому что это знание притягивает смерть. Поэтому оба молчали.

— Вам безразлично, у какой гостиницы вас высадить? — наконец осведомился проверяющий. Вот там, впереди, приличный с виду отель...

— Высадите меня лучше на перекрестке, там, немного подальше, есть неплохой ресторанчик с итальянской кухней. Я практически целый день ничего в рот не брал. А когда мне случается не поесть, у меня мозги начинают давать сбои. Уж извините, шеф, что не приглашаю вас поужинать со мной... Но вам лучше...

— Держаться от тебя подальше. Я это уже понял. — Проверяющий притормозил у обочины и невесело улыбнулся на прощанье своему подопечному. — Постарайтесь остаться живым.

* * *

Енот быстро удалился от высадившего его в полусотне метров от ресторанчика «субару», стараясь не оборачиваться. И еще — не думать о своих проблемах хотя бы полчаса. «Спокойно, по-человечески поесть. Вот что тебе надо, резидент, — сказал он себе. — Хорошенько поесть. Чуть-чуть расслабиться. Может быть, и выпить немного. А уж потом закатиться в какой-нибудь незаметный уголок и подумать о том, как быть. На голодный желудок придумать что-то путное вряд ли удастся».

С этой мыслью он вошел в знакомый ему ресторанчик «Папы Поччо» и огляделся по сторонам, подыскивая, за каким бы из свободных столиков устроиться. И остолбенел.

В углу за накрытым в красную и белую клетку скатертью столиком сидел и подавал ему знак некто, очень хорошо знакомый ему. Угол утопал в тени, но не узнать человека, с которым он расстался меньше чем пять минут назад, Енот не мог. Ему помахивал рукой не кто иной, как обряженный монахом проверяющий.

«Что он, бегом на полусогнутых меня обогнал? — подумал чисто автоматически Енот. — Да еще и успел слопать половину огромного бифштекса?» — озадачился он, глядя на тарелку, стоящую перед монахом.

— Господи... — пробормотал резидент, послушно подходя к столику. — Я же сказал, что вам надо пока держаться подальше от меня. Что сейчас со мной очень опасно иметь дело...

Он понуро уселся напротив странного собеседника и уставился на экранчик электронного меню.

— Зачем вы продолжаете рисковать? — тихо спросил он, стараясь не привлекать ничьего внимания. — Зачем кинулись мне вдогонку?

— Понимаете, Апостолос, — задумчиво произнес его визави. — Я подумал над тем, что вы рассказали мне, и понял, что должен срочно уточнить некоторые детали относительно этого вашего гостя, который вам достался в наследство от господина Паркера. В виде адресованного ему груза. Вы, кажется, назвали его Палачом?

Мозги у Енота словно взболтали миксером.

«Я же ни словом не обмолвился об этом черте из коробки! — пронеслось у него в голове. — Или это провал в памяти? Амнезия? Допрос под гипнозом, который затем из этой самой памяти, шеф стер? Да нет, все, наверное, проще...»

Он поднял глаза на собеседника.

— Шеф... Вы, наверное, уже не первый день следите за мной? Если вы уж знаете, что произошло... Не понимаю только, зачем вы говорите мне, что слышали обо всем этом от меня? Вы от меня об этом не слышали! Я же не произнес ни звука обо всем этом, а вы

морочите голову бедному резиденту... Раньше вы так не...

Он запнулся и, чтобы не свалиться со стула, вцепился обеими руками в стол. При этом побледнел как полотно, словно узрел привидение. Впрочем, почти так оно и было.

Хорошо знакомое ему лицо проверяющего на глазах превращалось во что-то, чего Енот не желал бы видеть никогда. Оно становилось лицом Палача.

* * *

Электронное меню напомнило осторожным миганием о том, что пора бы уже и сделать заказ, потыкав в его кнопочки, или — голосом, прямо самому папе Поччо, если заказ нестандартен. Это мигание вывело Енота из ступора и принудило его хоть к каким-то рефлекторным действиям. Хотя действия эти и не были им до конца осознаны. Он автоматически принялся давить на кнопки и клавиши, не отводя ошалелых выпученных глаз от своего inferнального визави.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Палач. — Это не галлюцинация. Это просто проверка. Согласитесь, что доверие — главное, что вам необходимо в отношениях со мной... А доверие подразумевает возможность проверки. Не так ли?

Енот машинально оглянулся. Никто из пяти-шести посетителей, увлеченных беседой друг с другом и поглощением и впрямь стоящей внимания гурманов продукции кухни папы Поччо, не обратил внимания на метаморфозу физиономии устроившегося в затененном углу странного клиента. (Впрочем, нестранного народа в Семи Городах было мало. Мир переселенцев и неудачников был переполнен чужаками.) Ни разговор, происходящий за угловым столиком, ни его участники не заинтересовали других посетителей ресторана. Только официант-автомат — самодвижущаяся тележка, увенчанная подносом с заказанными блюдами, — суетливо торопилась к угловому столику.

— Не волнуйтесь, — усмехнулся Палач. — Считайте, что вы прошли проверку. Я теперь уверен, что вы не проболтались обо мне вашему партнеру. Точнее, вашему шефу, как вы изволили выразиться. На данном этапе наших с вами отношений безразлично, что вы, оказывается, не простой коммерсант. Я даже не стану интересоваться, чей вы агент. Скорее всего, федералов, как вы их называете... — Он язвительно улыбнулся. — Вижу, что я не ошибся. Что ж, это может оказаться даже полезным... Я уже говорил вам, что действую полностью в интересах вашей цивилизации. Я вовсе не враг вам.

«Ни черта себе “не враг”! — подумал Енот. — Какого же черта вам, дядя, не отдаться властям и не объяснить, кто и что столь опасно для человечества и для Закрытого Мира, в частности, что его, благодетеля нашего, прислали сюда сносить головы ни в чем не повинным менялам... Может, и не враг вы, но уж не друг — точно».

Но вслух выражать это свое мнение он не стал.

— Но сейчас меня интересует, — продолжил Палач, — лишь то, что вы пока не... э-э... как это говорится... Что вы не ставите мне палок в колеса. Мне нужен человек, которому я мог бы доверять. Поэтому я немного присматривал за вами. Ваша беседа с господином Байером меня довольно позабавила. Уклоняться, от неудобных вопросов вы умеете. Но, конечно, меня сильно беспокоило то, что вы уединились с неизвестным мне партнером в автомобиле, снабженном приспособлением против прослушивания. Пришлось устроить эту небольшую проверку. Повторяю: вы ее выдержали. На данный момент.

Енот отрешенно следил, как киборофициант расставляет перед ним на столе его заказ. Довольно бредовый по своей сути. Не до гастрономии было Еноту, когда он делал заказ. Но мысли в его голове уже складывались в некую нехитрую мозаику. Он поправил галстук.

— Не знаю, чем могу быть вам полезен, — произнес он так, как если бы перед ним сидел просто приставший к нему не по делу докучливый клиент.

— Сейчас я это объясню вам, — заверил его Палач. — И кивнул на расставленные перед собеседником блюда. — Хотя бы сделайте вид, что едите. Мы не должны привлекать к себе внимание.

Енот только сейчас понял, что перед ним стоит заказанный им в момент невменяемости торт-мороженое и рыбная пицца с острой приправой. А также — очень к месту — стеклянный кувшин с местным горьким пивом. Вольный предприниматель налил себе полную кружку премерзкого напитка и в мгновение ока опустошил ее. Закусил мороженым.

«Интересно сегодня кушает синьор Челлини, — подумал папа Поччо. Он со скуки наблюдал за происходящим в зале через полупрозрачное зеркало в стене позади стойки бара. — Раньше вдребезину бухой он сюда не заглядывал... Впрочем, с кем не бывает, в конце концов...»

— Так вот, — продолжил Палач, — вам придется выполнить мою просьбу. Довольно несложную. Предполагалось, что ее выполнит господин Паркер. Но, вы сами понимаете, обстоятельства этому не способствуют...

Енот, не говоря худого слова, снова наполнил объемистую кружку и принялся опорожнять ее судорожными, напоминающими всхлипывания глотками.

— Вам надо приобрести для меня один предмет, — пояснил Палач. — Я мог бы сделать это и сам, но не знаю двух вещей: принятых здесь правил для таких сделок и... И того, как выглядит этот предмет.

«Здорово, — подумал Енот. — А я-то откуда это могу знать? Впрочем, здорово и то, что есть такие вещи, которые этот дьявол не знает».

От души у него немного отлегло. Речь шла о деле, здесь, на Заразе, ставшем для него вполне привычным. Это придавало вольному предпринимателю даже ощущение некоторого превосходства над жутковатым партнером.

— Это предмет Магии? — скорее догадался, чем спросил он.

— Вполне возможно, что здесь у вас он и считается предметом Магии, — пожал плечами Палач. — Во всяком случае, нынешний обладатель держит его в своей коллекции таких вот редкостей.

— Тогда простая покупка невозможна, — покачал головой Енот. — Лучше всего предпринять обмен. На какой-нибудь предмет, который владелец той штуки; что вам нужна, сочтет равноценным. Кстати — о ком идет речь? И что вы вообще знаете об этом предмете?

В ответ последовала уже знакомая Еноту улыбка Савонаролы.

— Владельца вы должны хорошо знать. Это сэр Джонатан Стрит. Коннетабль Ордена Дорог. Эту информацию мне сообщил господин Паркер. Как говорится, напоследок. — Посланец ада сделал выразительную паузу. — Поверьте, что уничтожить его диктовала только прямая необходимость. Что касается предмета, о котором идет речь, то он обладает способностью менять свой вид...

«Ну в точности, как ты сам!» — подумал Енот.

— Теперешний владелец называет его Джокер, — уточнил Палач. — Вы, скорее всего, слышали об этом предмете.

«Стоп! — сказал сам себе Апостолос. — А ведь и вправду слышал я про эту благодать... Но что и когда?»

Он задумчиво кивнул. И воззрился на собеседника, теперь уже не с таким трепетом, как за минуту до того.

— И это всё, что вам будет нужно?

— Это всё, — заверил его Палач. — После этого вы сможете забыть обо мне. А теперь назовите, какие предметы Магии могли бы пойти в обмен на Джокера.

— Но... ведь у вас нет таких предметов? — уточнил Енот очевидный факт.

— Это не должно вас беспокоить, — ледяным тоном отрезал Палач. — Просто отвечайте на мои вопросы. И всё. Назовите мне эти предметы. И их владельцев.

Вольный предприниматель устался в зрачки своего визави. И сделал это напрасно. Все то, что ему пришлось говорить потом, не было, вообще говоря, речью нормального менялы. Нормальные менялы не «сливают» своих партнеров и клиентов. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Енот и не «сливал». Просто кто-то другой за него выбалтывал содержимое его необъятной и путаной памяти. Обычный страх то был или хитрый гипноз? Ценой какого-то невероятного усилия он отвел взгляд от нацеленных на него зрачков Палача. И закончил свои речи словами: «Вот, собственно, и весь список... Но я не представляю, как...»

При этих словах его передернуло. Потому что он как раз в этот момент хорошо представил себе — как. Каким образом может заполучить его непрошенный гость предмет для обмена на Джокера. И тут же его передернуло еще раз: он сообразил, что точно так же, как и эти предметы — банальным грабежом, без всяких затей с обменом, — Палач мог бы забрать и Джокера. Если бы знал, как тот выглядит.

— Вы уверены, что дали мне все подходящие адреса? — осведомился Палач, пытаясь снова встретиться взглядом с обливающимся холодным потом резидентом. — Всего-навсего четверо? Лоуренс Чатт, Махмуд Кадыр, Фанни Бианки и Борис Французов? Я не ошибся?

— Все правильно, — уныло подтвердил Енот.

— Когда надо, я вас найду, — утешил его собеседник, поднимаясь из-за стола. — Можете назначить встречу Коннетаблю...

— Она уже назначена, — торопливо выпалил Енот. — Завтра вечером... Правда, по другому поводу...

— Чудесно.

Опять улыбнувшись улыбкой бритвенного лезвия, собеседник его неторопливо покинул место действия.

Как всегда с ним бывало в случае крайнего расстройства, Енот «запал на хавчик», как изящно выражались древние славяне, и машинально, не глядя, отправлял в рот кусок за куском пиццу, салат и прочую заказанную наобум снедь, захлебывая ее остатками пива.

«Гос-с-споди, чего ж я наделал-то? — вертелось у него в голове. — Эту жуть к своим, можно сказать, коллегам направил... Надо бы этих четверых предупредить... Только вот — о чем? В каком обличье эта нелюдь к ним заявится?»

Ответа на этот вопрос дать ему не мог никто.

Секач с делано мрачным видом ожидал, пока в зале улягутся отголоски поднявшейся бури. Тем временем к нему через плечо наклонился Мочильщик и сообщил, что Ларри с новостями ждет его в кабинете.

Секач находился в состоянии полнейшей эйфории, хотя продолжал сохранять вид джентльмена, удрученного случившимся. Отдав распоряжения по поводу запуска второй команды игроков (предполагалось, что до трех часов пополудни будет сыграно три партии), он поднялся со своего почетного места и энергичным шагом двинулся прочь из зала. Можно было подумать, что никого больше здесь и не было. Всем своим видом он давал понять, что у него нет настроения дальше лично участвовать в Игре.

— Я очень доволен твоей работой, Мэт, — бросил он на ходу порывавшемуся что-то сказать ему специалисту по Магии.

Тот покинул свое судейское место и торопливо пробивался следом за «большим боссом». Без сомнения, он желал получить в благодарность за свое своевременное вмешательство нечто более существенное, чем просто благодарный кивок украшенной благородными сединами головы Секача.

— Себастьян тебя проводит в библиотеку, — не оборачиваясь распорядился тот. — И побудет с тобой, чтоб не скучал. Подождешь меня — выкуришь сигару, перекинешься с ним парой слов. Полистаешь книжки... Там у меня есть новые поступления — может, тебе интересно будет... А я подойду скоро.

* * *

Ларри Брага с почтительным безразличием поднялся с гостевого кресла навстречу шефу и откашлялся. Секач собственноручно запер за собой дверь и, не опускаясь в кресло, стал напротив помощника, буравя того вопросительным взглядом.

— Быстро ты управился... — буркнул он одобрительно. — Что принес?

— Удачно обстоятельства сложились, — пожал плечами Ларри. — Я — на Тракт, а Шишел — с Тракта. Оба по ночной поре завернули в один и тот же кабак. На встречах курсах. Разговорились. Мы ведь с ним в неплохих отношениях. Так что информация из первых рук.

— Ну?.. — подтолкнул слишком неспешный, на его взгляд, ход повествования Секач.

— У Шаленого обычно секретов не бывает, — сообщил ему свое мнение Ларри. — Или бывают такие, о которых никто ничего не знает. Из истории с Фога он секрета не делает. Правда, говорит, что не мочил он этого типа. Несчастный случай с ним вышел. Очень его волнует это обстоятельство. Думаю, не врет.

— Меня это мало интересует, Ларри, — кашлянув, заметил Секач. — Главное, что «болотный братец» спекся.

— Ну а меч, мистер Гордон, если именно он вас интересует, — пояснил Ларри, — Шаленый тут же и обменял...

Секач скрипнул зубами. Но, в конце концов, не все же ему должно везти сегодня. Тем более что «сегодня» — уже благополучно кончилось. За Игрой полночь давно миновала.

— Он гостил у Коннетабля Стрита, — пояснил Ларри. — От него и ехал. Ночевать почему-то не стал. Так вот он с ним и махнулся. На какое-то магическое чучело, что ли... Сейчас ищет, кому бы эту радость с рук сбыть. Знаете, Дима Шаленый на Магию смотрит

довольно криво...

— Вот это как раз дело десятое, — снова, означив свое недовольство энергичным покашливанием, прервал Брагу Секач. — А вот то, что на носу ежегодный Большой Размен и пойдет он под патронажем старого борова Стрита, — это дело первостепенной важности. Коннетабль, конечно, выставит вещь на обмен...

— Я этот вопрос прозондировал, мистер Гордон. Поскольку хорошо чувствую вашу в нем заинтересованность. Тут, как говорится, нашла коса на камень. Коннетабль не станет вещь выставлять на обмен. Ни на какой другой предмет менять ее не станет. И поодиночке ни с кем торговаться не будет. Зато он очень рассчитывает в ближайшее время заполучить вторую половину пары... Я имею в виду...

— Не надо мне объяснять, Ларри! — похлопал помощника по плечу Секач. — Ну, на «нет» и суда нет... — Он достал из бумажника несколько купюр и протянул их Браге. — Здешний Хэллоуин вроде как на носу? Хорошо отпразднуй его...

— Благодарю вас, мистер Гордон, — с минимумом эмоций произнес Брага и покинул кабинет шефа.

* * *

Неприязненно морщась, Секач походил немного взад-вперед по своему кабинету. На редкость удачно завершившийся день сменился ночью, которая преподнесла ему пренеприятнейший сюрприз. Сюрприз из тех, что и врагу не пожелаешь. Меч, бывший совсем рядом — в руках чудака Шишела, который Магию ни в грош не ставил, — ушел. Причем ушел не куда-нибудь, а в лапы Коннетабля Стрита, а уж он эту штуку ни за что не отдаст, какие бы магические блага ни предлагались ему взамен.

Кого-кого, а уж Джонатана Стрита в этом отношении Секач знал как самого себя. И надо же было растяпе Шишелу завернуть после побоища с братьями Хого-Фого в Стриткасл! Хотя, конечно, понятно: как не похвастаться перед своим Коннетаблем великой победой, а заодно и сбыть с рук вещицу, от которой чего ждать — неведомо.

А попадись ему вместо Стрита по дороге первый встречный — и меч бы достался этому встречному...

«Ладно, — сказал себе Секач. — Еще, как говорится, не вечер. У тебя в библиотеке, кстати, томится, в ожидании заработанной косточки дипломированный специалист по Магии. Неплохо бы сейчас, по горячему следу, проконсультироваться с ним».

* * *

Ну что же... Дополнительную консультацию Мэтью Честертон дать был не прочь — за дополнительную плату, конечно. Особенно после того, как в кармане у него приятно хрустел пухлый конверт с возмещением потерь его драгоценного рабочего времени в должности архивариуса Магистрата далеких Северных пристаней. Пара часов судейства в не совсем законном, но весьма популярном среди богатого народа матче в магические кости в Чоп-хаусе стоила неплохих денег.

Причем пухлость конверта этого обеспечивали не «фантики» валюты, сошедшей с

печатных станков Дворцового монетного двора всей Заразы повелительницы, светлейшей принцессы Фесты, а полноценная федеральная «зелень». Желание сотрудничать с таким прекрасным партнером, как мистер Гордон, подогревали в Мэтью также пара бокалов отменного (хотя и местного разлива) хереса и прекрасная (кажется, и впрямь из Метрополии добытая) сигара.

В свои пятьдесят лет слегка обрюзгший, но все еще сохранивший презентабельный вид, Мэт Честертон почти никогда не задумывался над тем, будет ли у него в бумажнике достаточно «орликов», чтобы оплатить крышу над головой и хлеб на столе. А также массу других, менее жизненно важных потребностей, которые не давали спокойно спать большинству его сверстников. Тех, что слишком поздно для своего возраста задумали начать новую жизнь в Закрытом Мире. В Старых Мирах такой привилегией были наделены, пожалуй, только зубные врачи и адвокаты. На Заразе — наемники и «специалисты по Магии».

Посторонних лиц в библиотеке Секача никогда не бывало, а уж сейчас тем более. Оборудован Чоп-хаус противоподслушивающими системами был чуть лучше, чем замки Высочайшего Престола. Поэтому конфиденциальность разговора гарантировалась его участникам полнейшая.

Реакция Мэтью на горестное повествование Секача была совершенно неожиданная — смех!

Впрочем, смех не гомерический и далеко не безудержный. Вежливый смех доктора по адресу больного, который умудрился поставить сам себе ужасно страшный диагноз.

Промокнув уголки глаз от якобы выступивших от этого смеха слез, Мэт Честертон перешел к деловой части вопроса.

— Итак, вы только что говорили о пятистах федеральных баксах? — уточнил он. — О пятистах баксах за консультацию и о пятистах сверху за совет, как справиться с такой ситуацией?

— Мое слово — железное! — подтвердил свое обещание Секач.

— В таком случае, — улыбнулся Мэт Честертон, — можете начинать отсчитывать купюры. Ответ готов. Он был готов гораздо раньше, чем вы задали мне свой вопрос.

«Штука» федеральных баксов тихо легла у его левого локтя. В Чоп-хаусе никогда не говорили о деньгах в шутку.

— Я слушаю вас... — вкрадчиво произнес Секач.

Мэт Честертон отложил сигару и стал абсолютно серьезен. Он прекрасно знал, что означает вкрадчивый тон в устах Секача. «Ступай, ступай, мальчик... Веди меня туда, где зарыты твои сокровища. Но только помни: шаг вправо, шаг влево — считается побег. Прыжок на месте идет за провокацию... И палец мой лежит на спусковом крючке...»

— Вся беда тех, в чьи руки по одному попадали мечи Ньюмена, была в том, что они если и читали сочинения Арчи Ньюмена, то разве что его статейку в Магической Энциклопедии. А его «Завещания» не читал никто. Трудно, конечно, винить козлов за то, что они козлы, но... Признать сам этот факт приходится.

Архивариус аккуратно взял со стола «штуку» и определил ее во внутренний карман своего слегка потертого пиджака. С совершенно каменным лицом. Словно и не заметил, о чем шла речь.

Секач вытерпел и то, что его, хотя и косвенным образом — причислили к сонму козлов. Как вытерпел перед этим и холодно-безразличный, почти неприязненный тон Ларри Браги.

Сегодня Гарри Гордон был в хорошем настроении.

— Дело в том — слушайте меня внимательно, мистер Гордон, — поднял Мэт свой указательный палец, означив тем важность должного быть произнесенным текста. — Все дело в том, мистер Гордон, что каждый отдельно взятый меч из пары предметом Магии не является. Арчибальд Ньюмен установил это с предельной точностью.

Воцарилась тишина.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Повтори-ка, пожалуйста, Мэт, это самое, что ты сказал... — медленно выговаривая слова, попросил Секач.

— Охотно, — ядовито улыбнулся Честертон. — Каждый отдельно взятый меч из пары мечей Ньюмена является всем, чем угодно, например, коллекционным образцом оружейного мастерства или артефактом истории Предтеч... Понимаете, просто предметом самим по себе. Но — не предметом Магии. Предметом Магии является лишь пара мечей в руках одного хозяина. Не моя вина, что вы этого не знали.

Секач откинулся в кресле и распластался в нем, словно боксер после тяжелого раунда. Он смотрел на Мэта Честертона прозрачными, ничего не видящими глазами. Тот нахально налил себе еще хереса и отхлебнул.

— Ты заработал свою «штуку», Мэт, — наконец сказал Гарри. — Но если ты...

— Никаких «если»! — заверил его Мэт, снова прикладываясь к бокалу. — Здесь и сейчас, я знаю, чем отвечаю за свои слова.

— Это ты только думаешь, что знаешь... — позволил себе вставить свое слово в разговор Себастьян Мочильщик.

— Мне, — мягко улыбнулся в ответ специалист по Магии, — больше нечего добавить к тому, что я уже сказал. Если у вас нет вопросов ко мне, то я, пожалуй, не стану отнимать у вас время. Оно у вас ценится довольно дорого. Хорошее у вас курево, мистер Гордон... — добавил он, поднимаясь из кресла.

— Прихвати с собой пару сигар, — добродушно отозвался Секач.

И приспустил веки в ответ на немой вопрос во взгляде Мочильщика, обращенном к нему. Тот понял, что разговор окончен и клиент отпущен с миром. И протянул Честертону его шляпу.

— Я попрошу тебя, — вкрадчиво предостерег Секач, — не распространяться об этом нашем разговоре... И знаешь... Пусть, как ты говоришь, козлы... Пусть козлы и остаются в неведении относительно этого... завещания Арчи Ньюмена...

* * *

— Вообще-то тип обнаглел, — заметил Мочильщик, когда за специалистом по Магии закрылась дверь библиотеки.

Он извлек из кармана футляр со своими — местного Производства — сигарами, взял одну и принялся ее раскуривать, вопросительно поглядывая поверх огонька, на шефа.

— Ему надо закрепить в мозгах его обещание... — согласился шеф. — Надо его как следует припугнуть... — Тут Секач сделал паузу. И, поразмыслив, добавил: — И будет лучше, если он испугается до смерти. А то, знаешь ли, предстоит Большой Размен. Съезжается всякий народ... Кто его знает, с кем захочет Мэт поделиться своими знаниями...

— Заметано, шеф. Мне объяснять не надо, — деловито бросил Мочильщик, откидываясь в кресле.

Секач пребывал в задумчивости. Судьба Мэта Честертона не так уж и волновала его. Он рассеянно скользил взглядом по золотому тиснению корешков книг, выстроившихся на дорогих воощенных полках вдоль стен:

— Получается, что Шишел выменял у Джонатана какую-то магическую рухлядь, а ему подсунул всего-навсего самый обычный ковыряльник? — И вдруг хлопнул рукой по колену.

Ответа он не ждал. Впрочем, ответа и не последовало: Мочильщик прекрасно понимал, что вопрос адресован не ему.

— Нехорошо получилось... — продолжил Секач, иронически заломив бровь. У Шишела будут проблемы. Впрочем, его, а не наши... Важно вот что... Важно то, что с «правым» мечом, оказывается, можно обойтись ровно так же, как с любой другой железкой...

— Прийти и взять, — заключил Себастьян.

— Да, прийти и взять, — согласился Секач. — Вопрос только — кого послать на это дело. И...

— У меня в Стриткасле есть пара надежных людишек, — поставил шефа в известность Себастьян. — Уже завтра к утру мы будем знать, где у Коннетабля лежит «правый» меч. Или висит... Только эти мои людишки не годятся на то, чтобы вещь грамотно стибрить...

— И не надо их подставлять. Пошли на дело народ попроще. Только не полных идиотов. Пусть поживятся, оставят хорошо заметные следы взлома, чтобы достопочтенный сэр не грешил на своих...

— Понял, не дурак, — заверил шефа Мочильщик.

* * *

Поднявшись к себе в кабинет, Секач — второй раз за эти сутки — навестил свой пантеон богов Пестрой Веры. На этот раз рюмки бренди удостоился сослуживший ему сегодня неплохую службу Щедрый бог Ошибок — Тарараху-бин-Аооху.

* * *

— Нет, сегодня — не мой день, — устало произнес Махмуд Кадыр, поглядев на часы — Решительно не мой!

Утро выдалось для достопочтенного менялы довольно суетное. Сперва, еще до открытия офиса для посетителей, к нему пожаловал старый знакомый — Джек Филмер. Капитан налоговой гвардии. Он портил Махмуду настроение до восьми тридцати. Затем позвонила Кэтрин и сообщила, что на работу сегодня не выйдет по причине вызова в суд. Пришлось отыскивать по телефону Франческу, убывшую в отпуск, и упрашивать ее посекретарить денек за сверхурочные. Потом... В общем, к десяти часам достопочтенный Кадыр чувствовал себя так, словно уже проработал полный день — от звонка до звонка.

Так что когда прибывшая на место службы Франческа по селектору уведомила его, что к нему «посетитель по меняльным делам», Махмуд даже нервно посмотрел на часы, искренне ожидая, что его «приемные часы» уже закончились. И испытал немалый шок, выяснив, что

фактически весь рабочий день еще впереди.

Посетитель оказался сухим джентльменом в возрасте. Его интересовал предстоящий Большой Размен и, в частности, тот товар, что собирался выставить на него достопочтенный Махмуд.

Вообще-то подобные «предварительные консультации» (известные под названием «инсайдерства») не приветствовались в сообществе менял. Даже были — что и говорить — прямо запрещены Правилами Размена. Но практиковались они постоянно. Покупать kota в мешке неохота было решительно никому.

Тертый калач, Махмуд прикинул, что посетитель смотрелся, конечно, не как полнейший уж «чайник» в меняльном деле. Скорее — как чужак со стороны. Но ему, Махмуду Кадыру, какое до этого дело? Хочет предстоящий участник Размена заранее знать сильные и слабые стороны «предмета», на который нацелился, — бог в помощь. То, что торговать подобными сведениями считалось большим грехом — проблема святых. Но никак не самих грешников.

Чуть-чуть непринужденной беседы — и стало совершенно ясно, что незнакомца (который неуловимо кого-то напоминал Махмуду) интересуется, собственно, «Книга корней» Роуберна. Что говорило о его неплохой подкованности в делах не только мирских, но и в тех, что завязаны на Магии.

Книга та была большой головной болью для менял и знатоков артефактов Предтеч. Читать ее не решался почти никто из знакомых с историей вопроса. Ходили слухи о том, что каждый раз, раскрыв книгу, в ней всякий обнаруживал иной текст. Но самое большое значение имело то, что из этого текста можно было вычитать. Энтузиасты считали, что в «Книге корней» содержатся ответы на все вопросы, которые только может измыслить разум (не важно — человеческий или какой иной). Люди с опытом полагали, что тексты «Книги» — всего лишь некие высвобождающие подспудные способности Разума «ключи», благодаря которым сам Разум может находить решения вопросов, которые сам же и ставит перед собой. Но не приведи господь оступиться тому, кто пошел по этой дорожке. Многие из знатоков «Книги» плохо кончили.

Принимая во внимание то обстоятельство, что тексты «Книги корней» были написаны на Древних Языках, расшифровка которых была «вопросом далеко не однозначным», суждения об их реальной ценности (в понятиях меновой цены предметов Магии) варьировали в весьма широких пределах.

Впрочем, для Махмуда это было не важно. В перспективе его мечтаний маячили вовсе не разгадки вселенских тайн или обретение магического могущества, а просто-напросто приобретение «доходной Магии» — ну, скажем, пары полноценных драконьих кладок где-нибудь при надежном инкубаторе

— Давайте оговорим с самого начала ваши условия, — остановил он словоохотливого клиента. — Вы заинтересованы в «Книге корней». Давайте определим сначала, что вы можете выставить на обмен...

— Сначала, — строго определил клиент, — я хотел бы видеть «Книгу». А уж потом...

— Видеть «Книгу» вы можете непосредственно во время Размена, — пожал плечами Кадыр. — Но если...

— Назовите сумму сразу, — хмуро означил свои условия клиент, чем даже немного смутил своего партнера.

Так, «в лоб», все-таки не принято было в Семи Городах делать предложения о не совсем законных сделках. Но этот клиент явно был из залетных. И учить его здешним обычаям в

обязанности Махмуда вовсе не входило.

Он только вздохнул и пожал плечами.

— Пойдемте.

* * *

Франческа взглядом горгоны Медузы проводила шефа, который повел заявившегося с утра типа на свой «склад». Попросту в хорошо запирающуюся комнату, где были припасены его резервы к предстоящему Размену. Собственно, те жалкие «сверхурочные», которые положил Скупой Махмуд ей за то, что выдернул ее из отпуска, как морковку из грядки, вовсе не столь уж и сдались ей. Просто не хотелось портить отношения со своим довольно склочным работодателем.

Шеф покинул «склад» довольно быстро и, коротко кивнув, исчез в наружной двери. Само по себе это не было чем-то необычным. Возможно, шеф что-то забыл в припаркованной перед офисом машине. Или просто надумал прогуляться по свежему воздуху. Такое тоже бывало.

Необычным было то, что шеф покинул клиента — причем клиента, который явно не входил в круг его доверенных лиц, — одного, на «складе», куда, например, самой Франческе вход был заказан. Впрочем, какое ей было до всего этого дело?

Подергивая время от времени плечиком — в знак своего недоумения — она допечатала ответы на полтора десятка писем и поразилась отсутствию дальнейших ценных указаний со стороны руководства. Беспокойство закралось в ее душу. В конце концов чем занимается оставленный без присмотра клиент в «святая святых» шефа?

Преодолев некоторое стеснение, Франческа поднялась из-за рабочего стола и, пройдя десятка два метров по коридору, деликатно постучала в дверь «заветной» комнаты. Ответа не последовало. Девушка тяжело вздохнула и приоткрыла дверь. Заглянула внутрь, вошла и остолбенела. Шеф, который на ее глазах покинул офис и не возвращался в него, сидел перед нею на полу, уронив голову на руки. В буквальном смысле — уронив. Голова его была аккуратно отсечена от туловища и покоилась в его лежащих на коленях руках. Сам этот факт не слишком потряс Франческу — слишком уж он выламывался из картины окружающей действительности. Ее по-настоящему перепугала кровь — чертова уйма крови, разлитой по полу, по столам и всюду вообще. В том, что сегодняшний день — «не его», шеф был, безусловно, прав.

Она, осторожно пятясь, вышла из жуткой комнаты. Закрыла дверь. И только тогда заорала — дико и оглушительно.

* * *

Енот позволил себе высунуть нос из тесного щитового домика кемпинга, в котором он приютился только для того, чтобы пообедать в небольшом кафе-вагоне тут же, в кемпинге на выезде из Красных Камней. Фаст-фуд никогда не был любимой пищей вольного предпринимателя. Но светиться в более людных местах после вчерашнего эпизода ему не хотелось еще более, чем давиться просроченным гамбургером или пережаренной яичницей

— на выбор.

Поэтому он, стараясь не привлекать к себе особого внимания, поглощал и то и другое, запивая отвратительным эрзац-кофе и пялясь в «окно в мир» в виде беспрерывно работавшего Ти-Ви, настроенного на некий винегрет из хреновейшей музыки и новостей не краше. Среди всяких гадостей на тему о предстоящем повышении налогов, дважды за то время, пока Енот допивал свой кофе и дожевывал гамбургер, пролетело сообщение о «терроре, начатом со вчерашнего дня» против агентов по организации ежегодного Размена предметов Магии. Сегодня утром стало известно, что еще один из членов сообщества менял, достопочтенный Махмуд Кадыр, был умерщвлен точно таким же способом, как и его собрат по гильдии, господин Родни Паркер. То бишь — путем усекновения головы. Криминальный отдел Городской Стражи ведет расследование обоих преступлений.

Енота продрал мороз. Не было это, не могло быть случайным совпадением...

В кафе тем временем забрел посетитель — мальчик лет четырнадцати-пятнадцати. Не проявив никакого интереса к прилавку-автомату, он взгромоздился на стул у столика, за которым приютился притихший Енот. Устроился он точно напротив вольного предпринимателя, спиной ко всему остальному интерьеру вагончика.

Мальчишка был одет как большинство ребят его возраста, обитающих в не самых фешенебельных кварталах Семи Городов. Застиранный майка с короткими рукавами и идиотскими лозунгами на спине и животе, потертые шорты и сношенные кроссовки. На плече болталась брезентовая сумка. В общем, ничего особенного не представлял собой ребенок. Но повел он себя не слишком ординарно.

— Возьми мне какой-нибудь дребедени, — буркнул он тихо. — Чтобы на нас не таращились.

Голос у парнишки вполне соответствовал его возрасту. Но интонация... Енот мгновенно узнал эту жесткую, не слишком приятную манеру говорить — манеру Палача. Он остекленело воззрился на мальчика.

— Это... Это вы?.. — спросил он вполголоса.

— А чем вы удивлены, мистер? — поинтересовался, болтая загорелыми, украшенными ссадинами ногами, мальчишка. — Вы еще вчера убедились в том, что внешность у меня изменчивая... Так возьмите какой-нибудь еды. Вы — мой дядюшка. Или, может быть, даже папа. Давайте проявляйте свою заботу.

Енот поднялся с места и, напоминая самому себе зомби из кинофильма, дошел до прилавка, сунул в щель автомата свою электронную кредитку и вернулся к столу с громадным пластиковым стаканом мороженого и пачкой попкорна. Малец между тем вытащил из наплечной сумки и положил перед «дядюшкой» довольно объемистый пакет из плотной желтой бумаги.

Енот сел за стол, поставил угощение перед «племянничком» и заглянул в пакет. Потом удивленно воззрился на своего с виду малолетнего соседа по столу.

— «Книга корней»? — удивленно спросил он. — Но ведь...

— Вы можете предложить эту книгу на обмен? — осведомился «племянник», активно ковыряясь в целом Монблане мороженого, высящемся перед ним. — Вам придется выменять одну-единственную вещь у Коннетабля Ордена Дорог. Только и всего. Если вы проявите достаточную настойчивость, то это не составит большого труда. И будет вознаграждено.

— Чем? — поинтересовался Енот.

Когда речь заходила о деньгах, он становился немногословен.

— Ну, хотя бы тем, что вы останетесь живым, — отозвался Палач, не отрываясь от мороженого.

Со стороны казалось, что дядюшка и его малолетний племянник просто болтают о пустяках, а заодно потихоньку уминают свой полдник.

Апостолос уперся взглядом в тарелку с недоеденной яичницей и мысленно приказал себе: «Будь спокоен. Не подавай виду... Не подавай виду...»

Мысль о том, что перед ним та самая «Книга корней», что собирался выставлять на Размен отдавший этим утром богу душу Махмуд Кадыр, пришла ему в голову почти молниеносно. Но столь же молниеносно его интуиция подсказала ему, что именно это предположение не стоит высказывать здесь и сейчас.

«А ведь это я дал ему “наколку” на Махмуда, — мрачно подумал Енот. — Уже второй покойник, как-то связанный с нашими с ним делами. Я становлюсь кем-то вроде Ангела Смерти на контракте...»

— Коннетабль, безусловно, проявит интерес к такому... э-э... раритету, — заверил Енот того, кто сидел напротив него. — Но сэр Стрит очень щепетилен в подобных вопросах. Его непременно заинтересует личность хозяина... э-э... предмета. И, если вы понимаете, о чем я говорю, его история...

Мальчишка увлеченно ковырял пластиковой ложечкой свое мороженое и был совершенно невозмутим. На мгновение Еноту даже пришла в голову идиотская мысль о том, что перед ним и вправду сидит обычный ребенок. Ребенок, который ест мороженое и абсолютно не понимает, о чем бормочет толстый дядька напротив него.

Но в этот момент парнишка поднял на него глаза и коротко бросил:

— Это не важно, какой ответ вы дадите сэру Стриту на подобные вопросы. Вещь не имеет хозяина, и вы можете считать, что нашли ее.

— Простите, но нашли ее вы, — поправил собеседника Енот. — А я только выполняю ваше распоряжение и как профессиональный меняла буду всего лишь посредником при обмене «Книги» на... э-э... Джокера.

Мальчик покачал головой.

— Есть две вещи, которые тебе надо иметь в виду.

Енот выжидательно поднял брови.

— Ну?

— Первое — это то, что я не человек. И Магия меня за такого не примет. Так что владельцем «Книги» является тот, кто ее нашел. Считаем, что ты. Что касается сэра Стрита... Главное, чтобы он согласился на обмен. И чтобы то, что вы попросите взамен, как можно скорее оказалось в ваших руках. А затем — в моих.

Енот впал на пару минут в задумчивое оцепенение.

— Вы ведь собираетесь эту штуку, которую я должен для вас выменять, уничтожить? Так?

— Я этого не скрываю.

— Но тогда получается, что я все-таки не буду хозяином этого Джокера...

— Отчего же? Я просто объяснил вам, что Джокер — опаснейшая из всех вещей, что попадали в руки людей. И будет только лишь вполне естественно, если вы решите эту злокозненную штуку уничтожить. Ну а уж то, что вы сделаете это моими руками... это сущая мелочь, поверьте.

— Значит, я буду ответствен за уничтожение предмета Магии?

Мальчишка снова насмешливо покачал головой.

— Те, кто нашел Джокера, ошиблись. Это вовсе не предмет Магии.

Енот снова оцепенел.

— Но тогда обмен будет ненастоящий... У сэра Стрита не будет права обладать «Книгой»...

— Она вернется к вам. Вас это огорчает?

— Нет. Но у сэра могут возникнуть неприятности... Проблемы...

— Его проблемы. Не твои, — коротко бросил тот, кто сидел напротив.

Мальчишка поболтал ногами, закинув одну на другую, отставил початое мороженое в сторону, соскользнул со стула и исчез за дверью. Енот осторожно поднялся с места и подошел к широкому окну, открывавшему вид на кемпинг. Ему хотелось проследить, куда подастся его «опекун».

* * *

Мальчишки нигде не было. Автоматическая газонокосилка обрабатывала лужайку, и за нею присматривал расположившийся в шезлонге черный как смоль выходец из Африки, наряженный в комбинезон с эмблемой кемпинга. Пожилая миссис, одетая по-дорожному, прогуливала маленького песика. Двое пожилых горцев на скамейке для отдыха сражались в шахматы. Немного подалее играли в теннис двое парней студенческого возраста. Поодаль ждала своей партии с победителем скучающая девица с ракеткой... Палач мог воплотиться в любого из этих статистов. Даже, наверное, в забавного песика.

Енот отошел к своему столику и в два глотка допил выдающую себя за кофе бурду.

* * *

Не в привычках Микаэлле Кортни было надираться с горя в стельку. Само горе заменяло ей алкоголь, кружило ей голову и лишало сил. Она вошла в свою мастерскую в состоянии такой же протрации, в какой в свою квартирку возвратился этой ночью Гринни. Только тратиться на выпивку девушке не пришлось.

Больше всего ей хотелось ткнуться носом в подушку и разреветься, словно маленькая девочка. И хорошо бы на край кровати, немного погодя, присела мама. Выслушала бы рассказ о бедах своей дочурки и объяснила ей, что все это пустяки, в жизни бывает еще не такое... и что она уже большая девочка и не должна плакать и расстраиваться по таким пустякам. Но мамы давно не было.

И Микаэлла сама вспомнила, что она «уже большая девочка и не должна плакать и расстраиваться по таким пустякам». Она грохнулась в продавленное кресло, закинула ноги на свой стол-верстак и мрачно уставилась перед собой.

«Хватит терзать себя, Мика! — прикрикнула она на себя. — Надо мыслить конструктивно. Кон-струк-тив-но, Мика...»

Но слово «конструктивно» как было, так и оставалось для нее совершенно пустым звуком. Ничего не шло на ум. Даже то, с чего же, собственно, надо начинать мыслить. Ясно, что те лихорадочные глупости, что наболтали вчера Тимми и Сян, конструктивными

мыслями никак не назовешь. Не было ничего конструктивного и в той отрешенной прострации, в которой пребывал Гринни. Но что тогда надо называть конструктивным? Тут ее мысль становилась в тупик.

Из тупика девушку вывел сигнал мобильного, брошенного ею на стол. Снова звонил Шишел и деликатно осведомлялся, как там у нее дела. Явно с видами на то, чтобы получить от Мики какую-то консультацию. Микаэлле, разумеется, было не до консультаций, но... Но надо было выходить из одурелого отчаяния, сковавшего ее. Вид человеческого лица, тем более лица хорошо знакомого и слегка бестолкового, был бы хорошим средством от тотальной меланхолии.

У Шишела проблемы? Что ж. Нет ничего лучше, для того чтобы забыть о своих проблемах, как заняться проблемами кого-нибудь другого. Чужие проблемы очень успокаивают! Это, как любил говорить сам Шишел, «медицинский факт».

— Ты бы заходил, Дмитрий, — ничуть не сфальшивив, устало произнесла она. — Век не виделись...

Шишел, которому обычно вечно некогда было заскочить на огонек, на этот раз откликнулся с энтузиазмом.

— Знаешь, — добавил он, уже собираясь заканчивать разговор, — у меня тут маленькая проблема... Похоже, что по твоей части... Если у тебя будет пара лишних минут...

Микаэлла заверила его, что именно пара минут у нее найдется. И отправилась на кухню — заваривать чай. Поразительно, что человек, низвергнутый в пучину отчаяния и вконец истерзавший себя угрызениями совести, может найти успокоение в споласкивании заварного чайника кипятком и приготовлении смеси из чайного листа, хотя и дрянного (плохо рос чайный куст на Заразе), но зато аж трех сортов. Пока Мика занимала себя этим успокоительным делом, из мастерской снова послышался сигнал вызова.

«То ли Дмитрий о чем-то позабыл, — подумала она, пожимая плечами, — то ли у кого-то из ребят родился очередной план. Скорее всего, бредовый».

Вздыхнув, с заварным чайником в руках, она направилась обратно в мастерскую. Подхватив трубку со стола, она прижала ее к уху, придерживая аппаратик плечом. Но трубка глухо молчала. Сигнал вызова раздался тем временем снова.

Только тут Микаэлла сообразила, что звук издает не мобильник, а дурацкий дешифратор, которым она пообещала Тимми заняться. Когда-то тысячи две лет назад. Когда на них всех еще не обрушилась — по ее же собственной вине — лавина тяжкого несчастья.

Дешифратор как ни в чем не бывало валялся себе на одной из многочисленных полок, располагавшихся позади ее стола. Она как раз огибала это препятствие, чтобы как-то заставить заткнуться дурацкую пищалку, когда адресат, которому кто-то дозванивался, снял-таки трубку. Из динамика раздались раздраженные голоса. Мика не удержалась и поднесла аппаратик к уху. В трубке прозвучало:

— Вы, ребята, даете!

Это, без сомнения, был противный козлетон Чувырлы.

— Так хорошо дрыхнете, что удачу проспите... Наши зоологи сейчас при деньгах. Притом — не малых.

— А ты, Макс, часом, сейчас не под «грезничком»? — остановил скороговорку прохиндея резкий и неприязненный басок. — Впрочем, я вот Биллу передаю трубку. С ним и разбирайся.

— Да?.. — спросил откуда-то издалека явно начальственного тембра голос. — Какого

рожна ты тревожишь народ звонками? Я же сто раз говорил: только не через эфир. Все важные дела — только лично и за закрытыми дверями!

— Ну, Билли, ты и формалист! — пожурил собеседника Чувырла. — Я же через кодированный канал... Штука архинадежная, дорогой товарищ! Архинадежная!

— Кончай паясничать! Говори по делу! — прикрикнул на него невидимый Билли. — И коротко. Кодированный канал, не кодированный, а нечего лишнее трепать...

— Так вот я и спрашиваю: вся моя работа что? Коту под хвост? Я надыбал исключительный момент! Когда все три фигни сошлись: и денежки, и кладка драконья. Уже до кондиции дошедшая. И четверо дурней к тому же. Которые, что все люди братья, считают. И на первый стук свое логово открывают. И вот, когда все это совпало, оказывается, что все это вам вроде как и не нужно. Все это завтра к вечеру уйдет, и дело с концом. И больше не повторится. И какой же ты после этого будешь Буффало Билл?

Последовала пауза.

— И все это просто так — без охраны?

— Ты будешь смеяться, Билли, но эти ребята думают, что про их бизнес никто и никогда нигде ничего не слышал. Такие вот чуваки.

— Сколько там денег?

— Ну, примерно столько, что можно засыпать в ванну и в них искупаться.

— Ты веришь, что всё так просто?

В этот момент в дверях появился Шишел, для порядка звякнув разок входным звонком. Из-за угла он только что звонил, что ли? Микаэлла выразительно прижала палец к губам. Разговор в трубке становился все интереснее для нее.

— Я верю, Билли, в то, что завтра к вечеру мы не получим на руки даже драконьего дерьма. Денежки уйдут. Просто я хочу знать, какого черта я корячусь, если...

— Не горячись, Макс. Скажи проще: эти педики откроют тебе завтра с утра без вопросов?

— Нет проблем! — уверенно провозгласил Чувырла. — Козлы еще те!

— Тогда — мухой ко мне. Обговорим всё.

Кликнул сигнал отбоя. Микаэлла потеряла лоб. Проверила, записан ли разговор (он был записан). Положила дешифратор на место и рассеянно кивнула Дмитрию: «Проходи на кухню».

* * *

Кухонька Микаэллы была скроена явно не по габаритам Шишела. Тем более что явился он, волоча за плечами основательных размеров рюкзак.

— Ты в порядке, Мика? — осведомился он, присмотревшись к хозяйке. — Помочь не надо?

— Не в порядке, — уныло бросила та. — Но помогать не надо. Выкладывай свое «что делать?»

Шишел мрачно зыркнул на Мику и принялся расстегивать ремни рюкзака.

Мика с интересом следила за тем, что появлялось из брезентового мешка.

— Что это за самовар в сапогах? — поинтересовалась она.

— Шарж это, — пояснил Дмитрий, устанавливая предмет на кухонном столе. —

Карикатура... Узнаешь — на кого?

Он грузно опустился на креслице у стола.

— Сэр Стрит завел себе личного скульптора-садомазохиста? — предположила Мика.

— Да нет... — покачал головой Шишел. — Это он сам...

Мысль о том, что почтенный глава Ордена Рыцарей Дорог и в прошлом один из прославленных исследователей Скимитары сэр Стрит впал в увлечение декоративно-прикладным искусством, несколько поразила Мику, так что она даже потрогала странный артефакт кончиком пальца, будто усомнившись в его реальности.

— Не в том смысле... — спохватился Дмитрий. — Не в том, что сам Джонатан слепил этот горшок. А в том, что он, горшок этот, сам собой слепился...

— Ах вот как... — протянула Микаэлла, приглядываясь к странному предмету. — Это он сам тебе сказал?

— Больше никому, — пожал плечами Дмитрий. — Мне пришлось выменять у него эту штуку. Но никто толком не знает, зачем она нужна. Если хочешь поподробнее, то налей чаю...

* * *

Имя Рафаэля Фландерса не столь уж и глубоко потрясло Мику. Как, впрочем, и вся история Джокера — точнее, та ее часть, которую Дмитрий сподобился услышать от сэра Стрита. Дослушав его несколько сбивчивый пересказ, она разлила по чашкам остатки заваренного чая, и так, с чашками в руках, они и перебрались вновь в мастерскую. Шишелу кроме чашки пришлось тащить с собой и отлитую из металла и керамики скульптурную карикатуру на своего Коннетабля.

Микаэлла не стала тратить время даром. Она быстрыми, хорошо отработанными движениями расставляла на своем «верстаке» всяческие инструменты, аппараты и аппаратики, не тратя и секунды на раздумья, где они могут находиться, притом, что никакого порядка в мастерской не наблюдалось даже в виде слабой тенденции.

— Сажай сюда эту куклу, — распорядилась Микаэлла. — Пока придерживай вот так...

Она принялась прилаживать датчики по всему корпусу нелепого изваяния. Потом принялась выполнять некий нелепый обряд: щелкая клавишами старенького настольного компа, присоединенного к паутине этих датчиков, подкручивая верньеры каких-то весьма допотопного вида устройств и просто поводя в воздухе предметами, мало напоминающими приличное научное оборудование.

Это ее занятие заняло довольно много времени. Однако удовлетворения, видно, не принесло. С озадаченным видом Микаэлла присела на краю рабочего стола и вперилась в странную куклу невидящим взглядом. Потом снова активно принялась за дело, только для того, чтобы через неполный час снова впасть в такое же оцепенение.

— Что-то не ладится, Мика? — осторожно осведомился Шаленый, как будто он мог чем-то помочь своей — теперь уже давней — подруге в той задаче, что явно повергла ее в растерянность.

— Видишь ли, Дмитрий, — отозвалась Микаэлла. — Тут что-то странное...

Шишел мог вполне резонно возразить, что в делах, связанных с Магией, нестранных моментов, как правило, не попадает. Так уж получается. На то она и Магия. Но промолчал.

Только видом своим показал, что ждет хоть каких-то разъяснений.

— Во-первых, это что-то очень сложное, — определила Микаэлла. — И оно работает. И сдается мне, что работает вполне исправно. Нет оснований думать, что вещь сломана. И это вовсе не работа Предтеч. Это вообще не Магия.

* * *

«Вовсе не Магия... — в сотый раз за этот вечер повторил Шишел, обращаясь сам к себе. — А если не Магия, то что же?»

Так или иначе, а промашка у него вышла нешуточная. Получалось, что он ни за что подставил своего Коннетабля. Хотя сам сэр Джонатан, собственно, и виноват в том, что объявил Джокера предметом Магии. Надо же проверять подобные вещи! Но... Но ведь он-то принял эту игрушку из рук Фландерса. А кто, как не Рафаэль Фландерс — один из самых крупных авторитетов в области Магии Предтеч, был живой гарантией того, что ошибки тут быть не могло! Но точно такой же гарантией для Шишела были слова Микаэллы. В период его не слишком удачного пребывания на Терранове она помогла ему осуществить один довольно дерзкий план. И в мастерстве и знаниях столь молодой на вид особы Дмитрий не сомневался. Противоречие это не давало ему покоя. Тем более что Микаэлла не спешила пускаться в обстоятельные объяснения, касающиеся обнаруженных ею фактов. Что-то отвлекало ее. Она нервно «смолила» самокрутку с черным табаком и запивала частыми глотками крепчайшего чая. И чай, и табак были местного производства и могли нормальным человеком потребляться только этак вот — в высокой концентрации и молниеносно, как лекарство.

— Вот что... — поскреб в затылке Шишел. — Тебе, я вижу, не до меня сейчас. — Я потом, когда все наладится... А пока сам попробую разобраться. Что там Фландерс на Скимитаре понаоткрывал...

— Что наладится? — нервно вскинулась Микаэлла. — Ладно... Действительно... У меня сейчас не все «окей». Но ты тут ничем помочь не можешь. Ты меня извини. Пожалуй, мне надо трогаться. По делам. А насчет Фландерса... Где-то у меня было...

Девушка углубилась в недра мастерской и принялась энергично копать в одном из беспорядочно расставленных по ней шкафов. Затем — в другом. Наконец нашла что-то, что ее удовлетворило. Она подошла к рабочему столу и бросила перед Шишелом две стандартные карточки для лазерной записи.

— Вот, забирай... Мне эти мемуары — ни к чему. Одно время скандальное было чтение. Это те самые дневники Фландерса, которые уперли у него из компа хакеры. Да-да, те самые. Похоже, ты там кое-что сможешь про своего Джокера найти. Но они стремно очень написаны. В основном мало кто из этой галиматии что понял...

— А сам Фландерс? — поинтересовался Шишел, крутя в руках врученные ему карточки. — Он-то сам на эту тему, кроме как в дневниках, чего-нибудь сказал?

Микаэлла неопределенно повела головой, словно уклоняясь от докучливой мухи.

— Фландерс сейчас живет на Речном острове, отшельником. И всех посылает... Легко понять куда. Иногда — особо упорным — поясняет, что, по его мнению, Человечество не доросло не только до Магии Предтеч, но и до собственных высоких технологий. И, скорее всего, не дорастет никогда. Мол, не те мы существа оказались. Не на те цели ориентированы.

А поэтому снес он результаты своих научных исследований на помойку и занялся чем-то вроде выращивания капусты...

— Ну я пошел, — вздохнул Шишел и принялся упрятывать свое подозрительное приобретение все в тот же рюкзак-переросток. — Прости уж, что пришел не вовремя... Отвлек...

— Это хорошо, что отвлек, — угрюмо бросила Микаэлла, натягивая штормовку. — Ну и погодка на улице. До площади Эпидемий не подбросишь?

— Нет проблем! — заверил ее Дмитрий.

* * *

Высадив Микаэлла у дома, где обитал кто-то из ее приятелей, вдруг понадобившихся ей в эту ненастную ночь, Шишел некоторое время задумчиво смотрел ей вслед. Он размышлял над тем, что это, по сути дела, и по его вине девушка испортила себе судьбу. Да-да, как один из первооткрывателей Заразы, он нес ответственность за то, что Микаэлла вместо спокойной и обеспеченной жизни на благополучной Терранове выбрала иную участь. Вместе с десятками тысяч других искателей «иной жизни» она предпочла судьбу иммигрантки сюда, в Закрытый Мир. В котором жизнь, как стало Дмитрию почти кристально ясно теперь, оказалась вовсе не «иной», а скатывалась в уже проторенную колею, хорошо известную по опыту почти любого из Обитаемых Миров Федерации.

Впрочем, для Микаэллы, как специалиста по Магии, Закрытый Мир, насквозь пропитанный Магией Предтеч, возможно, открывал более заманчивые перспективы, чем для обычного переселенца.

Шишел вздохнул и поглядел на торчащего из рюкзака Джокера. Тот был неподвижен. Кукла куклой... И все-таки надо завтра же вернуть его Коннетаблю и объяснить пикантность ситуации.

«А не поздно будет завтра-то?» — вдруг подал голос его неожиданно проснувшийся внутренний демон.

Нестись дождливой ночью вдоль далеко не дружелюбных Трясин в Стриткасл Шишелу не улыбалось. К тому же припомнилось то обстоятельство, что где-то притаился и жаждет поквитаться с ним братец по собственной дури богу душу отдавшего Фого. Может, как раз — на ночном Тракте.

«Нет, — мысленно уведомил зловредного Хого Шишел. — Не поеду я в ночь с тобой на свиданку. Чай, не сдурел еще. Утопися лучше, милый друг, в трясине своей!»

Внутренний демон то ли в силу своего возможного дара ясновидения, то ли в силу совпадения попенял ему в том смысле, что кому быть повешенному, тот уж никак, даже при всем желании, не утонет.

«Да будет тебе! — прищелкнул на не вовремя высунувшегося из глубин подсознания собеседника Шишел. — Промашка, конечно, плохая получилась. Промашка... Ошибочка... Да мы вот сейчас...»

Он припомнил, что где-то здесь, совсем неподалеку, притаилась часовенка Пестрой Веры. Хоть никто и не верит всерьез в ее многочисленных (для каждого случая жизни своих) богов, бесов и демонов, однако... Задобрить хотя бы на эту ночь подходящего бога совсем не мешало, учитывая специфику сложившихся обстоятельств.

Шишел легко отыскал часовенку и в ней алтарик того, кто был ему нужен. Он порылся в карманах, достал смятый комок «орликов» и, поместив его перед ликом Тарараху-бин-Аооху — Щедрого бога Ошибок, запалил купюры от пламени ближайшей свечи.

Часть II

ДОЛЖНИКИ И ГОСТИ

Глава 5

БОГ ЗАМЫСЛОВ

«Народ попроще» Мочильщик инструктировал в баре «Стрип-парад». Представлен «народ» был двумя приземистыми субъектами небольшого ума, но большого опыта по части прошлых отсидок и способов обеспечить себе таковые наперед. Оба, раззявив рот, пялили глаза на сцену и, как казалось Мочильщику, пропускали половину его слов мимо ушей. Его это здорово бесило.

— Повторяю, — сверлящим и одновременно приглушенным голосом втолковывал он. — Заходите с хозяйственного крыла дома. В смысле замка. Там сигнализации вообще никакой. Как пройти до лестницы в западную башню, я вам нарисовал. Вы это поняли?

— Без проблем, начальник, — заверил его тот из коротышек, что отличался ярко выраженной лопоухостью и был чрезвычайно модно — в его представлении — одет.

Мочильщик бросил на него презрительно-недоверчивый взгляд и откашлялся.

— В башне ломаете четвертый шкаф от входа. В нем мечи висят. Не трогайте их, даже если они алмазами и изумрудами украшены будут. Что такое Магия, понимаете?

Второй из недомерков — румяный толстячок с ухоженной курчавой шевелюрой — сверкнул золотыми фиксами и понимающе пожал плечами. Что и говорить, то, что красть предметы Магии себе дороже, знал даже последний придурок на Заразе. Себастьян, глядя на толстяка, подумал, что этот самый последний придурок перед ним и находится. Но дело есть дело. И он продолжил:

— Берете только один — этот. — Он еще раз показал своим собеседникам снимок. — И если у вас есть головы на плечах, то убираетесь сразу. А если вместо голов — горшки с дерьмом, то можете прихватить по дороге пару вещей поценнее. Но если на этом загремите в тюрягу, вытаскивать вас я не стану. Вам все ясно?

Обоим дурням было ясно как будто все. Но один вопрос все-таки у лопоухого остался. Разумеется, самый идиотский.

— А на кого мы работаем, начальник?

Физиономия Мочильщика скривилась в иронической улыбке и стала еще более похожа на гигантский пельмень, чем это бывало с ней обычно.

— Вы делаете это для меня, ребятки... Поняли?

Ребятки поняли. И Себастьян удалился из «Стрип-парада», поминая матерными словами «гребаную деревенщину».

* * *

Деловая встреча с Коннетаблем Ордена Дорог у Енота была назначена на довольно позднее время. Да, конечно, над простирающимися вдоль пути в Стриткасл Трясинами витали лишь неприятные воспоминания о лихих братьях, промышлявших здесь разбоем. Однако иные вполне посюсторонние (и довольно многочисленные) их коллеги могли снова в любой момент расцветить жизнь припозднившегося путника неизгладимыми из памяти приключениями.

Так что впервые за время их недолгого знакомства Енот чувствовал некую

благодарность к Палачу. Тот взялся проводить своего «подопечного» до места предстоящих переговоров. Теперь он принял образ «водилы» и, видно, вполне комфортно ощущал себя в этой роли за рулем собственной «тачки» Апостолоса Челлини. «Тачки», с которой тот рассчитывал встретиться не скоро. Каким образом Палач снова проник в гараж Енота и вывел из него его потрепанный «лендровер», было, в общем-то, загадкой. Разгадывать ее вольному предпринимателю не хотелось. Он не задавал вопросов и только молча смотрел на темнеющие по всем сторонам горизонта, снова набравшие дождевую тяжесть тучи. На все менее различимую дорогу, исчезающую под колесами «лендровера». На пелену надвигающегося ливня...

Ему хотелось одного — чтобы этот кошмар кончился как можно скорее.

Когда на залитом ночным дождем крыльце Стриткасла навстречу ему вышел сам хозяин замка, Енот подумал с облегчением: «Ну вот и все. Осталось провести этот дурацкий фальшивый обмен и сбавить это „принеси то, не знаю что“, которое называется Джокером, проклятому трансформеру Терминатору. А потом забыть обо всем этом, как о страшном сне... И начать выбираться из дерьма, в которое меня затащил чертов оборотень!»

Этой его надежде суждено было разбиться вдребезги!

Хотя началось все как нельзя лучше.

Сэр Стрит лично проводил гостя в свой кабинет и даже проявил гостеприимство в отношении его шофера, предложив ему ужин на кухне. Тот, впрочем, отказался и остался в кабине вездехода.

Разговор предстоял из деликатнейших — он касался интересов реальных обладателей выставляемых на обмен предметов Магии.

До вопроса о Джокере дело дошло не скоро. Прежде следовало обсудить ужасную гибель двух коллег достопочтенного Апостолоса. Никаких подозрений в адрес господина Челлини высказано не было. Скорее наоборот. Сэр Стрит искренне опасался за безопасность своего партнера по переговорам. Он был обеспокоен и безопасностью собственных коллекций — ведь чем черт не шутит, могли сыскаться идиоты, которым сама идея Магии враждебна. Такие дурни уже несколько раз устраивали налеты на места сосредоточения разного рода магических атрибутов и пресильно попортили кое-какие из них. Апостолосу был продемонстрирован терминал охранной системы, расположенный на специальном столике в углу кабинета так, чтобы быть все время перед глазами его хозяина. Датчики системы сэр Стрит расположил в своей «кунсткамере» на верхних этажах Западной башни Стриткасла.

Апостолос высказал восхищение предусмотрительностью хозяина и наконец осведомился: не входит ли в число особо охраняемых им объектов некий Джокер, о котором ходит столько разнообразных слухов? А заодно — как смотрит Коннетабль на то, чтобы обменять этот загадочный предмет на нечто другое — фактически равноценное, но более полезное?..

Тут-то сокрушительный щелчок по носу и постиг достопочтенного менялу.

— Увы, дорогой мой...

Сэр Стрит откинулся в кресле и свел кончики пальцев домиком. Енот подался вперед, внимательно вглядываясь в физиономию Коннетабля.

— Увы, вещь уже ушла от меня, — вздохнул тот. — Мир Магии переполнен соблазнами. И один из них оказался сильнее меня. В конце концов, никто не знал подхода к этому непонятному предмету. Если кто-то счел, что сможет постичь его суть... Может, он и

составит счастье такому человеку. А то, что я получил взамен... Впрочем...

Чело сэра Стрита омрачилось, он посмотрел на своего собеседника взглядом грозным и суровым. Хотя и понятно было, что чувства эти обращены не прямо к его собеседнику, холодок потустороннего ужаса снова забрался Еноту за воротник и тронул спину.

Сэр Стрит, предавшийся тем временем своим мыслям, тяжело вздохнул:

— Боюсь, однако, что тот, кому досталась вещь, не будет за нее держаться и она пойдет гулять по рукам... А здесь, в Закрытом Мире, далеко не все руки достаточно чисты...

Енот вздохнул в знак своего с Коннетаблем полнейшего согласия:

— И кому же вы, достопочтенный сэр, уступили Джокера?

Сэр Стрит замешкался с ответом. Он внимательно присматривался к надписи, поплывшей по экрану охранной системы. А сама система разразилась тревожной трелью.

— О, вы хорошо знаете этого человека... — рассеянно проговорил сэр Стрит, поднимаясь из-за стола и выдвигая его боковой ящик. — Извините, уважаемый, — торопливо добавил он, вытаскивая из ящика допотопный барабанный револьвер. — Кажется, меня грабят...

* * *

— Фигня какая, — прошептал лопухий. — Повымерли они тут все, что ли?

В Стриткасле и впрямь стояла мертвая тишина. Не бывает в домах, где проживает хоть одна живая душа, такой тишины. И лопухий чувствовал эту странность ситуации не умом, а неким шестым чувством, которого, по всей видимости, не был лишен.

Толстяку такая чуткость восприятия была чужда. Он только пожал плечами.

— Тебе хочется аплодисментов и криков «браво!»? Мне — нет.

Ступая как можно тише, оба взломщика продолжили восхождение по винтовой лестнице, на середине которой лопухого так не вовремя одолел страх тишины.

Замки и запоры, с которыми им пришлось иметь дело в этот раз, могли только насмешить специалиста по «работе» с подобными устройствами. Оно и понятно: к чему замки и даже щеколды, если Магия сама защищает своих хозяев от краж и насилия?

Повертев в руках меч и полюбовавшись в лунном свете туманным узором на его клинке, лопухий засунул его обратно в ножны и пожал плечами.

— Вещь на вид, конечно, дорогая, но лучше бы этак вот хозяин хранил наличные... А они ведь у него имеются... Орден Дорог не бедненький...

— А вот я, по-моему, знаю, где у хозяев «шуршики» сложены, — глубокомысленно изрек толстяк.

— Ну так какого же ты телишься? — раздраженно воззрился на него лопухий.

Толстяк молча, с любовью во взоре, указал глазами на неприметную, под цвет каменной кладки выкрашенную дверцу в отдаленном углу комнаты.

— Видишь? Все шкафы здесь заперты просто порядка ради — на дерьмовенькие замочки из магазина скобяных изделий. А вот тот шкафчик и в стену вмурован, и дверца у него вполне для сейфа подходит...

— Думаешь, прямо здесь? — с некоторой опаской спросил лопухий.

— А чего думать? — пожал плечами его напарник! — Сейчас посмотрим. Я такие шуки на раз ломаю...

Оба приятеля двинулись к заветной дверце.

Она поддалась на усилия инструментария из сумки толстяка без особого сопротивления. К несчастью для данных участников событий, система сигнализации, которой был оснащен стенной сейф Коннетабля, была куда надежнее, чем его замок.

И к тому моменту, как партнеры по разбойному ремеслу убедились, что содержимое сейфа не имеет ни малейшего отношения к денежной наличности, сам Коннетабль, отвлеченный сигналом тревоги от содержательной беседы с достопочтенным менялой, терпеливо дожидался в дверях своей сокровищницы, когда же партнеры эти обратят на него свое внимание.

— Страсть господня! — удивленно вымолвил толстяк, возмущенно уставившись на открывшееся его взору бесконечное множество склянок, коробочек, шкатулок и флаконов, заполнявших полки и отделения сейфа. — Что это он хранит здесь?

Он поднес к носу маленький коробок и попытался открыть его.

— Не делай этого, парень, — посоветовал низким добродушным басом Коннетабль. — От большей части этих настоек и субстанций можно окочуриться. Как-никак магические рецептуры. Потому они у меня и под запором... Так что положи-ка коробок на место и давайте выходите по одному и без фокусов!

Громадный револьвер в руке хозяина Стриткасла придавал его словам нужную убедительность.

— Давай-ка вещь сюда, недоумок! — распорядился сэр Стрит. — Отродясь не встречал идиота, который бы надумал приобретать предмет Магии кражей!

Лопоухий, действительно чувствуя себя полным идиотом, протянул меч Коннетаблю. Тот принял возвращаемое ему имущество, сурово нахмурясь.

И в этот момент в ноги ему кинулся, словно выпущенный из пращи булыжник, толстяк.

Вслед за этим, в считанные секунды произошло много всякого.

Коннетабль, охнув от неожиданности, грянулся спиной в открытую дверь сокровищницы, вылетел из нее и налетел на хлипкие и довольно низко расположенные перила винтовой лестницы. Те многозначительно затрещали. Чтобы удержаться от падения в пролет и в то же время удержать в руках меч, сэр Стрит выпустил из рук револьвер и освободившейся рукой вцепился в ненадежные перила.

Действуя по наитию, лопоухий коршуном кинулся на завертевшийся по полу ствол, схватил его и вскинул перед собой. Некоторое время они так и смотрели с Коннетаблем друг на друга — через мушку прицела. Потом лопоухий нажал на спуск и определил пулю точно между глаз противника. Сэр Стрит, продолжая сжимать меч и обломок перил, обрушился в пролет лестницы.

Страшный грохот! И наступила тишина.

Оба грабителя молча застыли, глядя друг на друга.

— Может, мне померещилось, — наконец тихо произнес толстяк, — но, кажется, ты вышиб Коннетаблю мозги...

— А что? — очумело отозвался его приятель. — Лучше было бы, если бы он мне голову в задницу засунул? Какого черта ты...

— Сейчас сюда сбежится весь замок! — рывкнул мгновенно окрепшим голосом толстяк. — Делаем ноги! Быстро!

Они посыпались вниз по лестнице, едва удерживаясь на ногах.

Внизу у начала ступенек, они налетели на распростертого там с вывернутой под

неестественным углом шеей хозяина замка. Толстяк, не задумываясь, перескочил через него, а лопоухий нагнулся было, чтобы вытащить меч из коченеющей руки Коннетабля, но его остановил дикий вскрик приятеля. Лопоухий поднял глаза и заорал от ужаса и сам. Точнее, заверещал, как заяц в зубах у настигшего его волка.

Второй сэр Стрит стоял в проеме двери, ведущей в коридорчик, соединяющий площадку у подножия лестницы с кабинетом хозяина. Шея у второго Коннетабля была точно так же свернута набок, как у первого. И точно так же жутко чернела во лбу дыра. Второй сэр Стрит укоризненно держал палец у губ, покачивая головой.

И слегка светился.

Оба незадачливых грабителя кинулись прочь, продолжая один — верещать, а другой — голосить. Топот их ног разнесся по коридору, ведущему в хозяйственное крыло замка. Там они выпрыгнули в открытое ими с помощью обыкновенной стамески окно и исчезли, растворясь в ночной тьме.

Когда издаваемые грабителями звуки стихли вдаль за шумом рушащегося с небес ливня, в Стриткасле снова воцарилась мертвая тишина. И это было странно, если учесть, что на ночь в здании оставалось, не считая самого хозяина, еще не менее полудюжины человек. Двойник покойного Коннетабля между тем стал постепенно менять облик. Тот, кто сподобился бы наблюдать за происходящим, сначала увидел бы свободного предпринимателя и менялу Апостолоса Челлини, потом — Страшного Коннетабля Ордена «Своих» сэра Лео Байера. Потом промелькнуло еще два-три взятых напрокат образа и, наконец, их место занял тот облик, в котором Палач впервые явился роду людскому (а именно Еноту). Облик, словно срисованный с портретов Савонаролы. Но только сейчас художавый, суровый субъект был облачен не в профессиональный свой наряд, а в строгий костюм адвоката или коммивояжера.

Он перестал светиться. И сделал шаг в сторону, чтобы пропустить к останкам сэра Стрита нервно сопевшего за его спиной Челлини. Тот торопливо нагнулся над покойным Коннетаблем, перекрестился и побелевшими губами пробормотал:

— Господи! Господи, где же все?! Где все застряли?! Господи боже мой! Зачем вы это сделали?!

Палач поморщился.

— Да вы решительно не в себе, мистер Челлини. Разве это было в моих интересах — прикончить этого чудака за считанные секунды до того, как он назвал бы имя нового хозяина Джокера?

— Но ведь вы же прикончили в конце концов беднягу Паркера? — возразил Енот. — Этого вы не станете отрицать?

Он почти машинально взял в руки меч, выпавший из руки Коннетабля, и уставился на него, словно в нем крылась отгадка всех одолевавших его вопросов.

Если бы бритвы могли улыбаться, их улыбки очень напоминали бы, наверное, ту, которая покривила на секунду-другую узкие, плотно сжатые губы Палача.

— Во-первых, я прикончил его только после того, как он назвал мне на тот момент местонахождение Джокера — Стриткасл... Во-вторых, он был уничтожен только потому, что стал опасен. Он предал меня. Подчинился воле Байера и его людей... И при этом слишком много знал. Мог ли я поступить иначе?

Енот уклонился от ответа на этот вопрос.

— Вы слышали наш разговор? — спросил он. — Я не знал, что вы последовали за

мною...

— Любое решение моих задач я стараюсь дублировать... — пояснил Палач. — Как видите, и этого оказалось мало. Его, — он кивнул на тело сэра Стрита, — прикончили двое грабителей. Вы еще могли бы их увидеть, если бы не прятались в кабинете. А слышать их — вы уж наверняка слышали. Я, кажется, здорово напугал их. На этом закроем тему. Среди тех, кого мне пришлось прикончить в этом замке, сэр Стрит не значится.

— В-вы... — Голос Енота дрогнул. — Вы сказали, что кого-то прикончили здесь? Я ослышался? Или как?

— Вы правильно меня поняли. Или вам хотелось бы, чтобы вас застукали сейчас — со мною вместе. Вам не следует вообще фигурировать в этом деле.

— Собственно, почему? — высоко поднял плечи Енот. — Разве на меня может пасть подозре...

Он запнулся.

— Вы вспомнили то мнение, которое сложилось о вас у сэра Байера? Вот то-то и оно... Сейчас — по возвращении в город — постарайтесь обеспечить себе пристойное алиби. Такое, чтобы сэр Байер, во всяком случае, не смог его опровергнуть... А я займусь уничтожением следов вашего пребывания здесь.

— Откуда, скажите мне на милость, — все так же, с поднятыми до ушей плечами, спросил Енот, — у вас такая забота обо мне?

— У меня нет времени отыскивать еще одного человека, на которого могу положиться, — сухо ответил Палач. — Так что, пока вы выполняете мои небольшие просьбы, вы находитесь под моей надежной опекой.

— И получается... — упавшим голосом произнес Енот больше для себя, чем для своего собеседника. — Получается, что ради моей репутации вы кого-то убили?

— Видите ли, еще немного, и в замке поднялась бы тревога. Крики. Эти люди помешали бы мне выполнить мою задачу. И погубили бы в конечном счете и себя самих, и всю вашу цивилизацию. А чего стоят несколько жизней в сравнении с безопасностью всего Человечества? Пришлось заставить их молчать. Лишить возможности кричать и говорить. А чем люди кричат и говорят? Головой... Как теперь у вас говорят, «башкой».

Вопросы языкознания волновали его явно больше, чем вопросы морали. На последние Палач, очевидно, знал все ответы наперед.

— К сожалению, — все тем же упавшим голосом отозвался Енот, — теперь я ровно ничем не могу вам помочь. Вы сами слышали, что теперь у Джокера новый хозяин...

— Вы его найдете для меня, — сообщил ему Палач. Енот тупо уставился на меч, который держал в руках. «С паршивой овцы — хоть шерсти клок», — подумал он.

* * *

Что-то обеспокоило Шишела, когда он снова садился в свой «лендровер». Что именно — он сообразил не сразу. А когда сообразил, озадаченно уставился на обитателя своего рюкзака. Тот не был уже скульптурным шаржем на Коннетабля.

Он был теперь... Ну, он очень походил на компьютер. Старый, допотопный комп с громоздким экраном и какой-то нелепой клавиатурой. По бокам экрана выпирали, надо полагать, динамики — во всяком случае, какие-то выступы, забранные решеточками.

Клавиатура вызвала у Шишела оторопь. Сроду он не видел такого причудливого расположения клавиш. И таких букв, что были на этих клавишах изображены. Брезентовый рюкзак почти полностью свалился со странной штуковины и сполз на коврик под ногами водителя.

Первая мысль, возникшая у Шишела, была: «Сперли вещь! А что за рухлядь сюда подбросили?» И только то, что «рухлядь» была невероятно странна на вид, заставило его вспомнить слова Коннетабля: «Еще позавчера эта штука была чем-то вроде кофемолки. А с неделю назад — креслом... Понимаешь, меняется она. То стоит, стоит себе — и ничего ей не делается. А потом р-раз!»

Он осторожно высвободил странную штуковину из объятий рюкзака и опасливо принялся поворачивать на сиденье из стороны в сторону. Вдохнул тяжело и меланхолически осведомился у Джокера:

— Ну и что мне с тобой делать?

— Отдавать приказания, — четко выговаривая слова, ответила штуковина.

Шишел онемел. Потом потряс головой и попросил:

— Повтори, пожалуйста.

— На вопрос: «Ну и что мне с тобой делать?» я дал ответ: «Отдавать приказания», — охотно выполнила его просьбу штуковина.

Голос у нее был нейтральный, не то чтобы лишенный эмоций, а просто раскрашенный совершенно банальной, всем понятной гаммой чувств голос ведущего ток-шоу.

На экране «компьютера» их диалог высвечивался немыслимо уродскими буквами. Однако их можно было узнавать и читать.

Шишел решил быть крайне осторожным. Он огляделся, стараясь не высовываться из кабины. Улица и крохотная стоянка у часовни были пусты. Это было хорошо: нет лишних глаз. Но это было и плохо: он оставался один на один с предметом, от которого можно было ждать чего угодно.

— Значит, ты умеешь разговаривать? — резонно предположил он.

— Да, я это умею, — признала штуковина.

— Так какого ж... Так почему ты до сих пор молчал? Когда был у Коннетабля.

— Он меня ни о чем не спрашивал, — ответил Джокер.

* * *

В комнатухе Гринни было накурено так, как, наверное, бывает накурено в аду для некурящих. То есть до невероятия. Так что чертям, явись они сюда, вне всякого сомнения, стало бы тошно. Микаэлла, уж на что привычная к крепкому табаку, и то закашлялась, спускаясь по каменным ступенькам в затянутую сизым туманом комнату. Курили все трое приятелей. Тимоти по-пижонски — массивную, дорогую на вид трубку. Гринни — местные «самопальные» сигареты. Особо потряс Микаэлле вид Сяна, спазматически затягивающегося неумело сделанными самокрутками из жутко крепкого «черного» табака. Курящим Сяна она видела впервые.

Еще на столе перед братьями по несчастью стояли початые бутылки виски и стаканы. Закуска была представлена солеными орешками и жевательной резинкой. Но все трое вовсе не выглядели пьяными — должно быть, виски не брало их. Да и выпили друзья, судя по

состоянию содержимого бутылей и стаканов, не так уж и много.

— Решила проверить, не попереवेशались ли мы тут все с горя? — осведомился Тимоти. — Заходи, присаживайся. Если есть настроение выпить, наливай себе...

— Есть идея, — хмуро бросила Мика, не присаживаясь к столу, а просто прислонясь к стене.

— Спасибо, — невесело усмехнулся Тимоти. — Их у нас навалом, идей... Сян, ты у нас ведешь учет — под каким номером запишем Мику?

— Это будет семнадцатая идея, — покорно отозвался Сян. — Господи, что я делаю тут с вами? Мои братья сходят с ума... В ресторане — в такой дождь — готов пари держать, набилось народу как... А я сижу и выдумываю, как за неделю сделать чуть ли не миллион баксов! Ха!

— Не вижу ничего смешного, — подал голос мучимый угрызениями совести и затаившимся похмельем Гринни.

— Смешно то, что вообще мы о такой глупости думаем, — объяснил ему Сян. — Если бы в природе существовал способ за неделю сделать миллион баксов, то тогда в этой природе не существовало бы таких голодранцев, как мы с вами, друзья...

— Ты верно говоришь, — нервно дернул головой Гринни. — Не о том думаем. Надо думать, куда «делать ноги». И «делать» их — поскорее...

— И бросить здесь все? — мрачно предположил Тимоти. — Я не собираюсь бросать свой бизнес...

— Конечно же нет, — язвительно согласился с ним Гринни. — Ты его прихватишь с собою на тот свет, этот свой бизнес. Он очень тебе там пригодится. Я говорю, ребята: что, если завербоваться на работы на Южный континент...

— Тогда уж точно не потребуется никакого Секача и никакого Мочильщика, чтобы отбросить коньки, — закончил за него Тимоти. — Тамошняя погода и тамошние зверушки все сделают за них. Нет! — Он вдруг грохнул костлявым кулаком по столу. — Я не собираюсь сдаваться! Должен быть выход!

— Правильно, Тимми, — согласилась с ним Микаэлла. — Вот если вы ребята мне подскажете, кого в Городах зовут Буфалло Биллом...

— Такой бык, вечно в свитере и при каблуках? — осведомился Сян. — Слегка фраер. «Грезник» по всем Грибным Местам толкает... И кое-что покруче. Не сам, конечно. Под ним целая команда ходит... Его несколько раз хотели притянуть еще и за вооруженный грабеж, но тип отвертелся.

— Я этого типа в лицо не знаю, — остановила его Микаэлла. — Но как будто похоже.

— Других Буфалло Биллов здесь не водится, — успокоил ее Тимоти. — А каким боком этот бандюк нам сдался в нашем положении?

— Типа штаб-квартира у него есть? — иронически подражая Тимоти, поинтересовалась Микаэлла.

— Есть вроде офис... — пожал плечами тот. — Типа он фирму содержит... По заключению сделок. И всякое-разное такое...

— Тогда, — пожала плечами Микаэлла, — я знаю, где будут лежать деньги и как их взять...

— Ты что?! — первым догадался Сян. — Собралась грабануть Билли?

Микаэлла посмотрела на него оценивающим взглядом и слегка поморщилась.

— Ограбление грабителей, Сян, — пояснила она, — преступлением не считается. Я так

— Что?! — прохрипел Секач, поднимаясь из-за стола. — Что ты сказал?

Мочильщик молча развел руками. Потом, собравшись с силами, повторил то единственное, что мог сказать о случившемся. Секач сверлил его взглядом с такой ненавистью, что то, что во лбу у него не объявилась дымящаяся скважина, было в общем-то необъяснимым феноменом природы.

— Я так понимаю, — наконец произнес Секач, — что эти уроды... Эти уроды, которых ты нашел, не знаю, на какой помойке... — На секунду он захлебнулся бешенством, но довольно быстро смог взять себя в руки. — Что эти уроды, вместо того чтобы попросту повернуть простейшую форточную операцию, устроили в замке этого сраного сэра черт-те какое мочилов. И притом еще и самого Коннетабля завалили. Ты понимаешь, что это значит?

Вопрос был чисто риторическим. Все умственно вменяемые лица в Закрытом Мире понимали, что убийство Коннетабля одного из Доблестных Орденов — это далеко не то событие, которое останется без последствий. И притом последствий, весьма далеко идущих.,

— По-моему... — осторожно начал Мочильщик.

— Уродов — у-нич-то-жить! — отрубил Секач. Он прошелся взад-вперед по кабинету, присел на край своего огромного стола и озадаченно поскреб подбородок.

— Но нужно от них избавиться по-умному... — бросил Секач задумчиво. — Но... прежде всего...

Тут он запнулся и уставился на собеседника невидящими глазами.

— Вот что, — заговорил он наконец. — Прежде всего они должны отдать меч. И... И только тогда их надо аккуратно убрать. Так, чтобы никакой связи между нами не прослеживалось. В этой истории замазанным быть — на фиг нужно...

— Так что на первом месте? — попытался уточнить Мочильщик. — Меч или... э-э... Или чтоб не замазаться?

Секунды две-три они переглядывались, словно подозревая друг друга в полном идиотизме.

— Меч, — определил Секач.

Все четверо проигравшихся собрались в офисе Тимоти. Вид у всех был не из лучших. Что было естественно после бессонной ночи. Каждый из пришедших и сам хозяин, перед тем как начать разговор, молча запалили по купюре в пять, а то и десять «орликов» перед фигуркой Тоумин-Шари — Молчаливого бога Замыслов, притаившегося в углу, среди алтариков дюжины других богов Пестрой Веры, которым поклонялся Тимоти. Конечно, не всерьез. Кто же принимает Пеструю Веру всерьез?

— Оружие у нас есть, — коротко бросил Сян и водрузил на стол довольно громоздкий сверток. Гринни помог развернуть его, и глазам четырех приятелей предстал сверкающий

набор кухонных ножей и иных предметов, предназначенных для разделки мясных туш. Все трое его приятелей уставились на это великолепие.

— И с этим мы пойдем на дело? — недоуменно спросил Гринни. — Ты как это представляешь?

— А просто, — объяснил Сян. — Рукояткой — в рожу, лезвием — по рукам. Или по харе. Чтоб сообразили, кому кланяться...

Тимоти с деланным интересом заглянул Сяну в глаза:

— Я, кажется, мало знаю о твоём прошлом. Может, расскажешь что-нибудь интересное? «Якудза» или «Триада»?

Конечно, он шутил — то, что Сян являет собой почти самое миролюбивое существо в Семи Городах, было известно всем и каждому из его знакомых. А то, что он впал в необычно агрессивное настроение, было просто нервической реакцией на столь неординарный «наезд» Секача. Но шутка получилась не слишком веселой. Сян ответил Тимми глубоко обиженным взглядом.

— Нас, часом, за поварят не примут? — мрачно съязвил Гринни.

Сян нервно дернул щекой.

— А ты хочешь, чтобы я достал стволы? — ядовито улыбнувшись, спросил он. — Чтоб нас всех под вышак подвести?

— Обойдемся без стволов, — сухо определил Тимоти. — Ничего, тесаки эти все же впечатляют. А вот эта штука впечатление усилит.

С этими словами он извлек из-под стола ножны. Из ножен вытащил и бросил поверх устрашающей кухонной утвари самый настоящий меч — узкий, прямой и хищный. Полоской инея вдоль лезвия тянулся странный узор.

— Ого! — поразился Гринни. — Музей ограбил?

— Да нет, — пожал плечами Тимоти. — Если кто и ограбил музей, то это кто-то из друзей нашего дорогого Апостолоса. — Я у него эту штуку за семьсот «пернатых» выкупил. Надо же чем-то солидным вооружиться...

Сян с видом знатока наклонился над мечом и чуть ли не понюхал его.

— По-моему, «новодел» это, — с сомнением произнес он. — Ни следа ржавчины или патины. И сделан странно. Как-то не так. И лезвие, и рукоять — из одного куска металла выкованы. Или выточены, что ли? Не стоит он семи сотен...

— И главное, — напомнил Гринни, — из нас хоть кто-то таким ковырельником махать может?

— Надеюсь, что махать не придется, — снова пожал плечами Тимоти. — Мы же договорились: брать на испуг...

— А вдруг не испугаются?.. — тяжело вздохнул Гринни.

— Ну.. — развел руками Тимоти. — Во-первых, нам деваться некуда. Лучше уж самим первыми нарваться на приключения с этими бандюками, чем ждать, пока нами займется Мочильщик и другие люди Секача. А во-вторых, их четверо и нас четверо. Так ведь? — повернулся он к Микаэлле.

На нее в предстоящей вооруженной экспедиции была возложена задача прослушивания переговоров противника. В настоящий момент она подхватила меч со стола и, хмурясь, изучала его. Так что с ответом она слегка замешкалась. Потом оторвалась от созерцания грозного металла и кивнула чуть рассеянно:

— Да... В общем, они переговаривались потом еще три раза. Билли сказал, что не стоит

собирать много народу, если зоологи действительно такие пентюхи, как говорит Чувырла. Он их назвал зоологами, тех, кого они собираются грабануть. Драконоводов, короче говоря. На дело они прихватят только какого-то Вратаря и еще одного типа — я плохо расслышала, как звучит его погонялово — Шустик вроде...

— Шустрик, — поправил ее Сян. — Знаю, о ком это речь. Редкая, говорят, сволочь. При нем и стрелялка какая-нибудь может оказаться.

— Это радует... — мрачно скривился Гринни.

— Так или иначе, их только четверо. Причем один из них — Чувырла. Уж он сопротивляться точно не станет. Про Вратаря не знаю ничего. Билли, говорят, бык еще тот. Шустрик, как ты, Сян, утверждаешь, из них чуть ли не самый опасный. Может пальбу открыть.

— Может, — подтвердил Сян. — Он безбашенный. Вышки не боится. А может, отмазка какая-то у него есть.

— Но у нас преимущество — фактор внезапности! — уверенно провозгласил Тимоти. — А это главное! Им не может даже в голову прийти, что засада будет в их собственном офисе. Ты ведь говоришь, что туда просочиться — раз плюнуть, Гринни?

Гринни, которому было поручено за ночь провести рекогносцировку предстоящего театра военных действий, задумчиво кивнул.

— Да. Я уже сказал: этот, с позволения сказать, офис не что иное, как половина квартиры в одной развалюхе на Красных Камнях. Вторая половина — самое смешное — сдается внайм. Так что мне даже ломать замок не пришлось. Я просто заплатил деньги и на неделю снял этот клоповник. Взял ключи в центре найма помещений. На Красных Камнях он работает круглосуточно...

— Ч-черт! — воскликнул Сян. — Ты засветился!

— Не думаю, — кисло улыбнулся Гринни. — Ты что, не снимал никогда квартиру? Там всё на автоматике. И когда снимают допотопную развалюху, то личностью съемщика не интересуются. Суешь в одну щелочку свою кредитку, на клавишах набираешь номер по каталогу, компьютер отстегивает с твоего счета положенную сумму и из другой щелочки тебе вылезает электронный ключ-карточка. Забираешь обе карточки — и до свидания... Вот если ты просрочишь плату за следующий срок, тогда действительно засветишься. Потому, что придут два мордоворота и вышвырнут тебя и твои вещички на улицу. И сменят код на замке. В процессе могут и запомнить тебя. Тем более что с ними обязательно будет парень из Городской Стражи. И непременно проверит твое удостоверение личности — так, для порядка. Но я и не собираюсь нарушать правила. В срок по мобильнику сдам помещение — и дело с концом. Тем более что Билли с компанией полицию тревожить не будут, а ни в какие базы данных доступа они не имеют.

— Логично, — согласился Тимоти. — С этой стороны все вроде чисто. У тебя есть анонимная кредитка?

Гринни кивнул — в том смысле, что «само собой разумеется».

— Давай — дальше, — подтолкнул его Тимоти. — Ты говорил, что там смежная дверь...

— Точно, — кивнул Гринни. — Это ж раньше была одна квартира... Ну, та половина хибары, которую я снял, вздрызг разбомблена. То есть ни мебели, ничего. Обои и те в клочья. Даже светить пришлось — фонариком. Все панели освещения оборваны. Зато арендная плата как у клопа. Но это всё — ерунда. Я же не собираюсь там и вправду жить. Нам потребуется всего-то час-полтора, чтобы дождаться наших лучших друзей... Для этого ничего

не нужно. Ничего... Потом, я думаю, Билли будет сильно интересоваться тем, кто посетил его сегодня после полудня. Но будет уже слишком поздно. — Он потер лоб. — В общем-то, дверь между этими половинками жилья только на загнутых гвоздях и держится. Но с их стороны приперта каким-то древним шкафом. Я чуть его не опрокинул, когда гвозди эти отогнул. И никакой сигнализации. Похоже, что эти ребята просто ничего не знали о таком варианте. Со стороны фасада-то дверь у них вполне приличная. С видеофоном, сигнализацией и всем таким... А вот к дурацкой двери за шкафом ноль внимания. Может, они о ней и вообще не знают... Психология...

— Но ты привел все в порядок? — с тревогой осведомился Сян. — Ну, после того, как ушел оттуда?

— Перед тем, — поправил Гринни. — Перед, а не после... Конечно. Все осталось тютелька в тютельку. План их офиса я тут же и набросал.

Он кивнул на листок, лежащий рядом с грудой оружия.

— Да, я уже посмотрел... — печально кивнул Тимоти. — В общем, так... Мы втроем, по возможности не привлекая к себе внимания, приходим в гости на новоселье к Гринни. С утра пораньше. Все это добро, — он кивнул на устрашающую коллекцию режущих и рубящих предметов, украшавшую его стол, — тащим в какой-нибудь не вызывающей подозрений сумке.

— Твой меч ни в какую сумку не влезет, — заметил Сян.

— М-да... Шила в мешке не утаишь... — согласился Тимоти. — Придется надеть длинный плащ — как раз по погоде.

— Кстати, — встрепнулся Гринни, — а никто на тебя не пялился, когда ты таранил ковыряльник от Енота?

Тимоти покачал головой.

— В том-то и дело, что он сам его притаранил. Сегодня спозаранку. В багажнике своего драндулета. И торговались мы у меня на складе. Без свидетелей. Похоже, это левый какой-то меч и Енот очень хотел от него избавиться.

— А откуда он узнал, что меч тебе нужен? — продолжал задавать настороженные вопросы Гринни.

— Да не знал он этого, — пожал плечами Тимоти. — Я, похоже, первый попавшийся покупатель из тех, что ему пришли в голову.

— А стоило ли этаким левый товар брать? — подал свой голос Сян. — Может, ковыряльник этот в каком-то деле подзамазан?

— Может... — признал Тимоти. — Но он нам и нужен-то на один раз. А потом упрячу куда подальше. Или вообще выброшу на фиг...

Микаэлла, все еще изучавшая меч, подняла на Тимоти взгляд, исполненный тревоги. Но ничего не сказала.

— Так вот, — вернулся к конкретному делу Тимоти. — Ты, Микаэлла, берешь мой фургончик и в нем отслеживаешь все переговоры и все передвижения четверки Билли. С нами держишь связь по мобильнику. Вот, я тут тебе что-то вроде кодовой таблички составил... — Он вытащил из кармана и бросил на стол плотный листок бумаги — расчерченный и исписанный мелким и удивительно корявым почерком. — Конечно, по шифрованному каналу переговариваться будем, но береженого бог бережет. И как только они двинутся назад, к своему офису, немедленно даешь нам знать. И начинаешь двигаться к месту действия. Но очень осторожно.

Он попытался по глазам понять, вполне ли доходит до подружки смысл сказанного. Уж слишком отрешенно смотрела она на меч, лежавший у нее на ладонях.

— Дальше, — продолжил Тимоти, — ты сворачиваешь в Воровской переулочек — это недалеко от офиса Билли — и ждешь моего звонка. Если звонка не будет, то не суйся к офису, а быстро уноси ноги. И лучше даже — куда-нибудь на ферму. Не застревай в Городах. Потому что, если мы лопухнемся и у Билли возникнет желание узнать, кто наши сообщники... Одним словом, если мне станут поджаривать пятки, то я не гарантирую того, что язык у меня не развяжется.

— Будем надеяться, что этого не случится... — отозвалась Микаэлла, по-прежнему не отрывая взгляда от отливающего странной тьмой клинка.

— Будем, — согласился Тимоти. — Так вот, если ты благополучно получаешь от меня звонок, а я скажу, что «сегодня в Порт я не еду», — если получаешь именно такой звонок, дожидаясь нас — с машиной Билли — и помогаешь нам перегрузить деньги и товар из его машины в нашу. После чего едем ко мне, разгружаемся и считаем навар.

Микаэлла кивнула в знак того, что усвоила смысл инструктажа.

— Теперь о нас, — продолжил Тимоти. — Мы тихо сидим и не шалим, пока не получаем сигнал от Мики. О том, что Билли и компания закончили свои делишки с драконоводами и тронулись нах хаузе. Тут у нас в запасе минут десять. Снимаем дверь, входим в офис, задвигаем шкаф на место и прячемся. Тут, тут и тут... — показал он на своей схеме. — Дожидаемся момента, когда бандюки входят в офис. Ты, Сян, берешь на себя Шустрика — ведь ты его знаешь в лицо. Мы с Гринни блокируем остальных троих. Точнее, двоих. Потому что Чувырла — жидкое дерьмо и в драку не полезет. Я машу ковыряльником под носом у Билли. Ты, Гринни, приставляешь ножик к горлу второго типа. Приказываем им ложиться. Обезоруживаем. Руки-ноги заматываем скотчем. На рот тоже скотч. Забираем товар с помощью Мики. И ходу. Думаю, что всем все понятно.

— Угу, — отозвался Сян. — Только вот еще про это не забудьте. — Он вытащил из сумки и бросил на стол четыре вязаные шапочки-маски. — Вы не забывайте ребята, что меня, по крайней мере, Шустрик знает в лицо. А тебя, Тимоти, — Чувырла. Да и вообще мир тесен. А Семь Городов особенно.

— Ты прав... — Тимоти задумчиво покрутил маску в руках. — И тогда уж еще вот что... Ты во время операции рта не раскрывай. У тебя выговор характерный, и потом, все-таки и Шустрик тебя знает и, вообще, может, кто-то из бандюков этих захаживал в ваш с братом ресторанчик...

— Понял, — кивнул Сян.

— Если дело выгорит, — задумчиво произнесла Микаэлла, проверяя баланс меча, — от драконьих яиц надо избавиться мгновенно. — Чувырла говорил, что кладка уже дошла до кондиции. Если будем ждать у моря погоды, то или загубим товар, или дракончики начнут вылупляться. А они маленькие, но удаленькие... Надо найти покупателя. Уже сегодня. Чтобы завтра не очутиться в дурацком положении. Или тогда уж не брать ее совсем, кладку эту.

— Это верно, — признал Тимоти. — И дадут за нее хорошо, даже если продавать «поскорому». И покупателей, говорят, много. Только вот я на этот рынок ни разу не совался. А они все очень хорошо там шифруются — и продавцы и покупатели... Нужно найти посредника...

Тут все четверо посмотрели друг на друга с неммым пониманием.

Тимоти, не говоря ни слова, достал из кармана мобильник и стал набивать на его

клавиатурке номер канала связи Енота. Разговор не занял у него много времени. Тимоти надавил «отбой» и поднял взгляд на товарищей.

— Он сюда чуть позже подвалит, — сообщил он. — Тогда и поговорим. Как мы сейчас — под «глушилку». А ты что так на эту железяку уставилась? — повернулся Тимоти к Микаэлле.

— Понимаешь, — задумчиво ответила она. — Первый раз здесь со мной такое... Не могу определиться. То ли это предмет Магии, то ли нет... Похоже, что это работа Предтеч. Или имитация. Но имитация очень высокого уровня. Пожалуй, только старик Гном так работал.

— Послушай, — остановил ее Тимоти. — Ты же не хочешь сказать, что Енот продал мне то, что не продается? Тогда он, прежде всего, на самого себя накликать несчастье. А он ведь как-никак меняла.

— Вот и я про то же, — кивнула Микаэлла. — Не мог он такой глупости допустить. Здесь какая-то непонятная игра.

— А что непонятного? — поднял плечи до ушей Сян. — Вы новости слушаете?

— Это ты о чем? — поинтересовался Гринни.

— Да о том, что по Городам фигня какая-то происходит! За сутки с небольшим двум менялам бошки снесли и целого Коннетабля замочили. Ты уверен, что этот ковыряльник в деле не участвовал?

— Да ну.. Чур тебя! — отмахнулся от него Гринни. — Енот кто угодно, только не убийца...

— Ага, — усмехнулся Тимоти. И процитировал кого-то из древних: — «Он слишком был смешон для ремесла такого...» Вот сейчас прояснить кое-что не так уж трудно.

Он энергично направился к приткнувшемуся в углу офиса антикварного вида стационарному терминалу. Уселся на колченогий стул и энергично заколотил по клавишам.

В глубине экрана возникла иконка здешней сети криминальных новостей. Тимоти принялся нырять через сеть ссылок из одного файла в другой. В какой-то момент он вдруг застыл перед экраном и с шипением втянул в себя воздух, словно у него вдруг заломило зубы.

— Вот что, — решительно произнес он, откидываясь на спинку стула и рискуя сделать сальто-мортале вместе с этим ненадежным предметом мебелировки своего офиса. — Коннетабля замочили из «пушки». Так что сюда никакие мечи не вписываются. Одного менялу, Махмуда Кадыра, головы лишили, как тут написано «посреди его коллекции уникальных предметов Магии, которую он тщательно готовил к предстоящему...» — ну и так далее. То есть где-то у себя. В офисе или на складе, что ли... А вот самый первый в этой последовательности головы лишенец — некий Паркер — «найден был в весьма плачевном состоянии в кабинете своего коллеги и друга...». Кого — догадайтесь с трех раз.

— Енота, — обреченно выдохнул Гринни.

— «Почтенного специалиста по обмену предметов Магии Апостолоса Челлини», — зачитал с выражением Тимоти. — Ни фига себе, сказал бы я. Правда, тут же дальше идет вот такое: «Следствие располагает достоверными данными, что в момент совершения убийства господин Челлини отсутствовал на месте преступления и имеет прочное алиби. Притом причин для совершения этого бессмысленного преступления у него, со всей очевидностью, не было. Прокурор Семи Городов Аугусто Сорренто не намерен выписывать ордер на арест почтенного господина Челлини». Вот так.

Все замолчали, дружно уставившись на меч.

Сообщение о гибели сэра Стрита застало Шишела в разгар увлекательного занятия. Он пытался хоть что-то понять из дневниковых записей Фландерса (это представлялось ему необходимым, прежде чем снова начать общаться с Джокером, пребывавшим теперь в виде немыслимо уродского компьютера) и узнавал все новые и новые для себя вещи — и о самом Джокере, и о многом другом. Дело было уже на исходе ночи. Точнее, на рассвете. Всю ночь напролет Шишел не отходил от стола, на котором лежал его ноутбук с загруженными в него текстами дневников. Джокера же он не без сожаления поместил в шкаф и накрепко запер там. От греха подальше.

Горестную весть доставил ему по каналу экстренной связи преславный сэр Смыга.

— Собирайтесь, сэр, — глухим, исполненным горести голосом закончил он свое краткое сообщение. — Через час в Стриткасле состоится расширенное собрание Орденской коллегии. Ваше слово, как тут считают, будет далеко не последним...

«А ведь, похоже, что напрасно ты промедлил, — напомнил о себе внутренний демон Шишела. — Неправильный размен с Магией сэр Стрит учинил — вот и расплатился. Теперь о себе подумай...» Шишел промолчал в ответ.

Чертыхаясь, он на несколько минут залез под контрастный душ, натянул на себя официальную орденскую униформу, выслушал объемистую кружку крепчайшего кофе и по крутой лестнице обрушился во двор предельно компактного дворика своей резиденции. Там его ждал так и не отмытый со вчерашнего дня «лендровер». Впрочем, к подобного рода технике как раз и относилась сентенция, дескать «танки грязи не боятся».

Проклиная непрекращающиеся ночные дожди и пару раз чуть не слетев в придорожные канавы, Шишел таки уложился в предписанный ему час и вовремя украсил своим изрядно заляпанным грязью внедорожником двор замка ныне покойного сэра Стрита. Здесь уже собралась основательная коллекция всех видов транспортных средств — до геликоптера Городской Стражи включительно. Вылезая из своей «тачки», Шишел заметил, что кроме знакомых ему машин высшего эшелона кавалеров Ордена Дорог, во дворе припарковано еще немало каров и флаеров, принадлежащих членам по крайней мере трех других Доблестных Орденов. Что, впрочем, было вовсе не удивительно.

Заседал Комитет Мстителей в трапезной — в той самой, в которой еще совсем недавно соизволили ужинать и обсуждать дела, связанные с Магией, сам сэр Стрит и Шишел. Народу собралось немало — некоторым пришлось стоять ввиду нехватки лавок и стульев. Шишелу, однако, место нашлось. Убедившись, что ждать больше некого, сэр Смыга предоставил слово преславному сэру Дональду, которому обычно поручали разбираться со всякими темными делами, имеющими отношение к Ордену.

Тот был краток, но точен. Буквально в нескольких словах он описал ужасную бойню, произошедшую в стенах Стриткасла прошлой ночью. Затем зафиксировал в сознании слушающих три момента, дающих, какой выразился, «зацепку», которая, быть может, способна вывести расследование на след преступников.

— Во-первых, — означил сэр Дональд, — у нас имеются любезно предоставленные Городской Стражей показания единственного уцелевшего свидетеля событий. Это — андроид Тригг, уже много лет прислуживавший сэру Стриту в качестве... э-э... камердинера и оруженосца. Многие из вас его хорошо помнят. Андроид получил ранения, которые для

человека были бы абсолютно несовместимы с жизнью. Но жизнеспособность андроидов намного превышает жизнеспособность людей. Тригг не только выжил, но и дал показания. Врачи считают, что он оправится и сможет и дальше быть... э-э... полезным членом общества. — Сэр Дональд откашлялся. — Так вот. Тригг утверждает, что в момент совершения преступления сэр Стрит принимал гостя, а именно одного из менял. Как мы знаем, именно сэр Стрит был объявлен покровителем очередного Большого Размена.

По всей видимости, этот человек скрылся с места преступления, и роль его в происшедших событиях неясна. С его приметами будут ознакомлены члены Команды Мстителей, когда мы их выберем. Этот меняла должен быть обязательно найден и допрошен. Если он, конечно, еще жив.

Шишела кольнуло нехорошее предчувствие.

— Другие показания Тригга, — продолжал сэр Дональд, — весьма странны. Они, я бы сказал, могут свидетельствовать о помраченном состоянии его рассудка. А это уже ставит под сомнение вообще все, что он говорит.

Сэр Дональд помолчал, пожевал губами.

— Тригг утверждает, — наконец заговорил он, — что убийства в замке были совершены... самим сэром Стритом. И что ранение ему тоже нанес сам его... э-э... наниматель. При этом сэр Стрит действовал неким подобием секиры, которой Тригг ранее нигде в замке не видел. Сэр Дональд провел ладонью по коротко остриженной голове и развел руками. — Пока что я отказываюсь как-то комментировать эти показания андроида. Замечу только, что никакой секиры в здании обнаружено не было. Теперь то, что я должен сообщить во-вторых. Этими сведениями с нами изволили поделиться отделы медицинской и баллистической экспертизы Городской Стражи. Смерть нашего Коннетабля наступила от выстрела в голову. Выстрел сделан, по всей видимости, из его же собственного револьвера. Но о самоубийстве говорить не приходится. Выстрел произведен с расстояния порядка метра. Сам револьвер не обнаружен. По всей видимости, убийца унес его с собой.

— Возможно, это был кто-нибудь из знакомых Коннетабля? — предположил кто-то из зала. — Если уж Коннетабль решился доверить ему свое оружие.

Сэр Дональд мучительно поморщился.

— Пока что я просто излагаю факты. Не более того. Предположения и выводы вы сможете изложить потом — Комитету Мстителей или прямо Команде Мстителей... Пока — только факты.

Он глотнул воды из стоявшего перед ним стакана, снова провел рукой по волосам и откашлялся.

— В-третьих. Эксперты все той же Городской Стражи обнаружили, что замок в хранилище предметов Магии сэра Стрита взломан. Взломан сейф с магическими снадобьями и один из шкафов. В шкафу этом хранилась коллекция мечей. В настоящий момент наш человек вместе со следователем Городской Стражи сверяют содержимое хранилища с реестром сэра Стрита. Надо вам сказать, что Коннетабль имел очень подробный реестр своей коллекции предметов Магии. Мы пытаемся вычислить, что из этой коллекции пропало.

По залу прошел недоуменный гул. Сэр Дональд пригасил его движением руки.

— Последним из всех нас... — провозгласил он. — Последним из всех нас, кто видел почтенного Коннетабля живым, был... э-э... заслуживающий всяческого доверия кавалер, хранитель Жезла и личный друг принцессы сэр Дмитрий...

Шишел как мог приосанился. Тревога грызла его душу. Упоминание о мечях порядком ее усилило.

— Мы уже знаем, — продолжил орденский следователь, повернувшись к Шаленому, — что причиной вашего визита была необходимость установить личность злодея, которого вы героически сразили...

— Дурень сам себя сразил, — досадливо прервал его Шишел.

Легкий иронический гул наполнил трапезную. Сэру Дональду пришлось снова сделать успокаивающий жест, прежде чем продолжить.

— Скажите, сэ, не заметили ли вы чего-то необычного в поведении почтенного Коннетабля? Или в чем-либо, имеющем к нему отношение вообще?

«Ну что? — проклянулся внутренний демон. — Ознакомим публику с историей твоего с Коннетаблем обмена? Про Джокера расскажем?»

Рассказывать про Джокера Шишелу совершенно не хотелось. Да и то верно — вся эта сложная история только запутала бы ситуацию. Пока что ясно одно: если Коннетабль и принял смерть от Магии, то не непосредственно от нее. Так что не стоило, сейчас по крайней мере, людям голову морочить...

— Нет, — ответил Шишел. — Коннетабль был, как всегда, гостеприимен, ровен и добродушен... Он не выражал никакого беспокойства относительно своей безопасности, а больше пекся о моей. Предложил погостить у него в замке недельку-другую. К сожалению, я отказался... Будь я в Стриткасле в эту трагическую ночь, может быть, все и по-другому обернулось бы.

«Да уж, по-другому, — язвительно поддакнул внутренний демон. — Целым трупом могло бы больше оказаться...» Шишел прицыкнул на демона, и тот снова нырнул в сумрак подсознания.

Больше вопросов к нему не было. Собравшиеся кавалеры Ордена без особого промедления и почти единогласно проголосовали за назначение исполняющим обязанности Коннетабля почтенного сэра Смыгу, назначили дату выборов нового Коннетабля, проголосовали за состав комиссии по наследству сэра Стрита, похоронной комиссии и Команды Мстителей. В команду включили двенадцать кавалеров, которым разрешили временно пренебрегать своими уставными обязанностями. Во главе команды поставили быстрого умом сэра Дональда, правой рукой ему определили сэра Дмитрия.

Затем честная компания основательно выпила за упокой души невинно убиенного сэра Джонатана Стрита, и те, кому делать было нечего, остались выпивать дальше, а нагруженные делами кавалеры по этим самым делам и убыли.

* * *

Шишел обменялся парой слов с преславным сэром Дональдом и торопливо протопал вниз по лестнице во двор, из которого начинали уже выбираться, теснясь и мешая друг другу, кары и флаеры спешащих по делу кавалеров. Когда он взялся за ручку двери своего «лендровера», чья-то рука мягко похлопала его по плечу.

Шаленый резко обернулся. Перед ним, наимилейше улыбаясь, стоял Коннетабль Байер. И как он не разглядел его там в трапезной?

— Оставьте вашу машину здесь. Мой ординарец распорядится, чтобы ее вымыли и

перегнали к вашему особняку. Только ключи ему оставьте. А в город я вас довезу на своем флаере. Как вы понимаете, у нас есть о чем поговорить.

Шишел тяжело вздохнул и протянул ключ-карточку возникшему как из-под земли розовощекому гтрню с орденской бляхой на отвороте куртки. Отказывать Страшному Коннетаблю в разговоре не приходилось.

Непримечательный снаружи, изнутри флаер господина Коннетабля являл собой чудо функциональности и комфорта. Явно он был сработан на заказ в одном из Старых Миров. В носовой части простиралась панель управления компьютером-пилотом со встроенной системой дальней и космической связи. В заднем отсеке располагался блок холодильников, микроволновок и бар. Разумеется, салон был оборудован видео— и всяческим стерео. В изобилии были представлены и еще какие-то непонятные Шаленому штуки. Его это, впрочем, занимало мало.

Сэр Байер уселся на заднее сиденье, рядом с Шишелом. Сиденье водителя осталось пустым. Коннетабль задвинул дверь кабины и щелкнул кнопкой карманного пульта. Тихо взвыли движки, флаер мягко приподнялся на воздушной подушке и на автопилоте двинулся к воротам, а там — и на Тракт. Где взял курс на Семь Городов.

Некоторое время в салоне царила тишина. Затем Страшный Коннетабль предложил своему попутчику угоститься содержимым бара, а сам — испросив для проформы разрешение — закурил свою трубку. Шишел не стал чиниться и напил себе «с верхом» дорогого (хотя и местного разлива) виски. Отсалютовал стаканом хозяину и опрокинул его в себя. После чего выжидательно повернулся к сэру Байеру с выражением полнейшего внимания на лице.

— Я хотел бы, — начал тот мягко, — чтобы вы немного помогли нам. Дело в том, что произошедшее в Стриткасле, по всей видимости, целиком и полностью относится к компетенции моего Ордена. И в то же время, думаю, касается и вас. И касается не в одной, так сказать, точке.

Шишел поднял левую бровь — в знак некоторого недоумения.

— Ну, — продолжил Байер, — во-первых, тот таинственный меняла, который был, судя по всему, свидетелем гибели сэра Стрита, хорошо известен и нам и вам. Речь идет о господине Челлини. Ведь он ваш давний приятель, если не ошибаюсь?

Шишел хрипло откашлялся в кулак.

— По ряду причин, — пояснил Страшный Коннетабль, — мы считаем, что он находится в контакте с некоей силой явно нечеловеческой природы. И с того момента, когда в его офисе был убит его коллега Паркер, мы вели за ним неусыпную слежку. Мои люди вели его непосредственно до Стриткасла прошлым вечером. К сожалению, они контролировали только главный, парадный вход замка. В то время как некто взломал окно в скрытом от наблюдения хозяйственном крыле здания...

— Вот как... — только и крикнул Шишел.

— Именно так, — кивнул Байер. — Опять-таки к сожалению, а может быть, к счастью, когда раздалась стрельба и крики, мои люди не стали входить в здание, а выждали некоторое время. Господин Челлини вышел в сильном волнении и убыл в направлении города. Кстати, в сопровождении того же человека, который был у него за шофера, когда он ехал в Стриткасл. Нам не удалось выяснить, ни кем был этот человек, ни куда он делся. Мало того — потерял след самого Челлини. А между тем он явно фигура весьма осведомленная. И ваша, как члена Команды Мстителей, прямая обязанность — найти его как можно скорее.

Если, конечно, он еще жив... Это еще и ваш долг — как его друга. Думаю, что с вами он будет более откровенен, чем, скажем, со мною или со следователями Городской Стражи. Только... — Он затянулся своей трубкой и посмотрел на Шишела искоса. — Только постарайтесь убедиться, что тот, с кем вы будете иметь дело, это действительно Челлини.

— Неужели у него завелся двойник? — дался диву Шишел.

Байер пыхнул трубкой и некоторое время следил за тем, как табачный дым торопливо утекает в приемник кондиционера.

— В общем-то, да. Двойник... Только тут все обстоит сложнее. Дело в том, что то зло, которое вторглось в наш мир, обладает свойством менять облик. Это создание уже принимало облик Челлини, мой и еще нескольких человек. По всей видимости, в Стриткасле эта тварь орудовала под видом сэра Стрита. А до и после этого была тем самым водителем, который доставил Челлини в замок и увез его оттуда в неизвестном направлении. Это объясняет странные показания андроида Тригга. Но все это одна сторона вопроса. Есть еще и другая.

Байер снова затянулся трубкой.

— Меч, — наконец произнес он. — Меч Ньюмена... Ведь это вы отвоевали меч у разбойников?

— У Фого, — уточнил Шишел, начиная мрачнеть. — И «отвоевал» — не совсем то слово...

— Не важно, — остановил его слегка небрежным жестом Страшный Коннетабль. — В реестре сэра Стрита последняя по времени запись относится именно к этому предмету. Он на что-то у вас в тот же день его выменял, не так ли?

— Так, — согласился Шишел, помрачнев окончательно. Но Джокер, видно, совсем не интересовал Лео Байера.

— И уже через сутки его новый хозяин был убит, а меч исчез, — подытожил Коннетабль.

— А хорошо искали? — поинтересовался Шишел.

— Поверьте, хорошо, — иронически скривясь, заверил его Байер. — Можно сделать вывод, что та тварь, что преследует вашего друга, охотится именно за мечами Ньюмена. А следовательно, сейчас она ищет встречи с Хого. Ведь второй-то меч — у него.

— Ну... Похоже, что так, — признал Шишел.

— Ну а Хого ищет встречи с вами, — продолжил Байер. — Вы как бы приманка для монстра. Не возражаете, если мы порыбачим вместе с вами?

— Это как? — хмуро уточнил Шаленый. — Ко мне тоже своих людей приставите? Или как?

— Приставим, — кивнул Байер. — И лучше, если вы будете знать их — во избежание недоразумений

Шишел угрюмо молчал. За окном флаера мелькали первые сараи и домишки городской окраины Рыцарю Дорог вовсе не улыбалось дальнейшее существование под бдительным оком «охотников на ведьм». Он и слова Страшного Коннетабля о «нечеловеческой сущности», проникшей в Закрытый Мир Заразы, счел бы за некую разновидность бреда, если бы... Если бы в свое время, будучи приближенным ко Двору Ее Высочества Фесты, не присутствовал бы при самом основании Ордена «Своих».

Принцесса Феста ни в малейшей степени не склонна была потворствовать любому виду фанатизма и инквизиции.

И если бы Лео Байер — в ту пору всего лишь лорд Байер, независимый депутат — не привел в пользу своего проекта самых весомых доказательств, то никаких «Своих» в природе не существовало бы.

Но Лео Байер такие доказательства привел. Ими были как существование спутников, отслеживающих всё происходящее на поверхности Заразы, так и наличие тайных баз и постов наблюдения на суше и в недрах здешних океанов. И все это — не имеющее никакого отношения к «земной» цивилизации. Нечто чуждое, а потому, безусловно, опасное. Хуже всего было то, что эта иная, чуждая людям сущность нашла себе помощников среди разношерстного народа, населившего Закрытый Мир.

Сперва принцесса пребывала в уверенности, что ее надуют. Подсовывают подтасованные факты и заставляют выслушивать показания умалишенных. Но — не мытьем, так катаньем — депутат Байер доказал свою правоту и стал сэром Байером — Коннетаблем Ордена «Своих».

Шишел понимал еще и то, что, не будь он, Дмитрий Шаленый, личным другом Ее Высочества, его разговор с сэром Байером протекал бы не в уютном салоне его флаера под стаканчик виски, а, скорее всего, в кабинете Замка задушевных бесед, куда явиться ему было бы предписано унылой повесткой. Но сейчас, глядя на Лео Байера, никак нельзя было подумать, что этот добряк, украшенный бархатной бородкой, может быть жёсток и даже — жесток. Шишел решил не пробуждать в нем этих качеств.

— Ну что ж, — вздохнул он. — Только попрошу ваших людей интересоваться исключительно тем, за чем они ко мне будут приставлены...

С этими словами он снова плеснул себе виски.

— Я вас понял, — усмехнулся Страшный Коннетабль. — Не путайте наш Орден с уголовным отделом Городской Стражи. Или — с Налоговой Службой. Мы суем нос только в свои дела. — Он проследил за тем, как без малого пинта виски благополучно исчезла в утробе собеседника, и продолжил: — Скажите мне лучше, с кем вы поделились информацией о вашем обмене с покойным сэром Стритом? Ведь откуда-то преступники узнали, что меч оказался в его коллекции?

Шишел слегка обалдело уставился на сэра. Вот ведь, правда, простая вещь, а сразу до него не дошла... Он почесал в затылке.

— Да ведь я вроде ни с кем... Стоп! Было дело. Рассказывал про меч и про то, что сменял его у Коннетабля на ерунду всякую. Только... Только вряд ли человек этот...

— Вы, главное, его назовите, Дмитрий, — ласково подбодрил Шишела сэр Байер. — Остальное — наши проблемы. Так вы говорите, что только одному человеку рассказали о вашем обмене? Кто это? И когда и где вы ему говорили о мече?

— Ну вы, скорее всего, этого парня не знаете. Смешная такая у него фамилия — Брага. А зовут — Ларри. Лоуренс то бишь... Я на обратном пути завернул в «Желтую реку». Такая типа таверна. И там с Брагой этим и разговорился. Его, помнится, интересовало, как пойдет предстоящий Большой Размен. А про меч я только так обмолвился — случайно, можно сказать...

— Брага... Ларри Брага... — задумчиво пробормотал себе под нос Байер. — Нет, почему же... Мне приходилось слышать это имя. Да, пожалуй, и самого его видеть издалека. Он, кажется, работает на Гарри Гордона... Э-э... работает с его должниками. Убеждает неплательщиков вовремя возвращать долги. Действительно странно. К нашим делам ни он, ни его шеф отношения никогда не имели. Мы их, правда, проверяли несколько раз — когда

возникали какие-либо подозрения. Но всякий раз только убеждались в том, что это самый обычный криминал. А мы, как я уже говорил вам, не Городская Стража. И на мелочи не размениваемся. — Байер отбил своими длинными нервными пальцами короткую дробь по коленке. — Придется снова вернуться к этой компании. Но... как-то странно карты легли в этот раз.

* * *

Флаер остановился точно напротив особняка на Грибных Местах, который снимал Шишел. К машине тут же подошли двое малоприметных людей.

— Будьте знакомы, — бросил Байер, вылезая из кабины. — Это ваши в некотором роде телохранители. Ник Ряскин и Пер Николсон.

Выбравшийся из флаера Шишел молча ответил на полупоклоны своих новых знакомых.

— Они не будут вам досаждать, — заверил его Байер. — Скорее всего, вы их даже не будете замечать. Но с обоими можете в любой момент связаться вот по этому номеру. — Он вытащил из нагрудного кармана визитную карточку и нацарапал электрокарандашом на ее обороте несколько цифр. — А вот тут, на лицевой стороне, номер, по которому вы можете выйти на меня. В любое время дня и ночи.

Шишел все так же молча повертел карточку перед глазами, засунул ее во внутренний карман, еще раз откланялся и потопал домой.

В своем кабинете, бывшем и спальней, и библиотекой, Шишел быстро подошел к окну. Ему хотелось узнать, где расположатся его теперешние «спутники жизни». Но улица была совершенно пуста.

* * *

Енот сидел на краю неубранной койки и невидящим взором пялился в окно своего номера, который снял в небольшой гостинице на Красных Камнях. Естественно, на чужое имя. Прошедшая ночь была для него бессонной. Палач довез его до этой самой гостиницы и убыл, оставив ему машину и посоветовав не медлить с поисками нового хозяина Джокера. Но всю дорогу перед этим он разъяснял, какую опасность для рода людского несет тот Джокер.

На память о кошмарной ночи в Стриткасле в багажнике «лендровера» остались меч и «Книга корней». И от того и от другого следовало избавиться как можно скорее. Меч, на взгляд Енота, предметом Магии никак быть не мог. С какой, собственно, блажи стал бы сэр Стрит размахивать перед грабителями предметом Магии? Стены замка украшали коллекции холодного оружия. Вот разъяренный Коннетабль и прихватил по дороге один из ковырятьников устрашающего вида... Еноту это было очевидно как божий день. Кроме того, на предметы Магии у него уже выработался определенный нюх. И нюх этот не чуял в странном, конечно, на вид мече ничего особенного.

Поэтому с утра он без особых переживаний завез меч Тимоти Стрингу: парень с молодых ногтей славен был тем, что покупал и продавал все, что покупается и продается. Притом никогда не задавал никаких вопросов. В этот раз он даже удивил Енота. Практически не стал

торговаться и, не моргнув глазом, выложил за ковыряльник семьсот «орликов». Енот заподозрил, что продешевил, — верно, на какую-то подобную штуку у Тимоти был на примете денежный покупатель. Но от меча следовало избавиться срочно. Его и вообще-то не стоило брать в руки. Пускай и валялся бы там, на месте происшествия. Так нет, проклятая жадность заставила Енота прихватить трофей с собой. Только чуть позже он сообразил, что следствие, которое непременно состоится, отметит пропажу этого ковыряльника, и, разумеется, попасться с ним на руках означает навлечь на себя тяжкие подозрения.

А с «Книгой корней» дело обстояло еще более кошмарным образом. Челлини и с самого начала предполагал, что Махмуд Кадыр так просто не подарил бы Палачу этот предмет Магии — в каком бы облике тот к нему ни явился. Сводка новостей добила его окончательно. Убийство менялы легло на его плечи тяжелым грузом. Он ощущал и себя самого виновником случившегося. И что толку, что теперь он мог считаться полноправным владельцем книги? Выставлять ее на обмен или садиться с нею за игровой стол — это совершенно недвусмысленно означить свое соучастие в преступлении. Но каким еще способом можно избавиться от предмета Магии? Просто бросить проклятый талмуд в огонь? Все знатоки в один голос утверждают, что уничтожение или хотя бы попытка уничтожения любого атрибута Магии влечет за собой последствия непредсказуемые.

Енот тяжело вздохнул и досадливо покосился на свой кейс, в котором притаился столь небезопасный томик. «Надо будет книженицу попросту положить в абонентский ящик, — подумал он. — А того лучше — зарыть. Где-нибудь под дрянь-деревом...»

Машинально бросив взгляд на часы, он с горестной усмешкой вспомнил, что еще вчера собирался пригласить кого-нибудь из знакомых на халявное угощение в ресторанчике Сяна. Впрочем... Зачем отказываться от этой идеи?

Он еще немного подумал и, наконец решившись на что-то, взялся за трубку своего мобильного.

* * *

Примерно в трех километрах от Енота, в своем не слишком большом особняке на Грибных Местах, Шишел мерил шагами комнату. Ему не впервой приходилось выполнять задания вроде «иди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...». С господином, который здесь, в Закрытом Мире, взял себе имя Апостолоса Челлини — человеком немногосмешным, немного нелепым и очень хитрым — надо было непременно встретиться и поговорить. Причем встретиться и поговорить раньше, чем это сделают люди Коннетабля Байера.

Бедолагу надо было вытягивать из скверной истории. И при этом не стоило забывать об интересах следствия. В том, что его старый приятель и в мыслях не имел убивать и грабить Коннетабля, Шишел не сомневался. Рассуждать о нем как о злодее и убийце было равносильно тому, чтобы сочинять бредни о кровожадных саблезубых кроликах. Произошла какая-то накладка. Но какая?

И где, спрашивается, искать этого Челлини?

С достоверной точностью Шишел знал только одно: у себя дома и в офисе тот не появлялся вторые сутки. На звонки на его мобильник не отвечал. Впору было давать объявление, что, мол, давай покажись, милый друг...

И именно когда мысль Шишела, пойдя по кругу в пятый или в шестой раз, достигла этого пункта размышлений, его мобильник деловито заверещал. Дмитрий торопливо поднес трубку к уху.

— Шишел, это ты? — услышал он приглушенный голос приятеля.

— Верно — я, — слегка оторопел Шишел.

И подумал, что расчет сэра Байера оказался точен.

— Н-надо поговорить, — уведомил его Челлини.

— Если надо, так в чем вопрос? — буркнул Шишел. — Ты знаешь, где я живу.

Приходи...

— Нет, лучше будет встретиться в городе, — возразил Апостолос. — Ты знаешь ресторанчик Сяна на Мэйн-стрит?

— Да так, вроде бы представляю, где он находится, — досадливо морщась, произнес Шишел.

Он хорошо понимал, что разговор их прослушивается. И у Сяна люди Байера окажутся раньше его. Оставалось только надеяться на то, что арестовывать Челлини и вообще как-нибудь проявлять себя они не станут. Гораздо проще прослушать их с Шишелом разговор.

— Будь там через полчаса, — назначил его приятель. — Прихвати с собой какой-нибудь кейс... Или сумку...

— Деньги тебе нужны? — осведомился Дмитрий.

В ответ последовало задумчивое мычание. Видимо, в душе Челлини боролись взаимно противоположные начала. Потом прозвучало через силу сказанное:

— Нет. Не надо д-денег. С деньгами у меня пока что полный порядок...

— Ну, тебе виднее, — картинно пожал плечами Шишел, так, словно стоял перед телекамерой.

— Я буду ждать, — заверил его Челлини и отключил трубку.

Несколько секунд Шишел вертел свой мобильник в руках. Потом пошарил во внутреннем кармане и вытащил на свет божий визитную карточку Байера. Глядя в нее, набрал номер и осведомился:

— Это вы, Коннетабль? — спросил он, когда связь сработала.

— Я вас слушаю, Дмитрий, — отозвался Байер.

— Вы, я думаю, разговор наш с Челлини слышали... — не столько спросил, сколько констатировал Шишел

— Допустим, — несколько напряженно произнес Коннетабль.

— Так вот, я всего-то и прошу о двух вещах, — продолжил Шаленый. — Во-первых, о том, чтобы наша встреча действительно состоялась... Вы понимаете, о чем я говорю?

— Не волнуйтесь, мы не спугнем вашего друга, — заверил его Байер.

— А во-вторых, не вмешивайтесь в тот разговор, что у нас состоится, — закончил Шишел.

— Договорились, — согласился Коннетабль.

Глава 6

БОГ ГРАБЕЖА И РАЗБОЯ

Ночь у Себастьяна Горнецки выдалась не слишком спокойная. Сперва ему пришлось сделать звонок одному своему хорошему знакомому из Городской Стражи. А затем дожидаться того на стоянке, угостить в ближайшем ресторанчике и выслушать из его уст все детали дела об убийении сэра Джонатана Стрита.

Что до поисков «обоих уродов», то они не заняли у Мочильщика много времени. Большой изобретательностью те не отличались. Да и Семь Городов, несмотря на полный хаос по части регистрации проживания и вечную путаницу с документами здешних жителей, были не тем местом, в котором легко укрыться. Нет, от Городской Стражи — да ради бога! А вот от «авторитетов», для которых даже путанные законы Заразы не писаны, укрыться — задача почти невыполнимая. Круговая порука и жизнь «по понятиям» оставляют разыскиваемым очень мало места для маневра.

Оба неудачливых грабителя были к тому же еще и «залетными», а за таким народом принято присматривать. Присматривать было кому. Пожалуй, все Семь Городов были поделены между группировками, которые контролировали практически все виды незаконных заработков на своей территории. А за криминалом, приплывающим со стороны, устанавливали жесткий контроль. Так что Мочильщику и всего-то надо было — мрачно и со значением войти в бар братьев Мигульских и утвердиться там за «своим» столиком. «Нужные люди» стали подваливать к нему даже раньше, чем перед дорогим гостем появилась двухлитровая кружка пива «от заведения». «Нужные люди» искренне интересовались, не нужно ли чего пану Себастьяну и не причинил ли какой недоумок господам из Чоп-хауса обиды или огорчения.

Пан Себастьян немногословно и четко объяснял, в услуге какого рода он нуждается. «Нужные люди» лишних вопросов не задавали и без шума и пыли отправлялись грузить Себастьяновой проблемой других — менее нужных людишек.

В общем, здешнее солнышко еще и не думало клониться к закату, а дверь поганенького номера дешевой гостинички уже открылась под ударом тяжелого ботинка Мочильщика. Лопухий сидел за столом и без всякого энтузиазма ковырял вилкой основательную горю малоаппетитного на вид рагу. Толстяк со скорбным видом лежал в постели, натянув по самые уши сиротского вида одеяло.

Лопухий попытался было ломануть в окно, но Мочильщик, хоть и грузен был на вид, мгновенно настиг его и рывком за воротник пиджака отправил в угол у двери. Толстяк никаких действий предпринимать не стал. Только окончательно скрылся под одеялом.

Мочильщик отшвырнул нагой танцевавшую на полу тарелку, в которой только что было навалом того самого рагу. Затем перешагнул через поваленные стол и стул, прихлопнул дверь, повернулся и, вытянув перед собой руку, хрипло проревел: «Ковыряльник — сюда, ур-р-роды!» Толстяк под одеялом благоразумно хранил молчание, а лопухий торопливо заблекотал нечто никак на слух не лежащееся.

Мочильщик снова ухватил его за шиворот и швырнул на свободную, небрежно застеленную кровать. Глаза у того сделались квадратными от страха. Он подобрал под себя ноги и вжался спиной в стену. Но вести какие-то бессвязные речи не перестал. Просто они стали еще более бестолковыми, чем за несколько секунд до того. Пан Себастьян молча

поднял с пола стул, поставил его перед лопухим, двинул того в скулу и — все так же молча — уселся напротив ставшего вдруг молчаливым собеседника. После чего начал задавать вопросы.

Фигню, вроде рассказа о призраке только что убиенного Коннетабля, он оценил только еще одной оплеухой, от которой лопухий чуть не слетел с кровати и сжался в испуганный клубок. Остальные вопросы он выяснил коротко и ясно. Потом повернулся ко все еще таящемуся под одеялом толстяку и сдернул его прикрытие к чертовой матери. Некоторое время Мочильщик скептически взирал на зажатый в руке толстяка револьвер. Наконец тот разжал ладонь и слегка оттолкнул от себя ствол.

— Вот так-то лучше, — молвил пан Себастьян и, брезгливо повертев пушку перед носом, откинул ее на подоконник. Потом потер немного лоб и заключил:

— Вам, дуболомам, даю двое суток. На то, чтобы ковырять достали. Дальше начну в день по пальцу отрубать. Не сомневайтесь теперь, что и под землей вас, идиотов, отыщу. — Он присмотрелся к лицам своих «подопечных» и, убедившись, что сказанное ими понято, продолжил: — К сведению примите: никакого такого меча, что вам заказан был, в замке не обнаружено. И далее, единственный тип, что в замке уцелел, был Апостолос Челлини. Кликуха — Енот. Слышали о таком?

Ничего о почтенном меняле оба придурка не слышали.

— Так вот, — хмыкнул Мочильщик. — Хотите — со стволом, хотите — без, но выходите на этого типчика. Наколочку я вам дам. На Красных Камнях его видали. Вот номерок его мобилы. Если не вы уперли меч и не Стража его прикарманила, то только этот меняла мог его унести. И не пойте мне про призраки и мороки. И вообще — не думайте, что я вам хоть на грош поверил. Просто говорю вам: «Двое суток». И точка.

* * *

Как ему и ведено было, секретарь примерно полтора часа продержал в приемной аббата, явившегося на прием к Страшному Коннетаблю. Однако сегодня сэр Байер сменил гнев на милость. Ситуация успела измениться. Перед лицом возникших проблем не стоило заниматься мелкой пикировкой с конкурирующей структурой.

По такому случаю секретарю было выражено неудовольствие и велено было подать в кабинет кофе и свежую сдобу. Аббат Шануа никакого раздражения по поводу потраченного в приемной времени не высказал, кофе похвалил, а сдобе отдал должное. Затем перешел к делу.

— Однако, как ни жаль, я явился к вам, Коннетабль, не только для того, чтобы отведать вашего замечательного кофе. Мне поручено поделиться некоторыми сведениями.

Шануа поставил чашку с отпитым кофе на стол.

— Поручено, как я понимаю, его преосвященством Люстигом? — уточнил Байер и тоже отставил свой кофе в сторонку.

— Именно так, — подтвердил гость. — Речь идет о довольно тревожных сведениях, полученных мною во время длительной командировки в Старые Миры.

— Гм... — Байер откинулся на спинку кресла и свел перед собой кончики пальцев. — Что и говорить... Как бы мы ни хотели жить самостоятельной жизнью — без участия Старых Миров, пока что это не очень получается. А в наших с вами делах без взаимодействия с

тамошними... э-э... специалистами и шагу не ступить...

Гость прекрасно понимал, что именно имеет в виду хозяин, говоря о «специалистах». Разумеется, для тех, кто не был причастен к деятельности такой специфической структуры, как Орден «Своих», узнать о том, что довольно высокопоставленные лица Ордена и одной из здешних Церквей ведут систематический обмен информацией с разведслужбами Старых Миров, было бы немалым потрясением. Но высший эшелон власти давно уже смотрел на эту деятельность сквозь пальцы. Как на неизбежное зло.

— Моя командировка была связана, — начал аббат, — с необходимостью... мм... упорядочить наше взаимодействие с такими структурами, как, например, Спецакадемия, Федеральное управление расследований, региональные интеллидженс...

Слова «разведка» гость избегал. Оба собеседника были не настолько фамилльярны, чтобы называть вещи своими именами.

— По ходу дела, — продолжил аббат, — меня поставили в известность о том, что нашему поселению на этой планете угрожает, по всей видимости, серьезная опасность. Дело в том, что теперь считается уже установленным фактом, что в Закрытом Мире существует по крайней мере одна гуманоидная цивилизация — кроме нас, пришельцев совсем из другого Мира.

— Ну, нам с вами это давно было известно, — кисло улыбнулся Коннетабль. — Наши люди продемонстрировали наличие станций наблюдения нечеловеческого, так сказать, происхождения. Нами обнаружена агентурная сеть, работающая на иную цивилизацию. Ничем новым специалисты Старых Миров меня, по крайней мере, не удивили.

— Преподобного Люстига тоже, — признал гость. — И в Старых Мирах знают, что мы хорошо осведомлены о существовании в окрестностях нашей планетной системы «посторонней», так сказать, цивилизации. Их насторожило другое. Дело в том, что удалось частично расшифровать те сигналы, которые были зафиксированы и вами, и аппаратурой, которую забросили сюда из Старых Миров. Собственно, эти сигналы только потому были относительно легко расшифрованы, что адресованы были людям. Кому-то из созданной на Заразе «пятой колонны». И эти расшифровки показывают, что деятельность этой «посторонней» цивилизации вошла в новую фазу.

— Вот как? — оживился сэр Байер. — Адресаты известны?

— К сожалению, нет, — сокрушенно покачал головой Шануа. — Основное, что удалось понять, так это то, что на планету отправляется некое устройство, которое предназначено для того, чтобы уничтожить некий объект, находящийся здесь. Почему-то «посторонняя» цивилизация считает этот объект весьма важным. И готова предпринять какие угодно меры, чтобы он не попал в руки людей.

Байер выпрямился в кресле и уставился на аббата с живейшим интересом.

— Какие еще сведения удалось вытянуть из шифровок?

— То, что я сейчас вам изложил, основное. Остальная информация весьма отрывочна и фрагментарна. Вам придется над ней поломать голову...

Аббат достал из кожаной папки, что покоилась у него на коленях, карточку лазерной записи и протянул ее Коннетаблю.

— Здесь все расшифровки. Ну и комментарии специалистов, возможные разночтения и все такое в этом роде.

— Ну что ж, — отозвался Байер, принимая карточку. — Мне тоже есть что сказать вам. Как говорится, две новости — плохая и хорошая. Вопреки традиции начну с хорошей. Иначе

вы рискуете не оценить плохую.

— Воля ваша, — согласился аббат и принял позу почтительнейшего внимания.

— Хорошая для вас новость состоит, собственно, в том, что ваша информация о некоем устройстве деструктивного назначения, которое хотят ввести на планету, полностью подтверждается нашими данными. Только мы не работали с шифровками — они оказались нам не по зубам. Мы работали с людьми. Орден, видите ли, давно уже чинит расправу над выявленными пособниками Чужих. Мы стараемся отслеживать их деятельность, прогнозировать ее. Пытаемся понять цели Чужих.

— Разумная позиция, — признал аббат.

— Допросы практически не дают ничего или почти ничего, потому что «пятая колонна» — это по сути дела просто винтики и шестеренки механизма, конструкцию и предназначение которого знают только сами Чужие... Поэтому теперь нам остается внедрять наших агентов в среду этих коллаборационистов, наблюдать, анализировать, сопоставлять факты...

Сэр Байер вспомнил про свой кофе и допил его одним глотком.

— До недавних пор, — продолжил он, — деятельность этих винтиков и колесиков не причиняла нам особого вреда. Чужие нас кропотливо изучали и временами подбрасывали разного рода странную информацию... Тут трудно бывает различить, где истина, где ложь. Тем более что все это выдавалось за достижения местной науки. Впрочем, вы, наверное, уже ознакомились с докладом комиссии моего имени?..

— Я всего лишь духовное лицо, — мягко улыбнулся аббат и потянулся к своей недопитой чашечке кофе — из чувства солидарности, видимо. — Всяческие физические и информационные теории для меня всего лишь прикрытие вполне людских интересов и чаяний...

Коннетабль пожал плечами:

— Аналитики утверждают, что нашим ученым мужам подбрасывают весьма соблазнительные направления исследований, которые, однако, уводят в какую-то совершенно неконструктивную сторону.. Примерно так, как в двадцатом-двадцать втором веках нефтяные концерны блокировали работы по термоядерному синтезу. Пока не наступил Великий энергетический кризис... Впрочем, не в этом дело... Будем более конкретны.

— Будем, — согласился аббат и прикончил свой кофе. Тоже одним глотком.

— Так вот. — Коннетабль нагнулся поближе к лицу аббата. — Теперь нечто, что идет «во-вторых». И вместе с тем нечто для вас, отче, довольно неприятное... Вы ведь не будете дурачить меня дешевыми уловками, отче? — проникновенным голосом осведомился он. — Не заставите меня тратить время на доказательства того, что меняла Апостолос Челлини — ваш резидент в Семи Городах?

Сухая улыбка была ему ответом.

— Будем исходить из того предположения, — признал аббат, — что это так...

— Это ставит вас в довольно трудное положение... — Коннетабль выдохнул облако ароматного табачного дыма и продолжил: — Надеюсь, для вас не секрет то, что произошло в доме этого господина? И то, что в результате этого трагического происшествия мне пришлось провести довольно много времени в беседах с господином Челлини?

— Я в курсе происшедшего, — кивнул аббат.

— А то, что в минувшую ночь ваш резидент находился в замке покойного ныне Коннетабля Стрита, известно вам? — с видимым безразличием поинтересовался сэр

Байер. — Находился там именно в то время, когда преславный Коннетабль был убит. Ну да ладно, не будем долго предаваться умствованиям и взаимным маневрам. Буду краток. Нами было установлено, что то самое деструктивное устройство будет получено одним из менял, завербованных Чужими. Вы уже догадались, о ком идет речь?

— Если интуиция меня не обманывает, — несколько замедленно произнес аббат, — то речь идет о другом убитом... О господине Паркере...

— Вы догадливы, аббат, — кивнул сэр Байер. — Нам пришлось его... э-э... пригласить сюда, в Замок душевных бесед. Выяснилось, что с получением той «посылки» вышла довольно путаная и не до конца понятная история. «Посылка» была попросту украдена. И, по всему судя, после ряда не совсем для нас ясных пертурбаций досталась она именно вашему подопечному. Он, правда, не поспешил мне в этом признаться. Но я и не настаивал. Побоялся, знаете ли, испугнуть. Думаю, вы тоже были удивлены его поведением при вашей встрече в городе... Кстати, вы, должно быть, не догадываетесь, что в этот день беседовали с господином Челлини дважды?

Аббат удивленно заломил бровь.

— То устройство или создание, которое господин Челлини выпустил в наш мир... Оно, по всей видимости, многолико. Оно не только вами сделано на полчаса, оно прикинулось при первой нашей встрече самим Челлини. И в таком виде встретилось с Паркером. Он к тому моменту уже дал свое согласие на то, чтобы сотрудничать с нами. Предполагалось, что он обойдет своих партнеров, которых бросил на поиски своего пропавшего груза. А затем сдаст его с рук на руки нам. Но к тому моменту, когда он добрался до нашего менялы, этот «груз» уже ожил и до смерти напугал вашего подопечного. Затем, как я уже сказал, он принял облик Челлини и встретил несчастного Паркера в его кабинете.

Видимо, это высокоорганизованный робот, можно сказать — разумный. И наделенный не только способностью к мимикрии, но и солидной базой данных об особенностях жизни в Закрытом Море. По крайней мере, он сумел за несколько минут «расколоть» Паркера. Возможно, мы чем-то выдали свое присутствие. В общем, «мавр сделал свое дело». К сожалению, мы слишком слабо надавили на Паркера во время наших бесед. Нам так и не удалось выяснить, что собой представляет тот объект, который должен найти и уничтожить этот «Терминатор». А вот Паркер, скорее всего, это знал. Из данных прослушки и наблюдения за теми агентами Чужих, которых мы не считали нужным арестовывать, у меня сложилось впечатление, что он и занимался именно поисками этого объекта. И нашел его, по всей видимости. Для него и Коннетабля Стрита их соприкосновение с этим объектом оказалось роковым. Но теперь мы знаем, за чем охотится посланец Чужих. И знаем, на какую приманку он клонет.

Есть и третья жертва. Тоже из лиц, так или иначе связанных с обменом предметами Магии. И умерщвленная точно таким же способом, как господин Паркер. Лишением головы. Вы, разумеется, не пренебрегаете сводками текущих новостей? Теперь уже нельзя говорить о том, что деятельность Чужих сводится к простому сбору информации о нашей колонии. Или хотя бы к подбрасыванию нам всяческой околонуканой дезы.

— Ведь этот эпизод напрямую не связан с деятельностью господина Челлини? — стараясь выглядеть безразличным, поинтересовался аббат.

Сэр Байер с таким же, чисто формальным, безразличием пожал плечами:

— Вообще-то, насколько показывают результаты нашего расследования, больше чем на роль свидетеля даже в первых двух эпизодах из тех, о которых мы говорили, он не

претендует. Но причастность — хотя бы в такой роли — ко всем трем смертям не вызывает у меня сомнений. Хотя я не могу не поздравить Святую Конгрегацию с таким кадром в рядах ее разведки. Мало кто умеет так темнить, как этот ваш Челлини. Я было и впрямь принял его за простачка.

Байер пыхнул трубкой, присел на краешек стола и уставился на собеседника.

— Вы, аббат, — произнес он уже гораздо более выразительно, — должны понимать, что дальнейшие наши действия могут протекать только согласованно. Если вы пришли ко мне только затем, чтобы информировать об итогах вашей командировки, то примите к сведению, что за истекшие неполные двое суток ситуация резко изменилась... И вам следует немедленно получить санкцию его преосвященства на проведение совместной операции...

— Считайте, что она у меня уже есть, — заверил его Шануа.

«А ведь аббат этот — гораздо более самостоятельная единица, чем мне это представилось, — прикинул в уме сэр Байер. — Впрочем, простой пешке не доверили бы работу в Старых Мирах... Конечно, все это следует закрепить детальной беседой с его преосвященством...»

— Ну что ж... — Коннетабль сопровождал эти слова пристальным взглядом. — Вы располагаете временем? Я сейчас подготовлю... мм... подборку материалов, непосредственно касающихся роли вашего резидента в среде менял. Но сразу должен предупредить вас. Когда вы снова войдете в контакт с вашим резидентом, вы не должны ни в коем случае делиться с ним той информацией, что получите от меня. И еще: вы должны будете сначала убедиться в том, что имеете дело с настоящим господином Челлини, а не с чем-то на него ужасно похожим.

Он придвинул к себе клавиатуру компьютера и начал быстро работать пальцами.

— Вам, вы говорите, удалось определить тот объект, что должен уничтожить этого робота? — осведомился аббат. — Что же это такое?

— Как я и подозревал, — отозвался Коннетабль, не отрывая взгляда от экрана компа, — это оказалось кое-что доставшееся нам от Предтеч. Мечи. Пара мечей, изготовленных не руками людей.

* * *

Ресторанчик Сяна числился «местом, где собираются приличные люди». Это означало в основном то, что появляться в нем следовало не будучи уже вдрызг пьяным и обязательно при галстуке. Обоим этим критериям и Челлини и Шаленый вполне соответствовали. Правда, Шишел в галстуке всегда ощущал себя стоящим на эшафоте в ожидании повешения. Енот же пребывал в настолько подавленном состоянии, что производил своим видом впечатление слегка невменяемого. Он устремился к приятелю и, подхватив под руку, повлек его к заставленному восточными закусками столику в уютном углу, стараясь, однако, не особенно привлекать к себе внимание.

— Ничему не удивляйся, Шишел, — торопливо произнес Енот. — Ни-че-му! Что будешь пить?

Он смотрел на Дмитрия, как-то странно прищурившись.

— Ну, если ты угощаешь, так ставь местную «Смирновскую», — пожал тот плечами.

Конечно, от той «Смирновской», что можно было вкусить в Метрополии или в каком-

нибудь из Старых Миров, то пойло, что поставлял под этим названием на рынок Заразы кто-то из здешних «спиртовых баронов», отличалось основательно. Но Шишел таки находил в нем какое-то сходство с напитком, которым, бывало, угощался там — в далеких теперь краях.

— Стало быть, не изменяешь своим привычкам? — с каким-то непонятным облегчением констатировал Енот.

Но взгляд его оставался тревожным. Он нервно ткнул несколько раз пальцем в панель заказов. Потом повернулся к старому приятелю.

— Знаешь, прежде чем я к делу перейду, — снова прищурившись, попросил Енот, — ответь мне на такой вопрос... Как меня звали в Старых Мирах? Помнишь? Ты не удивляйся такому вопросу... Ни-че-му не удивляйся. Ну, помнишь?

Шишел нахмурился. Снова пожал плечами:

— Ну, Микисом тебя звали. Микисом Палладини... А вот ты вспомни, мил друг погонялово твое тогдашнее! — вдруг предложил он своему собеседнику.

Тот устался на него взглядом, в котором читались одновременно и облегчение, и какая-то догадка.

— Ну, было — Скунс. Ты... Ты тоже проверяешь? Я это или не я? Ты что-то знаешь про ту дрянь, что ко мне прицепилась?

— Да, похоже, что знаю... А все же... И какого хрена ты все тут себе переиначил, до меня не доходит... Ну со Скунсом еще понимаю...

Очень своевременно к приятелям подкатил сервисный автомат с двумя двойными порциями спиртного. Микис (он же Апостолос) деловито опрокинул в себя содержимое стопки и захрустел закуской.

— Зачем да почему... Биография у меня чересчур сложноватая. Вдруг кому-то здесь придет в голову копаться в том, на кого и как я работал там, в Старых Мирах...

— Да кому здесь все это сдалось?! — в третий раз пожал плечами Шишел.

На физиономии его появилась скептическая мина.

— Ну, например, сэру Байеру. Или контрразведке Престола...

Шишел нахмурился и чуть пригубил свою стопку.

— А ты, мил друг, уверен в том, что разговор наш не «пишут»? Ведь тогда ты здорово «засветился». Сам же и заставил твое настоящее имя назвать...

— Ты такую вещь видел? — усмехнулся Микис. И на пару секунд вытащил из кармана и показал Шишелу небольшой, похожий на мини-комп, приборчик. — На расстоянии метров в двести, — пояснил он, — никто и ничего тут ни отслушивать, ни записывать не сможет.

— В Метрополии сработана штучка? — поинтересовался Шишел. — На кого сейчас пашешь? Снова на мафию или на федералов?

— Не будем о грустном! — отмахнулся от него Микис. — Давай лучше по делу.

Он снова набрал на панели заказов двойную «Смирновскую» на двоих и пододвинул к Шишелу «соленый салат». Последний был гораздо дороже, чем спиртное, поскольку состоял из маринованных огурчиков. А проклятый овощ на Заразе рос только в теплицах, хозяева которых свято хранили свое «ноу-хау». Но сегодня — в счет вчерашней сделки — Микис мог рассчитывать на бесплатное обслуживание «от пуза».

— Вот что... — задумчиво молвил он. — Говоришь, будто что-то такое знаешь о заразе, что ко мне привязалась?

— Ты сначала сам расскажи что и как, — хмуро крикнул Шишел.

Он прикончил первую стопку, закусил и принялся пристально изучать вторую, снятую с подносика сервисного автомата.

— В общем, я из-за Родни влип... — вздохнул Микис. — Очень он меня заинтересовал своим товаром.

— Видно, не тебя одного, — заметил Шишел, отправляя в рот огурчик. — Раз уж его сэр Байер к себе на тет-а-тет пригласил.

— Да, вижу, ты в курсе... — покачал головой Скунс (он же Енот). — Так вот...

И он довольно связно и коротко — в отличие от своей обычной манеры говорить — изложил события последних двух суток, обрушившиеся на его голову. Когда он упомянул о Джокере, Шишел попросил его:

— С этого места, пожалуйста, поподробнее, Микис.

— Мне Палач целую лекцию прочел, — усмехнулся тот. — Должно быть, она у него заранее подготовлена. Теми, кто его создал. На предмет агитации и пропаганды среди местного населения. Джокер, вообще-то, только посланец. Исследователь. Полиморфный робот-исследователь. Полиморфный — это в том смысле, что он, как Палач, любую форму принять может. Но Палач под людей все больше маскируется, а Джокер — под предметы неодушевленные... Он вроде как должен дать оценку здешней части рода человеческого.

Шишел почесал голову:

— Кибершпиён, значит, Джокер этот? Вторжение готовит, значит?

Микис озадаченно повертел в коротких волосатых пальцах свою стопку.

— Понимаешь, я же не со своих слов говорю. А с его, Палача этого, рассказней. Может, он и врет — кто знает... Только если он мне про Вторжение толковал, то Вторжение это престранное будет. Ни войны, ни голода, ни мора не предвидится. Джокер, понимаешь, такой разумный народец ищет, которому слуги нужны. Вроде андроидов — только куда как более совершенные. Понимаешь?

Микис пригубил стопку и заглянул Шишелу в глаза. Глубокого понимания своих слов он не прочел. Тот со скептической миной на лице ковырял вилочкой закуску и только спустя минуту-другую спросил:

— И кто ж его на такое занятное дело уполномочил?

— Так самое интересное, что таких разведчиков по всему, наверное, Закрытому Миру рассылают сами эти Джокеры. Такие же, как он, универсальные роботы. Их чуть ли не целый миллиард. Свою цивилизацию создали и поддерживают где-то там!.. — Микис Палладини воздел свой коротенький перст к потолку и для пущей важности выразительно покрутил им. — Ищут, кому бы в услужение пойти!

Выражение глаз Шишела сделалось и вовсе уж недоуменным. Он даже в тарелке копать перестал:

— Это что ж за цивилизация такая? Есть на свете такие народы и расы, что за свою свободу борются. Есть такие, что других закабалить хотят. Но чтобы такие пентюхи — пусть даже в Закрытом Мире — были, которые бы себе хомут на шею искали... Сказки твой Палач тебе рассказывает!

Микис сокрушенно покачал головой:

— Если бы он хотел запудрить мне мозги, то у него была полная возможность внушить мне мысль, что Джокер этот — действительно Вторжения агент. А он вместо этого вот такую головоломку мне загружает!

— А вот это не факт! — сурово отрезал Шаленый. — Это, понимаешь, наша, человечья

логика. А у них — своя. Нечеловечья. Так что ж из того, что Джокеры те сами себе хозяев ищут? Ну найдут. И что?

Скунс (он же Енот) нервно заерзал на стуле:

— То-то и оно... Это чучело говорит, что опасное оно дело — подпускать к себе таких холопов... Если подумать — то ведь не сами же они на свет зародились... Так?

— Так, — согласился Шишел.

— Значит, была какая-то разумная цивилизация, которая их выдумала и понаделала? Так?

Шишел снова сказал «так» и «уговорил» вторую стопку. Микис заказал по третьей и продолжил:

— И куда же эта самая цивилизация подевалась? Как получилось, что Джокеры без хозяев очутились?

— Резонно, — согласился Шишел.

Необычайная скорость поглощения крепкого алкоголя его приятелем основательно озаботила Шишела. Палладини, на его памяти, особой приверженности к спиртному не демонстрировал. Сегодня же в глазах менялы явно читалось подсознательное стремление надраться в стельку. Причем заметных признаков действия этого алкоголя не замечалось. Должно быть, мешало нервное напряжение. Это наводило Шишела на мысль, что Микис попал в безвыходный и, скорее всего, смертельный тупик.

— Про закуску не забывай, — заботливо посоветовал он бедолаге.

Но тот, не слушая его, продолжил хоть на пониженной громкости, но с горячечным возбуждением:

— Так вот, чучело утверждает, что сгинула цивилизация эта. На фиг сгинула. Без шума и пыли. Без войны и без чумы! Тихо и незаметно. И то же самое в точности еще с одной по крайней мере цивилизацией в Закрытом Мире приключилось. Ей Джокеры предложили свои услуги еще чуть ли не десятка три тысяч лет тому назад!

Микис схватил стопку прямо с подносика сервировочного автомата и проглотил ее содержимое, словно лекарство.

— Давай-ка на закуску покруче налегай, — посоветовал ему Шишел. — Как бы тебя, часом, не развезло на нервной-то почве...

Он отдал должное и своей стопке и вернулся к теме разговора.

— Это что ж получается? — задумчиво прогудел он. — Джокеры эти своих хозяев потихоньку «того»? Или, может, — творчески развил Шишел свою мысль, — служат-служат, а потом в одну прекрасную ночь берутся за ножи и... — Он жестом показал, о каком «и...» идет речь. И поскреб свой скрытый под лопаткой бороды подбородок. — А сами-то они что? Бессмертные, что ли? «Десятка три тысяч лет»? Ххе!

Микис поморщился, словно проглотил горькую пилюлю.

— До таких деталей мы еще не дошли в моих с ним разговорах... Только он утверждает, что долго с такими слугами ни одна цивилизация не протянет. И от них избавляться надо поскорому. Вот я думаю...

Микис уставился перед собой, словно мысль, которую он хотел высказать, вдруг выскользнула из головы. Видимо, стали проявляться первые признаки действия «Смирновской». Потом он тряхнул головой и более-менее связно продолжил:

— Вот я и думаю... Чучело это от нас ничего и не хочет. Кроме того, чтобы мы ему помощь оказали. В смысле — найти Джокера этого... Только — стремно все это как-то.

— Дык я б тоже сказал, что стремно! — согласился Шишел. — Дело-то, в общем, наше. Ну, я имею в виду — разобраться с Джокером этим. А Палача твоего кто к нам прислал? И почему тайно? Добра б хотели, так почему открыто не предупреждают? Почему себя показать не хотят? И главное — почему народ здешний ни в грош не ставят? — Он наклонился к приятелю и тихонько спросил: — Ведь Паркера этого в твоём же доме это, как ты сам сказал, чучело прикончило? Так?

Микис Палладини только сглотнул слюну.

— Ведь и Стрита тоже? И ведь у тебя же на глазах? Так?

Микис ожесточенно завертел головой.

— Не-э-эа! — выдавил он из себя. — Там все непонятно... Коннетабля какие-то вроде посторонние хмыри уконтрапунили... И я тому был не свидетель. Я к шапочному разбору на место действия подоспел. Когда Коннетаблю уже кранты полные были. А хмыри те ноги сделали... А я к нему за Джокером пришел. Понимаешь, Палач этот, не знаю как через Паркера, наверное, — выведал, что Джокер — в коллекции у Коннетабля находится. И послал меня м-меняться...

— На что меняться?

— Н-на вот это... — Палладини потянулся к своей брошенной на пол сумке и вытащил из нее толстенный плотный желтый пакет. Протянул его Шишелу. — Вот... Посмотри...

Шишел заглянул в пакет и вернул его Микису.

— Вроде книга, — пожал он плечами. — А вроде и нет...

— «Вроде книга»! — раздраженно фыркнул Микис. — Да это Книга Предтеч. «Книги корней» Роуберна! Это из-за нее Махмуд Кадыр вчера головы лишился! Ты не скажешь, куда мне это добро деть? Ведь получается, что я как бы книгу эту нашел после гибели хозяина. Предыдущего... И теперь вроде как ей хозяин. Но только никому на глаза с книгой этой попадаться мне нельзя. Всяк, кто в курсе дел на рынке Магии, знает, что за Кадыром она числилась И то, что с Кадыром случилось, тоже всяк знает...

— Кадыра этого, что — тоже твое «чучело» прикончило? — довольно флегматично осведомился Шишел. — И снова не в твоём присутствии?

— Не в моем, — потряс головой Микис. — Он мне ее, книгу эту, утром передал. И я объяснения не вдавался. Но я сразу почуял, что дело — нечисто. Слушай... Ты у меня книгу эту не забереешь? На хранение... А то мне не с руки сейчас с этим добром таскаться. Вроде как в бегах я... Хотя, с другой стороны, никто меня и не разыскивает специально. А тот, от кого я бегу, уж точно меня хоть под землей найдет. И, чувствую, в землю и зароет...

Шишел молча взял из его рук желтый пакет, тяжело, исподлобья посмотрел на своего приятеля и определил доверенное ему имущество в наплечную сумку.

— Только на хранение! — предупредил он.

— Спасибо, Дмитрий! — с признательностью в голосе произнес начавший расслабляться и снова обретать оптимизм Микис. — Ну что, еще по одной?

— А не много ли будет? — усомнился Шишел, пододвигая к Микису мясной салат.

— Боюсь, что на этом свете я свою норму добрать не успею... — криво улыбнулся Микис, тыча пальцем в табло заказов.

Шаленый отложил в сторону вилочку и в упор уставился на приятеля.

— Скажи мне, дорогой... — произнес он с чувством. — Скажи, пока языком еще ворочаешь... Ты меня сюда притащил для того, чтобы книжицу эту всучить и спиртным накачать? Или для чего еще? — И он нагнулся поближе к собеседнику.

— Вот что... — Микис глубоко вдохнул, набираясь храбрости, и заговорил — торопливо, не давая себя перебить. Сбивчиво перескакивая с пятое на десятое. — Насчет тех тысяч лет... Они, Джокеры, не вечные, конечно. Но они производсто себя самих давным-давно наладили. А вот Палача кто прислал — так тоже бог весть. Просто есть еще одна цивилизация. Которая за нами с самого начала, как только мы в этом Море объявились, следит неотступно. И вот теперь они перешли к активным действиям. Не знаю... Пусть сэр Байер всем этим занимается... Я вот чего хочу. От Палача этого отвязаться. И всё! Не нужны мне все эти проблемы. Вот и от тебя мне ничего не нужно. Только помоги Джокера этого вычислить. Это ж робот, в конце концов, не живая душа... Пусть Палач тот его хоть на винтики разберет. Черт с ними обоими! Лишь бы убрались от меня подальше! Как жили без всяких Джокеров, так и дальше проживем!

— Так у тебя обмена, как я понял, с Коннетаблем не вышло? — задавая этот вопрос, Шишел кривил душой.

— Уже ушел Джокер к кому-то! — с досадой махнул рукой Микис.

— Может, оно и к лучшему... — задумчиво заметил Шаленый. — Ведь получается, Джокер тот — не Предтеч работа. Так он, может, и не Магии предмет? Тогда ложный обмен вышел бы... А это обычно такие приключения провинившимся на их афедрон влечет...

— Знаешь, — вздохнул Микис, — по части приключений у меня и так перебор...

— Так ты главное позабыл мне сказать, мил друг, — вернулся к основной теме разговора Шишел. — К кому Джокер-то, как ты говоришь, ушел? Или что, Коннетабль этого тебе говорить не стал?

Микис снова сокрушенно махнул рукой.

— Да такая вот хрень приключилась, что за полслова до того, как нового хозяина Джокера мне назвать собрался, у него сигнализация загомонила. Сэр тут же свою пушку хват! И помчался из той пушки себе самому пулю меж рогов получать... Вот такая вот загогулина. Только и сказать успел, что, мол-де, я хорошо этого нового хозяина знаю... А я ведь, Шишел, очень много кого знаю... В том числе и таких, что Магию собирают. Ну, допустим, тебя я в расчет не беру — ты на Магию смотришь косо... Но этак я долго гадать буду... А ты как-никак в «сферы» вхож... И в кабинеты такие, что меня и на порог не пустят. Разве что в наручниках.

Шаленый покрутил головой и приослабил узел галстука.

— А ведь Коннетабль, — заметил он, — все такие вещи записывал. Хотя ты это лучше меня знаешь...

Микис досадливо крикнул и пояснил:

— Сразу не додумался в бумаги его нос сунуть. У меня одна мысль только и была, что влип я в дерьмо страшное — по самую макушку. Потому что и Коннетабля какие-то ублюдки пришибли, а всю прислугу в замке Палач порешил. На всякий случай, понимаешь... Так что у меня одно в голове и было — ноги сделать из этого приятного местечка. А к утру уже Городская Стража и Доблестные Ордена весь замок обсели не хуже чем мухи дерьма кусок. И все Стритовы бумаги на хрен опечатали и позабিরали. Но ты-то явно к расследованию отношение имеешь. Так что уж загляни в нужные файлики...

— Загляну, — заверил его Шишел. — Мне, понимаешь, самому в этом деле подразобраться во как надо. Сегодня же и возьмусь за дело.

— Ну тогда — по последней, и за дело... — заключил приободрившийся Микис. — Вот что еще... Ты у нас Рыцарь Дорог, так что тебя Городская Стража в трубочку дуть не

заставит... Не подбросишь меня тут по делам... На Красные Камни. У меня там к Лакосту — к Пуделю — дельце небольшое есть...

Шишел уставился на Микиса в упор и сокрушенно покачал головой. Но сказал только: — Ну и партнерчики у тебя, друг милый...

* * *

— Тут к вам посетитель, мистер Лакост, — осторожно доложил Каба Сидибе, бывший у Пуделя за камердинера.

Осторожность его была вполне обоснована. Настроение Мишеля Лакоста менялось, как погода по весне. Во многом оно зависело от результатов спортивных состязаний, для созерцания которых стену Пуделевого кабинета украшало полдюжины телевизионных экранов. Дабы одновременно созерцать параллельно происходящие игры. Влияли и результаты разного рода подпольных игр, которые по Ти-Ви, естественно, не показывали. На них Пудель был их постоянным зрителем и ужасно досадовал, когда время подобных мероприятий накладывалось. Сам Пудель карт или костей в руки не брал, но делал ставки на игроков. То же относилось к играм спортивным. Сегодня один из экранов был разбит вдребезги. По причине того, что Пудель вернулся с Игр в магические кости, что происходили в Чоп-хаусе, в крайнем раздражении. Он даже не стал досматривать последние две Игры. Там все сложилось не так, как ему хотелось. И притом совершенно неожиданным образом.

Сейчас Лакост сидел с абсолютно безразличным выражением лица и отслеживал одновременно состязания по волейболу, автогонки, скачки и бокс.

— Кого черт принес? — раздраженно бросил он.

— Енота, — доложил Каба. — Челлини. Апостолоса. Предлагает приобрести кладку драконьих яиц. На условиях «быстрой» сделки.

Некоторое время Пудель своим сосредоточенным и тем не менее безумным взглядом держал своего самодельного камердинера в состоянии полной прострации. Тот знал, что гонца, принесшего недобрую весть, Лакост может и на ремни порезать. А кто знает, как на сегодняшний день котируется Пуделем меняла Енот? Но все обошлось.

— Зови сюда этого темнилу, — распорядился шеф. — И обеспечить по коктейлю каждому.

Каба словно растаял в воздухе. И через двадцать секунд ввел в кабинет несколько натянуто держащегося менялу. Предложил ему располагаться в кресле у столика, предназначенного для собеседников Кобры-Пуделя. Последний располагался за президентских размеров столом. Стол этот вдобавок к своим размерам был приподнят на некоем подобии подиума. Когда-то, совсем недавно, в помещении, снятом под офис «черной» банды, располагался «погоревший» вскорости «Театр-экслюзив». Его декорации, приведенные в соответствие со вкусами Пуделя, так и стали интерьером его кабинета.

Каба исчез на несколько секунд и появился вновь — с подносом, на котором высились два высоких стакана с дайкири.

— Ну? — иронически скривил губы Пудель. — Тут мне сказали, что ты взялся драконьими яйцами приторговывать. Так это?

— Я только посредник, — пожал плечами Енот. — Продаю не я, а драконоводы. У них типа того, что хозяин кладки проигрался. То ли на бирже, то ли еще как... И хочет свои дела

поправить. Они — от его имени — на меня и вышли. Цены известны...

Енот совершенно не представлял, как и откуда собирается Тимоти раздобыть целую кладку драконьих яиц. Так что симпровизировал первую попавшуюся «псевдоквазию». Он понимал, что связывается с отменным — к тому же слегка чокнутым — мерзавцем. И это притом, что сам он оставался под неусыпным оком людей Байера. Но масштаб неожиданной сделки (а значит, и процента с нее) завораживал. Тут уж мистер Челлини ничего поделать с собой не мог.

— Когда и где я получу товар? — спросил Пудель. Енот сглотнул слюну и сообщил:

— По всей видимости, завтра, в четыре. Я сам завезу вам, мистер Лакост. Парни не хотят «светиться».

— «По всей видимости» — это типа «я ни за что не отвечаю»?

Пудель поднялся из-за стола и нагнулся к меняле, упершись в стол кулаками.

— Ты понимаешь, что я должен быть уверен в сделке? Ты же мне не килограмм наркоты предлагаешь. Даже для «быстрой» сделки я должен о-очень большие деньги из дела изъять. Ты это понимаешь?

— П-понимаю, — признал Енот. Воротник стал немилосердно сжимать ему шею.

— Тогда пойми также, что если завтра, точно в четыре, кладка не будет вот здесь, — Пудель ткнул пальцем в направлении столика, за которым сидел меняла, — тогда ты пожалеешь, что на свет родился! — Он снова вернулся в кресло и, отхлебнув дайкири, неожиданно спокойно уточнил: — Так предложение твое остается в силе?

— Остается, — слегка заикаясь, ответил меняла. Затем проглотил свой коктейль и поставил стакан мимо стола.

* * *

Утро следующего дня трое друзей встречали в «новых апартаментах» Гринни.

— Кажется, все они собрались, — негромко сообщил Тимоти.

Он стоял, прикинув ухом к двери, ведущей в офис Буффало Билла. Сян и Гринни за отсутствием мебели сидели на полу, прислонясь спинами к ободранным стенам.

Арсенал компании экспроприаторов экспроприированного немного увеличился. Втроем они наскребли на пару «дальнобойных» электрошокеров. Каждый мог шагов с четырех «завалить» разъяренного гризли. А Тимоти, покопавшись в недрах своих торговых полок, изыскал еще ружье для подводной охоты. Торчащая из него стрела имела вполне грозный вид. В то же время на огнестрельное оружие ружье это не тянуло. Хоть ружьем и звалось.

В офисе хлопнула входная дверь, и уже с улицы донеслось урчание движка грузового пикапчика Билли. Сян подкрался к окну и проводил его взглядом.

— Похоже, что началось... — бросил задумчиво Тимоти. Гринни кивнул и вытащил мобильник.

— Мика, ты купила билеты? — спросил он тихонько. Девушка ждала этого звонка, сидя в кабине припаркованного в ближайшем переулке фургона.

— Сейчас за ними поеду, — отозвалась она и засунул а свою недокуренную «Голуаз» в пепельницу.

Грузовой пикапчик не торопясь прокатил мимо.

Мика, затаившаяся в переулке, тронула свой фургон — точнее, фургон Тимоти — так, чтобы оказаться слегка впереди очень похожего (только другого цвета) фургона грабителей. Потом пропустила его вперед и даже позволила одной-двум легковушкам втереться между ней и каром Буфалло. Вряд ли лихие люди сильно были озабочены наблюдением за движущимся по улице транспортом, ведь они на дело ехали, а не с дела. «Но лишняя предосторожность не помешает», — сказала себе Мика.

Немного попетляв по извилистым улочкам Семи Городов, оба кара выкатили на Ботаническую, и кар Билли припарковался в тупичке, рядом с довольно солидным, кирпичной кладки домом.

— Я уже в кассе, — сообщила Мика Тимоти.

Она проехала чуть-чуть дальше, развернула фургончик и остановилась на противоположной стороне улицы. Машину поставила так, чтобы в зеркало заднего вида видеть краешек тупичка и часть пикапа Билли. Когда она закончила этот маневр, то ждать ей пришлось недолго. Задняя дверь пикапа отворилась, и из машины вылез помятый тип с крысиной физиономией и волосами, стянутыми в неказистый конский хвост на скошенном затылке. Макс Чумацки. Чувырла.

Чувырла чувствовал себя не в своей тарелке. Объегорить одного, подкузывать кого-нибудь другого из дурней, которых в природе избыток, — это да! Но если и жить таким бизнесом, то без риска и «без афиши».

Информацию по «зоологам» он слил Биллу просто в расчете на более-менее скромное вознаграждение. При этом возможность остаться в стороне для него представлялась совершенно очевидной. Максимум, на что он рассчитывал, была помощь в проникновении в «драконий дом». Но Билли совсем по-иному распределил роли. Включение в «штурмовой отряд» для Макса было вконец неприятным сюрпризом. Однако с Буфалло Биллом не поспоришь. Приходилось совать голову в петлю. Причем совать почти в буквальном смысле. Сян и его друзья наивно заблуждались, что только у Шустрика может найтись при себе «стрелялка». Все участники предстоящего налета — вопреки эдикту принцессы Фесты — были вооружены стволами. И у Чувырлы под плащом был припрятан устрашающего вида обрез. Попадись он с ним Городской Страже, да и любому Ордену, — болтаться бы ему в петле. Такая перспектива ему не улыбалась. Правда, и «башли» с этого рискованного дела сыпались куда как большие в сравнении с простой «наколкой» неплохой добычи.

Давить на кнопку домофона ему пришлось довольно долго. Время для визита выдалось предельно неподходящее.

Вчера с вечера состоялся тяжелый разговор Шведа с хозяином созревающей кладки драконьих яиц. Сегодня с утра хозяин кладок позвонил драконоводам и довольно унылым тоном сообщил, что если сделанное ему предложение об обмене кладки драконьих яиц на кучу «капусты» остается в силе, то он его принимает. По всей видимости, всю ночь хозяин

кладки наводил справки о Пуделе, предавался размышлениям и пришел к выводу, что получил «предложение, от которого невозможно отказаться».

И вот уже практически созревшая кладка была помещена в переносной инкубатор — контейнер размером в пару дорожных чемоданов, снабженный терморегуляцией. Он поджидал Пуделя в инкубаторе большом. «Зоологи» в последний раз пересчитывали деньги. И простые и магические. «Орлики» укладывали в аккуратные пачки, и Янек старательно перехватывал каждую пачку «пернатых» резинкой и определял в сумку.

Швед нервно поморщился на пятнадцатый, а может, двадцатый журчащий сигнал вызова, вновь наполнивший неказистую гостиную приюта «зоологов» своим звуком. Потом умоляюще глянул на Мутти, который по своей привычке пребывал в некоем трансе, не приемлющем грубых вмешательств окружающей реальности.

Тот — не выходя из транса — поднялся и, слегка пошатываясь, направился к переговорному блоку, укрепленному на стене. Выслушав исходившие из динамика звуки, он с недоумением повернулся к своему шефу:

— Это Макс. Типа «грезник» предлагает — в кредит... Задешево...

Швед поморщился:

— На фиг нужно!

— Да ведь Чувырла — тварь безопасная, — вставил в разговор свое слово Янек. — А в кредит «грезник» не каждый день предлагают...

— И вообще, что, сэкономить нам — не слабо? — нервно спросил Коста. — Ведь мы тут типа на хозрасчете? А хозяин у нас партию травки этой непременно бы взял. По полной цене. Чтобы после такой сделки утешиться. Он сам этим делом временами балуется.

Швед уставился на него слегка побелевшими от злости глазами.

— Экономить будем потом! — тихим, исполненным закипающего гнева голосом прошипел он. — Покуда такие бабки у нас на руках, сюда путь всякой шушере на фиг перекрыт. — Он подумал немного, грызя свой кулак. И решил: — Вот что... Мутти, иди и обсуди все эти проблемы через решетку. Если что — просто на фиг пошли. А нас всех здесь нет. Ушли... Испарились... Понял?

— Понял... — с недоумением поднял плечи Мутти.

Он прихватил на всякий случай со стола электронный ключ-карточку и затопал по лестнице вниз, где нетерпеливо топтался Чувырла.

* * *

Из кара выглянул Билли, действительно смахивавший на бизона-буффало. Только на бизона коротко стриженного, наряженного в дорогие, из настоящей шерсти свитер и брюки и обутого в кожаные (из настоящей кожи!) ботинки на каблуках. Билли вопросительно уставился на Чумацки. Тот нервическими жестами заверил его, что все будет тип-топ.

Стальная дверь отъехала в сторону, но сразу за ней, к неприятному удивлению Чувырлы, оказалась решетка, между прутьями которой могла бы пролезть разве только кошка.

За решеткой высился благостно улыбающийся Мутти.

— Ну, показывай товар, — миролюбиво прогудел он.

Решетку Мутти и не думал отпирать, хотя и постукивал по костяшкам пальцев левой руки зажатой в правой ладони электронным ключом.

— Так вот прямо на улице? — нервно спросил Чувырла. — Вы там что, шизанулись? Открой ипусти меня. Тогда...

— Понимаешь, Макс... — замялся Мутти. — Все наши ухлестали по делам... А я одиночку я никого впускать не должен...

— Ты ж за кого меня принимаешь?! — взвился Чувырла.

— Швед мне голову открутит — если узнает, что я отпер хоть самому Господу Богу со святыми угодниками, — извиняющимся тоном произнес Мутти. — А Швед узнает, — Он ткнул пальцем куда-то вверх. — Как вернется, так обязательно прокрутит видеозапись от входной двери.

— Ерунда это! — отмахнулся Чувырла. — Никогда у вас камеры не включены... Ну ладно...

Он оглянулся направо-налево. Расстегнул свой плащ и извлек откуда-то из его глубин пластиковый пакетик с заначкой «грезника». Вскрыл его, сыпанул чуток отравы на тыльную сторону руки и поднес к решетке. Но не так уж и близко.

— Давай нюхни, — предложил он.

— Ближе поднеси, — проворчал Мутти, стараясь просунуть нос поближе к заветной понюшке.

И вот тут-то Чувырла, левой рукой ухватив его — сквозь решетку — за ворот, правой наставил ему в грудь обрез.

— Открывай, сука! — прошипел он, грозно выкатив глаза. — Считаю до трех, потом мозги вышибу! Раз...

Мутти уставился на приятеля, пораженный переменой, приключившейся с ним. Он просто не верил глазам своим.

— Два! — сипло произнес Чувырла и завел дуло Мутти под подбородок.

Глаза у того вдруг закатились под лоб.

— По-мо-ги-те! — неожиданно тоненьким фальцетом заорал Мутти.

Наверху в гостиной Швед остановил лихорадочное пересчитывание купюр и немигающим взором уставился на дверной проем, в котором только что исчез Мутти.

— Крышка, — сказал он, поднимаясь с места. — Достукались! Быстро! Все это хозяйство, — кивнул он на деньги, — в инкубатор! И хватайте оружие, ребята!

* * *

— Тр-р-ри... — хрипло прорычал Чувырла и сделал еще более страшные глаза.

Мутти рванулся назад, оставив в руке у Чувырлы только пуговицу с воротника, не удержался на ногах, грянулся затылком о ступени расположенной у него за спиной лестницы и отрубился. Электронный ключ остался валяться в прихожей, в метре с небольшим от решетки.

Билли первым понял, что что-то идет не по сценарию. «За мной!» — скомандовал он коротко. Три налетчика окружили сидевшего враскорячку перед решеткой Чувырлу. Тот прикладом обреза пытался дотянуться до электронного ключа и подтянуть его поближе, чтобы можно было достать рукой.

— На хрен ты его уколошил? — вскинулся Билли, имея в виду неподвижного Мутти, покоящегося у подножия лестницы.

— Да не кокошил я никого! — кряхтя, отозвался Макс. — Не кокошил!

— А где остальной весь сброд? — осведомился Вратарь — коренастый, лысый парень с глазами навывкате. На плече его в открытую болтался ручной десантный пулемет, на поясе — укороченный палаш.

— Какой такой Вайсброд? — не понял Чувырла.

— Он спрашивает, — пояснил ему Шустрик — грузный тип с квадратной физиономией и с «узи» на животе, — где остальная компания твоих дружков «зоологов»?

— Этот, — Чувырла кивнул на распростертого перед ними Мутти, — сказал, что он в доме один.

Но в тот момент, когда он подтянул наконец поддавшийся его усилиям ключ к решетке, его слова были опровергнуты — самым решительным образом. Звякнув о решетку, из здания на улицу вылетела пущенная из арбалета стрела.

Стальная, короткая, заточенная наискосок. И выпустил стрелу Янек. Он залег на галерейке, тянувшейся под потолком вестибюля. На эту галерейку выходила дверь гостиной и вообще все двери второго этажа. Коста и Швед залегли рядом — тоже вооруженные маленькими, но мощными арбалетами.

Грозный эдикт принцессы на луки, арбалеты, рогатки, пращи, катапульты и прочее механическое оружие не распространялся. Ими и вооружал себя всякий опасливый подданный Престола — кто чем мог. Кинжалы, штыки и ножи всех видов тоже не возбранялись — как оружие самообороны. Хотя на кастеты и всяческие мечи, палаши, сабли, как правило, смотрели косо. Неписанный закон предоставлял привилегию иметь при себе такое оружие только рыцарям Доблестных Орденов.

Пневматическое же оружие, баллончики и пистолеты с «вырубающими» аэрозолями, разнообразные электрошокеры были в Семи Городах постоянной темой для юридической мороки. Текст высочайшего эдикта был немногословен, довольно резок по содержанию, но просто-таки дьявольски темен в этом вопросе. Ответом же Престола тем судьям, что осмеливались досаждать принцессе просьбами об истолковании некоторых пунктов эдикта, было либо презрительное молчание, либо сентенции в том духе, что «имеющий голову да поймет все своим умом». Не до того было Престолу, чтобы возиться с проблемами гражданской жизни самостоятельных Семи Городов. Объявили себя Вольным Поселением, вот и решайте свои заморочки сами.

Городская Стража силилась хоть как-то обуздать стихию самовооружения населения путем издания собственных указов. Однако мало-мальски поднаторевший в делах об изъятии оружия у граждан адвокат быстро доказывал, что действие этого подзаконного акта именно на обсуждаемый случай не распространяется. И оружие, с многочисленными извинениями, возвращалось его владельцу — как правило, закоренелому бандюку. Терпеть такой позор комиссарам Городской Стражи было не по душе, поэтому они и не усердствовали в деле разоружения гражданского населения.

* * *

Если бы Янек был не драконоводитом, а хотя бы плохоньким, но таки стрелком, за жизнь Макса Чумацки никто не отдал бы и ломаного гроша. Но стрелком Янек был вообще никаким. Стрела — и без того неточно наведенная — отразилась от прута решетки и

полетела по мостовой, высекая из нее искры. Она попала в поле зрения притаившейся в своем каре за углом Микаэлле.

— Тут что-то не то с билетами... — бросила она в трубку мобильного.

Хотя стрела и не умертвила Чувырлу, он отскочил от решетки как ужаленный, громко взвизгнув нечто в том смысле, что он ранен. Его обрез остался лежать на полу вестибюля.

Действительно, стрела таки задела его ухо — правое — и рана довольно сильно кровоточила. Вратарь с презрительной миной отодвинул его в сторону, снял свой пулемет с предохранителя и дал предположительно в направлении, откуда прилетела стрела, длинную очередь. Как и практически все огнестрельное оружие боевого назначения, его пулемет работал почти бесшумно — был слышен только частый лязг затвора.

Но должное впечатление на драконоводов он произвел. На головы затаившейся тройки защитников инкубатора посыпались щепы и штукатурка. Все трое отползли подальше от перил, огораживающих галерею. Янек, однако, ожесточенно кряхтя, взводил свой заряженный заново арбалет.

— Вот что, — шепотом произнес Швед, — ты, Коста, марш в инкубатор. Будешь держать последний рубеж обороны. Возьми еще и арбалет Мутти. Ну, в нашем «оружейном» шкафу. И про штык не забудь. Но, в первую очередь, свяжись по мобильнику с Пуделем. Возьми вот мою мобилу. Там, в памяти, Пуделев номер. Экстренный. Взялся он нас «крышевать» — так пусть «крышует»! Эти все кладки да денежки — его интерес, не наш. Давай быстро! А мы тут постараемся потянуть время. Типа начать переговоры.

Коста кивнул и, передвигаясь на четвереньках, скрылся в двери. Его трясло. «Ни фига себе — последний рубеж! — говорил ему его внутренний голос. — Два арбалета и штык против пулемета и еще трех стволов. Вот и изволь пугать ежа голым задницей! И какого ж черта Швед сразу-то Пуделя не дернул, урод? Да и Пудель тоже козел еще тот! “Покуда я с вами, ребята, — не стоит бояться таких вещей”. Ага, щщщ-с-с! Козел!!»

Но отступить-то было некуда.

Точнее — было. Можно было просто уйти черным ходом. Но Косте это даже в голову не пришло. Героем он был или дурнем, судите сами.

Коста запер за собой дверь коридора, ведущего к инкубатору, и рухнул на корточки. Нервно и сбиваясь стал набирать номер «экстренного канала» Пуделя.

* * *

— Эй! — выкрикнул Швед. — Эй! Что вам надо?! Давайте объяснимся!

Билли ответил ему очень по существу и очень категорично:

— Ты жив еще, сученыш?! Так, прими к сведению: если стрельнешь еще раз, твой дружок на части разлетится!

Билли спокойно протянул руку и подхватил оставленный Чувырлой на полу вестибюля обрез. Потом, не вытаскивая руку из решетки, направил ствол в живот беспмятного Мутти.

— Спускайтесь вы все сюда. Бросайте оружие и отпирайте дверь. И без фокусов! — Он перевел прицел на руку Мутти. — Поотстреляю руки-ноги! Для начала. Считаю до трех. Раз!

Раздался глухой хлопок и — молниеносно — страшноватый хруст-чавканье пули, входящей в живую плоть.

— Слышал? — крикнул Билли. — Это был левый локоть...

— Не стреляй больше! — торопливо выкрикнул Швед. — Сейчас открою...

Он обменялся взглядом с Янеком, поднялся на ноги и сомнамбулой — пошатываясь и отрешенно глядя перед собой — стал судорожными шажками спускаться по лестнице.

Билли терпеливо дожидался его. Под недвижимым Мутти расплывалась лужа крови.

Швед бросил на пол нож, арбалет, поднял с пола ключ-карточку, сунул ее в щель замка и отступил на шаг назад. Тут же получил мощный удар в физиономию и тряпичной грудой остался лежать у стены. Налетчики, всей четверкой, словно океанская вода в пробоину корабельного дна, ворвались в дом. Чувырла приотстал, держась за покалеченное ухо, и аккуратно затворил внешнюю — стальную — дверь. Чтоб — не «светилась».

Янек, положив нож и арбалет на пол и подняв руки, как можно медленнее стал отступать в гостиную. И тут же заработал от Билли «вгрызлом». Раз. И еще раз. И, как и Швед, остался лежать в сторонке, уткнувшись вышеупомянутым и в кровь разбитым «грызлом» в давно не чищенный ковер.

— Где четвертый? — деловито осведомился Билли. — И деньги где?

— Да хрен же его знает! — раздраженно отозвался Чувырла, озабоченно лелеявший покалеченное ухо. — Они редко когда вчетвером вместе собираются. Вечно у них кто-то где-то по делу шляется...

— Ну, его ждать у нас времени нет! — мрачно констатировал Вратарь и двинул Янека ботинком под ребра. — Эй ты, где шуршики?!

Янек был безгласен. И, кажется, даже бездыханен.

Билл мотнул головой в сторону Шустрика.

— Давай сюда того... Что внизу оставили. Того, что поменьше. А вы, — он кивнул теперь Вратарю и Чувырле, — ищите здесь. Насквозь все...

Вратарь бросил свой пулемет на журнальный столик и принялся деловито потрошить содержимое шкафов и комодов, составлявших меблировку комнаты. Чувырла весьма натурально принялся изображать, что простукивает стены. Шустрик отправился за оставленным у подножия лестницы Шведом.

Швед уже почти пришел в себя, но с большим трудом шевелил разбитыми губами.

— Где деньги? — проникновенным голосом спросил его Билл и закрепил свой вопрос крепкой зуботычиной.

Ответ поэтому был представлен уж вконец невразумительным мычанием.

— Он говорит: «в инкубаторе», — перевел эти звуки на понятный посторонним язык Чувырла.

— Это где?! — зло спросил Билли. — Покажи!

— Тогда отпустите, — покорно согласился Швед, с трудом выговаривая слова.

Билли кивнул Шустрику. Тот отпустил завернутые за спину руки Шведа и толкнул его на середину комнаты. Швед пошатнулся, чуть было не перепутал двери и с безнадежным выражением покалеченного лица подергал дверь коридора, ведущего к инкубатору.

Шустрик помог ему — парой выстрелов в замок и ударом кованого сапога в торец двери. Та отворилась, и вся компания двинулась к следующей — бронированной — двери в глубине прохода.

— Здесь? — осведомился Билли. — Как открывается? А впрочем...

Он кивнул Шустрику. Тот вытащил из кармана и прилепил к двери в районе замка небольшую таблетку. Не больше тех, что принимают с похмелья или просто от головной боли. Все подались назад. В руках у Шустрика появился маленький пульт — вроде тех,

которыми управляются кары, поставленные на автомат. Шустрик надавил кнопку — и у всех в коридоре заложило уши.

Взрыв благополучно отворил дверь.

И первым в нее ломанул Вратарь.

Напрасно, надо сказать. Из темного просвета в сгрудившихся нападавших ударили сразу две арбалетных стрелы. Одна насквозь прошла плечо Вратаря, вторая чиркнула по стене и ушла «в молоко».

Все прижались к стенам. Кроме озверевшего Вратаря — с торчащим из плеча стальным стержнем он шагнул в дышащее жаром нутро инкубатора. Стоявший прямо за дверью Коста выставил перед собой штык.

Будь он профессионалом-десантником, у одуревшего от злости и боли Вратаря не было бы шансов справиться с ним. Но Коста был человеком мирным. И он мог бы еще нажать на спусковой крючок или отправить снаряд в вообще невидимого противника. Но резать живого человека злой сталью... Для этого как-никак нужно преодолеть некий внутренний барьер. Коста преодолеть его не успел.

Вратарь ударил парня головой в лицо, и тот рухнул к его ногам.

— Ур-р-род! — прорычал Вратарь и отстегнул с пояса палаш.

В общем-то, это было последнее, что он успел сделать в жизни.

В глубине коридора раздался звук, напоминающий работу какого-то станка или допотопной швейной машинки. Звук этот издавал собственный, Вратаря, пулемет, неосмотрительно оставленный им в гостинной. А палил из него «восставший из мертвых» Янек.

Вратаря разнесло в клочья.

Быстроту реакции проявил только Билли. Он швырнул Шведа на Янека, а вслед ему запустил свой кинжал. В Шведа, к счастью, не пришлось ни одного заряда: Янек вовремя прекратил стрельбу. А вот кинжал пришелся Янеку рукоятью в лоб, и тот грянулся навзничь как подрубленный.

Билли подошел к Янеку и оттянул веко, проверяя, жив ли. Тот был жив. Билли аккуратно подобрал и кинжал, и пулемет.

— П-прикончи козла... — призвал его насмерть перепуганный Чувырла.

А Шустрик уже принялся снимать с предохранителя свой «узи».

— Отставить самодеятельность! — скомандовал Билли. — Берем деньги, яйца и уходим. Все оставляем как есть.

Нет, Билли не был гуманистом. Он просто просчитывал ситуацию на пару ходов дальше, чем его подручные. Никто из ограбленных и измороженных драконоводов ни за что не обратится к властям. Просто ввиду преступности самого их бизнеса. И от труп Вратаря они, «зоологи», как-нибудь избавятся. Эта «мокруха» будет совершенно справедливо висеть на них. Впрочем, никто Вратаря доискиваться не станет. Да он и сам, в конце концов, виноват. А вот «мочить» ограбленных «зоологов» не стоило. Тут дело неизвестно как могло обернуться. Другая совсем статья. Такую «мокруху» скрыть нелегко. В общем, возня с трупами и конфликт с Законом были Билли совершенно не нужны.

Поэтому он лишь еще раз отправил Шведа в нокаут и занялся делом.

Прямо при входе в «инкубатор» стояла довольно объемистая дорожная сумка. Билли расстегнул ее, присвистнул и тут же застегнул.

— Тащи в машину, — кивнул он Шустрику. — И быстро возвращайся. А мы пошарим

тут еще чуть-чуть.

* * *

Незадолго перед тем, как Шустрик, груженный денежными знаками, вывалился из дверей дома номер 33, Ботаническую улицу огласило звонкое поцокивание конских копыт. По тихой улице следовал на своей знаменитой белой в яблоках кобыле сэр Смыга. Был он в печали и был сильно навеселе. И то и другое по случаю прощальной выпивки за упокой преславного Коннетабля Стрита.

Однако профессионализм, свойственный Рыцарям Дорог, не покинул его слегка замутненного спиртным сознания. Конечно, заметив парочку поперек всяких правил припаркованных каров, он — в трезвом уме — не стал бы тратить на них время. В пределах Семи Городов с такими делами Орден предоставлял возиться департаменту транспорта Городской Стражи. Но сегодня столь возмутительное нарушение законов людских и божеских просто поразило исполняющего обязанности Коннетабля в самое сердце.

Сперва он отчитал как следует девушку, чего-то ожидавшую за рулем кара по правой стороне Ботанической.

Штрафовать ее, впрочем, не стал. Девица была не то чтобы ох как хороша, но присутствовала в ней какая-то прелесть яблони-дичка. Той, что растет на заброшенных пустошах сама по себе. Сэр Смыга таких уважал. Девушка сделала вид, что трогает свой фургончик, а сэр Смыга подался в тупичок, по левой стороне, и занялся нахалом, остановившим там свой грузовой пикап. Нахал в этот момент забрасывал на заднее сиденье своего кара здоровенную дорожную сумку. Сэр Смыга наклонился с седла и положил ему руку на плечо.

Шустрик дернулся и, чуть не свернув себе шею, уставился на столь необычный на городских улицах феномен. Рыцаря Дорог запросто можно встретить где-нибудь на Тракте. Там им и место. Но что потребовалось этому чучелу на цивилизной Ботанической?!

— Рыцарь Дорог Смыга, — представилось чучело, постукивая пальцем свободной руки по своей бляхе. — Предъявите ваши права.

— Хозяин сейчас выйдет, — заверил его Шустрик. — Я не за рулем. Но мы сейчас уедем... Только загрузимся.

Про себя он решал дилемму — плохо ли или же хорошо то, что его «узи» спрятан под застегнутым плащом.

— Здесь стоянка запрещена, — наставительно сообщило ему чучело. — Знак видите? Только остановка. Так что подождем водителя...

— У нас поломка. Да вы посмотрите! — взмолился Шустрик, открывая перед чучелом дверцу кара.

— Куда посмотреть? — не поняло чучело.

— Сюда вот, — досадливо пояснил Шустрик, указывая куда-то под кузов.

Чучело нагнулось и добросовестно попыталось посмотреть в указанном направлении. Этого только и надо было Шустрику. Он подхватил поводья, почти выпущенные из рук наездника, мгновенно набросил их тому на шею и рванул.

Преславный сэр вылетел из стремян и, широко расставив ноги, маковкой лихо ударил в мостовую. После чего вырубился и грянулся плащмя оземь.

Шустрик деловито закинул его в пикап, а знаменитую кобылу пребольно огрел ее же поводьями. Та резво поскакала в неизвестном направлении, а из дома 33 вывалились Билли — при пулемете покойного Вратаря — и Чувырла — тоже при грузе вида весьма сомнительного. В этот раз Билли задержался, чтобы прикрыть дверь. Чувырла же с примерным упорством одной рукой волок за собой тяжеленный контейнер. Другой он придерживал пострадавшее ухо. Добравшись до машины, он прохрипел: «Помоги!»

— Что это? — Шустрик помогал ему определить контейнер в кузов.

— Яйцы, — пояснил Билли с иронической усмешкой. — Драконьи. А это что?!

Он кивнул на уложенного между сиденьями сэра.

— Рыцарь Дорог, — пожал плечами Шустрик. — При всех вензелях. Даже с траурной повязкой. Разве не видишь?

— Что с ним? — ошарашенно таращился Билли. — И на кой он нам?

— Возможно, перелом основания черепа, — флегматично предположил Шустрик, — а может, просто сотрясение. Да ни на кой он нам не нужен. Лишний свидетель...

— Ладно, — решил Билли. — Рулим домой. Там разберемся.

* * *

Микаэлла в своем зеркальце заметила только мелькнувшие в воздухе сапоги докучливого всадника. Она снова взяла было трубку мобильного, но, что сказать, не сообразила. Ситуация была не предусмотрена кодовой таблицей.

Из тупичка вылетела кобыла без седока и галопом понеслась по улице. Куда-то вдаль. Чуть погодя оттуда же выкатил пикап Билли. Он явно тронулся в обратный путь. Микаэлла присмотрелась к нему.

— Все, — сказала она в трубку. — Билеты я вам отправила. Их почему-то только три. Но у них льготные цены. У всех.

«Льготными ценами» в кодовой таблице Тимоти означил стволы.

Она вытащила из пепельницы чинарик от «Голуаз», отряхнула и закурила снова. Затем тронула фургончик и не торопясь порулила по параллельным улицам к Воровскому переулку. Навстречу, чуть не «бортанув» ее, пронеслись два «форда». В каждом сидели по паре злобного вида темнокожих «афроазиатов». Один — за рулем, второй — в открытую — при «пушке».

Люди Пуделя с опозданием спешили на место происшествия.

* * *

Шкаф, загораживающий дверь в офис Билли, со скрипом и скрежетом отъехал в сторону. Трое экспроприаторов осторожно, стараясь не производить особого шума, вошли в комнату. Сян и Гринни принялись устанавливать на место шкаф. Тимоти окинул помещение взглядом.

Офис как офис. Стационарный комп на столе, стеллаж с папками каких-то распечаток, сейф, вешалка для одежды... Он заглянул в шкаф, так удачно заслонявший дверь в соседнюю комнату — благо Сян и Гринни уже водрузили его на место и он был не заперт. Вообще,

Тимоти было непонятно, для чего здесь нужен шкаф.

С первого взгляда он был как-то неуместен в этом аскетическом и безликом интерьере. Похоже, что он был самодельным — еще, наверное, времен первых переселенцев. Теперь загадка назначения этого предмета мебелировки для Тимоти разрешилась.

Шкаф оказался мини-часовенкой Пестрой Веры. Внутри к его задней стенке крепились штук двадцать алтариков богов этой странной религии. Религии, которую никто не принимал всерьез. Но которая расползлась неведомо откуда по всему Обитаемому Космосу.

На отдельных полочках было укреплено несколько амулетов — оберегов, посвященных бесам той же когорты, что и боги, только чином пониже. Тимоти косо ухмыльнулся, заметив среди них притаившегося — в бутылке из-под спиртного, разумеется, — Бутылочника. Горького беса пьяниц. Должно быть, кому-то из банды Буффало Билла был свойствен древний порок приверженности к спиртному. Слава богу, что все эти предметы шутейного поклонения были надежно зафиксированы на своих местах. Иначе — после ночного визита Гринни — беспорядок в шкафу навел бы бандитов на определенные соображения. Тимоти передернуло при этой мысли.

Скорее всего, шкаф-часовня стоял здесь со времен первых обитателей этого жилища и переходил вместе с самим жилищем от хозяина к хозяину. Может, таково было условие аренды. Не отказался от него и Билли. Бандиты всегда суеверны.

Из шкафа тянуло знакомым всем жителям Семи Городов ароматом. Тимоти присмотрелся повнимательнее. Кто-то из налетчиков, идя на дело, принес жертву — спалил понюшку «грезника» на алтарике Наглого бога Грабежа и Разбоя, Кар-ар-Раана. Пепел был еще теплым.

Глава 7

БОГ ПОБЕД

Роман Плонски, лучший сыскарь Ордена «Своих», устало откинулся на спинку сиденья своего кара.

— Да, — сказал он в трубку мобильного. — Да, шеф. Опять та же история. Разговор не удалось прослушать. Я с ним с ума сойду, с этим Челлини. Все его передвижения и контакты предсказать может только Господь Бог. Постарайтесь выяснить у Шаленого, о чем же все-таки они говорили в том китайском ресторанчике. Тут можно кое-что проверить. Конечно, «глушилка» у Челлини что надо. Кстати, неплохо было бы поинтересоваться, где Святая Конгрегация такие берет? Однако кое-что нам таки удалось. Разговор с Шаленым мы засняли не на видео — его тоже «глушилка» гасит, а по старинке — на светочувствительную пленку. Через зеркало. Уже проявили и перевели на видео. Теперь мне срочно нужен человек, который может читать по губам. Такие есть в заведениях для глухонемых.

— Будет тебе такой человек, — заверил его сэр Байер. — Сегодня же будет.

* * *

Шишел никак не мог избавиться от того ощущения, что все, с кем он связался в этой странной затее, — либо обманутые, либо обманывающие. С этим ощущением он и вернулся в свой дом. Достал из шкафа Джокера — тот продолжал сохранять вид некоей пародии на настольный компьютер. Поставил его перед собой и долго рассматривал. Джокер был абсолютно невозмутим. Шишел вернул его на место.

Дмитрий пододвинул к себе обычный, нарочито массивный настольный комп и вывел на экран файл, в который сбросил всё, что ему показалось интересным из ворованных хакерами дневников Рафаэля Фландерса. Даже не столько интересным, сколько просто мало-мальски понятным. Потому что непонятного в записях этих было мегабайт на пять-шесть. Но ему, Шишелу, не впервой было читать дневники странных людей. Хотя он бы рассмеялся в глаза тому, кто назвал бы его интеллектуалом. Впрочем, добродушно рассмеялся бы.

* * *

«Я не могу понять, — писал исследователь артефактов Предтеч и один из первопроходцев Скимитары, — ради чего я пытаюсь разобраться в череде нелепых и непоследовательных поступков, мною совершенных после моей встречи с той странностью, которую я назвал — не знаю почему — Джокером.

Скимитара... Воистину один из самых загадочных Миров, с которыми приходилось сталкиваться Человечеству. Планета, гораздо менее приспособленная для обитания на ней разумных существ, чем, скажем, например, та же Зараза. Планета пустынь и бедной кислородом атмосферы. Не знаю, как выглядела на самом деле кривая турецкая сабля, в честь которой окрестили четвертую от здешнего «солнца» землеподобную планету. Но

действительно с расстояния в две-три сотни тысяч километров он выглядит грозно — ядовито-желтый серп Скимитары.

Мне довелось провести в общей сложности пятнадцать лет на этом продутом жарким ветром, высушенном беспощадным жаром Звезды, тяжело вращающемся шаре. Там было нескучно.

Впрочем, к чему я барабаню по клавишам, рассказывая о Скимитаре? Уже написана не одна монография и бесчисленное количество статей и тому подобной макулатуры. Только мной и только о Скимитаре. Я же не затем сел за эту писанину, чтобы рассказать кому-то всем известные вещи. Или, по крайней мере, такие, которые можно легко найти в Сети, если уж возникнет надобность.

Я просто хочу разобраться в собственных поступках последних лет. Точнее — месяцев.

Последний мой год на Скимитаре был ничуть не более скучен, чем первый. Там было в чем покопаться. Похоже, что Предтечи использовали эту планету как некий «запасник» — склад, в котором содержали всяческие свои чудеса, пригодные для завоевания новых и новых Миров. Здешние подземелья — даже только те, что найдены мною, — потребуют не один десяток лет просто на их инвентаризацию.

Но сейчас не о них.

Я хочу хоть как-то связать в единое целое свои мысли о Джокере. О том странном создании неизвестно чьих рук, что однажды пришло к нашему «вигваму» издалека. Откуда точно — не знаю до сих пор.

Почему я окрестил его Джокером? Честно говоря, не знаю и сам. Просто ему очень подходило это имя. И он, как и его карточный тезка, был непредсказуем и многолик.

Но пусть все будет по порядку.

Как я уже сказал, шел последний год моей «вахты» на Скимитаре. Бурный период открытия и исследования артефактов Предтеч на ней давно ушел в прошлое. Всего-то и народу, который позволяли содержать средства Престола на этой безжизненной планетке, было не более двух дюжин. Притом большинство из них — не на поверхности, а на исследовательском сателлите, выведенном на орбиту вокруг Скимитары. Собственно, это был отслуживший свое транспортный лайнер со снятыми маршевыми двигателями и приспособленный под работу небольшой группы исследователей и обеспечение системы связи с Заразой.

На нашей же «исследовательской станции» нас было всего двое. И никого больше на тысячи километров окрест. Компанию мне составлял интереснейший тип — Джонатан Стрит. Полный дилетант в вопросах космоархеологии. Но при этом огромный энтузиаст раскопок и всего с ними связанного. Почему именно его — из многих куда более достойных кандидатур — включили в состав экспедиции, я выяснил только ближе к концу нашей «вахты». Сэр Джонатан просто оплатил все расходы на свой перелет до Скимитары и обратно. И, естественно, на свое проживание в нашем герметизированном «вигваме». Я, честно говоря, не догадывался, что в Закрытом Мире имеются настолько богатые любители покопаться в наследстве Предтеч. Притом копать, обливаясь потом в скафандре и рискуя нарваться на находки, достаточно опасные для жизни и здоровья. Наследие Предтеч богато на неприятные сюрпризы!

Впрочем, мы с моим напарником, похоже, понравились друг другу. В особой любви, правда, не признавались, но неплохо ладили на всем протяжении нашего совместного пребывания на Скимитаре. А это было бы довольно трудно, в случае если бы оба жильца

довольно тесного и не слишком комфортабельного герметического купола не проявили бездны терпения и доброй воли.

Единственный раз что-то вроде неприязни проскользнуло между нами как раз именно по поводу моей находки. Если это я, конечно, нашел Джокера, а не он меня.

А нашел я его чуть ли не у самого тамбура нашего купола. Сначала я принял его за причудливый осколок скалы. И только немного спустя меня посетила простая мысль — что я как-то не понимаю: откуда здесь взяться новому элементу пейзажа, если окрест нет ни одного живого существа? Что до действия природных стихий, то об этом смешно было даже и говорить. Скимитара, иссушенная и каменистая, была почти лишена пригодной для дыхания атмосферы. На ней, собственно, не происходило никаких климатических катаклизмов. Тектоническая же деятельность ее недр угасла уже десятки миллионов лет назад. Кроме того, было бы нелепо думать, что землетрясения или обвала я мог по рассеянности не заметить. Грех рассеянности мне свойствен. Но не до такой же степени!

Оставалось предполагать, что нелепый камень (да и не камень вовсе, как это обнаружилось при внимательном его осмотре) привез сюда и выгрузил поближе ко входу в «вигвам» мой напарник — сэр Джонатан Стрит. Привез, да и позабыл об этом пустяке. Это было для него, в общем-то, характерно. Хотя... Хотя уже несколько минут спустя после того, как я подошел к находке, я понял, что это конечно же не был просто камень».

* * *

Шишел отвлекся и воззрился на шкаф, в котором был заперт Джокер. Да уж, конечно, «просто камнем» это назвать было нельзя. Он удержал себя от попытки заглянуть в шкаф. Его, конечно, мучило любопытство. Во что бы еще могло преобразиться за это время его странное приобретение? И на какие еще вопросы может оно дать ответ? Впрочем, многолетний опыт подсказывал Шишелу, что излишнее любопытство к предметам Магии — штука предосудительная. Предосудительная и часто чреватая далеко идущими последствиями.

Поэтому он не стал тревожить своего таинственного гостя и снова перевел взгляд на дисплей своего компа.

* * *

Фландерс вел свой рассказ дальше:

«Вы знаете, — уведомил я за ужином достопочтенного сэра, — эта статуя, которую вы привезли, достаточно интересна. Совсем не похожа на обычные изделия Предтеч.

— Статуя? — озадаченно уставился на меня он, утирая с бороды соевый соус. — Это вы про ту, которая “Венера— не Венера...”?

— Нет-нет! — возразил я. — Та “статуэтка”, которую вы в прошлом году нашли в развалинах Седой башни — это, скорее всего, не изваяние, а просто кусок скалы, которому природные силы придали довольно любопытную форму. Но она решительно не имеет отношения к археологии. Сейчас я ее храню просто в качестве забавного пресс-папье...

— Тогда о чем же вы? — поразился мой напарник. У него даже вилка с насаженным на

нее куском тушенки застыла в воздухе не донесенная до рта. Я пожал плечами:

— А вы не считаете статуей тот предмет, что вы оставили у Рыжего камня?

— Какой такой предмет?

Недоумение сэра Стрита было глубоким и, вне всякого сомнения, неподдельным.

— Этаким сатир, — пояснил я. — Точнее, изваяние чего-то, что подходит под образ сатира, выполненное из металла и камня. Несомненно, искусственное изделие. Вы, наверное, позабыли об этой находке...

— Черта с два я забыл бы о такой штуке! — возмутился сэр Стрит. — Я еще не склеротик! — Он вытер губы, бросил салфетку на стол и стал подниматься из-за стола. — Если эта штука появилась здесь сама собой, то это неспроста. Нужно быстрее осмотреть ее. Пока она так же вот, сама собой, не пропала. Надевайте скафандр. А то стемнеет...

Сэр Стрит совершенно позабыл о том, что световые сутки Скимитары были много короче принятых за стандарт суток Земли. А внутренние световые сутки “вигвама” были настроены именно на стандартную смену дня и ночи. То, что мы сейчас заканчивали ужин, вовсе не означало, что за стенами купола наступали янтарно-коричневые сумерки мертвой планеты загадок. В то время, когда мы готовились отойти ко сну, снаружи царило медово-желтое утро.

Я напомнил сэру об этом обстоятельстве и предложил спокойно покончить с тушенкой и не забыть про кофе с крекерами. А уж потом заняться обследованием странного “гостя”. Но на то Джонатан Стрит и был исследователем-энтузиастом, что, загораясь очередной раз своим хобби, он забывал о своих повседневных жизненных интересах. Обычно же он, большой любитель поест, не дурак выпить и выкурить хорошую сигару или затянуться любимой трубочкой, вырезанной из “каменного дерева”, радостям жизни был не чужд. Впрочем, почему я пишу “был”? Ведь мне достаточно потянуться к трубке телефона, чтобы услышать его хрипловатый голос».

Шишел печально вздохнул и продолжил чтение.

«Все это получало полную отставку, как только дело доходило до предмета его страсти. Если в поле зрения объявлялось нечто новенькое в области Магии Предтеч, сэра Джонатана словно подменяли. Он готов был сутками не вылезать из раскопа (и из провонявшего потом скафандра). Его не интересовала пища, наспех поглощаемая в короткие минуты отдыха в загерметизированном вездеходе, как правило наспех же и разогретая. А то и не разогретая вовсе. Он становился равнодушен к куреву, которое в этих условиях было вообще невозможно. И уж тем более его не интересовали прочие радости жизни, которые в экспедиционной жизни напрочь отсутствовали. Даже без своего любимого бренди, произведенного его собственной винокурней, он обходился без труда.

Поэтому я со вздохом отставил в сторону свою почти уже опустошенную тарелку, залпом проглотил кофе (незабываемо отвратительный) и последовал за сэром в переходную камеру — напяливать скафандр.

... Да, безусловно, это было творение существ, причем существ вполне разумных. И существа эти — если, конечно, одно из них было воплощено в нашей находке, — были в чем-то сродни homo sapiens. Только вот оставалось непонятным: в какой степени у скульптора, породившего сей шедевр, развито чувство юмора — с одной стороны, и реалистический подход к изображаемому предмету — с другой.

То ли гном, то ли сатир, облаченный в кольчугу и согбенный в каком-то очень почтительном поклоне... Можно было подумать, что он спустился откуда-то из горных

пещер именно для того, чтобы предложить нам какие-то свои услуги. Тогда я выдвинул это предположение вполне иронически. Теперь склонен думать, что такой вариант вовсе не исключен. Вполне серьезно.

— Напоминает гипсовых человечков, которых иногда ставят у входа в дом или вдоль садовых дорожек, — заметил сэр Джонатан. — Немцы особенно любят такое дело.

Я подумал, что неплохо было бы украсить таким гномиком мой загородный дом на Речном острове. Тот самый, где я сейчас пишу эти строки. Почему-то сразу же я решил, что этот приз оставляю за собой. Правда, владельцем этой находки я побыл недолго. Об этом, однако, потом.

А в тот день я пристроил рядом с находкой чемоданчик моей походной лаборатории и торопливо провел необходимые анализы. Надо было убедиться, что заносить находку в “вигвам” относительно безопасно. Конечно, любая находка на Скимитаре могла оказаться роковой. Тем более, когда находка появляется из ниоткуда — словно кем-то подброшенная. Когда имеешь дело с Магией Предтеч, риска не избежать. Однако риска глупого, риска по небрежности стоит все-таки избегать. Например, следовало убедиться в том, что находка не радиоактивна, не ядовита, не излучает в СВЧ-диапазоне, не может взорваться... Слава богу, о микроорганизмах на Скимитаре можно не беспокоиться. Планета стерильна, если не считать за микроорганизмы редких здесь нанороботов. Но и те, как правило, не активированы.

Закончив анализы и убедившись, что очевидной опасности изваяние не представляет, мы подхватили его и затащили в купол. Что-то в окружающем пейзаже показалось мне странным. Но это случилось только тогда, когда я бросил последний взгляд на простирающиеся перед куполом предгорья. В следующую секунду этот вид скрыла от меня автоматически задвинувшаяся гермодверь.

Я так и не ухватил в тот момент это ускользавшее от меня ощущение.

Все мое внимание в следующие несколько часов было сосредоточено на Джокере. Именно тогда, в первые минуты нашего “знакомства”, и родилось его имя. В самом начале моих записок я говорил, что не знаю, почему выбрал именно это слово. Сейчас, дойдя до этих строк, я вспомнил почему. Собственно, “крестным” Джокера можно считать все того же сэра Джонатана. Кстати говоря, нынешнего владельца этой загадки. Разглядывая уже при искусственном освещении нашу находку, он-то как раз и бросил задумчиво:

— А еще он похож на Джокера. Того, что нарисован на игральных картах...

С тех пор так и пошло: Джокер да Джокер...

Первое же обследование нашей находки в лаборатории показало, что эта штука имеет крайне сложную структуру. И то, что она снабжена весьма мощным источником энергии. Не буду перечислять всякие преходящие мелочи, постепенно открывавшиеся нам. Скажу только, что ни в первый, ни в последующие дни мы не узнали предназначения и способа действия этой причудливой куклы. Но удивляла она нас неоднократно. Об этом — тоже чуть позже.

О той странности, что привлекла мое внимание, когда обернулся, перед тем как закрылась гермодверь тамбура, я вспомнил только уже в момент перехода ко сну. Я вспомнил, что именно привлекло мое внимание. Длинная цепочка следов.

Она тянулась от предгорий через неширокую, занесенную песком долину прямо к Рыжему камню. Около самого камня следы исчезали. Там из песка возвышался островок скалистой тверди. Они были почти незаметны, почти уже занесены песком... Только под определенным углом можно было различить их. Как раз под тем, под которым я выглянул в

последний раз из тамбура.

Я поднялся, снова натянул скафандр и под залиvistый храп сэра Джонатана снова выбрался на поверхность. Здешнему солнышку еще далеко было до заката, но дуновения разреженной атмосферы уже почти изгладили цепочку ямок, продавленных в песчаном грунте долины.

Мне стоило немалого труда найти эту цепочку. Я проследил ее настолько, насколько хватило моего терпения. Интерпретировать этот след было вовсе не легко. Ну, прежде всего оставалось полагать, что тот, кто принес сюда Джокера, ушел отсюда или ступая точь-в-точь по собственным следам, или же не ушел вообще. Других цепочек следов вокруг скального пятачка не просматривалось. Ну не считая тех, что понатоптали мы с Джонатаном. И на глаз можно было определить, что шаги того, чьи следы пересекали долину, были нешироки, да и размер ступни тоже невелик. Объективно это подтверждали замеры рулеткой. Без рулетки порядочный космоархеолог из купола не выходит.

Это было конечно же чистой формальностью. Догадка уже созрела в моей голове. Получалось, от предгорий до Рыжего камня Джокер дошел сам. Мелко семена, своим детским шагом».

* * *

Шишел почесал в затылке и снова покосился на шкаф. Ну что ж... Джокеру зачем-то потребовалось оказаться среди людей... Или тем, кто послал Джокера... И этот посланец бог его ведает кого спокойно пылится по нашим шкафам... Вот уж чудит народ в этом нашем Закрытом Мире! Чудит и, ей-богу, дочудится до беды. И все-таки: из-за чего же отдал богу душу сэр Джонатан? Действительно из-за мечей или... Или приходили именно за Джокером? Ведь наверняка за чем-то одним?

Он ощутил вполне оправданное беспокойство. Вычислить, с кем сэр Стрит обменялся, заполучив меч и отдав Джокера (то есть вычислить его самого, Дмитрия Шаленого), было не такой уж сложной задачей. И это могло сулить уже лично ему, Дмитрию Шаленому, немалые неприятности. Содержат ли заметки Фландерса хоть какой-нибудь ключ к решению этой загадки? Шишел продолжил чтение.

* * *

«Меня беспокоило открытие, — писал Фландерс. — Если это изваяние может двигаться и пересекать здешние пустыньки, то тогда мы поступили неосторожно, занеся его в “вигвам”. Этот бездействующий пока робот может, по всей видимости, активироваться и начать совершать различные действия! При этом и такие, от которых нам может не поздоровиться. Вот пришел он к нам “в гости”. Побудет еще с часок да и решит, что пора восвояси... И, например, выломает одну из гермодверей. Или вообще нас обоих ужокошит. Как представителей чуждой цивилизации.

Пришлось растолкать сэра Стрита, довести до его сознания выводы, к которым я пришел за последний час-два. После чего мы поспорили: не стоит ли находку нашу вытащить из складского чулана и снова оставить у Рыжего камня — раз уж его туда

принесло. Но остановились на той идее, что надо пока подежурить по очереди. И если уж начнет происходить какая-то ерунда, то дежурный успеет хотя бы поднять тревогу.

Джонатан ее и поднял. Дежурил от четырех до семи часов утра. От невыносимой предутренней скуки он решил заглянуть на склад: как-то там поживает Джокер. И чуть не дал дуба.

Джокера не было.

Сэр Стрит растолкал меня.

— Там... Там... — хрипел он, тыча куда-то в направлении склада. — Ты это сделал?!

На “ты”, надо сказать, сэр Стрит переходил лишь в состоянии крайнего возбуждения. Почти все время нашего знакомства мы с ним были на “вы”.

Я молча поднялся, натянул дежурный комбинезон и, не говоря худого слова, отправился следом за товарищем смотреть, что за беда могла приключиться “там”.

Беда заключалась в том, что действительно Джокера на том месте, где мы его оставили, не было. Вместо него в нише торчал наш экспедиционный “дистанционный манипулятор”. Этакое раскоряченное паукообразное устройство, предназначенное для работы с объектами, представляющими потенциальную опасность. Такая, знаете, штуковина, переделанная из полицейского робота, предназначенного для разминирования, допустим, автомобилей, для тушения пожаров или работы в условиях повышенной радиации. Мы его соответственно и звали — Робби.

— Что за ерунда? — поразился я. — Я еще не впал в белую горячку, чтобы затаскивать Робби на склад находок. Да, черт возьми, как я мог его перегнать из наружного гаража сюда, под купол?

Мой риторический вопрос окончательно парализовал мыслительные способности утомленного недосыпанием сэра Стрита. Он уставился на меня взглядом, выразившим одну только мысль: “А ведь и в самом деле!..”

И в самом деле — для того, чтобы втащить Робби под купол, надо было его по крайней мере дезактивировать и разобрать. Гараж располагался, разумеется, вне купола и был местом “нечистым”. Там много чего из оборудования “фонило”. В том числе и силовая установка “Робби”. Так что внутрь “вигвама” я его пускать не должен был. В противном случае моим потугам противостояла бы защитная система “вигвама”. Причем система, работавшая на полном “фулпруфе”. То есть выключить ее ни я, ни мой партнер не могли — ни каждый в отдельности, ни оба вместе взятые. Создатели купола предусмотрели и возможность неожиданного сумасшествия всех его обитателей (в общем-то это стандартная мера безопасности на всех удаленных от цивилизованных мест станциях).

— Вот что, — наконец изрек сэр Стрит. — Пойду-ка я гляну, что же там такое творится у нас в гараже... А вас я попрошу постеречь нашего Робби, чтобы с ним еще чего не приключилось.

— Тогда уж и принесите сюда чемоданчик с экспресс-лабораторией, — попросил я.

* * *

К тому моменту, когда растерянный сэр Джонатан по селектору сообщил мне, что Робби находится на месте, я уже понимал, что место Джокера занял вовсе не наш Робби. Внимательно присмотревшись, я сообразил, что передо мной какая-то странная пародия на

дистанционный манипулятор. И пародия эта лишь внешне, и то на первый взгляд, напоминала Робби. Когда я принялся разглядывать странную штуковину, то увидел легкое несоответствие пропорций между ее частями. Потом я пригляделся к «суставам» механических рук и ног этого механизма. Они были устроены вовсе не так, как это было сделано в механизме нашего робота. И уж окончательно убедили меня надписи, тут и там украшавшие корпус и отдельные части этой штуковины.

Убедили в том, что я вижу перед собой нечто чуждое нашей привычной технике.

Надписи на нашем Робби были вполне понятными техническими указаниями. Вроде того, куда что присоединять и куда не стоит соваться из-за, скажем, высокого напряжения. А эта уродливая пародия на дистанционный манипулятор несла примерно на тех же местах, что и он, какие-то идиотские каракули, внешне напоминавшие обычные буквы, но и только. Ни с одной буквой алфавита они и не думали совпадать. Естественно, прочитав эту бессмыслицу было невозможно.

Когда в дверь склада протиснулся сэр Джонатан, запыхавшийся и вооруженный чемоданчиком-лабораторией, я уже понимал, что находится передо мною.

— Хочешь, заключим пари? — спросил я. — Скажем, на одну вахту по камбузу. Я скажу, откуда взялась эта штука, а потом проверим, — и кивнул: сначала — на странную штуковину, потом — на чемоданчик.

— Не буду я пари заключать, — хмуро ответил сэр Стрит. — Я уже сам додумался. До того же примерно, что и ты, полагаю...

Мы понимающе глянули друг на друга и принялись за проверку своих догадок. После чего, отерев пот со лба, сэр Стрит хмуро буркнул:

— Он... Он и есть. Джокер окаянный. Ну и шуточки у него, доложу я вам...

— Думаю, что он не шулки шутить к нам притопал, — предположил я.

* * *

За время нашего пребывания на Скимитаре Джокер преображался около двенадцати раз. Преображался в самые разные предметы. Всегда в неодушевленные. Предметы, образы которых он принимал, были примерно одного размера, и масса у них была примерно такая же, как у Джокера. Он превращался каждый раз в какую-то пародию на изображаемый предмет. И каждый раз это превращение происходило без свидетелей. Когда мы установили на складе видеокамеру и стали постоянно записывать наблюдаемую ею “картинку”, превращения прекратились — Джокер не менялся, пока мы не убрали видеокамеру. Проклятая штуковина умудрялась каким-то образом определять, находится ли она под наблюдением или нет. Скорее всего, регистрировала электромагнитные сигналы из окружающей среды.

Приводить в действие карикатуру на Робби мы не решились. Точно так же, как и другие воплощения Джокера. Например, когда тот стал каменным креслом (может быть, вернее было бы сказать — трон), то никому из нас и в голову бы не пришло сесть в него.

В своих исследованиях мы не продвинулись, собственно говоря, ни на шаг. Оно и неудивительно. Наша лаборатория была оснащена довольно простой техникой. Да и ориентирована она была на работу с предметами Магии, наследием Предтеч. Сэр Стрит был свято уверен в том, что Джокер конечно же — их рук дело. И каждый новый результат

интерпретировал именно в этом духе, все более укрепляясь в своей уверенности. Я же — чем дальше, тем больше — такую уверенность терял.

Никогда и никакие изделия Предтеч не вели себя подобным образом. Почти все они были рассчитаны на взаимодействие с нанороботами из окружающей среды. Джокер, похоже, к нанотехнологиям отношения не имел. Артефакты Предтеч могли быть вообще непонятны, они могли быть страшны, но... Но никогда они не были искаженным подобием окружающего мира. Их всегда отличала простота и своеобразное изящество исполнения. Они впечатляли, но не смешили. И совсем не предназначались для подражания изделиям людей. Нет, что-то, как говорят, “не срасталось” в простейшей гипотезе о происхождении Джокера. К тому же и изотопный состав материалов, из которых был изготовлен Джокер, был совсем не таким, как у изделий Предтеч, найденных на Скимитаре.

Да, он был найден на планете, усеянной следами Предтеч. Но не они изготовили его. Он — из другого Мира.

* * *

Может быть, из-за этой полной невозможности понять сущность и предназначение Джокера стала нарастать моя неприязнь к нему. Я уже жалел о том, что принял поспешное решение оставить Джокера у себя. Теперь я осознал, что это создание будет вовсе не деталью декора моего жилища, а постоянным напоминанием о тщете моих потуг понять этого посланца иной — может быть, еще существующей — цивилизации. Особой надежды на “большую науку” Закрытого Мира я не питал. Она была лишь слабой пародией на науку Старых Миров. Хотя какая-то надежда дожить до разгадки “проблемы Джокера” у меня была бы, если бы я вернулся в Метрополию. Прихватив его с собой, разумеется. Но это было бы слишком дорогой платой за решение одной из множества головоломок, которые осаждали меня в лабиринтах космоархеологии.

Наверное, поэтому я позволил сэру Стриту выиграть у меня Джокера в магические кости.

Я, наверное, просто подарил бы эту странность своему напарнику, но не тут-то было. Уверенный в магической природе Джокера, Джонатан считал, что приобрести его может лишь каким-то из узаконенных в “Магическом кодексе” способов. Одним из них, правда, было дарение предмета Магии от чистого сердца. Но именно в чистосердечности моих помыслов сэр Стрит и сомневался более всего. Он — чисто подсознательно — понимал, что я просто хочу избавиться от ставшего мне неприятным предмета. Это и была та тень неприязни, что проскользнула между нами. Но я постарался спустить конфликт на тормозах. Поэтому пришлось согласиться на несколько партий в магические кости со столь щепетильным партнером.

Такую верность “Магическому кодексу” сэр проявлял совершенно зря. Я напрасно убеждал его в том, что на Скимитаре Магия не имеет той силы, которой ее наделяют мириады нанороботов, кишящих во всех средах таких “инфицированных Магией” Миров, как Джей, Шарада и Зараза. Там, в этих мирах, симбиоз сложнейших, на молекулярном уровне сконструированных устройств, “суспензий” нанороботов и скрытых в толще недр “кристаллических мозгов” образовывал подобие целостного организма. Предметы Магии в нем играли роль собирающих информацию рецепторов и осуществляющих приказы системы

эффекторов. Но Скимитара была вовсе не таким Миром. Это был не действующий организм. Это был склад. Запасник. Здесь, по моему убеждению, “Магический кодекс” не действовал. Поэтому я абсолютно не опасался того, что, проигрывая в кости предмет, который не имел отношения к Магии Предтеч, подвергаю хоть какой-то опасности себя и своего партнера.

За время работы на этой планете сэр Стрит собрал довольно богатую, хотя и весьма бестолковую коллекцию предметов Магии. Я, разумеется, предлагал ему выставлять на кон — против Джокера — самые малоинтересные экземпляры из этого собрания. А он — тоже разумеется — держал марку и выставлял на кон самое что ни на есть ценное (в его, конечно, представлении) из найденного им. В результате после первых трех партий я стал обладателем довольно интересного для дилетанта набора поразительных артефактов Предтеч. Такое везение очень досаждало мне. Тем более что играть в поддавки магическими костями — как, впрочем, и обычными — мне никогда не удавалось. Да если бы даже такое удалось, опытный в этих вопросах Джонатан был бы уязвлен в самое сердце и больше не сел бы со мной ни за игровой стол, ни за какой другой. Так что играть приходилось честно.

Четвертую партию я — полагаю, с помощью божьей — завалил. И наконец сбыл с рук ставшую мне обузой находку. А там подкатил и срок возвращения под родные теперь для меня небеса Заразы.

Кстати, избавившись от Джокера, я достиг еще одной цели — более перспективной. Дело в том, что, вручая эту находку сэру Стриту, я приобретал уверенность в том, что эта странная игрушка не пойдет по рукам. Не будет приведена в действие — с непредсказуемыми последствиями — каким-нибудь любопытствующим идиотом. Не будет использована в недобрых целях. Сэр Стрит не выпустит такое приобретение из рук. Оно займет почетное место в его коллекции и на все обозримое будущее останется в ней. Меня это вполне устраивало».

* * *

Шишел задумчиво подпер голову кулаками и тяжело вздохнул. Записки Фландерса пока не пролили света на то, что являл собой предмет, запертый им в крепко сколоченном шкафу. Для прочтения у него оставался только один небольшой файл. Он был размещен на космоархеологическом сайте местной сети. Который, кстати, и вел сам Фландерс.

Дмитрий почесал в затылке и вывел его содержимое на экран.

«Мне стало известно, — обращался Фландерс “ко всем, кого это касается”, — что часть моих дневниковых записей периода моей работы на Скимитаре стала достоянием гласности помимо моего согласия. Вторжение в память моего компьютера — это урок мне на будущее. Отныне все мои записи я буду вести только на машине, не подключенной ни к одной из сетей.

Я должен предупредить всех, кто проявляет или намерен проявить неумеренный интерес к так называемому предмету Магии, именуемому “Джокер”. Интерес этот не сможет быть удовлетворен никем и никогда в обозримом будущем. Десять лет, прошедшие с того времени, как я впервые увидел Джокера, я посвятил, среди прочих научных занятий, еще и попыткам понять сущность своей находки. Я несколько раз посещал любезного обладателя этого удивительного объекта. Провел с его согласия ряд дополнительных исследований и измерений... И пришел к некоторым выводам. Чему помогли полученные за

это время доказательства наличия в Закрытом Мире иных разумных цивилизаций.

Должен поставить всех интересующихся в известность, что основным моим выводом является то, что контакт с тем Миром, из которого пришел Джокер, требует от нас величайшей осторожности. Своими выводами в их окончательной форме я намерен поделить только с очень узким кругом людей, в высокой степени ответственности которых я уверен. И произойдет это не в ближайшем будущем.

Поэтому настоятельно прошу вас, господа, прошу вас просто-напросто надолго забыть о существовании предмета под названием “Джокер”. И также, по возможности, о моем собственном существовании.

Я не буду контактировать по обсуждаемой теме ни с представителями средств массовой информации, ни с научными кругами. Вообще ни с кем из любопытствующих. Примите это во внимание. На этом позвольте проститься с вами, господа».

Шишел задумчиво побарабанил своими массивными пальцами по столу, взял трубку мобильного и набил на клавиатурке номер справочной.

Узнать номер канала связи Рафаэля Фландерса оказалось задачей не для среднего ума. В базе данных справочной Семи Городов доступ к этому номеру был ограничен, и простым смертным его не сообщали. Шишелу пришлось задействовать своих знакомых в одном-двух Доблестных Орденах и в Городской связи. После чего он наконец смог услышать в трубке голос электронного секретаря доктора Фландерса. Секретаря интересовало, кто и по какому делу желает переговорить с доктором.

— Передайте доктору, — терпеливо объяснил Шишел, — что с ним хочет поговорить член Комитета Мстителей за смерть сэра Джонатана Стрита. Именно по поводу некоторых обстоятельств этой смерти...

После паузы голос секретаря осведомился:

— Назовите ваше имя, пожалуйста.

Шишел назвал.

После чего почти мгновенно голос секретаря сменился взволнованным и слегка дребезжащим голосом Фландерса.

— Насколько я понимаю, вы — не только... э-э... член Комитета... э-э... Возмездия...

Шишел не стал поправлять его. И Фландерс продолжил:

— Не только член Комитета, но и... Скажем так, близкий соратник покойного и... э-э... человек, с которым сэр Стрит произвел свой последний обмен.

— Вы об этом знаете? — поразился Шишел.

— Покойный счел нужным уведомить меня об... Об этом. Буквально за считанные часы до своей... э-э... До своей ужасной гибели...

— Вот как! — крикнул Шишел. И с тревогой поинтересовался: — Он вам по сети написал?

— Н-нет... — торопливо заверил его Фландерс. — Мы с ним не доверяем сети. Она слишком... мм... прозрачна. Мы пользовались услугами курьеров.

— Ну тогда вы понимаете, что нам надо поговорить. И что разговор наш будет не телефонный.

— М-да... — согласился доктор космоархеологии. — Я сам подумал об этом. О том, что мне надо с вами познакомиться. Но эта его гибель... Я, право, растерялся и не представлял, как надо поступить... Вот что... — Голос дока приобрел решительность и определенность. — Вот что. Вы можете немедленно приехать ко мне? Я живу на Речном острове, и вы легко

найдете мой дом...

Минуты две доктор объяснял, как именно можно добраться до его уединенного коттеджа. Затем попросил не ставить в известность об этой встрече «никого лишнего, а особенно — прессу». Шишел твердо заверил его в том, что уж кто-кто, а клятые журналюги об их встрече не пронюхают.

На этой ноте разговор и закончился.

* * *

Не успел Шишел повесить трубку, как запел сигналом вызова громоздкий стационарный блок связи на столе. Светящаяся точка индикатора показывала, что разговор может проходить в видеорежиме. Дмитрий надавил на клавишу и, глянув на экран, обмер.

— Ого! — только и произнес он. Не ожидал увидеть вас, сле...

— Аббат Шануа, к вашим услугам, — торопливо перебил его человек с экрана. — Филипп Шануа. Рад, что вы помните меня. Вы не находите, что неплохо было бы нам встретиться. Мы давно не виделись. И, наверное, у каждого найдется что сказать друг другу.

Дмитрий почесал в затылке. Если уж в Закрытом Море объявился федеральный следователь Кай Санди в образе какого-то аббата, то дело приобретает совсем уж крутой замес. Уже трудно понять, с кем и как надо переговорить в первую очередь...

— Вот что, — предложил он наконец. — У меня тут важный разговор на Речном острове. Подъезжайте ко мне и если не возражаете...

— Нам, кажется, почти по пути, — перебил «аббат». — Только давайте поедem на моем каре. Он лучше приспособлен для разговоров.

— Заметано, аббат! — прогудел Шишел. И, чуть подумав, добавил: — И с нами будет еще одна штука... Но я думаю, что особых беспокойств она нам не доставит...

— Вам виднее, — пожал плечами «аббат». — Ждите. Я тут неподалеку. — И повесил трубку.

Шишел крикнул, поднялся на тесноватый чердак и отыскал там большой пластиковый короб — то ли от компа, то ли от кухонного комбайна. Вытряхнул из него всякий сваленный в разные времена хлам и спустился с ним в кабинет. Перекрестившись, отпер шкаф и некоторое время смотрел на Джокера. Тот не изменил своей внешности. По-прежнему представлял взглядам посторонних неуклюжим, кривобоким компом.

Шишел стал осторожно укладывать его в короб.

* * *

Теперь офис «конторы» Билли казался пустым. По крайней мере — если заглянуть в окно. Или если смотреть от двери. Трое экспроприаторов укрылись кто за сейфом, кто за столом и завешанной плащами вешалкой. Снаружи смолк звук подкатившего к дверям фургончика.

Билли вошел в офис первым и бросил на стол пулемет. Шустрик с ходу бухнулся в кресло. Чувырла замешкался и прибыл на место действия как раз к тому моменту, когда Билли почувал что-то неладное.

Впрочем, почуял с опозданием. Экспроприаторы появились на сцене, как чертики из коробки. Билли оценил наведенный ему в живот гарпун и спокойно поднял руки «в гору». Чувырла попятился было в незакрытую еще дверь, но Тимоти крепким подзатыльником пресек эту попытку. Тот не стал искушать судьбу и последовал примеру Билли. Шустрик повел себя глупо — проигнорировал приставленный ему к горлу хитроумный меч и схватился за ствол. И тут же получил сразу два заряда из электрошокеров. С тем он и грянулся обратно в кресло — хотя и живой, но минут на десять-двадцать выбывший из игры.

Дальнейшее — укладка лихих людей носом вниз, их «упаковка» скотчем и изъятие оружия, ключей от фургона и всех ключей вообще, найденных при налетчиках, — происходило довольно деловито и без лишних слов. Тимоти весь остаток вчерашнего дня посвятил тренировкам всех троих в этих умениях. Так что никаких эксцессов не произошло. Только Билли нехорошо подмигнул занимавшемуся им Гринни и пообещал: «Ведь найду!» Гринни молча наложил ему на уста пластырь и вслед за двоими другими экспроприаторами покинул офис, стягивая по дороге маску. Только задержался, чтобы запалить купюру в сотню баксов на алтарике Хурах-бин-Урраху — Неверному богу Побед. И запретить офис.

* * *

— Блин! У них здесь трупчик! — сообщил Сян, заглянув в кузов машины Билли. — Какого черта они замочили Рыцаря Дорог?

— Должно быть, оказался свидетелем, — предположил Гринни. — Вот они его и...

— Да нет, — возразил наклонившийся над бесчувственным сэром Смыгой Тимоти. — Пульс есть.

Сэр Смыга, надо сказать, изрядно натерпелся за истекший десяток-другой минут. По меньшей мере дважды он приходил в себя и пытался всякий раз объясниться с окружающими. И всякий раз бывал отправлен в нокдаун.

Гринни расстегнул покоящуюся рядом с сэром сумку и только присвистнул. Заглянувшие через его плечо Сян и Тимоти тоже каждый на свой манер выразили восхищенное удивление. Тимоти крикнул, а Сян присел и уперся в бока руками. Гринни строго откашлялся и торопливо застегнул сумку.

— А это что? — спросил Сян, кивая на громоздкий контейнер, занявший массу места внутри фургона.

— А это и есть, наверное, инкубатор с драконьими яйцами, — предположил Гринни.

Он нагнулся над замком контейнера.

— Вот этот ключ, наверное, от этой штуки, — догадался Тимоти, перебиравший реквизированные у Билли и Шустрика ключи. — На автомобильные ключи не похоже.

Гринни взял у него ключ, и тот действительно подошел к замку контейнера. Из-под поднятой крышки контейнера пахло жаром. Яйца огнедышащей псевдорептилии видом своим напоминали обкатанные морским приливом булыжники.

— Да, это наверняка они, — констатировал Гринни. И закрыл контейнер.

— Поехали! — скомандовал Тимоти. — Этого чудака, — он кивнул на исполняющего обязанности Коннетабля, — по дороге пристроим где-нибудь на скамеечке. В местечке, где меньше людей. В том же Воровском хотя бы. Авось оклемается. Война выиграна.

Через полчаса сэр Смыга действительно оклемался. И действительно на лавочке в

скверике, в глубине Воровского переулка. К тому времени весь Орден Дорог стоял на ушах. В это положение его поставила белая в яблоках кобыла, отловленная Городской Стражей.

Кобылу ту, по кличке Мадемуазель, знали все Семь Городов. Городская Стража, надо сказать, вечно пребывала в состоянии взаимной неприязни с целым рядом Доблестных Орденов. Точнее, с теми из них, что ущемляли ее обязанности — то бишь брались на свой манер поддерживать законность и порядок. Поэтому начальник транспортного департамента Стражи позволил себе удовольствие лично доставить Мадемуазель в резиденцию Ордена Дорог. В резиденции все ошалели — как-никак еще двух суток не прошло с тех пор, как лихие люди отправили на тот свет Коннетабля Ордена. Теперь же что-то, по-видимому дурное, приключилось с заместившим его сэром Смыгой. Все члены Ордена двинулись на прочесывание городских улиц...

Что до господ экспроприаторов, то, мгновенно перегрузив добычу в машину Тимоти, они бросили машину Билли на ближайшей платной стоянке. Сваленные в мешок реквизированные стволы Гринни — от греха подальше — по дороге утопил в реке. Не пришлось даже делать крюк — часть дороги проходила по довольно безлюдной набережной.

Через полчаса вся четверка была уже во дворике магазина Тимоти. Заперев сумку с деньгами в офисе, Тимоти по мобильнику не без труда дозвонился до Енота. Тот не замедлил примчаться за товаром. Контейнер ожидал его у ворот гаража Тимоти.

— Уффф! — вздохнул с облегчением Енот. — Ну, вы молодцы, ребята... Не подвели... — Он нагнулся над контейнером. — А вы уверены, что вас не обштопали?

Тимоти помог ему открыть замок, и некоторое время они смотрели в жаркое нутро переносного инкубатора, где созревала дюжина здоровенных — каждое немногим меньше, чем футбольный мяч, — яиц. Как выглядят настоящие драконьи яйца и как отличить их от хорошо сделанных муляжей не знал никто из присутствующих, кроме, пожалуй, Микаэллы. Она ограничилась только коротким кивком.

— Не извольте беспокоиться, — твердым голосом заверил менялу Тимоти. — Яйца, считай, прямо от драконоводов. Из рук в руки. Забирай товар, и завтра не позже шести вечера деньги на бочку.

Он решительно вернул крышку контейнера на место и защелкнул замок.

— За мной не заржавеет! — с энтузиазмом отозвался Енот. — Вы же меня знаете, ребята!

Он с натугой поднял инкубатор и поволок его к загнанному во дворик магазина Тимоти «лендроверу». Все четверо друзей смотрели ему вслед. На лицах всех четырех читалось глубокое сомнение. Все еще не верилось, что Судьба так легко уступила им выигрыш в этой игре.

— Ладно... — буркнул Тимоти. — Даже если бы яиц этих и вовсе не было, то все равно «орликов» у нас хватает, чтобы разойтись с Секачом. И еще неслабая кучка останется. Пошли пить, ребята.

* * *

Мобильник в кармане Енота заверещал, когда он отъехал на пару кварталов от магазинчика Тимоти. Как-то нехорошо и свирепо заверещал. Енот в очередной раз озадачился: стоит ли отвечать на звонок. Его преследовал иррациональный страх перед

Палачом. Но раз уж он и в силу своей природы, и по необходимости вынужден был продолжать заниматься бизнесом, то не стоило бояться телефонных звонков. Не зарывать же голову в песок на манер страуса. Дело есть дело. Вполне возможно, звонил Шишел. Мог ведь уже докопаться до чего-то стоящего.

Енот поднес трубку к уху и буркнул: «Слушаю».

— Не вешай трубку, задница! — приказал ему хрипловатый голос с противоположного конца канала связи. — И слушай внимательно. Повторять не будем! Если ты через полчаса не будешь в «Сумерках», то тебе придется съесть свои собственные яйца...

— Ты кто, придурок? — осведомился Енот, слегка шокированный, однако, такой манерой начинать разговор.

Он взглянул на определитель номера. Номер ничего ему не сказал. Скорее всего, звонили из питейного заведения. Из тех же «Сумерек», по всей видимости.

— Ты давай не груби! — снова приказным тоном скомандовал хриплый голос. — Слушай внимательно. Это в твоих, блин, интересах! Приходишь один. И без пушки. И вообще без фокусов. Ковыряльник имей при себе!

— К-какой ковыряльник? — искренне удивился Енот. На той стороне канала связи наступила короткая пауза.

— Ты Челлини? Апостолос?

Впервые в голосе хамоватого собеседника прозвучало что-то похожее на неуверенность.

— Что тебе от меня нужно? — вопросом на вопрос ответил Енот.

— Если ты — Челлини, то знаешь, про какой ковыряльник тебе толкуют. Не придурайся! Теперь вот что... Когда войдешь в «Сумерки», начни платочком лоб вытирать. Чтоб тебя с кем другим не перепутать, — продолжал командовать невидимый нахал.

«Так этот дурень, вдобавок ко всему, еще и в лицо меня не знает!» — подумал Енот. Почему-то именно это обстоятельство оскорбило его больше всего.

— Все понял? Повторять не буду. Не придешь — пожалеешь. Сильно пожалеешь!

В трубке зазвучал отбой. Енот недоуменно смотрел на трубку. Потом торопливо набрал номер Шишела. Но у того канал был занят. Микис глянул на часы. Мысленно вознес молитву Деве Марии, свернул в переулок и покатил в сторону Косого бульвара, на котором находился бар с сомнительной репутацией «Сумерки».

* * *

В бар Енот вошел, как и было условлено, утираясь носовым платком. Это у него получалось вполне натурально — холодный пот и впрямь мелким бисером покрывал его чело. Он оглянулся направо-налево и направился к стойке. Двое крепеньких шпентов тут же водрузились справа и слева от него. Один из них, кучерявый, являл образец плотной комплекции, второй был незаурядно лопоух. Енот понял, что уже видел их. В Стриткасле. Видел только мельком, из-за спины Палача, но запомнил их неплохо. Мороз продрал его по коже.

— Закажешь нам по двойному «Бурбону», — без всяких предисловий распорядился толстяк.

— Где ковыряльник? — набросился лопоухий.

Толстяк выразительно извлек из кармана здоровенный охотничий нож и принялся

чистить им ногти. Енот, стараясь сохранять невозмутимый вид, сделал заказ. Потом сказал:

- Ребята, объяснитесь... Какого черта вам от меня нужно?
- А такого, — зло произнес лопухий, — что ты не свое взял. Придется отдать.
- Слушайте, парни, — взмолился Енот. — Перестаньте говорить загадками!
- А я тебе ясно говорю, — процедил сквозь зубы лопухий. — Нам ковыряльник нужен. Типа меч. Тот, что ты из Стриткасла увел. В ту ночь, когда Коннетабль богу душу отдал.

Енота словно пыльным мешком по голове огрели. Он уже и думать забыл про клятую железяку. И кому она только могла сдаться? И как на него сумели выйти эти субъекты? Они же смылись с места преступления как ошпаренные! И до того, как он прикоснулся к мечу.

- Слушайте... — произнес он, тупо глядя, как сервисный автомат расставляет перед их компанией емкости с выпивкой. — Не буду вам пудрить мозги. Меч был у меня. Только он уже того... Ушел. Купили его у меня. Я что, по-вашему, антиквар, что ли? Мое дело — не железки коллекционировать, а навар с торговли иметь. Я лучше вам посоветую у типа того, который меч приобрел, его честь по чести и выкупить...

На минуту за стойкой воцарилась тишина. Двое бандитов с недоверием уставились на свою жертву.

- Это твоя проблема, — заявил наконец лопухий. — Сам выкупай вещь обратно.
- Ребята, у меня деньги все в деле. — Енот развел руками. — Такой наличности у меня нет. В смысле суммы такой, какую этот тип как пить дать запросит.
- Как хочешь, так и выкручивайся, — жестко бросил лопухий. — Хоть банк грабь, хоть дом продавай. Только помни — если до завтра ковыряльник нам не сдашь — пеняй на себя.

Не сводя с менялы многообещающего злого взгляда, он проглотил виски.

«Если Тимоти еще не загнал дурацкую железяку, то задача, похоже, решаема. А он точно не загнал. Вряд ли все-таки у Тимми наготове был покупатель. А за сутки такого найти в общем-то нереально», — сообразил Енот. Но вслух заканючил:

- Это будет сложно... Если у вас к этой железяке такой уж интерес, то помогли бы по части наличных денег...

- Это твоя проблема! — повторил лопухий. — И вот что: мы тебя не задерживаем. Но если надумаешь прятаться, то под землей найдем. Ковыряльник сюда привозишь. Завтра, до захода солнца. И без шуточек. Приходишь только один.

Енот не стал заставлять своих собеседников повторяться. Он торопливо расплатился электронной кредиткой, выбрался из-за стойки и, чуть ли не натыкаясь на столы и стулья, поторопился к выходу.

«Гос-с-споди! — подумал он. — Что бы эти олухи сделали со мной, знай они, что у меня в багажнике полная кладка из шести драконьих яиц?»

Лопухий и толстяк переглянулись.

- У него с хвоста нельзя слезать! — прохрипел лопухий, соскакивая со стула. — Я не я буду, если он не попытается на дно лечь. Из него хитрость так и прет...

- Скользкий тип! — согласился с ним толстяк. И поспешил вслед за приятелем к выходу.

У выхода оба остановились, присматриваясь, куда направит свои стопы их жертва.

- В кар залезает, — определил лопухий. — Вон внедорожник. Запомни номер.

- А он, зараза, не один, оказывается, прикатил! — с досадой крикнул толстяк. — Вон

видишь, в кабине какой-то тип его поджидал... Черт, упустили мы, когда он появился. Сейчас разговаривают. Не нравится мне это. Совсем не нравится. Как бы Челлини этот каких-нибудь крутых на нас не навел!

— Морду ему начистить надо бы за такие штучки, — мрачно бросил лопухий, направляясь к стоящему у тротуара потрепанному авто.

Машину приятели угнали со стоянки только вчера и уже успели раз сто проклясть дурацкую колымагу. Состояла она из одних дефектов и поломок. Но все-таки по улицам ездила.

— Вот я что думаю... — заговорил горячим шепотом толстяк, поспевая за подельником. — Ведь он, Челлини этот, сразу признал, что ковыряльник именно он из замка забрал. Не стал врать. С этим нам, вообще-то, повезло. Так ведь?

— Ну так, — согласился лопухий.

— Так тогда получается, что мы ковыряльник-то нашли! Вот пусть Мочильщик сам и берет его. Мы ж не десантники... За этим Челлини наверняка мафия стоит.

Лопухий одарил его недобрым взглядом, нырнул в автомобиль и вытащил из «бардачка» мобильник.

* * *

Енот уже на подходе к своему «лендроверу» с обреченностью понял, кто поджидает его в машине, устроившись на месте рядом с водительским сиденьем. Меняла со вздохом уселся за руль и захлопнул дверь кабины. Искоса посмотрел на своего гостя. Тот не изменил свое лицо. Оно оставалось тем лицом Палача, с которым он впервые явился Апостолосу Челлини. Одет он был неприметно — вполне мог быть принят за средней руки бизнесмена или городского чиновника. Начать разговор Палач не торопился. Молчал и тянул время. Просто сидел рядом и довольно равнодушно рассматривал Енота. Тот не стал играть в гляделки. Какой смысл соревноваться в выдержке с роботом? Енот и не стал этим заниматься.

— Пока не могу вас ничем порадовать, — коротко отрапортовал он. — Но я делаю все, что могу. В конце концов...

Палач покачал головой.

— Вы используете далеко не все свои возможности, господин Челлини, — со своей убийственной вежливостью заметил он. — Тот ваш знакомый, которому вы решили довериться, не производит впечатление человека, который так уж просто окажет вам услугу. У него вид криминального элемента. О чем именно вы его попросили? Кстати, должен вас поздравить. У вас отличная «глушилка». Здесь таких не делают. Так что попрошу вас просветить меня на этот счет.

— Вы ошибаетесь насчет этого человека, — заверил его Енот. — Во-первых, я знаю его давно. И знаю как человека весьма надежного. Да, у него криминальное прошлое, но здесь, в Закрытом Море, он пользуется авторитетом. Он — личный друг принцессы. Но и это не главное. Он, без сомнения, подключен к расследованию смерти Коннетабля Стрита. Если Орден не включил его в команду, которая этим занимается, то Орден состоит из идиотов.

— Чем же это может помочь делу? — холодно поинтересовался Палач.

— Да тем, что он может получить доступ ко всем записям убитого сэра! — пожал плечами Енот.

Он начал замечать, что его жутковатый партнер не так уж и сведущ в людских делах, как ему показалось сначала.

— Меня интересуют не эти бумаги, — произнес Палач. — Меня интересует Джокер.

— Скорее всего, — терпеливо пояснил Енот, — сэр Стрит где-то делал записи о всех своих обменах. Он ведь был очень педантичным коллекционером предметов Магии. Значит, и кому, и на что он обменял этого самого Джокера, отмечено где-то у него в этих записях...

Палач изобразил на лице крайнее удивление:

— Так почему же вы сразу там, в замке господина Стрита, не сказали мне об этом? Это ваш очень большой просчет! Енот недоуменно пожал плечами:

— Я в тот момент думал только о том, как унести ноги с места происшествия. Я, знаете, не герой, чтобы в тот момент думать о чем-то другом...

— Где сейчас эти бумаги? — перебил его Палач.

— Они или у Городской Стражи, — объяснил Енот, — или у команды Ордена — той, которая самостоятельно ищет убийц... Или — еще может быть — их забрали «Свои». Они же ведь суют нос повсюду... В любом случае бумаги — под замком. И охраняются. Но Шишел до них доберется. Он, безусловно, входит в Комитет Мстителей. Не может не входить.

— Вашего друга зовут Шишел?

— Ну, это прозвище... — уточнил Енот. — По-настоящему его зовут Дмитрий Шаленый.

— Вот как? — Палач снова изобразил на лице удивление. — Тогда это хорошо известная личность. Я просто не мог предположить такого редкого совпадения. Того, что передо мной именно этот человек. К сожалению, в моей базе данных нет его хорошего портрета... — Он остановился на секунду, должно быть, перебирая свою «базу данных». И добавил не без досады: — У него репутация непредсказуемого человека.

— Да, — признал Енот. — Он, можно сказать, личность легендарная. Он с принцессой, можно сказать, открыл этот Мир.

— Но тогда он должен выглядеть гораздо старше? — усомнился Палач.

— Он очень часто возвращался в Старые Миры, — вздохнул Енот. — Помогал народу перебираться сюда — в Закрытый Мир. Последним «большим» рейсом он, кстати, и привез сюда меня. И всякий раз, как он там бывал, время здесь совершало рывок. Причем — намного. Оно здесь ведь течет совсем не так, как в Старых Мирах. То ускоряется, то замедляется. Относительно, конечно. Может, наоборот, там, в нормальной Вселенной, время этак дергается.

— Я знаю это, — остановил Енота Палач. — Вы объяснили ему, зачем ищите Джокера?

— Да, — кивнул тот. — Я ему рассказал в основном все то, что узнал от вас.

— Тогда и мое существование для него не секрет? — холодно спросил Палач.

— Но ведь я не мог врать ему, что это у меня такое видение было? — несколько виновато подтвердил его догадку Енот. — Не стоит беспокоиться. Он человек слова. Он не выдаст эти сведения никому.

Палач снова покачал головой.

— Я же уже сказал вам, — произнес он назидательно, — что этот Шаленый имеет репутацию человека непредсказуемого. Он способен по-своему истолковать факты... Может не поверить версии, которую узнал от вас.

«Еще бы тебе, чучелу, верить! — мысленно отозвался на его слова Енот. — Это после того, как ты кучу народу на тот свет отправил. Притом ни за что ни про что».

— Он может повести свою игру, — заключил Палач. — И неизвестно, на чьей стороне.

«На моей!» — чуть было не воскликнул Енот. Но вслух сформулировал свою мысль по-другому.

— Я уверен, что он не предаст меня, — сказал он. — Он никогда не предавал друзей!

— Охотно верю, что лично вас ваш друг, которому вы так доверяете, не предаст. Но он может предать дело спасения всей вашей цивилизации. И при этом будет уверен, что спасает вас. Будьте осторожны с ним.

С десятков-другой секунд Палач молчал. Молчал и Енот.

— У меня есть деловое предложение к вам, — неожиданно произнес жутковатый партнер господина Челлини. — Можно и нужно продублировать ту работу, что вы поручили своему другу. Для этого есть прекрасная кандидатура.

— Это какая же? — удивился Енот.

— Ваш шеф, — охотно объяснил Палач.

* * *

— Ваш шеф, — пояснил Еноту Палач, — судя по всему, профессионал. И эмоции не собьют его с правильного пути. И, как профессионал, он сможет найти способ ознакомиться с бумагами Коннетабля Стрита. Возможно, это у него получится даже лучше и раньше, чем у Шаленого. А больше мне от него ничего и не надо. Я уверен, что смогу его убедить в том, что его интерес состоит в уничтожении такого опасного устройства, как Джокер.

— Вы собираетесь сами встретиться с ним? — поразился Енот.

— Почему вас это удивляет? — вопросом на вопрос ответил Палач. — Меня не так легко заманить в ловушку. Мои аргументы будут весьма убедительны. И наконец, если я даже буду пойман и лишен свободы для того, чтобы, скажем, изучить мое устройство, то я всегда могу саморазрушиться. Что, конечно, нежелательно с точки зрения выполнения мною моей задачи. Хотя цель-минимум будет достигнута. Вы будете уже предупреждены.

«Нет, в роботах всегда есть что-то героическое», — подумал Енот.

— Такое саморазрушение, — продолжил Палач, — может иметь весьма неприятные последствия для окружающих. Даже трагические, надо сказать, последствия. Поэтому вы поступите правильно, если объясните вашему шефу, что попытка обмануть меня или лишить меня свободы будет самой большой глупостью, которую он только способен совершить.

Енот почесал в затылке, пригладил волосы и откашлялся.

— Понимаете, — стал как можно доходчивее объяснять он, — мой шеф не сможет самостоятельно принять то решение, которого вы от него хотите. Его не поглядят по головке за такую самостоятельность. Он просто обязан будет доложить о самом простейшем контакте с вами в более высокие инстанции. А высокие инстанции, скорее всего, захотят заполучить и Джокера, и вас в целях изучения... В лучшем случае — для переговоров. По крайней мере, очень сомнительно, что они дадут санкцию на сражения инопланетных роботов на планете, колонизированной людьми...

По всей видимости, такой ответ был заранее предусмотрен Палачом или его создателями.

— У вашего шефа есть два выхода из этой ситуации, — терпеливо парировал он слова господина Челлини. — Один — убедить свое руководство в том, что существует единственный вариант решения этой проблемы. Тот, с которым ознакомил вас я. Я готов

предоставить для этого самые разнообразные средства. Я располагаю огромным массивом данных, которые способны убедить в моей правоте любое разумное существо.

— Бюрократия — это не разумное существо, — вздохнул Енот. — Это вообще не существо. Это механизм, который делает часто совсем не ту работу, которая от него требуется.

Палач улыбнулся.

— Ну вот, вы сами приходите к мысли о выходе номер два. Просто не надо вовлекать в игру столь несовершенный механизм. Ведь если вы заранее предположите, что рапорт «наверх» погубит все дело, это равносильно вредительству. Вашему шефу надо просто поступить как индивидуальное разумное существо, а не как шестеренка тупого механизма.

«Дожили, — подумал Енот. — Робот объясняет мне, человеку, что люди не должны быть шестеренками».

— То есть вы хотите сказать, — произнес он печально, — что мы должны никому «наверх» не сообщать о контактах с вами, да и о проблеме Джокера вообще?

— По крайней мере, — мягко произнес Палач, — вы можете подавать информацию наверх избирательно. Так, чтобы не оказаться связанными по рукам и ногам.

«Вот и вербуетса та самая “пятая колонна”, — подумал Енот. — Надеюсь, что шеф не угодит в эту ловушку».

— Наш с вами разговор зашел в тупик, — устало констатировал он вслух. — Давайте остановимся на том, что я передам все то, что вы мне сказали, своему шефу. Дальнейшее будет зависеть только от него. Когда и где вы хотели бы назначить встречу с ним?

— Предоставляю этот выбор ему, — со всегдашним своим вежливым равнодушием ответил Палач. — Это должно быть место, исключаящее присутствие посторонних. И исключаящее всяческие ловушки. Вы можете просто связаться со мной по вашему мобильному блоку связи. Или по любому другому. Запомните номер. Иничего не записывайте:

Он продиктовал шесть цифр. Енот — повторил. И кисло улыбнулся.

— Вы, я вижу, обживаетесь здесь? — осведомился он. — Уже мобильником обзавелись...

— Я сам себе мобильник, — усмехнулся Палач.

* * *

— Какого черта он не трогает с места? — спросил толстяк. — Треплется со своим напарником. О чем, интересно?

Лопоухий зло зыркнул на него и, сказав в трубку: «Я понял вас, господин Себастьян, понял...», в бешенстве хватил трубкой о сиденье.

— Тебя, дурака, часто такие гениальные мысли посещают? — заорал он.

— К-какие? — недоуменно уставился на него толстяк.

— Да чтобы Мочильщик сам бы Челлини этим и занялся! Ты долго думал, пока до такого додумался?

Лопоухий, отдуваясь, откинулся на спинку сиденья.

— В общем, — угрюмо проговорил он, — меня Мочильщик полчаса крыл такими матюгами, — каких не за всякую жизнь и услышишь. В общем, в дерьме он нас обвалял. Из-

за твоей гениальной идеи, кстати говоря. А под конец добавил, что если завтра же ковыряльника у него на руках не будет, то нам с каким-то Секачом дело иметь придется. Не знаю, кто это такой, но погонялово его мне совсем не понравилось...

— Ты не знаешь, кто такой Секач? — округлил глаза толстяк. — Ну ты даешь!

— Да, даю, а что такого?! — скривился лопоухий. — Я в Семи Городах без году неделя. Почему я должен каждую сволочь здесь знать? На кого он хоть похож, этот твой Секач?

Толстяк хохотнул:

— В глаза его не видел, но, судя по тому, что о нем рассказывают, на дьявола он похож. Он здесь большой босс. По части таких делишек, что нам с тобой и не снились. Ему такая мелочь, как Городская Стража, чисто по фигу. Он всю Ратушу в кармане держит. И крут немерено. Вот Чертушка — знаешь такого? — рассказывал, что его тогдашний босс... Как бишь его звали? Помню только, что погонялово у него было смешное такое — Болеро... Так вот, Болеро этот не совсем просек ситуацию и прикарманил денежки Секача, которые, однако, считал своими. Так вот тот — Секач, я имею в виду — просто его головой в толчок засунул и спускал воду, пока Болеро тот на хрен не захлебнулся. Вот так...

Лопоухий задумчиво пялился на своего более осведомленного в теневой стороне жизни Семи Городов партнера.

— Так я чего-то не въезжаю? — озадаченно спросил он. — Кто под кем ходит? Секач под Мочильщиком или Мочильщик — под Секачом?

Толстяк призадумался. Почесал в затылке.

— А кой пес разницы? — наконец уmozаклучил он. — Какое, понимаешь, меню, какой выбор: Мочильщик нам пальцы и бошки поотрубают или Секач в сортире замочит?

Толстяк пошарил во внутреннем кармане своей бесформенной куртки, вытащил фляжку с дешевым, но достаточно крепким пойлом. Отхлебнул сам и протянул партнеру.

— В общем, — вздохнул он, — нам, раз так, деваться некуда. Просто завтра мы или на этом свете останемся, или на том окажемся. И вся недолга.

— Утешил! — ядовито отозвался лопоухий. — Тебе б только во храме проповедовать. Только вот мне и сегодня и завтра на этом свете желательно оставаться!

Толстяк развел руками.

— Так я ж против разве? Раз так, то... Смотри, вон из «лендровера» того, смотри, один тип вылезает. И тип этот — и не Челлини вовсе... Тот в кабине остался. За рулем...

— Кончай языком трепать! — оборвал его лопоухий, хватаясь за баранку. — Сейчас нам у типчика этого, у Челлини в смысле, с хвоста слезать нельзя никак! Или он за мечами сейчас двинет, или — не приведи господь — за подмогой...

Движок надсадно взвыл, и обшарпанная ворованная тачка вслед за «лендровером», записанным за Апостолосом Челлини, неторопливо втянулась в боковой переулок.

* * *

— Боже, это еще что за пара уродов? — недоуменно спросил Роман Плонски у своего напарника. — В этой истории постоянно прибавляется фигурантов неизвестно откуда! Этот Челлини прямо-таки притягивает к себе престранных типов!

Напарник флегматично пожал плечами:

— Я уже послал кадры с нашей камеры на опознание. Похоже, что это ребята из

«залетных». Да и, судя по поведению, деревня. Вопрос в том, чего ради они...

Тихо зажурчал сигнал вызова на пульте передвижного пункта внешнего наблюдения.

— Слушаю вас, сэр! — отозвался Плонски.

— Присланный мною человек... — задумчиво осведомился сэр Байер, — он просмотрел вашу видеозапись?

— Да, — сообщил Плонски. — Там интересно... Я уже отправил вам примерную расшифровку. Через вторую систему.

На другом конце канала связи Страшный Коннетабль ткнул в клавиатуру и стал пробегать своим вечно скептическим взглядом всплывший из глубин экрана текст. Постепенно выражение его лица менялось. Становилось сосредоточенней и жестче.

— Ты прав, Роман, — наконец сказал он. — Это даже более интересно, чем ты думаешь. Впрочем, это, как говорится, не телефонный разговор. Будь осторожен. Я повторяю это — заметь. Я редко повторяюсь.

Да, Плонски знал, что если Страшный Коннетабль повторяет свои слова, то слова эти означают вовсе не то, что они означали в первый раз. Поэтому он внутренне напрягся. Похоже, дело приобретало не слишком веселый оборот.

— И будь аккуратен, — посоветовал ему Страшный Коннетабль.

В трубке запищал отбой.

Оба они — на разных концах разорванного канала связи — задумались. Каждый о своем.

Плонски прикидывал, как бы снова — в который уж раз — не влипнуть в «большую политику». Что поделать — задачи «Своих» слишком близко соприкасались с этой опасной материей.

Сэр Байер — по свою сторону канала связи — размышлениям предавался минуты четыре. Потом соединился со своим секретарем:

— Свяжись с конторой Арренса. Мне надо с ним проконсультроваться. Как сам понимаешь, не через неделю. Сегодня. Как только он сможет уделить мне хотя бы полчаса.

Глава 8

СЛЕПОЙ БОГ ГНЕВА

Конторой Арренса люди осведомленные называли «хитрое» агентство, вроде бы числившееся сугубо общественной организацией. Ни сном ни духом не причастное к Престолу. Официально значилось оно под ничего никому не говорящей вывеской «Контактное агентство по проблемам внешних взаимодействий». Возглавлял его бессменный адвокат Горацио Арренс.

Люди, посвященные в тайны «большой политики», знали, что агентство это занимается тем, чего официально нет и не предвидится. Агентство представляло интересы Закрытого Мира в Старых Мирах. И, соответственно, наоборот: интересы Старых Миров в Закрытом Мире. В частности, в таких деликатных делах, как деятельность спецслужб. К просьбам со стороны Ордена «Своих» господин Арренс относился с большим вниманием. И поэтому уже через десять минут после звонка секретаря сэра Байера он лично уведомил Коннетабля, что может его принять немедленно.

От Замка задушевных бесед до агентства было, как говорится, рукой подать, и спустя еще десять минут сэр Байер и Горацио Арренс ужежимали друг другу руки в кабинете последнего. Со стороны это выглядело как встреча закадычных друзей, которые не виделись по меньшей мере сто лет. Страшному Коннетаблю было предложено смело закуривать его трубочку. И даже поднесен был огонек для ее «растопки». Адвокат распорядился принести кофе и не беспокоить его в течение получаса.

Минут двадцать из этого времени занял обмен любезностями и взаимное прощупывание. Еще пять минут Арренс изучал пару страниц распечатки разговора Апостолоса Челлини с Дмитрием Шаленым.

— Вы хотите, чтобы я провентилировал прошлое этих господ в Старых Мирах? — пришел он к выводу, закончив чтение.

— Шаленый в рекомендациях не нуждается, — небрежно махнул рукой Байер и отставил в сторону опустошенную чашечку кофе. — Мне ли объяснять вам, что он и так досконально изучен. К тому же приближен к Престолу. На него, право же, не стоит тратить силы и время. Но вот этот серенький Енотик... Не Челлини на самом деле, и даже не Палладини... Нет-нет! Всякий, начинающий жить заново в Закрытом Мире, волен сменить свое имя. Но... Меня смутили эти намеки на прошлые связи — и с мафией, и с федералами. Зря таких слов не бросают. По крайней мере, такие люди, как Шаленый. Из этих двух... мм... организаций так запросто людей не отпускают в Закрытый Мир.

Арренс отпивал свой кофе крошечными глотками, и дымящийся напиток словно и не убывал в его чашке.

— В принципе, — меланхолично заметил он, — для вас не должно быть новостью, сэр, что бороться с наплывом агентуры из Старых Миров — дело гиблое. Кроме того, официально мы не враждуем со Старыми Мирами. Мы не принимаем тамошний образ жизни — только и всего. Так что мы ограничиваемся простым отслеживанием их деятельности. Если же речь идет о людях мафии, то... Это другое дело. Но вы ведь не просто оказываете нам любезность, делясь своими подозрениями относительно этого Челлини? У вас какие-то проблемы по вашей части с этим человеком?

— Разумеется, — охотно согласился с ним сэр Байер. — Вы внимательно слушаете

сводки новостей?

— О господи! — воскликнул Арренс таким голосом, словно у него внезапно заболел зуб. — Как я мог забыть! — Он даже прищелкнул от досады пальцами. — Это же тот самый Челлини, в доме которого на днях снесли голову какому-то меняле! Я не ошибаюсь?

— Память вам не изменила, — признал сэр Байер. — Мало того. Скажу вам, что это не единственное убийство, к которому какое-то отношение имеет этот тип. Но не думаю, что он соучастник или подстрекатель. Просто он влип в очень сложное хитросплетение событий. Я не могу вас полностью ввести в курс дела. Ну хотя бы потому, что нам самим далеко не все ясно.

— Я не любопытен, — пожал плечами адвокат. — Предпочитаю не знать лишнего. Это вредно для мозгов. Но, конечно, ваш интерес к прошлому и настоящему господина Челлини, или — как там его? — Палладини, я постараюсь удовлетворить как можно более полно. И — как можно более осторожно. Но, сами понимаете, это займет некоторое время. Если только ничего интересного не отыщется в тех архивах, что уже вывезли сюда, то получить информацию из Старых Миров будет делом непростым.

С этим Коннетабль Ордена «Своих» был полностью согласен.

* * *

— Я жду тебя напротив твоего дома, — сообщил «аббат» в микрофон. — В мелком таком каре...

— Угу, — отозвался Шишел, торопливо дожевывая бутерброд.

Он подхватил довольно тяжелый короб с Джокером и потопал вниз — к выходу. «Аббат» выбрался из кабины и, не говоря ни слова, помог пристроить короб на заднем сиденье. Когда сам Шишел не без труда поместил себя рядом с «аббатом» — на переднем сиденье, то места в тесном салоне «Субару Каприза» осталось только на поток воздуха. Кар деловито покатыл по направлению ко въезду на Тракт.

— Здесь, конечно, не слишком комфортно, — заметил «аббат», — зато полностью исключено прослушивание.

— Ну уж тогда не пеняйте, — прогудел Шишел. — Буду называть вас вашим именем, следовательно.

— Воля ваша, — усмехнулся его собеседник. — Правда, я здесь не в этой должности, но сие не так уж и важно. Все равно пришлось окунуться в родную стихию... Это, видно, судьба. Так же, как и встречать вас, Дмитрий, в самых неожиданных уголках Мироздания. Вообще-то, в мои планы входило повидаться с вами. Просто как со старым знакомым. Но получается, что снова у меня есть к вам дело. И, может быть, и у вас будет дело ко мне?

Шишел, нахмурившись, скосился на следователя и задумчиво гмыкнул.

— Может, и будет, господин Санди, — предположил он. — Это, сдается мне, зависит от того, какое у вас ко мне дело...

— Пожалуй что и так, — согласился Кай. — Видите ли, мы оба — каждый по своей линии — вовлечены в расследование того, что приключилось в позапрошлую ночь в Стриткасле. Думаю, что вас совпадение не слишком удивляет. Нас обоих о такой услуге попросил наш общий знакомый. Его зовут Лео Байер. Кроме того, у каждого из нас в этом деле — еще и свой интерес. И интерес этот — один и тот же.

— Гм?.. — отозвался Шишел.

— Джокер, — сухо бросил Кай. — Джокер и Палач.

* * *

Енот припарковал свой «лендровер» в незаметном тупичке позади роскошного, совсем нового здания. Того самого, где сразу после окончания строительства арендовал помещение под студию погорелый «Театр-экслюзив». И где теперь свила гнездо банда Пуделя. Идти на встречу с чернокожим татем ему ужасно не хотелось. Его мучили предчувствия. Вполне, надо сказать, обоснованные. Иметь Дело с Пуделем приходилось в Семи Городах много кому из теневых дельцов. Но ни от кого из них Еноту не приходилось слышать о нем доброго слова. По доброй воле с Мишелем Лакостом не стала бы вступать в сделки ни одна живая душа. Но в том-то и состоит самая противная черта подобного сорта людей во все века и во всех Мирах, что, когда надо делать дело, а не плевать в потолок, мимо такой вот сволочи, как Пудель, не проскочишь! Вот как теперь — когда надо срочно реализовать чертовы драконьи яйца (и — главное — срубить с этого свой процент)!

Енот был преисполнен ожиданием обязательных неважных сюрпризов. Он тяжело вздохнул и направился к одному из черных ходов в здание. По дороге ему пришлось пересечь охраняемый двор и пост у дверей. На оба случая имелись записки от Лакоста, но финальный результат был уж слишком жалок. В дверях кабинета Лакоста, упершись спиной в косяк, торчал тип весьма злобного вида. Тип чистил грязь под ногтями ножом из тех, которые можно увидеть в фильмах ужасов. Енот с ним был неплохо знаком. Погонялово типа было Метис. Он и был метисом — наполовину негром, наполовину индейцем сиу.

— Кобры нет, — соизволил он сообщить меняле. — И, может, долго не будет. Так что не утомляй меня. И раньше чем завтра к полудню не появляйся.

— Но... Мы договорились о том, что я привезу товар точно в срок! — возмутился Енот. — Я не собираюсь ходить в «терпилах» из-за того, что ваш шеф сам не выполняет собственных условий!

— Заноси товар в дом, — подумав, процедил сквозь зубы страж апартаментов Пуделя. — И убирайся подальше. Кобра будет злой, когда вернется. Тебе лучше не попадаться ему на глаза.

Он кивнул себе за спину — там, на стене, увешанной алтариками и амулетами Пестрой Веры, еще исходил дымок над пеплом от купюр, сожженных на одном из мини-алтарей. Жертва была принесена Харриш-ан-Хаару — Слепому богу Гнева.

Енот развел короткими ручками:

— Здорово вы придумали, ребята! Товар принять готовы, а где денежки? Денежки, говорю, где?

Метис одним только злобным взглядом заставил его замолчать. Помолчал — со значением — и сам. Затем презрительно сплюнул сквозь зубы под ноги меняле.

— Ты хочешь сказать, мразь, — произнес он, сверля его полным презрения взглядом, — что не доверяешь Кобре? Ты это хочешь сказать?

— Я ничего не хочу сказать про мсье Лакоста, — торопливо заверил его Енот, — просто я должен расплатиться с поставщиком товара. Иначе мне открутят голову.

Это было, конечно, преувеличением. Вернись Енот к Тимоти без денег и без товара,

головы бы он не лишился. Лишился бы он всего лишь репутации. А физически — максимум схлопотал бы по морде. И то сомнительно. Но «здесь вам не тут!». Здесь и приврать было не грех.

— А если ты тут будешь выеживаться и ставить мне условия, то я откручу тебе не только голову, но — для начала еще кое-что. Заноси товар и уматывай!

Енот в очередной раз тяжело вздохнул.

— Пиши расписку, — без особой уверенности буркнул он.

Метис, не говоря худого слова, сунул ему под нос свой нож. Убедившись в силе произведенного впечатления, он криво усмехнулся и коротко пояснил:

— Вот моя расписка! Понял ты меня, ты, задница с глазками?!

Енот всем своим видом заверил его в том, что все понял.

— Скажи охране внизу, — попросил он, — чтобы они пропустил и мою машину во внутренний двор. Товар у меня довольно тяжелый и заметный.

— Не тяни время! — презрительно скривился Метис. Но все-таки вытащил из чехла, притороченного к поясу, мобильник и забубнил в него нечто жаргонное.

— Давай-давай! — прикрикнул он на Енота, прикрыв ладонью трубку. — Если через три минуты товар не будет здесь, пеняй на себя! А вздумаешь смыться — Кобра тебя под землей найдет. И снова в землю закопает. Но уже по частям.

Понуро ссутулившись, Енот повернулся к выходу. Выйдя во двор, он даже не стал «проверяться». Надоело бояться всех и вся. Здесь была епархия Пуделя, и, кроме людей Пуделя, бояться было нечего. По крайней мере, так умозаключил Енот.

Вообще-то, напрасно.

Все его передвижения вне помещения внимательно отслеживались и оживленно комментировались в кабине побитой судьбою, потрепанной тачки на противоположной стороне улочки.

* * *

— Снова вышел, — шепотом (совершенно бессмысленным в данной ситуации) сообщил толстяк лопухому. — Без никакого меча.

— Вижу, не слепой, — отозвался тот — тоже шепотом. — Вот к кому он, гаденыш, заходил? Может, этот покупатель его тут офис снимает? Или вообще живет?

— Если бы я сквозь стенки видел, то я этим занятием на жизнь зарабатывал бы! — зло прошипел толстяк. — А не ходил бы шестеркой под Мочильщиком! Смотри. Он тачку во двор загоняет! Может, у кого-то из дружков-приятелей отсидеться хочет? Давай-ка, двинь вперед метра на три-четыре. А то не видно, что он там копошится.

Каким-то чудом лопухому удалось выполнить этот маневр, несмотря на состояние их экипажа.

— Он багажником прямо к двери стал, — продолжал озвучивать свои наблюдения толстяк. — То ли грузится чем-то, то ли, наоборот, выгружает... Может, он за мечом этим и приехал, только не хочет, чтобы...

В этот момент в окошко водителя постучали. Стволом «магнума».

Оба незадачливых охотника за мечом, вытаращив глаза, скосились на источник шума. Этим источником был черный как смоль детина с желтоватыми белками глаз и золотой

фиксой во рту, окаймленном кучерявыми усами и бородкой.

«Парень действительно полный Беспредельщик, — подумал толстяк, — если вот так, посреди улицы, пушкой махает...».

— Вы, ребята, кого-то тут ждете? — осведомился Беспредельщик. — Или как? Чего вы здесь высматриваете?

— А тебе что за дело? — нервно ответил вопросом на вопрос лопухий, пытаясь тронуть машину — от греха подальше.

Но в этот раз движок тачки решил проявить свой норв и не торопился запускаться. Чтобы как-то заполнить образовавшуюся паузу, лопухий добавил:

— Вот остановились подумать маленько: это кто ж в таком домике симпатичном квартирует?

— Да ты нахал, парень! — Беспредельщик протянул свою громадную лапу поверх полуопущенного стекла и — за галстук — притянул лопухого носом к себе. — Здесь, знаешь ли, уважаемые люди и офисы снимают, и квартируют... — произнес он со значением. — Хочешь с ними познакомиться? С господином Лакостом, например? О таком слышал?

Оба охотника за мечом почувствовали неприятный холодок под ложечкой. Какими бы новичками в Семи Городах они ни были, а не знать, о ком идет речь, они не могли. «Не связывайся с людьми Лакоста! А с ним самим — и подавно!» — гласила одна из первых заповедей каждого, кто собирался нырнуть в сумеречные глубины «теневого жизни» здешних краев.

— Это ты про Пуделя, что ли? — задал самый неуместный из всех возможных в данной ситуации вопросов толстяк. — Он что, здесь и живет?

Сообразив, что ляпнул нечто неподходящее, он отодвинулся подальше от окошка. И, нервно обернувшись, понял, что только лишь приблизился к маячившему за противоположным окошком типу. Тип был тоже черен, но, в отличие от Беспредельщика, приземист и общим своим сложением, а более всего выражением физиономии походил на носорога в расцвете сил.

Носорог ухватил толстяка за воротник и принялся воротник этот методично выкручивать. Толстяк стал ловить ртом воздух. Глаза его вылезли на лоб.

— Как ты сказал? — ласковым, низким голосом осведомился Носорог. — Как ты назвал мсье Лакоста? Подумай, прежде чем ответить...

С воротника толстяка стали отскакивать пуговицы. Думать в такой ситуации было делом нелегким. Это не говоря уже о том, что и в наиболее благоприятнейших условиях умение думать не было сильной стороной начинающего бандита.

— П-пу... — начал он.

И чуть было не озвучил свой смертный приговор.

— Слушай меня внимательно, парень, — пророкотал Носорог. — Если тебе еще раз в твою тупую башку взбредет дурная мысль назвать мсье Лакоста Пу-де-лем, то это будет твоей последней глупостью в жизни. Ты хорошо понял меня?

Толстяк смотрел на него выпученными и бессмысленными, словно оловянные пуговицы, глазами. Оба охранника Кобры одновременно отпустили свои жертвы, и оба подельника повалились друг на друга в состоянии полной прострации.

— Убирайтесь в задницу, пока живы! — произнес свой приговор Беспредельщик. — Считаю до одного. Р-р...

Движок завелся как-то сам собой. Инвалидная тачка бодро, хотя и нервно рыская из стороны в сторону, побежала вдоль по улочке.

— Не зря мы их так вот легко отпустили? — спросил Носорог у Беспредельщика, демонстративно отряхивая ладони. — Похоже, что этих дурачков кто-то прислал шпионить за нами. И, заметь, как раз в тот день, когда у шефа очертенительные неприятности... К тому же, может, это вовсе не такие тупые дурни, какими притворяются...

— Да что я, не вижу, с кем имею дело? — пожал плечами Беспредельщик и направился назад во двор, где Енот, утирая пот, усаживался в свой «лендровер». — Кто таких пошлет шпионить за Пуделем?

За глаза все люди Лакоста называли его именно так. Но для простых смертных шеф не мог быть не кем иным, как Коброй. Или даже господином Лакостом.

— Два белых тупых куска дерьма, — заключил Беспредельщик. — Нечего об них и руки марать.

* * *

Буффало Билл наконец освободил от «скотча» руки, содрал пластырь со рта и принялся освобождать ноги. На минутку-другую позже освободился от пут и Шустрик.

— Ур-р-роды! — сообщил он свое мнение об экспроприаторах.

— Найду козлов и замочу! — пообещал Билли. — И не просто замочу! На ремни порежу! А перед этим повешу ушлепков за ноги!

Он резко отворил дверцы шкафа с мини-алтариками, вытащил из кармана смятую купюру, зажигалку и запалил перед кошмарным ликом уродливого изваяния. Сегодня его богом был Харриш-ан-Хаар — Слепой бог Гнева.

Затем рванул Чувырлу за все еще сведенные за спину руки, поставил его на ноги и прислонил к стенке. Чуть было не порвал ему губу, сдирая с нее пластырь.

— Ну?! — выкрикнул Билли. — Смотри: где тут могли быть «жучки»?

— Ты б меня развязал... — взмолился Макс. — Я, блин, чуть не задохнулся. У меня нос заложен...

— Чтоб ты сдох, падла! — заорал Шустрик. — Это его работа, шеф! Гадом буду — его! Это он по всем Семи Городам все сплетни собирает! И с того живет, что продает всех, кто его, суку, покупает! «Слил» он нас! «Слил» кому-то!

— А что? Похоже на правду... — задумчиво произнес Билли и машинально провел рукой по поясу — там, где до встречи с экспроприаторами находились ножны с кинжалом. — Блин! И «перо» увели, шакалы!

Он резко выдернул ящик стола и вытащил из него десантный нож.

— Шеф! Шеф! — взмолился Чувырла. — Я ж сам себе не враг, не идиот, чтобы Буффалс Билла накалывать! Я...

Билли решительно подошел к нему, но резать стал не горло, а скотч, стягивавший кисти и локти Макса за его спиной. Тот благодарно икнул и стал оползать по стенке.

— Ножки сам развяжешь! — прикрикнул на него Билли. — И кончай валяться на моем ковре! Становись на карачки и марш искать «жучки»! Ты у нас по ним специалист! А ты, — он резко повернулся к Шустрику, — бери трубу и обзванивай всех наших. Чтоб ноги в руки — и сюда! Быстро!

— Это кто-то из тех, кто здесь бывал! — убежденно сказал Чувырла, сдвигая «скотч» с лодыжек. — Ключ! Ключ они скопировали! Иначе как они сюда вошли?!

— Значит, кто-то свой, — мрачно констатировал Билли. — Ты нарочно стрелки снова на себя переводишь, Максик?

— Да не такой я дурень, чтобы вот так вот подставиться! — взвыл Чувырла. — Я ж сам этих шакалов кровью захлебнуться заставлю! Я ж вычислить стараюсь, кто падла?

— Ты заставишь... — иронически скривился Билли. — Ты вычислишь... Шерлок Холмс хренов! Ты давай «жучки» ищи!

— Да тут головой работать надо, а не по полу ползать! — возразил Чувырла.

Но под стол все-таки полез.

— Если у этих шакалов голова на плечах есть, — вещал он оттуда, — то они «жучки» свои снимали и с собой унесли. Они денег стоят. И потом — сейчас такая техника пошла, что этак вот голыми руками да невооруженным глазом хрен что обнаружишь! Спецтехника нужна. И потом, главное! — Для придания веса своим словам, он даже высунулся из-под стола. — Я говорю, главное: ну найдем мы «жучки» эти. Ну и что? На них не написано, чьи они. Даже вычислить, у кого куплены — сложно. А кто продавал, клиентов закладывать не станет. В лучшем случае наврет с три короба... Это не способ...

Лучшим способом довести Билли до бешенства было ему перечить. Поэтому ответом на все аргументы Чувырлы было грозное рычание: «Ищи, сука! Ищи!!»

Завершив таким образом завязавшуюся дискуссию, Билли присел на край стола и, задумчиво поигрывая ножом, произнес:

— Тут действительно еще одна наколочка напрашивается. Обратили вы оба внимание на то, что эти ребятки не только маски нацепили. Они еще и молчали, как заговоренные. Только жестами переговаривались...

— Я ни фиги заметить не мог, — оторвавшись от телефона, стал оправдываться Шустрик. — Я в ауте был...

— А точно, — сообщил из-под стола Чувырла. — Ни звука не издавали, суки. Только сопели. И, думаю, не оттого, что инвалиды какие-нибудь. А оттого, что знаем мы их. И мордально, и на слух. Свои! Точно — свои! — Он переместился из-под стола под вертящееся кресло. И снова осмелился проявить инициативу: — И, шеф, еще одна наколка есть. Только стремная какая-то...

— Ты по делу говори! — буркнул Билли.

— Да вот... — торопливо заговорил Чувырла. — Вы обратили внимание, шеф, каким ковыряльником махал один из этих ребят у Шустрика под носом?

— Клинок что надо! — сообщил Шустрик свое мнение. — Это вот я помню. Дальше ничего не помню... Наверное, на заказ штучка сделана...

— Дурак ты, Шустрик, честное слово! — оценил его слова Чувырла. — Это же был один из пары мечей Ньюмена! Магия!

— За «дурака» можно и в рыло заработать, — уведомил его Шустрик. — А потом, ну и что, что Ньюмена? Хоть царя Соломона. Мне это ничего ровным счетом не говорит.

— Стоп-стоп-стоп! — вмешался в перебранку Билли. — Мечи Ньюмена? Слышал с таких. Ты уверен, что не ошибся? Может, просто копия или похожий клинок? Ведь они, мечи эти, были у братьев Хого-Фого?

— Не-а! — отозвался Чувырла. — Я с обоими этими дебилами маленький гешефт имел...

— Не знал, так сказать, этой маленькой детали твоей биографии, — заметил Билли. — А то бы...

Он не стал доводить мысль до конца.

— Так вот, — продолжил Чувырла, ничуть не смущаясь, — я и самих братьев видел, как вот тебя, и мечи рассмотреть возможность была. И, кроме того, у меня на подобные штуки нюх. Мне еще Элли Кортни про всякие такие вещи много чего понаговорила. Так что ошибки нет. Другое дело, это каким манером меч к шакалам попал? Тут вот какая штука получается... — Он оставил в покое кресло и, усевшись на корточки, стал объяснять, нервически жестикулируя руками перед собственным носом: — Одного брата, того, который Фога, совсем недавно на Тракте грохнули. Причем не секрет — кто. Шишел, всем известный. Он, видно, и ковыряльник забрал. Второй братец, Хого, сейчас неведомо где обретается. Да, скорее всего, на своих Трясинах засел. И тут непонятки получаются. Или Шишелов тот ковыряльник, или Хого. Но парень тот, что Шустрику к кадыку клинок приставлял, не Шишел, точно. И на Хого чего-то не похож...

— Тогда гадать нечего! — оборвал цепь его рассуждений Билли. — Хого в чужие руки свой ковыряльник не отдал бы ни при каких обстоятельствах. А вот Шишел свой запросто мог обменять или проиграть. А раз времени всего ничего прошло, то не мог ковыряльник много хозяев поменять. А раз так, надо к Шишелу и подкатиться. На предмет того, кому клинок сплавил...

— Подкатиться по-умному надо, — вставил свое слово в разговор Шустрик. — С Чувырлой он и говорить не станет. Да и у вас, шеф, извините, с ним разговор, скорей всего, не склеится...

Заверещал дверной звонок. Прибыли первые из вызванных Шустриком «всех наших».

— Черт! — с досадой воскликнул Билли. — Дурацкая дверь и изнутри только ключом открывается. А вонючие шакалы оставили нас без ключей!

* * *

— Я же говорю, — нервно зудел толстяк, — за этим Челлини — мафия. Еще та мафия! Это ж надо — на Пу... на самого Лакоста нарвались!

— Еще не на самого, — поправил его лопухий, тоже взвинченный до предела и с трудом управлявшийся с рулем. — Это так, пара мелких шестерок нам зубки показала. Не приведи господь нам на самого Лакоста налететь!

— А мы его, Челлини этого, на пушку брать надумали, идиоты! — продолжал зудеть толстяк. — Он тут же к Пу... К Кобре этой под крылышко и кинулся. Он же, как пить дать, его, Лакоста, человек! Какой-нибудь с ним шахер-махер делает. Так что Лакост за своего партнера нам глотки порвет. Вычислит и порвет!

— Ну так ты что предлагаешь? — зло спросил лопухий. — Сразу повеситься? Или ждать, пока Мочильщик и этот... Секач его нам кишки выпустят? Нет, с менялы этого слезать нельзя...

— Слезать не слезать, — заверещал толстяк. — Уже, считай, слезли. Из-за придурков этих черных менялу из виду упустили... Теперь поди ищи его по Семи Городам...

— А вот и фигли! — парировал его слова лопухий. — Посмотри-ка в зеркальце — кто там нас с хвоста догоняет?

И в самом деле, сначала вдалеке, а затем все ближе и ближе, вслед за хворой тачкой катил «лендровер» Енота. На саму тачку вольный предприниматель обратил не больше внимания, чем на какой-нибудь столб или колдобину, мешающую ему побыстрее добраться до цели поездки. До магазинчика Тимоти то бишь. Он догнал драндулет, обогнал и устремился дальше. Лопухий выжал из краденой развалюхи все возможное и устремился за ним следом.

* * *

— Лакост? — переспросил сэр Байер. — Гос-с-споди, стоило только копнуть этого Челлини, и от него потянулись ниточки в самых невероятных направлениях! Удалось выяснить, что там ему было нужно?

— Самого Лакоста в его офисе, как можно понять, нет. Тем не менее какое-то время Челлини там провел. Наблюдение было затруднено, — с огорчением признал Плонски. — Вокруг все время крутились люди Пуделя. Сами по себе они для нас не проблема. Их можно выбить из игры за три минуты. Но тогда мы выдадим себя. Я не стал рисковать. Это, как я понимаю, в наши цели не входит. А внутри офис Пуделя хорошо защищен от прослушивания. К тому же тут под ногами крутится еще одна группа. Те самые двое, о которых я уже говорил. Не знаю от кого. Разыгрывают деревенских дурачков. Но с хвоста Челлини не слезают.

— Где эта компания сейчас? — прервал его Байер. — Я имею в виду Челлини и этих двоих.

— Толкуются на площади Эпидемий, — вздохнул Плонски. — Челлини принесло к кому-то из очередных его партнеров. Сейчас навожу справки о том, кто имеется в виду.

* * *

— Снова он к кому-то со двора заезжает, — уныло сообщил толстяк.

— Да опять к бандюкам каким-нибудь, — пожал плечами лопухий. — Здесь сплошные заборы. Опять не видно, что он там делает...

Енот не делал решительно ничего. Он обессиленно опустился на ступеньки черного хода магазинчика Тимоти. Силы оставили его, и он — в который уж раз за этот день — ощутил полную растерянность.

«Не мой день», — сам того не зная, повторил он сентенцию покойного Кадыра. Магазинчик был заперт наглухо, и самого Тимоти не видно было нигде окрест. Его мобильник не отвечал.

Да и с чего бы ему было отвечать, если он, намертво отключенный, болтался в кармане пиджака Тимоти, повешенном на спинку стула в углу небольшого зала круглосуточного кафе-бара «Скиф». Праздновать победу экспроприаторы экспроприированного двинули сюда.

Тимоти рассудил, что все дела, в том числе и получение денег за драконьи яйца с Енота, могут подождать до завтра. А сегодня грех было не отпраздновать победу. Победу с большой буквы.

Демократичный и славящийся неплохим меню и ассортиментом спиртного «Скиф» был уже не один год традиционным местом празднований четверки приятелей. Здесь они отмечали праздники и всякие события в личной жизни. Ну и всяческие свои успехи — большие и малые. Хозяин бара — пожилой обладатель перебитого носа и антикварных очков, бывший боксер Джимми Хикс — знал всех четверых как облупленных и даже испытывал к ним что-то вроде отцовского чувства.

— Сегодня, ребята, вы заведенные какие-то, — заметил он.

Но расспрашивать клиентов было не в традициях Джимми. Не дожидаясь заказа, он собственноручно расставил перед занявшими свои привычные места — за столиком в углу — друзьями их традиционное пиво и закуску. После чего вознамерился занять свое место за стойкой, но Гринни остановил его:

— Сегодня мы начнем с шампанского! — объявил он. — И с лобстеров! Будь добр, Джимми, пару бутылок сразу.

— А вы при деньгах, ребята? — поинтересовался Джимми.

Вопрос был не праздный. Разумеется, сверхдорогого, из Старых Миров завезенного шампанского в «Скифе» сроду не видели. Но и цена на местное эрзац-шампанское изрядно «кусалась».

Гринни без лишних слов достал из кармана сотенную в федеральных баксах и укрепил ее в вазочке для салфеток.

— И твое фирменное барбекю, — дополнил заказ Тимоти. — И учти: это только начало!

Тимоти присоединил к первой сотенной вторую. Он сегодня был за кассира всей своей компании.

Джимми только повел удивленно левой, рассеченной в былых сражениях бровью, и через минуту шампанское и лобстеры заняли свое место на столе перед возбужденной и веселой четверкой экспроприаторов. Барбекю задержалось и пошло уже под граппу.

Джимми только присвистнул и запустил любимую музыку пировавшей компании — солянку из классики двадцатого — двадцать первого веков. Начиная с Новоорлеанского блюза.

За граппой пошло сухое, затем, кажется, виски. «Ребята» разошлись вовсю. Тимоти пригласил Микаэлла и отплясывал с ней нечто невообразимое, особенно удалась ему — в середине танца — парочка кувырков через голову с места. Гринни сел за вдрызг расстроенное фортепьяно, которое, вообще говоря, было просто декоративной частью интерьера «Скифа», и принялся живо аккомпанировать музыке из проигрывателя. Сян показывал китайские фокусы.

Потом, насколько друзья могли вспомнить, Тимоти курил четыре самокрутки с «грезником» сразу, а Сян метал в цель десертные тарелочки, выстраивая их в стопку. Благо небьющиеся. Гринни же продолжал музицировать, но уже используя в качестве ксилофона расставленные в тональный ряд в разной степени недопитые бутылки спиртного. Получалось здорово. Хозяин бара не возражал. Тем более что «ребята» не столько хулиганили, сколь просто выпендривались. Джимми не был занудой. В свое время он любил повеселиться.

Посторонняя публика, набившаяся в «Скиф», частью присоединилась к веселью, частью от всей души потешалась над происходящим действием.

Время «свистело» чудесно. Только вот Микаэлла почти не притронулась к спиртному,

да и к преаппетитной закуске тоже. С какого-то момента она выключилась из общего веселья и, забившись в угол, только посасывала из бутылки пиво и невесело улыбалась каким-то своим мыслям. Это не осталось незамеченным.

Джимми осторожно поставил перед ней еще пару пива и тихо осведомился:

— Вы там, часом, не натворили бед? А то уж шибко деньгами кидаетесь. Поберегли бы — на черный день.

— Бед? — чуть рассеянно отозвалась Микаэлла. — Да нет... Я просто не в настроении. Как говорится, «не та луна»... Всяко может обернуться... Кривая Магия — вот в чем дело...

Джимми не слишком понял, что имеет в виду его сравнительно давняя знакомая. Но быть настырным было не в его привычках. Он добавил к принесенному пиву несколько пакетиков соленых орешков и убыл на свое обычное место — за стойку.

А рядом с Микаэлой шлепнулся на стул уставший музицировать Гринни.

— Ты чего? — тихо спросил он. — Что-то не так?

Мика скосила на него тревожный взгляд.

— Кривая Магия... — повторила она, скорее обращаясь к себе самой, чем к своему приятелю. — Раз мы с самого начала повелись на Кривой Магии, то не могло все так гладко пройти. Знаешь, как говорится: «Если все хорошо вокруг тебя, значит, ты чего-то не замечаешь». Вот мне и сдается, что мы чего-то не замечаем...

— Типун тебе на язык, Мика! — отмахнулся от ее слов Гринни. — Ты просто накручиваешь себе нервы и ищешь для этого причину. Ты перенервничала из-за всей этой истории. Я тоже психанул...

Микаэлла присмотрелась к нему внимательней. Гринни смутился. Он понял, что внутренняя тревога и ожидание подвоха заполняют и его собственное подсознание. И то, что Мика заметила это, он тоже понял. Чтобы погасить эту тревогу, Гринни подхватил со стола одну из бутылок, только что составлявших его «ксилофон», и отхлебнул из нее. Потом, чтобы приободрить подругу, принялся рассказывать анекдотические истории об игроках. Мика делала вид, что ей и в самом деле смешно.

Не по себе было и двум другим «виновникам торжества». Сян давил тревогу не столько спиртным, сколько суматошной активностью. Впрочем, то, что его веселье чуть-чуть наигранно, могли заметить только те, кто достаточно хорошо знал лунолицего китайца. Тимоти держался лучше всех, но, пожалуй, только благодаря «грезнику».

— Ближе к часу ночи, — наставлял Джимми своего подручного Пита Уини, который всегда был не прочь заменить за стойкой шефа, — ты заменишь меня. Эти ребята вроде нацелились шуровать здесь всю ночь. Платят наличными. Так что уж уважь их. И не придирайся к деталям.

* * *

— Ну что наши должнички? — хмуро уставился Секач на Мочильщика. — Я про нашего проигравшегося игрока и его друзей... — Они еще не попробовали «сделать ноги»?

Пан Себастьян слегка недоуменно пожал плечами:

— В том-то и загвоздка, шеф, что эта компания ведет себя странно. Я тут приставил к ним пару человечков — приглядывать, чтобы эта компания не надумала рвать когти из Семи Городов. До сегодняшнего утра за ними уследить было трудно. Как-никак их четверо. Ночью

— было дело — как сквозь землю провалились. Я, честно говоря, начал вибрировать.

— Вот как? — поднял бровь Секач.

Мочильщик поморщился в знак глубокого презрения и к компании Гринни, и к своим «человечкам», постоянно упускавшим компанию эту из-под носа. Но тут же расплылся в успокаивающей улыбке:

— Они и не думали удирать. Объявились в «Скифе». Гудят там и в ус не дуют. Может, остатки сбережений пропивают — чтоб тебе не достались, а может, грабанули кого-нибудь... Ничего другого как-то в голову не приходит. Не наследство же получили от доброго дядюшки?

— Это, конечно, не наше дело — откуда эта шантрапа раздобыла денежки, — суровым тоном заметил Секач. — Но будет скверно, если Городская Стража их возьмет за жабры раньше, чем они расплатятся с нами. А еще раньше до них доберется тот, с кого они штаны спустили. И я думаю, что это будет похуже, чем иметь дело с дурнями из Стражи. Так что резину тянуть нечего. Не та ситуация, не тот момент.

— Пожалуй, мне придется подпортить ребятам праздник... — охотно согласился Мочильщик. Но шеф задумчиво покачал головой.

— Вот что... Тебе не стоит там светиться. Если эта компания заварила какую-то кашу, то могут подумать, что это мы от них этого требовали. А они рады будут свалить вину на меня. Лучше вызови сюда Ларри. Он вольная птица. И все знают, что от него подобных вещей, как организация ограбления, ждать не приходится. А ты мне здесь нужнее. Доводи до конца историю с ковыряльником. Что поделывает пара уродов? Тоже беспробудно пьет? Или хоть чего-нибудь добились?

— Докладывают мне каждый час, — не без гордости сообщил пан Себастьян. — Енот признался, что спер меч сразу после того, как Коннетабль схлопотал пулю в лоб.

— Гм... — Секач задумчиво отбил короткую, нервную дробь кончиками пальцев по столу. — Это уже хорошо. Я не ожидал, что все так просто...

— Больше взять не мог никто! — уверенно подтвердил Мочильщик.

— Хорошо, если так, — мрачно пробурчал Секач. — Но я что-то не верю, что весь народ в Стриткасле покروшили те два твоих недоумка. И Енот тоже тут как-то не смотрится. Я боялся, что за ковыряльником приходил кто-то третий... Но раз Енот сам признался, то не будем ломать голову. Значит, меч у него?

— Был — у него. Но он вроде уже успел его загнать...

— Загнать? За деньги? — недуменно воззрился на него шеф. — Он, стало быть, в курсе того, что без пары меч Ньюмена — не предмет Магии? Откуда у этого жирного попугая такая осведомленность?

— Он меняла, — пояснил Мочильщик. — И, сдается мне, что он не так прост, как кажется. Так или иначе; ковыряльник он вернет и принесет его этой парочке в клювике. Его неслабо припугнули. Эти двое сообразили поставить ему ультиматум. И не слезают у него с хвоста. Хотя этот тип и путает след как может.

Секач встал из-за стола, подошел к бару и плеснул виски в стаканы — себе и Мочильщику.

— Так я вызываю Ларри? — для порядка спросил тот, уже набирая номер на своем мобильнике.

— Да! — Секач отхлебнул спиртного и добавил: — И пусть поторопится.

Ларри, хотя и был всегда сам по себе вольной птицей, никогда не заставлял Секача ждать. Не прошло и четверти часа, как он уже входил в его кабинет. Садиться хозяин ему не предложил. Сидеть в присутствии «мистера Гордона» было привилегией Мочильщика, который этой привилегией сейчас и пользовался. На Ларри, впрочем, он смотрел вполне благодушно.

— Ты ведь знаешь, Ларри, — почти ласково осведомился он, — что на последней Игре вышла неприятность с Гринни Звонковым?

— Мне рассказывали, — пожал плечами Ларри. — Парень и вся их компанька вам основательно задолжала, мистер Гордон. Вообще-то все, кто в курсе дела, считают, что им нечем расплатиться.

— Может, напрасно считают, — усмехнулся Секач. — Ребятишки способные. Кажется, им удалось разжиться «зеленью». Только вот ведут себя неправильно. Не торопятся возвращать должок. Вместо этого гудят в «Скифе». На полную катушку. А это ведь неуважение.

— Это наглость! — подтвердил развалившийся на диване Мочильщик.

— А наглость прощать нельзя! — добавил Секач с чувством.

— Да, мистер Гордон, — равнодушно согласился с ним Ларри. — Наглость прощать — только на новую нарываться...

— Нужно объяснить ребятам, что они не правы, — уточнил цель вызова Секач. — Ну и должок с них взыскать. Ты ведь с этим справишься, Ларри?

Тот флегматично пожал плечами:

— Я немного знаю эту компанию. Действительно способные ребята. Думаю, поймут все с полуслова.

Секач благостно улыбнулся в свои роскошные усы. И тут же задумался. Тень тревоги скользнула по его невозмутимому обычно лицу. Коротким жестом от остановил Ларри. Тот уже собирался откланяться.

— Вот что... — произнес Секач торопливо. — Конечно, надо проверить это дело быстро. Покуда ребята на неприятности не напались. Но... Ты не перестарайся. Лучше, если ты будешь с ними говорить без свидетелей. Ну, отзовешь того, кто потрезвее будет, в сторонку... Или вообще дождешься, пока они из чертова кабака вылезут...

— Постараюсь не затягивать с разговором, — заверил его Ларри. — Но и светиться не буду. Есть что-нибудь еще, что вы хотите сказать мне? А то я пошел.

— Нет, — махнул рукой Секач. — Уверен, что ты справишься с делом наилучшим образом. — Он достал бумажник. — На текущие расходы тебе подкинуть «зелени»?

— Когда сделаю работу, тогда и подкинете, мистер Гордон, — флегматично отозвался Ларри.

— Жду тебя с хорошими новостями, — кивнул ему Секач.

— Тогда до скорой встречи, господи.

Когда за Ларри Брагой закрылась дверь, Мочильщик глубокомысленно заметил:

— Парень весь в отца пошел. Тоже не без выпендрежа, но положиться на него можно. На ветер слов не бросает. И не врет. С этой компанькой разберется в два счета.

— Ни отец его, ни он никогда и цента себе не прикарманили, — согласился с ним

Секач. — И ни одного дела не провалили, — заметь. И хоть оба из себя независимых корчат, но место свое знают. А тех двух идиотов, — сменил Секач тему разговора, — которые Коннетабля угрохали... Их ликвидируешь сразу, как только меч принесут. Иначе до них доберутся рано или поздно. А через них — до нас. Ниточку рвать надо! Да и зол я на них!

Хозяин подошел к шкафу с алтариками и угостил виски Слепого бога Гнева Харриш-ан-Хаара.

* * *

— Быстро вы справочки навели и картинку нарисовали, — признал Шишел, хмуро поглядывая на пролетающую за окнами кара бесконечную обочину Тракта. — Спорить не стану. Эти две чертовщинки и мне покоя не дают... А меч Ньюмена там у вас по ходу дела не мелькал?

— Мелькал, — пожал плечами Кай. — Понимаю вяш интерес. Ведь это вы выменяли меч на Джокера. Тяжелый он, черт... Я не ошибаюсь? Я это — о Джокере. Ведь это мы его затаскивали в машину? И к кому стоит ехать на Рыбачий остров, как не к Рафаэлю Фландерсу? И что везти к нему, как не Джокера?

Шишел снова покосился на своего старого знакомого и невесело присвистнул:

— Я-то воображал, что местонахождение Джокера — секрет великий, а оказывается, что это и не секрет вовсе, а...

— Пока это секрет! — остановил его Кай. — В общем-то о том, что Джокер имеет какое-то особое значение, и о том, что за ним идет охота, знаем пока мы с вами и Микис. А о том, что он находится у вас, знаете только вы и я. Сэр Байер тоже может узнать это — если пороется в последних записях Коннетабля Стрита, как это сделал я. Но он-то как раз и не придает Джокеру особого значения. Сэр Байер уверен, что грабители пришли в замок за мечом Ньюмена. Но у меня это вызывает сильнейшие сомнения. Кроме вас, Дмитрий, и самого Коннетабля Стрита никто еще не был оповещен о вашем обмене...

— Вы ошибаетесь, господин Санди, — возразил Шишел. — Кое-кто — был. Я в тот же вечер, когда возвращался из Стриткасла, завернул в «Хозяина ночи». Кабак такой, недалеко от городских ворот. А там как раз Ларри Брага сидел. Вы его, вероятно, не знаете. Так вот он потомственный специалист по силовым методам решения всяческих проблем. Хоть и крутой немерено, но с принципами. Работает в основном на Секача. Но к нему сильно не подмазывается. Умеет держаться сам по себе... В общем, мы с ним неплохо друг к другу относимся. Ну и поболтали немного за пивом. К тому моменту по городу уже всякие слухи пошли. Идиотические. Про то, что я чуть ли не на болотных разбойников засаду устроил и чуть не сотню их замочил... Ну вот Ларри у меня и поинтересовался: мол, от первого лица интересно бы выслушать, что там такого приключилось. Ну отчего не рассказать? Я и рассказал. И это рассказал, и то, что меч тут же и обменял у сэра Стрита на непонятную штуковину, мне и на фиг не нужную... Я же тогда не знал еще, что вот так вот все обернется... Ну, усидели мы с ним по паре кружек пива и разошлись. Так что... — Тут Шишел почесал за ухом. — Так что, — продолжил он, — к вечеру того дня уже несколько человек могли о мече знать. Секач — это уж почти точно... Вот потому я в толк и не могу взять, из-за чего Коннетабля грохнули. Из-за Джокера или из-за меча...

— Ну, — пожал плечами Кай Санди, — тут возможны варианты... Например, такой:

пришли за Джокером, не нашли, влипли в мокрое дело и сбежали с места происшествия. А в спешке забрали первый попавшийся предмет.

— Не вяжется, — подумав, бросил Шишел. — Меч ведь заперт был. И требовалось его из-под замка достать. Почему именно его?

За боковыми окнами потянулись окраинные, вовсе уж неказистые улочки Семи Городов. Впереди маячили вышки блокпоста Восточных ворот.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кай задумчиво отбарабанил нечто пальцами по рулю и попросил Шишела:

— А теперь, если можно, давайте все с этим связанное по порядку и в деталях.

* * *

Шишел был не прочь хоть кому-то выложить «все по порядку и в деталях». Тем более — Каю Санди. Единственному из «следаков», которому — в былые времена — удалось переиграть его. Он и выложил. И начал с того момента, когда затормозил перед поставленным поперек дороги «лендровером».

Впрочем, его рассказ (включая даже ответы на довольно заковыристые вопросы Кая) не занял много времени. И их беседа как-то плавно перетекла в русло рассказа Шишела о своем житье-бытье в Закрытом Мире.

А отношения Шишела с Закрытым Миром складывались непросто. И это принимая во внимание то, что он был в Мире этом фигурой легендарной. Одним из его первооткрывателей. Более того, именно он был первым «извозчиком», свозившим сюда, на Заразу, первые тысячи переселенцев, мечтавших начать новую жизнь в новом Мире. В таком, где каждый будет жить по законам справедливости, где не будет ни мафии, ни федералов. Ни... В общем, ничего такого, чего каждый из них боялся и ненавидел в своей жизни.

Ага, щасзз!

В том-то и состоит особенность рода человеческого, что все свои проблемы он носит повсюду с собой, как улитка свой домик. Внешние обстоятельства, а также воля престолов, парламентов и президентов способны изменить лишь немного в том, как устроена жизнь, которую люди всегда так страстно желают изменить к лучшему. Нет, вы не думайте, что изменить ее невозможно. Просто такие изменения почти никогда не соответствуют воле ни отдельных личностей, ни воле классов, социальных групп и народов. Ни всего Человечества в целом. Потом они, эти изменения и их причины, становятся совершенно ясны каждому. Обязательно только всегда после того, как они произойдут.

* * *

Шаленому Судьба предоставила возможность заглянуть в историю открытого не без его участия Мира. Причиной тому были сложные пространственно-временные отношения, которые связывали Привычную Вселенную (окрещенную здесь Старыми Мирами) и Закрытый Мир. Одной из особенностей этих отношений была неравномерность хода времени между двумя Мирами. Причем неравномерность непредсказуемая. Шаленый, как человек, несколько десятков раз пролетавший через Горловину, соединяющую Миры, в

наибольшей степени, пожалуй, ощутил влияние этой неравномерности. Побыв в Старых Мирах в общей сложности около шести лет, он в Закрытом Мире был словно машиной времени унесен — за время своего отсутствия — больше чем на полсотни лет «вниз по течению». А последний раз, свозив самую принцессу Фесту на Океанию (для прохождения очередного курса реювенилизации), Шишел обнаружил, что отсутствовали они в Закрытом Мире всего-то неполные две недели. Это при том, что успешно проведенный курс очередного возвращения молодости монаршей особе занял на Океании без малого полтора года.

Так или иначе, Шишел предоставил ломать голову над этой и еще многими другими загадками Закрытого Мира высоколобым теоретикам, а сам предавался размышлениям о вещах, более ему близких. В этот раз речь шла не о технике ограблений банков (это хобби ему почти не нужно было в его теперешних странствиях). И не о превосходстве настоящей «Смирновской» над джином «Бифитер».

Шишела довольно сильно тревожило то обстоятельство, что совершенно оригинальное социальное и политическое устройство, которым хотела наделить население Заразы Ее Высочество, на глазах у него превращалось в нечто аморфное и столь привычное для странника по Мирам Периферии. Сам Шишел за идеи принцессы Фесты не особенно и держался, но за нее саму и за всю когорту «болел». В большинстве своем это были хорошие и энергичные люди. Только — слегка чокнутые. К счастью, противоборство различных социальных идей здесь, на девственной, заросшей лесами планете, не приняло особо кровавых форм. Земли кругом было достаточно. Кто хотел — уходили на индивидуальные фермы, кто настаивал на идеях коллективного земледелия — основали довольно широкий спектр хозяйств, от горстки кибуцев до парочки агропромышленных комплексов, основанных на наемном труде. Аграрии худо-бедно кормили города, и все вместе героически боролись с белоксинтезирующим и другим — уже чисто промышленным производством пищевых продуктов. Те, конечно, не отличались ни вкусовыми качествами, ни большим разнообразием. Но стоили куда как дешевле. Города благополучно наращивали торговлю и промышленность. Сейчас города эти слились в комплекс Семи Городов. В общем-то в столицу довольно анархического государства. Однако, несмотря на противоречивые законы и на чрезмерное свободолюбие и изобретательность подданных Престола по части объезда этих законов по кривой, все постепенно становилось на Заразе «как у людей». Даже кое-какая наука наличествовала — в полудюжине мини-университетов монастырского типа.

* * *

По части устройства государства принцесса придерживалась взглядов, абсолютно противоположных собственным экономическим теориям. Она была твердо уверена, что толком управлять государством может только специально для этой цели выращенная аристократия. Во главе которой стоит потомственный, воспитанный в строгости специально на роль арбитра государственных разборок, просвещенный монарх. Притом монарх абсолютный. Непререкаемый. Неподвластный никаким конституциям и сводам законов. Которые бывают хороши сами по себе. Но временами должны посылаться к черту и дьяволу.

Вообще, по глубокому убеждению Фесты, на любом уровне власти слово «куратора» того же уровня (из аристократов, конечно) должно «перешибать» любые законы и

постановления избираемых для решения текущих вопросов «вполне серых демократических мышек».

Как видите, идее избираемой власти (если текущую работу по этой рутинной конституции будут осуществлять «серые мышки» и никогда при этом не вздумают соваться «свыше сапога») принцесса была не чужда. Точнее, идее нагрузить рутинной работой именно «избранных народа». Но только избранных не по территориальному или национальному признаку, а голосованием в цехах и гильдиях — по роду занятий. И по собственным, внутренним правилам этих объединений. «Сверху» задавалась только квота избираемых. Как правило, чисто по численности избирателей. Но иногда с поправкой на значимость данной категории избирателей. Те же, кто объединениями этими охвачен не был, вольны были создавать свои партии и фракции — типа клубов «по интересам».

Вся эта масса избранных учиняла парламенты, сельские и городские, и Большой Парламент и регулярно заседала, плодя законы и учреждая должности. Временами эта галиматья нарушалась кем-нибудь из кураторов от аристократии, который что-нибудь отменял или, наоборот, вводил. Исходя чаще всего из того, чего желала его левая нога. А иногда — из указаний Престола.

В общем-то эти идеи принцессы и ее единомышленников были воплощены в жизнь. Как ни странно, созданная система работала — ни шатко ни валко. Естественно, что почти все парламентарии были на ножах с кураторами и засыпали Престол жалобами на самоуправство и некомпетентность последних. Престол на эти стенания реагировал вяло. И чаще всего непредсказуемым образом.

В целом конечный результат, в который вылился весь этот политический эксперимент, содержал в себе много неожиданностей.

Сперва оказалось, что под рукой почти нет аристократов, которым можно было бы доверить дело управления государством. Ситуацию попытались исправить, пригласив на службу Престолу разбойное рыцарство с Парагеи и Дурун-Дана. Но вовремя остановились так как население чуть не подняло мятеж. После этого принцесса принялась возводить в дворянское звание только местных — преимущественно участников первых волн переселения из Старых Миров.

Аристократия же, которую принцесса железной рукой насаждала в первоначальные годы освоения Заразы, вдруг пошла по несколько неожиданному пути. Как-то само собой выяснилось, что вместо нормальных «силовых» министерств и ведомств законность и порядок на Заразе поддерживают самоучрежденные рыцарские Ордены. Причем поддерживают по своим правилам. Та дюжина из них, которая наиболее отличилась в этом деле, получила титул Доблестных Орденов.

Были еще и Ордены монашеские. Эти были учреждены переселившимися на Заразу последователями Церкви Учителя. Они оказались куда проворнее сторонников христианства, ислама и буддизма. Им удалось наберечь в свои ряды довольно много народу и взять под крыло своих Орденов многие области гражданской жизни — от школьного образования и медицины до винокурения и пивоваренного ремесла.

Ну и, конечно, нашла в Закрытом Мире свою нишу и мафия. Она, как известно, бессмертна. От людей Почтенного Общества со временем многое стало зависеть в Семи Городах.

Из здешних парламентов как-то сам собой главным стал не Большой (тот показал себя просто говорильней при Престоле), а Парламент Семи Городов. Учрежденная им Ратуша

претендовала на то, чтобы быть нормальным правительством всея Заразы. И в этом имела поддержку населения.

Обычным гражданам все-таки хотелось жить по-человечески.

Это, впрочем, не слишком пока получалось. Правда, в самих Семи Городах Доблестные Ордены потеснила Городская Стража. Стража была уже вполне нормальным полицейским управлением, формально законопослушным. Но от самого своего зарождения пронизана всеми пороками всех, пожалуй, таких вот управлений мира. От обыкновенной коррупции до не менее обыкновенного преступного разгильдяйства.

В общем, несмотря на некое своеобразие здешней жизни, она все больше и больше напоминала «такую, как у всех», жизнь обитателей Старых Миров. Шишел все чаще замечал, что им овладевает ностальгия по прошлым — героическим — годам освоения первопроходцами здешних чащоб, заросших неведомыми травами просторов и горных урочищ.

* * *

Впрочем, был фактор, который резко отличал Закрытый Мир от той Вселенной, что лежала за Горловиной. По крайней мере — от большинства Старых Миров.

Вся планетарная система, в которую входила Зараза, была сильнейшим образом «инфицирована» Магией Предтеч. Это обстоятельство обнаружилось не сразу. Оно не удивило, однако, людей сведущих. Ведь тот древний корабль, что открыл дорогу в этот Мир, был кораблем Предтеч. Корабль, найденный и выкопанный из тысячелетних напластований предком Фесты — Дедом всех Дедов — в заросших джунглями дебрях плато Капо-Квача на далекой, прозванной Малой колонией Квесте.

Возможно, из Закрытого Мира и явился в нашу Вселенную этот странный народ, оставивший свои удивительные следы в некоторых из Обитаемых Миров. Или, наоборот, именно в Закрытый Мир и ушел этот народ. Однако то, что было найдено в системе Заразы, во много раз превышало все находки, сделанные в Старых Мирах. Это-то обстоятельство и было причиной того, что в последних волнах иммигрантов на Заразу преобладали специалисты по Магии всех сортов и калибров. И они были не просто толпой любопытствовавших чудаков. Их все более и более бурная деятельность все сильнее изменяла ход событий на планете. И изменяла непредсказуемым образом.

Многих это беспокоило. На Магию и тех, кто связан с нею, смотрели косо. Но Ее Высочество к Магии благоволило. Собственно, с Магией и была связана вся ее жизнь во владениях Деда всех Дедов на Квесте. Так что и она сама в Магии кое-что смыслила. Магов и обиду Феста не давала. Однако она же лучше всех знала, сколь опасна Магия в руках профанов. Поэтому и издала кучу эдиктов, ограничивающих распространение предметов Магии среди своих подданных. Ввела институт менял, которым дозволено было посредничать в деле обмена. К сожалению, этим она только загнала обмен и использование в подполье. А контролировать любое подполье — дело достаточно трудное.

* * *

Как ни странно, несмотря на его известность и даже легендарность, лично Шишел был мало известен подавляющему большинству подданных Ее Высочества. Прошлая жизнь научила его не светиться в средствах массовой информации. Так что изображения его никто посторонний просто не мог видеть. Мало того, легенды и рассказы настолько сильно вращали, что образ его в народе очень мало напоминал реального Шишела, шкафоподобного и украшенного короткой и слегка поредевшей бородой-лопатой. Чаще всего довольно угрюмого и неразговорчивого. Профессиональные взломщики, даже на время забросившие свое ремесло, редко источают благодущие, и стремление пообщаться с первым встречным вовсе не бьет из них фонтаном.

Да, собственно, ему не так много приходилось болтаться по Семи Городам и окрест. До недавних пор — по крайней мере, до недавних пор. Его не так уж часто можно было найти и непосредственно на Заразе. По той же самой причине, которая делала его живой легендой. Он был не только в числе первооткрывателей Заразы, но и в числе тех, кто возглавлял и организовывал чуть ли не по всем Тридцати Трем Мирам Федерации движение за эмиграцию в Закрытый Мир.

Дело-то было нелегкое.

С Харура, например, народ стремился вырваться любой ценой куда угодно. Хоть к черту в глотку, но только не оставаться под властью Кривого Императора. Но вот Император тот и его силовые структуры придерживались на этот счет прямо противоположного мнения. Попытка покинуть не то что планету, но даже просто предписанные пределы проживания каралась смертью. Впрочем, Шишел не мог припомнить такого проступка, который на Харуре карался как-нибудь иначе.

А вот власти Террановы, наоборот, готовы были даже приплатить за каждого, кого агенты Закрытого Мира безвозвратно заберут в свои надзвездные края. Тем самым они рассчитывали избавиться от все более досаждавших и здешнему государству, и его гражданам «антиобщественных элементов». Только эти самые «элементы» вовсе не спешили переселяться с комфортабельной «курортной» планеты в суровый мир первопроходцев, переселенцев и беженцев.

Но в целом клиентов у эмиграционной службы хватало. Ведь, в конце концов, в жилах обитателей тридцати двух из Тридцати Трех Миров Федерации текла беспокойная кровь их предков — всех как один Переселенцев и Первопроходцев. И когда какой-нибудь оркестрик выдавал напоследок марш Переселенцев «Под чужие небеса», слушатели неизменно вставали и у половины из них слезы наворачивались на глаза.

Слава богу, пропускная способность канала эмиграции была не мала и не велика. А именно — «в самый раз». Всего десяток кораблей удалось переоборудовать организаторам кампании по заселению Закрытого Мира (по идее — нового и прекрасного). Теперь, в отличие от любых космических посудин, они могли повторить сделанное впервые кораблем Предтеч с Квесты. Они могли совершить прыжок через Горловину к Заразе. И вместимости каждого из них не превышала тысячи голов переселенцев. За первые десять с небольшим лет эмиграции каждый из кораблей, дослужив до полного износа, сделал примерно по сотне таких скачков. Не всякая кампания по заселению новых Миров могла похвастаться такими результатами.

То, какими методами было достигнуто финансовое обеспечение этой кампании, это... Это «отдельная поэма в десяти песнях», как любил выражаться в таких случаях Шишел. Лично свой вклад в добычу необходимых средств — в качестве специалиста в области

экзотической — оценивал как «скромный, но заметный». Конечно, при таком раскладе ему не приходилось светиться даже перед своими попутчиками. Единственное отступление от правил конспирации он допустил напоследок, когда «челночные» рейсы уже исчерпали свои возможности. Шишел «распропагандировал» и захватил на Заразу — в последних двух рейсах — немногим больше дюжины своих друзей из разных Миров. Он знал, что ему будет одиноко по ту сторону Горловины.

* * *

Подвиги Шишела вроде оценили по достоинству. Он был возведен при Дворе принцессы в ранг министра Двора по особым поручениям. Кроме того, удостоился почетного титула Друга Ее Высочества. Таких «друзей» при дворе было всего четверо: трое участников первого перелета и Лоуренс Арнольд, физик, разгадавший устройство корабля Предтеч, позволяющее теперь уже обычным «транспортникам» проходить через Горловину.

Шишел старался как мог. Но уже через год (и за два года до событий, о которых мы ведем речь) он попросил Фесту позволить ему удалиться от Престола. Крутые придворные горки укатали непривычного к атмосфере постоянных интриг Сивку. Разрешение было дано не без некоторой обиды. Однако на прощание Дмитрию было пожаловано дворянство, имение, достоинство рыцаря одного из Доблестных Орденов и право быть принятым Престолом без доклада.

Имение оказалось довольно скромным особняком с садиком, но Шишелу понравилось. У него с детства не было своего дома. Такого, в который можно возвратиться из странствий.

Должно быть, мысль о собственной постоянной бездомности больно кольнула Шишела, потому что, дойдя до этого места в своих воспоминаниях, он смолк и грустно уставился на пейзаж за окном. А пейзаж этот был представлен сейчас мерно скользившими куда-то вдаль волнами Долгой реки и палубными надстройками парома, который неспешно переправлял «Субару-Каприз» и ее пассажиров к Речному острову.

* * *

Доктор Рафаэль Фландерс устроился на острове неплохо. Речной был почти идеальным местом уединения и отдыха. На довольно большой, заросшей вековым лесом площади острова располагалось не больше десятка поместий. Сначала здесь мало кто селился, потому что далековато это было и непрестижно. А потом — потому что стало близко, престижно и очень дорого. Док умудрился проскользнуть в зазор между этими двумя эпохами и теперь пожинал вполне достойные плоды своей удачи.

Единственным недостатком Речного была популяция комаров, каким-то дурацким чудом завезенных сюда из Старых Миров. Все ультразвуковые пугала, электрические ловушки и сверхмощные репелленты были этим микровампирам практически безразличны. Помогали от них только старые верные полимерные сетки — сита, просеивающие теплый вечерний воздух.

Впрочем, до вечера было еще далеко, и комариная рать пока не тронулась в свой очередной разбойный рейд. Так что окна и двери в коттедже доктора Фландерса были

открыты настежь, а сам док в ожидании гостя сидел на вынесенном на веранду стуле и почитывал какие-то распечатки, горою сложенные сбоку на дощатом полу. Это был сухопарый, уже порядком седой и высушенный чужим солнцем мужчина. Коротко стриженный и одетый в джинсы и поношенный вельветовый пиджак с кожаными заплатами на локтях.

Узрев затормозивший у небольшой калитки, ведущей в его владения, кар, док отложил распечатки в сторону, поднялся на ноги и двинулся навстречу гостям. Гости и хозяин остановились у калитки.

Шишела ему представлять было не надо. Они пару раз виделись в придворных покоях. Но в те времена были, в общем-то, безразличны друг другу. А вот Кая пришлось представлять по всей форме.

— Господин аббат... — представил его Шишел. — Э-э... Филипп Шануа. Участвует в расследовании убийства Коннетабля Стрита. Он мой старый знакомый. Вы можете вполне положиться на него.

Лицо дока словно подернулось туманом.

— Я не рассчитывал на участие в нашей беседе третьих лиц... Я думал, что это условие вам ясно без слов...

— Если вы настаиваете, — сухо произнес «аббат», — я могу подождать в машине, пока вы будете беседовать тет-а-тет... Или, если вам будет угодно, вообще могу удалиться. Однако мне кажется, — что это не пойдет на пользу делу.

Целую минуту док Фландерс напряженно размышлял, пожевывая свои тонкие сухие губы. Потом он наконец пришел к какому-то решению и коротко бросил:

— Заходите, господа. Пройдемте в мой кабинет. Там разговаривать удобнее всего. Там все мои материалы, как говорится, под рукой.

— Минутку! — прогудел Шишел. — В наших разговорах будет участвовать еще один собеседник. Помогите только донести его до этого вашего кабинета.

Он вернулся к машине и отворил заднюю дверь. Заинтригованный док глянул на громоздящийся на сиденье короб и, по всей видимости, догадался, о чем идет речь. Не говоря ни слова, он принял участие в переноске неуклюжего груза в свой дом.

Кабинет Рафаэля Фландерса напоминал музейную экспозицию. Обычно пребывание в нем было равносильно хорошей лекции по космоархеологии. Даже, пожалуй, целому небольшому курсу таких лекций. Стены довольно просторной комнаты были от пола до потолка заставлены полками, на которых располагались самые разнообразные экспонаты.

Тут были и голограммы мест раскопок, и инструменты космоархеологов, и запрещенные к электронному копированию фолианты трудов коллег Фландерса со всех концов Обитаемого Космоса, и реконструкции сооружений, развалины которых были найдены на десятке планет (из многих сотен, посещенных людьми). И, конечно, здесь были и сами экспонаты. Немыслимо странные предметы, среди которых только опытный взгляд специалиста мог отделить явные предметы Магии — следы древнего пришествия Предтеч — от оружия и инструментов, доставшихся «космическим гробокопателям» от иных, гораздо более поздних цивилизаций.

Шишел подумал, что сам он не решился бы жить в одиночестве и уединении в доме, набитом таким редкостным хламом. Конечно, любой воришка на Заразе знал, что красть предметы Магии — значит искать худые приключения на свою голову. Но ведь были здесь ценности и не магические. Как, например, скафандр неведомого четырехрукого космонавта

с корабля неизвестной цивилизации, две тысячи лет назад потерпевшего бедствие в системе Фомальгаута. Или набор непонятных инструментов, похожий на готовальню, найденный в одном из затопленных городов на Планете Мидаса. Да и собрание книг и документов в одном только кабинете Фландерса тянуло на целое состояние.

Должно быть, грабители просто побаивались связываться с человеком, который собаку съел на Магии Предтеч. От такого типа можно было ожидать самой изощренной мести за покушение на его сокровища.

Одна из дверей кабинета была приоткрыта. Вела она в лабораторию, из которой струился мягкий свет люминесцентных панелей и слышалось мелодичное попискивание каких-то приборов.

Фландерс включил освещение, и в сумеречном кабинете стало немного уютнее. Казалось, что обступившие гостей диковины поспешно отступили подальше — в глубину своих полок.

— Поставьте это сюда, — распорядился док, очищая место на своем рабочем столе.

Шишел немного повозился с коробом, затем извлек из него и водрузил на стол свое недавнее приобретение. Джокер за время путешествия не стал менять свой образ. Это по-прежнему была уродливая пародия на настольный комп. Рядом с настоящим компьютером, украшавшим стол Фландерса, он смотрелся какой-то нарочитой и злой издевкой над своим соседом.

— Ага... — пробормотал Фландерс. — Понимаю... Не чем иным, как моим старым знакомым со Скимитары, это быть не может... Ххе! Старый дружище... — Он наклонился к столу и принялся внимательно рассматривать странного уродца. — Он по-прежнему остался пересмешником... — констатировал док. — Правда, похоже, что он чему-то научился за это время. Например, изображать буквы. Хотя и не очень хорошо... — Фландерс повернулся к Шишелу. — Ну и зачем вы привезли его сюда, ко мне? Надеюсь, вы не собираетесь просить меня забрать его у вас?

— Упаси вас бог! — замахал на него руками Шишел.

Он чуть было не обмолвился о том, что обладать Джокером стало делом смертельно опасным, но вовремя прикусил язык. С этой информацией стоило повременить.

— Да нет, — пояснил Шишел. — Не хотите вы эту штуку в хозяйстве иметь, ну и не надо. А вот посоветоваться с вами мне... нам очень даже надо. Уже потому, что похоже на то, что из-за этой штуки как раз Коннетабль Стрит богу душу и отдал...

— Ну, если вам нужен всего лишь мой совет...

Док пожал плечами и широким жестом указал гостям на кресла. Кресел в кабинете было с полдюжины. Все разношерстные и заваленные пыльными кипами распечаток и всякого другого бумажного хлама.

— Садитесь, садитесь, — подтвердил свое приглашение док. — В ногах правды нет, как говорят, кажется, ваши соотечественники, господин Шаленый. Сбросьте эти бумажки на пол. Не беспокойтесь.

Шишел не стал чиниться и, освободив ближайшее кресло от бумажного ига, опустил в него. Кресло жалобно скрипнуло. «Аббат» тут же последовал примеру Дмитрия.

— Ну, как говорится, «спрашивайте — отвечаю», — провозгласил Фландерс.

— Чем эта штука, — Шишел кивнул на Джокера, — опасна? Ведь вы же, док, всем советуете не то что с ней дело не иметь, а так даже и не интересоваться ею вовсе! Это вопрос не праздный. Вы уж поверьте.

— Верю, что не праздный, — согласился Фландерс. — Особенно для вас. Раз уж вам в руки эта вещь попала. Постараюсь на ваш вопрос ответить коротко. Я пришел к выводу, что Джокер — это робот, который может выполнять очень широкий набор функций. Он может заменить любую нашу автоматику. Может выполнить любую работу. И если мы раньше времени поймем его устройство и начнем изготавливать таких Джокеров тысячами, то очень скоро станем полными паразитами. Лишним звеном в производственной цепочке. А любая система стремится избавиться от лишних звеньев. Вы уловили мою мысль?

Шишел озадаченно уставился на дока.

— Робот... — пробормотал он. — Функций... Широкий набор... А если его самого обо всех этих делах спросить?

— А как вы это себе представляете? — усмехнулся Фландерс. — Как с ним разговаривать?

— А вы и не пробовали? — с деланным удивлением спросил Шишел. — А я вот попробовал его разговорить. И, знаете, получилось!

Фландерс уставился на него взглядом, которым обычно одаривают сумасшедших.

— Вы разговаривали с ним?

— Разговаривал маленько. Но испугался, — признался Шишел. — У меня с такими вот штуками отношения сложные.

Глава 9

БОГ ДОГАДОК

Фландерс установил перед Джокером видеокамеру и фиксировал каждый знак, возникший на экране «компа». После этого принялся отстукивать на непривычной клавиатуре вопросы. Джокер отвечал практически немедленно. Ответы возникали на слегка перекошенном экране молниеносно набегавшими строчками. Из-за непривычного вида букв читать эти строчки было иногда затруднительно, но уже через час-другой странные значки стали привычными и не отвлекали больше. Иногда был непонятен сам смысл ответа, но большей частью текст был грамотен и ясен, словно школьное сочинение туповатого отличника. За время пребывания на планете Джокер, видимо, времени не терял.

Кай Санди молча следил за работой Фландерса и почти не вмешивался в нее. Шишел заинтересованно сопел за спиной у доктора и время от времени то задавал вопросы, пытаясь разобраться в том, что же означает выдаваемый Джокером текст, то просил дока задать Джокеру какой-нибудь важный, по его мнению, вопрос.

Одним из первых таких вопросов был: «Есть ли у Джокеров враги?»

— Вам лучше уточнить ваш вопрос, — сухо посоветовал Фландерс. — Например, так: «Известна ли вам цивилизация, которая противодействует действиям Джокеров?»

«И посылает своих роботов уничтожать их, — торопливо добавил Шишел. — Или хотя бы тебя, Джокер, лично».

— Лучше не «тебя» — «вас», — заметил Фландерс, отстукал отредактированный вопрос, прочитал ответ и вдруг с озадаченным видом откинулся в кресле и уставился на Шишела. — Ведь вы неспроста спрашиваете об этом? — догадался он. — На это ведь есть какие-то причины? Я не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — вздохнул Дмитрий. — Тот, кого послали по его душу, бродит где-то здесь, рядом. И уже вышел на меня...

«С этого места — подробнее», — хотел было попросить Кай. Но попридержал себя. Он даже не смог бы сразу сформулировать, что остановило его.

* * *

Казалось, что дом 33 по Ботанической был набит людьми Пуделя, словно перезревший огурец семенами. А было-то их всего четверо. За несколько минут они перевернули все в доме вверх дном, ища следы наглых грабителей. Сыщики из них были никудышные. Единственной их находкой был покойник, изрешеченный из ручного пулемета в инкубаторе, и несколько бутылок неплохого самогона из кабинета Шведа. Теперь они продолжали без дела болтаться по дому, время от времени прикладываясь к спиртному и не обращая никакого внимания на измороженных хозяев. Допрашивать их было привилегией Пуделя.

Никто из них и не подумал оказать потерпевшим хоть какую-то помощь. Слегка оклемавшийся Швед сам, как мог, перебинтовал истекающего кровью Мутти и ввел ему фиксатор — слава богу, такая редкость у него в аптечке имелась. Коста сидел на диване, держась за голову. Янек — с рассеченным лбом и всеми признаками сотрясения мозга — выглядел не многим лучше.

Все трое ощущали себя не то пострадавшими, не то, наоборот, виновниками происшедшего. По каковой причине и пребывали в состоянии тягостного ожидания. И ожидание это тянулось и тянулось.

В кармане у одного из людей Пуделя залился трелью сигнал мобильного. Тот торопливо поднес трубку к уху, выслушал нечто короткое и энергичное, сразу приобрел собранный и деловитый вид и вернул трубку в карман.

— Кончаем сосать бухло! — распорядился он, обращаясь к трем своим партнерам. — Шеф сейчас будет здесь. И будет в очень фиговом настроении. Поэтому подумайте, что мы ему скажем...

* * *

Действительно, не прошло и десяти минут, как перед домом на Ботанической лихо припарковался кар Пуделя «Порше Кентавр», сделанный по индивидуальному заказу где-то в Старых Мирах для кого-то очень богатого. Как это чудо автомобилестроения занесло сюда, на Заразу, оставалось только гадать.

Из кара резко, как чертик из коробки, выскочил Каба и открыл дверцу салона перед Пуделем. Тот, не глядя по сторонам, стремительным шагом двинулся ко входу в здание. Двое из ожидавших его боевиков скатились вниз по лестнице и еле успели отворить перед ним входную дверь.

Взгляд шефа был, как всегда, мутен и безумен. Но сейчас ярость, наполнявшая Пуделя, сделала его взгляд просто испепеляющим всех, на кого он был направлен.

— Где эти недоумки? — спросил Пудель, продолжая глядеть в пространство перед собой.

— Здесь, наверху, — торопливо доложил тот из бандитов, что был тут за старшего.

Пудель все тем же быстрым шагом взбежал по лестнице и вошел в гостиную, где на сдвинутых в ряд креслах сидели, понурясь, трое драконоводов. Четвертый, Мутти, был устроен в горизонтальной позиции на диване. Он был без сознания.

— Кладка? — коротко спросил Пудель.

— Они говорят, — кивнул «старший» на драконоводов, — что гады унесли ее. Всю.

— Это правда?!

Пудель резко повернулся к Шведу.

Тот развел руками:

— Правда. Мы ничего не могли поделать... Мы же не десантники...

— Деньги? — снова задал вопрос Лакост.

— И деньги они забрали тоже... — с тяжелым вздохом ответил Швед. — Я же говорю — мы ничего не смогли поделать...

— Еще как могли!!! — не своим голосом заорал Пудель. — Прежде всего, вы могли не открывать вашу чудесную бронированную дверь кому попало! Зачем у вас установлено это украшение? И решетка. А ко всему этому — камеры и сигнализация?

— Так мы же его считали за своего... — стал уныло оправдываться Швед. — Никому и в голову не приходило, что он наводчик. И вообще — бандит.

Пудель неприязненно поморщился.

— О ком это ты? — заинтересовался он. — Какой наводчик?

— О Чувырле! — с досадой в голосе объяснил Швед. — О Максе Чумацком!

Стоило ему чуть повысить голос, и голова у него снова начала раскалываться. Он мучительно скривился и обхватил ее руками.

На Пуделя это не произвело никакого впечатления. Он повернулся к своим подручным:

— Вы поняли, кого надо достать из-под земли в первую очередь?

Те — нестройным хором — заверили его в том, что тут и понимать нечего. Ясное дело — гада Чувырлу.

Не слушая их, Пудель резко повернулся снова к Шведу.

— Кончай кривляться! — прошипел он. — При чем здесь Макс? Какое он отношение к вам-то имел? Это же полное дерьмо! Он же «толкач». Пушер. Вы что, его сюда пускали? Наркотой баловались, идиоты?

— Я — никогда! — простонал мучимый головной болью Швед. — Ребята иногда смолили «грезничек». И ничего из «тяжелой артиллерии». А эта сволочь «грезник» сюда таскала чуть ли не задарма. То в долг, то в кредит, то по бросовой цене... Я чувствовал, что не так что-то, но уж больно безобидным он казался.

— Значит, он сюда, к вам, дверь пинком открывал? — ядовито умозаклучил Пудель.

— Ну, в общем, был вхож, — определил Швед. — Ну и в этот раз он думал, что мы его «на раз» впустим. Но именно в этот раз открывать не стали, потому что и деньги и кладка у нас уже наготове были. К выносу. И мы не хотели впускать никого постороннего. Да и не впустили бы. Точно. Все же не полные мы идиоты.

— И как же тогда эти мрази сюда просочились? — задал вполне логичный вопрос мсье Лакост.

— Коста, расскажи! — попросил Швед. — У меня голова раскалывается!

Морщась от боли, он скорчился в кресле и, тихо постанывая, стал раскачиваться из стороны в сторону.

— Они пригрозили пристрелить Мутти, — пояснил Коста. — И нам пришлось отворить... Мутти... Он отправился поговорить с Чувырлой. Через решетку... Но...

— И что же? — резко оборвал его сбивчивые объяснения Пудель. — Этот ваш Мутти так и стоял, разинув варежку, и спокойно ждал, когда из него сделают решето?

— Да не стоял он! — тяжело вздохнул Коста. Говорил он, тоже морщась от усилия, которое приходилось для этого прилагать. — Не стоял, — продолжил он, с трудом ворочая языком. — А вовсе лежал. Без сознания. Он, наверное, повел себя неосторожно. Слишком близко к решетке подошел... Не знаю уж, что там вышло между ним и Чувырлой, но только Мутти был уже, как говорится, «вне игры». Но позвать на помощь он все-таки успел.

— И вы спокойно открыли двери этим мразям? Не догадались сразу же позвонить мне и потянуть время?

— У нас времени не было на размышления, — пожал плечами Коста. — Они начали Мутти разносить на части. Мы пытались отстреливаться.

Он кивнул на сваленные в углу арбалеты. Лицо Лакоста исказила мина глубочайшего презрения.

— Вы бы еще мухобойками с ними сражались! Ладно. Кого-нибудь кроме вашего дружка-пушера вы узнали?

— Так Янек одного из этих сволочей напрочь завалил, — почти огрызнулся Коста. — Из его же, сволочи этой, собственной пушки, кстати сказать. Так что не одними мухобойками мы воевали. Можете на него полюбоваться. — Он кивнул в сторону

коридора. — Там... Может, вы или ваши люди и знают покойничка. Вы бы его, если не затруднит, забрали, что ли, от нас. А то не подарок все-таки..... А я, кроме Макса, лично никого из этой остальной тройки в глаза не видел. И даже запомнить их морды не успел. Все очень быстро разворачивалось.

Пудель задумчиво покачал курчавой головой. Потом скосил глаза на того из своих подручных, кто проходил в его отсутствие за старшего.

— Жозеф, ты посмотрел на того малого, которого прикончили наши животноводы? Судя по всему, идиот редкостный. Это ж надо — под собственные пули подставиться!

— Посмотрел, — буркнул Жозеф. — Это не материал для опознания. Это месиво какое-то. Родная мама и то не узнает. Какой-то «залетный», может быть... А может, и местный... А остальных эти друзья — сами слышали — даже запомнить не успели.

— Фигня! Полная! — определил Пудель. — Они из тех, кто здесь хорошо знает обстановку. И знает Макса Чумацки. Надо найти его — это я про Чувырлу — раньше, чем нам останется на память только его труп! Кстати, о трупах. Того, что завалили эти друзья.. Его неплохо было бы все-таки опознать. С этим покойничком нужно деликатно подъехать к кому-то из наших людей в охране. Ну там дактилоскопия, ДНК и все такое. Может, он у них в базе данных найдется?

— Это я беру на себя, — заверил шефа Жозеф. Лакост задумчиво взглянул на него и кивнул в знак согласия.

— Вот что, — продолжил он. — Ты, Жози, конечно, свяжись с нашими людьми в Городской Страже, и пусть они еще тебе дадут фотки всех здешних «авторитетов». Я почти всех их знаю мордально. Может, наши животноводы хоть кого-то все-таки опознают. А их самих...

Он кивнул в сторону инвалидной команды драконоводов и сделал выразительную паузу. Трое пребывавших в сознании пострадавших тревожно напряглись. Решение Пуделя вполне могло стать для них роковым.

— Этих чудаков свезите к доктору Фросту. Пусть подлатает их. Никто не должен засечь, что здесь был налет и смертоубийство. И вообще — никаких посторонних здесь быть не должно. Все помещения возьмите под замок и оставьте не менее двух парней, пусть здесь караулят.

Док Фрост был бессменным доверенным лицом половины криминальных сообществ Семи Городов. В тех случаях, когда не стоило ставить в известность Городскую Стражу о том, что кто-то обратился к профессиональному медику за помощью, обращаться следовало в первую очередь к людям дока. Если вам, конечно, был известен хоть один из них. Официально медицинскими учреждениями три клиники, оборудованные по всем критериям «Скорой помощи», принадлежавшие Алексису Фросту, не считались. Они были зарегистрированы всего лишь как «пансионы». Пансионы для уставших от жизни и желающих немного отдохнуть деловых людей. Только и всего. Ни Городской Страже, ни Доблестным Орденам на их территории делать было абсолютно нечего. Люди устали и хорошо заплатили за свой отдых. Ну при чем тут криминал?

Жозеф со товарищи не заставили себя долго ждать. Всех четверых драконоводов самым решительным и поспешным образом вытащили на задний двор и без лишнего шума забросили в кузов заблаговременно подогнанного фургончика. Двое сели в кабину вместе с пострадавшими, двое вернулись в дом и заняли позиции у обеих входных дверей. Фургончик плавно отчалил в направлении ближайшего «пансиона».

Пудель, стоя у окна, проводил его взглядом затуманенных бешенством желтоватых глаз. Потом повернулся к своему секретарю-телохранителю. Тот почтительно помалкивал и ел шефа глазами. Лакост просто не смог не излить на него переполнявшие его бездны гнева и желчи. Выдерживать подобные вспышки гнева было профессиональной обязанностью Кабы. Собственно, за это он и получал свою зарплату. Впрочем, сегодня его шеф был лаконичен и явно не намерен был разыгрывать перед единственным своим зрителем красочных спектаклей. Он по-настоящему пребывал в бешенстве.

— Это не просто грабеж! — медленно, почти по слогам, произнес Лакост. — Это плевков в лицо. Вы понимаете это? Вы понимаете, в лицо кому это плевков?

— Это плевков в лицо вам, господин Лакост! — с готовностью согласился с ним Каба. — И не только. Это — плевков в лицо всем нам.

— А как я поступаю с теми, кто плюет мне в лицо? — задал следующий и заключительный вопрос Пудель.

— Они умрут, — уверенно ответил Каба. — И умрут плохой смертью!

* * *

Ларри не слишком торопился объявиться в «Скифе». Он, в общем-то, неплохо относился к Гринни. И считал, что парень хоть и сам виноват в том, что обмишурился, но и обошлись с ним несправедливо. Так что давить на него ему не хотелось. Поэтому он дошел до заведения Джимми Хикса прогулочным шагом, прикидывая на ходу, по какому сценарию может сложиться разговор и как, собственно, поставить себя при разных раскладах ситуации.

Еще не войдя в расписанные то ли рунами, то ли еще какой-то мистической ерундой двери «Скифа», он понял, что дело ему предстоит посложнее, чем он предполагал. В обоих небольших залах заведения царила тишина. Разве что поскрипывал бокал, который заботливо и бессмысленно протирал бармен Пол Уини — второй после Джимми Хикса в «Скифе» человек. Он же, впрочем, и последний. Он был просто таким же элементом декора бара, как и сработанное «под старину» фортепьяно. С остальными функциями обслуживания бара вполне справлялась менее экзотическая автоматика.

Ларри невозмутимо осмотрелся по сторонам, вдохнул тающий в воздухе, уже почти уловимый аромат «грезника» и причалил к стойке.

— Как всегда, двойной «Грант»? — уточнил Пол. Ларри с сомнением покачал головой:

— Пинту темного.

— Что, «при исполнении»? — безразличным голосом поинтересовался бармен, артистически нацеживая Ларри его «темное».

Тот благодарно pokrивил губы, словно не расслышав вопроса, и, как бы невзначай, бросил:

— И еще, как насчет того, куда отправился Гриша Звонков и его приятели? Они ведь здесь слегка куролесили с утра? По домам отправились?

Ответом ему было слегка затянувшееся молчание. Пол взял со стойки еще один, кристально чистый, бокал и принялся рассматривать его так, словно был Шерлоком Холмсом и всерьез рассчитывал обнаружить на его поверхности отпечатки пальцев профессора Мориарти.

— Кабы так... — вздохнул Пол. — Ребятишки доигрались... Да и нас со стариной Хиксом, похоже, под монастырь подвели.

— Мм?.. — неопределенно-удивленно произнес Ларри, отхлебывая из стакана.

Ему как-то не представлялся пьяный дебош с участием Гринни, Тимми, Сяна и их общей подружки Микаэллы. Он был не то что дружен с этой компанией, но в общем-то симпатизировал этим ребятам, отчаянно барахтающимся в океане непростой жизни Семи Городов. То, что они любили повеселиться, вовсе не означало, что они склонны к хулиганским выходкам.

* * *

Пол помолчал немного и пояснил:

— Ребята подразжились деньжатами — должно быть, продали какому-нибудь лопуху городскую ратушу или мост через Залив. Ну и устроили по этому поводу пир на весь мир. Все бы хорошо, только вот Сяну не стоило закуривать «грезник»...

— Мм?.. — снова озадаченно протянул Ларри.

Сам он «грезником» не увлекался, но любителей этого курива за опасных типов не считал. Скорее наоборот — в большинстве своем то были люди тихие и слегка блаженные. Если они и досаждали кому-то, так только своей склонностью поболтать о сновидениях, навеванных сладковатым дымком этой травки. Агрессию «грезник» гасил. Тягу к алкоголю постепенно отбивал. И, ввиду того, что на здешних почвах рос хорошо и был доступен любому, цены на него были вполне умеренными.

Любителям этого зелья не приходилось выходить на большую дорогу, чтобы грабежом добыть денег на покупку очередной дюжины самокруток. Тем более что, в отличие от пристрастившихся к каннабису или героину, поклонники «грезника» не слишком страдали, если приходилось долго обходиться без него. Не более, чем поклонники «пепси», лишенные своего любимого напитка. Обкуриться «грезником» до смерти было практически невозможно. Многие медики считали даже, что он обладает определенным целебным свойством.

Почему принцессе попала шлея под хвост и она издала прегрозный эдикт, в котором к ряду подлежащих запрету «тяжелых» наркотиков был причислен и «грезник», было одному богу известно. Скорее всего, это был перегиб, вызванный реакцией на эпоху не слишком удавшихся экспериментов с легализацией любой наркоты. А может, Ее Высочество просто не любила тихих и блаженных.

* * *

Ларри подкрепил свое «мм?..» недоуменным взглядом поверх стакана. Пол пожал плечами.

— Понимаешь, я, вообще, как-то не замечал, чтобы Сян баловался «грезником». А сейчас вот он попробовал, и ему понравилось. Когда сны наяву ему перестали видаться, он захотел выкурить еще самокруточку. Ну, ты его знаешь: он скорее умрет, чем у кого-то одолжится. А у друзей, как известно, такие вещи не принято покупать за деньги. И вместо

того чтобы сообразить, что дюжину сигареток можно приобрести прямо у старины Уини, он отправился на перекресток. И приобрел курево у парня, который делал вид, что торгует самым обыкновенным табачком.

Пока что Ларри не видел в действиях Сяна ничего особо опасного. «Грезником» можно было отовариться прямо под носом у офицера Городской Стражи. В Ратуше смотрели на торговлю этим зельем откровенно сквозь пальцы. Отчасти это была фронда по отношению к Престолу (который «вечно лезет не в свое дело»). Отчасти — простой результат того, что сами городские власти состояли в доле в этом бизнесе. Так что Ларри только пожал плечами.

Пол понял это недоуменное пожатие и кивнул.

— Понимаешь, — объяснил он, — вот есть люди, которые никогда никаких законов принципиально не нарушают и очень этим гордятся. Сян — как раз из таких. А как такой человек захочет нарушить какой-нибудь пустяковенький закончик, на который все нормальные люди и внимания-то никогда не обращают, так тут же и вляпается в полнейшее дерьмо. Причем обязательно на полную катушку, заметь. С Сяном именно так и получилось.

— Ему подсунули какую-то дрянь, и он «загремел»? — предположил Ларри.

— Немного не так, — покачал головой Пол. — Торговец, видно, был «на крючке» у Ордена Порядка. Где-то поблизости господа рыцари сшивались. Или в камеру подглядывали. Ларри присвистнул.

И было от чего. Преданный Престолу, как и все прочие Ордены, Орден Порядка был не ножах с городским самоуправлением. Рыцари Ордена видели в Ратуше гнездо коррупции и беззакония. (Вообще-то, для этого имелись основания.) Поэтому, для того чтобы продемонстрировать порочность городских властей, были все способы хороши. В частности — борьба с торговлей невинным «грезником». Раскрыть очередной случай такого прегрешения было легче, чем отобрать у малыша леденец. Ввиду достаточной малочисленности Ордена, напороться на его рыцарей не опасался никто. Но это было опасным заблуждением.

* * *

— В другой раз все бы обошлось, — философски заметил Пол. — Но, после того как одного Коннетабля замочили, а второго — похитили и отделали как бог черепаху, все Ордены словно с цепи сорвались. Подняли на ноги всех господ рыцарей. И занялись любимым делом — не в свои дела лезть. Вместо того чтобы по-настоящему убийцев ловить.

— Их схапали на месте? — поинтересовался Ларри. — Или...

— Или, — кивнул Пол. — Вот именно что «или»! Я так себе это представляю: увидели рыцари, что основательно пьяненький китаец покупает у уличного барыги запретный товар, и решили, что «клиент» направится сейчас не иначе как в какое-нибудь гнездо порока. И — чем черт не шутит, в таком гнезде может обнаружиться кто-нибудь, замешанный в «деле двух Коннетаблей».

Ларри скептически склонил голову набок. Угадать намерения «господ рыцарей» было делом трудным.

— В общем, — перешел к кульминации своего рассказа Пол, — судя по всему, Сяна проследили прямо от прилавка и до «Скифа». Бедняга ничего не заметил. Но, как только он

вошел в нашу дверь, за ним вломились полдюжины орденских рыцарей. А тут — дым коромыслом! В буквальном смысле. От «грезника» дым — хоть топор вешай. И веселье в разгаре. Кто песни орет, кто — впрыскаду скачет... Ребята угощают! И сами кто во что горазд. Гринни, например, лежал на фортепьяно — вот на этом, — Пол показал на инструмент. — Сверху, на крышке. И оттуда барабанил по клавишам. Музыкально очень, надо признать. А Элли их — в уголку грустила. И что-то свое тренькала на банджо. Не спрашивай, откуда у нее взялось банджо. Когда они пришли, никакого банджо у нее не было. А потом появилось. Кто-то со стороны одолжил.

— И всех повязали... — уныло констатировал Ларри.

— Именно что — всех, — утвердительно кивнул Пол. — И меня — тоже. Тут — ничего не попишешь. Господам рыцарям разрешено носить огнестрельное оружие. И, уж поверь мне, этим разрешением не пренебрегли. Я, надо сказать, совсем загрустил. Потому что следующим номером был бы, ясное дело, обыск. А, сам понимаешь, у нас тут, в «Скифе», много чего найти можно.

— Неужели тебе удалось от орденских откупиться? — задал Ларри чисто риторический вопрос.

— От них откупишься... — криво усмехнулся Пол. — По-другому дело сложилось. Как говорится, «действие второе». Те же и Городская Стража. Тоже бригада не слабая. Тоже вламываются. И начинают с орденскими из-за нас торговаться. Меня лично их капитан Карцев — знаешь такого? — у орденцев таки отбил. Аргумент у него был достаточно веский: именно тот факт, что клиент «Скифа» покупал «грезник» у уличного пушера, как раз и свидетельствует о том, что в «Скифе» «грезником» не торгуют. Следовательно, ко мне претензий на этот счет быть не может! И для обыска без ордера никаких оснований нет! Во как! А то, что клиенты обкурены, это всего лишь нарушение административное, а не уголовное! Халатное отношение к правилам содержания баров, кафе и ресторанов. Так что я — вольной птичкой вылетел на волю. При этом капитан мне ясно намекнул — вслед, так сказать, — что я обязан ему по гроб жизни. Как будто он хоть раз расплатился со мной и со стариной Хиксом за все то, чего выпил и наел в «Скифе» «в долг»... Так что кто кому должен, это, знаешь — вопрос... Учитывая, что главный из орденцев мне тоже кое-что пообещал. Он, кстати, представиться не удосужился. Так вот, обещал он, что лично проконтролирует, чтобы нас лицензии лишили...

Ларри задумчиво посмотрел в потолок. Потом — кисло улыбнулся:

— В общем, вы друг с другом, считай, в расчете, сейчас. Знаю я Господина капитана. Он своего не упустит. А куда ребят уволокли?

Пол пожал плечами:

— Орденцы их Страже не отдали. Значит, ребята до утра в «Доме Теней».

Ларри скривился, как от зубной боли. «Дом Теней» — тюрьма Ордена Порядка — был ему не позубам. Ни ему, ни даже Секачу. Вообще, способов воздействовать на орденский народ было очень немного, и все они требовали связей при Дворе принцессы. Ларри не был достаточно хорошо знаком хоть с кем-то, кто такими связями обладал.

Пол сочувственно посмотрел на него и успокоил:

— Это всё ерунда. Легкий испуг. Если испуг вообще. Главные неприятности у нас с Хиксом. Лицензия на содержание бара — это тебе не депутатский мандат. Она куда дороже обходится. И гораздо к большему, честно скажу тебе, обязывает.

Он взял с полки очередной бокал и озабочился его девственной чистотой.

— Скажу тебе, что я на этот счет думаю, — продолжил бармен. — Что касается ребят, если они поведут себя правильно, то где на них господа рыцари сядут, точно там они с них и слезут. Если, конечно, не докопаются до чего-то серьезного. А пока любой, самый задрипанный адвокатишко добьется их освобождения под залог не позже завтрашнего восхода. Если господа рыцари не хотят грандиозного скандала. А они его, думаю, не хотят. Продажу наркоты орденцы смогут навесить только тому пушеру, с которым имел дело Сян. Если, конечно, он вообще не был их собственным штатным провокатором. А что до Тимми с компанией, то им светит только статья о «поведении, оскорбляющем общественную мораль путем приобретения и употребления наркосодержащих препаратов». Она содержания под арестом до суда не предусматривает, если нетотягчающих обстоятельств. Причем, если надо, я клятвенно засвидетельствую, что во всех случаях, кроме, конечно, с Сяном, никакого приобретения не было. Кто-то — не знаю кто — приволок и раздавал. Для рекламы товара, наверное. А когда до прокурора и присяжных дойдет, что речь идет всего лишь о мягком «грезничке», который любой из них пробовал хоть разок, то они все там помрут со смеху и если и вынесут приговор вообще, то только что-нибудь вроде «общественного порицания».

— Ну что ж, утешил ты меня, — признал Ларри.

Но большой радости в его голосе не слышалось. Как-никак компания Тимми разом откуда-то добыла неплохие денежки. Возможно, кто-то горько плачет. В «Доме Теней», скорее всего, сильно заинтересуются происхождением средств, на которые веселилась честная компания. И кто знает, что тогда всплывет на поверхность? Секач может и не увидеть своих денежек — тех, что задолжал ему Гринни. И крайним в этой истории окажется, пожалуй, он, Ларри Брага. Ведь и вправду он мог быть порасторопнее.

Дойдя в своих рассуждениях до этого места, он не стал делиться своей тревогой с Полом, а только мрачно бросил:

— Хорошо, если так. Я имею в виду — хорошо, если ребята поведут себя правильно. Вызовут адвоката и запрут рты на замок.

Пол с сомнением посмотрел ему в глаза:

— Я, конечно, лезу не в свое дело, но... Ты почему спрашивал про Гринни? Не из пустого же интереса?

— Не волнуйся, — с невеселой улыбкой отозвался Ларри. — Если, как ты говоришь, ребята поведут себя правильно, то у меня с ними отношения не испортятся. — Он откашлялся и добавил: — Ну, мне, кажется, пора...

— Двойной «Грант» на дорожку? — предложил Пол. Ларри покачал головой:

— Лучше повтори мне темное.

* * *

Максу Чумацки было не по себе. И дело было не только в том, что под пластырем зудело. Он даже не корой больших полушарий, а скорее уж спинным мозгом понимал, что в провернутом столь неудачно дельце затаилась нешуточная для него опасность. Мало того что на него пала густая тень подозрения в двурушничестве, так ведь было и еще что-то. Что-то такое, что он сперва затруднялся вычислить. А когда вычислил — похолодел. И так вот, чуть ли не покрывшись инеем, и сидел в углу офиса Билли, молчаливо созерцая происходящее.

А происходила там сдача рапортов, отправленных во все концы Семи Городов доверенных людей Билли. Доверенные люди постарались как могли. Всю криминальную шантрапу допрашивали так, что пух да перья летели. Но результатов было ровным счетом ноль целых, ноль десятых. Никто нигде ничего не замечал. Никто слыхом не слыхивал о том, что кто-то собирался устраивать налет на «контору» Буффало Билла. Тем более никто ничего не знал о магических мечях — кроме того, разумеется, что до недавней поры ими владели лихие братья Хого и Фого.

По этой причине Билли пребывал в мрачайшем состоянии духа, и рапортующие вылетали из офиса со скоростью пушечного ядра. Когда этот номер проделал последний из рапортовавших — золотушного вида малый по кличке Живописец, в офисе остались только Билли, Шустрик и Чувырла. Двое первых наконец обратили внимание на третьего и недоуменно уставились на него.

— Макс, — суконным голосом осведомился Билли, — ты, часом, не перебрал «грезничка»? Ты помнишь, что я тебя не просил оставаться здесь до следующего утра?

Чувырла сокрушенно покачал головой.

— Знаешь, Билли... — выдавил он из себя. — Я таки не пойму: почему ты не дал нам замочить этих чертовых зоологов? Ведь они знают меня в лицо... Да, может, и кого-нибудь еще из нас тоже.

— Ты дурень, Макс! — уведомил его Шустрик. — Неужели ты не чувствуешь разницу? Сейчас ни один из этих дурней и не подумает сунуться ни в Орден Порядка, ни в Городскую Стажу. Потому что им за их занятия светят годочков по десять каторжных работ. К тому же на них, а не на нас — одна полноценная мокруха. Они сейчас тише воды и ниже травы. Еще и раскланиваться будут, если встретят на улице. А если б нам удалось сохранить денежки и добычу, то только бы нас и видели в Семи Городах. Есть места и получше, где можно с умом потратить денежки. На Северном побережье, например. Там строительный бизнес в разгаре. А если бы мочилово им устроили, то уж этого никак скрыть не удалось бы. И все легавые окрест землю бы носом рыли, чтобы нас ущучить. Тебе, это понятно?

— Понятно, — дребезжащим голосом отозвался Чувырла. — В Городскую-то Стражу они, конечно, не побегут жаловаться. И в Орден — тоже. А вот к кому-нибудь типа Секача — запросто. И даже не они сами, а тот, кто их спонсирует... Пообещает отстегнуть половину от дохода, если тот ему поможет денежки и кладку вернуть, так тот всех своих собак на нас и спустит... А нам сейчас даже и откупиться, на мировую пойти — нечем...

Физиономия Шустрика омрачилась.

— Где же ты с этими умными мыслями раньше был, Макс? — со злобой в голосе спросил он. — Ты же всю дорогу уверял, что твои драконоводы — просто божьи одуванчики!

Билли тоже повернулся к Чувырле и вперил в него задумчивый взгляд. Ничего хорошего этот взгляд не предвещал. Неизвестно, к какому бы решению пришел Билли, если бы кто-то деликатно — условленные четыре раза — не надавил на сенсор входной двери.

— Входи, не заперто! — гаркнул Билли невидимому за толстым матовым стеклом посетителю.

Тот не замедлил просочиться в офис. Именно — просочиться. Деликатнейший член адвокатской коллегии Семи Городов Олли Греф был именно таков в своих манерах. Он просачивался, обтекал, обаял и очаровывал. Даже недоуменный взгляд, который он бросил на грубо взломанный замок входной двери офиса Билли, был полон величайшего сочувствия.

Олли охотно выполнял все деликатные поручения, которые перепали ему время от времени от его бывших клиентов из теневого мира Семи Городов. И плату за это брал умеренную.

— Ну и как? — довольно грубо осведомился у него Билли.

На крючок деликатности он не клевал.

Олли бросил вопросительный взгляд на продавленное кресло «для посетителей», придвинутое к столу Билли. Тот, однако, и не думал приглашать посетителя присесть. Он продолжал требовательно смотреть на адвоката.

— Вы полдня проваландались, чтобы только один толковый вопрос и задать Шишелу! — зло сказал он. — Вы хотя бы его видели?

— Мне не хотелось воспользоваться для этого разговора телефоном... Шаленый, видите ли, с утра был в отъезде, — пояснил Олли. — За городом. Он сейчас чрезвычайно занятой человек. Его включили в Комитет Мстителей. Имеется в виду мщение за смерть Коннетабля Стрита. Это имеет значение в связи с тем, что...

— Не клепай мне мозги! — поморщился Билли, переходя на «ты». — Меня эти дохлые Коннетабли не колышут. Хотя бы всех их перестреляли! Меня меч волнует!

— Мне только полчаса тому назад удалось переговорить с Шаленым, — торопливо сообщил адвокат. — К сожалению, нынешний владелец меча неизвестен. Шаленый, надо вам сказать, весьма неохотно говорил на эту тему. Он очень хотел узнать, кто именно интересуется мечом Ньюмена... Я, разумеется, не...

— Короче! — раздраженно бросил Билли.

— Шаленый признал, что завладел мечом Фога в качестве трофея... Но в тот же день обменял его на какую-то диковину. Владельцем меча стал именно Коннетабль Стрит.

Билли удивленно заломил бровь.

— Но, к сожалению, — продолжил адвокат, — после трагической гибели Коннетабля среди его вещей меч Ньюмена обнаружен не был. Что до Хого, то он просто не появлялся в Семи Городах за последние несколько суток. И нет никаких оснований думать, что он уступил свой меч кому-либо. Если он жив, конечно. — Адвокат выпрямился, развел руками и доверительно добавил: — Если вас интересует мое мнение...

Билли ничем не выразил своего отношения к мнению адвоката. Тот, однако, продолжил:

— Если вас интересует мое мнение, то скажу вам цитатой из классики: «Кто шляпку спер, тот и тетку уколошил!»

Билли вряд ли когда-либо читал пьесу Бернарда Шоу, но смысл иносказания понял.

— Вот что... — мрачно произнес он, вставая из-за стола и направляясь к сейфу. — Постоянно держи меня в курсе их розысков. Если нарисуются те, кто Стрита ухлопал, я первый должен узнать об этом! Не комиссар Городской Стражи. Не Коннетабль Ордена Порядка, а я! Это понятно?

— Понятно, — заверил адвокат.

Билли отпер сейф, достал из него пачку купюр, отсчитал несколько и протянул адвокату:

— Это за сегодняшнюю работу, а это, — он отмусолил еще пару сотен «пернатых», — за то, что ты дашь знать, как только в деле с Коннетаблем какой-то след обозначится. Все, свободен.

Олли Греф был необидчив и не стал долго задерживаться в «конторе» Билли.

Тот долго смотрел на закрывшуюся за адвокатом дверь тяжелым, свинцовым взглядом. Шустрик не решался первым прервать затянувшееся молчание. Чувырла втянул голову в плечи и старался сделать вид, что его здесь нет. Билли даже не смотрел на них.

— Да... Ну и на жохов мы нарвались! — мрачно констатировал он. — Грохнули Коннетабля и отправились нас дрючить... Артисты! Вот что, — повернулся он к Шустрику. — Общий сбор через два часа. Будем что-то решать.

* * *

Ведомство его преосвященства Люстига предоставило прибывшему из длительной командировки аббату Филиппу Шануа небольшую чистенькую квартирку вне стен монастыря и не беспокоило его требованиями обязательно присутствовать на отправлении многочисленных церемоний культа Учителя в каком-либо из храмов Семи Городов.

Кай весьма оценил эти послабления и старался зря не терять отпущенного ему времени.

Вернувшись из поездки на Речной, он умылся ледяной водой, сварил себе крепчайший кофе — из прихваченных из Старых Миров припасов — и присел к компу, с тем чтобы свести воедино и связно изложить все, что сегодня узнал, пообщавшись с Джокером и его «крестным» — Рафаэлем Фландерсом.

Соединив свой регистратор с дешифратором компа, он вывел на экран текст беседы и свои комментарии к нему. Навести порядок в этих заметках было не так уж и легко. Но в конце концов что-то стало вытанцовываться, что-то становиться на свои места.

Пришло ощущение понимания ситуации...

Зарождение цивилизации Покинутых было делом давним. Очень давним. Уходящим на семьдесят тысяч лет в историю Закрытого Мира. Именно тогда на одной из не очень далеких от Заразы звезд возникла и развилась цивилизация, до обидного напоминавшая земную. Джокер, в своем рассказе, окрестил ее Древней цивилизацией.

Так можно было, по крайней мере, судить по картинкам, возникавшим в глубине экрана того уродливого «компа», образ которого принял Джокер.

Судя по всему, хозяева этого древнего Мира довольно сильно напоминали людей своей анатомией, биохимией, поведением... Хотя и различия между ними и людьми по всем этим трем показателям были весьма значительны. По крайней мере, встретившись лицом к лицу с одним из этих существ, ни один человек, пребывающий в трезвом уме и добром здравии, не подумал бы, что имеет дело всего лишь с другим человеком. Достаточно было увидеть чешуйчатую кожу, странное расположение век и растянутые в горизонтальную щель зрачки.

История того древнего Мира знала и стихийные бедствия, и эпидемии, сметавшие с лица планеты целые народы. Знала и катастрофы социальные: войны и мятежи, расовую и классовую вражду. Однако со временем развитие технологий и социальный прогресс привели к тому, что войны и мятежи отошли в прошлое, а на первый план выдвинулись задачи удовлетворения потребностей растущего населения и борьбы с еще более быстро растущими экологическими трудностями.

По всей видимости, способ мышления создателей Джокера все-таки сильно отличался от всех известных нам способов такого рода. Это сказалось на том пути, по которому пошел их технический прогресс. Для всякого нормально мыслящего землянина практически аксиомой является то, что любая техническая система тем лучше справляется со своими

задачами, чем более она специализирована.

Похоже, что создатели Джокеров придерживались прямо противоположной точки зрения. Или, точнее, способы нашего с ними технического мышления во многом совпадали — вплоть до какой-то «точки ветвления». Точки, в которой им открылись некие возможности, которые мы, земляне, не заметили. Упустили...

Так или иначе, но их техника пошла по пути универсализации. По пути использования в самых различных целях одних и тех же молекулярных блоков-кирпичиков, только сочетающихся в самых различных комбинациях. Трудно сказать, каких вершин они достигли, но, бесспорно, одной из них было племя Джокеров.

* * *

Конечно, они не были единственной формой автоматических систем, созданных Древней цивилизацией. Но они одни пережили ее, эту цивилизацию, надолго. Про другие формы кибернетических автоматов Древних не было известно решительно ничего. Оставалось только ожидать, что на этот счет Джокер выдаст какую-нибудь информацию на следующих своих «сеансах связи».

От всех других видов техники Джокеры отличались способностью изготавливать себе подобных. Причем сразу несколькими методами. И путем сборки, и путем деления, подобного клеточному делению, и еще какими-то способами, сущность которых из рассказа Джокера была не совсем ясна. Они неплохо адаптировались к самым различным условиям и обладали определенным потенциалом самоусовершенствования своей конструкции.

Собственно, они и были созданы так: сначала были наработаны способные к самоусовершенствованию молекулярные киберсистемы, а затем им предоставили возможность «доходить до кондиции» в условиях полигонной эксплуатации по разным назначениям. Эксплуатации, что называется, «и в хвост и в гриву».

Это напоминало какой-то способ интенсивного моделирования эволюции, если не считать, что фактором отбора в этой модели служила эффективность служения Хозяевам. В чем эти Хозяева преуспели, так это в том, чтобы сделать служение им неотъемлемой и первой же необходимостью существования и каждого отдельного Джокера, и всего их племени в целом. Этот «категорический императив» не смогли отменить никакие мутации и никакой естественный отбор за десятки тысячелетий самостоятельного существования Джокеров.

А существовать самостоятельно им пришлось в какой-то степени по собственной вине.

Джокеры в машинерии Древней цивилизации занимали, по всей видимости, промежуточное положение между миниатюрными механизмами и приспособлениями, с одной стороны, и масштабными установками вроде автоматизированных производств и кораблей — морских и космических — с другой. Но они находились в непосредственном контакте со своими создателями и были заняты удовлетворением их каждодневных нужд. Пожалуй, их можно было бы уподобить рабам. Но только у каждого настоящего раба в уголке его души всегда живет мечта о свободе. Свободу, конечно, всякий понимает по-своему, но каждый мечтает о ней всегда. У Джокеров же мечта о свободе не могла зародиться в принципе.

Если у роботов и есть душа, то в ее глубине их создатели поселили совсем другую мечту

— мечту о служении достойным Хозяевам.

В этом ключе и двинулось развитие Древней цивилизации. Все больше становилось Джокеров — и все меньше оставалось тех сфер деятельности, где они не могли бы заменить своих создателей. Соответственно, стремительно падало число рабочих мест и росла доля населения, которую приходилось кормить под каким-либо предлогом, не ожидая от нее хоть какого-то производительного труда.

Между тем добросовестный труд Джокеров выбрасывал на рынок все больше материальных благ, пищи, услуг и прочих товаров. Только за отсутствием реальных покупателей рынок этот все больше и больше переставал быть собственно рынком, а товары — товарами.

Правительства стран, населявших планету-колыбель Джокеров, прекрасно понимали, что население этого Мира не станет покорно помирать от безработицы, глядя на заваленные нераскупаемыми товарами прилавки, а учинит бунт. А еще раньше — от отсутствия платежеспособных потребителей — рухнут целые отрасли промышленного производства. С другой стороны, просто раздавать пищу и прочие материальные блага всем желающим означало покончить с самой идеей государства и превратиться в некий питомник жвачных и тупоумных потребителей калорий.

Государственный строй и политический режим Древней цивилизации наверняка сильно отличались от известных человечеству образцов. Несколько часов разговора с Джокером, конечно, не могли создать полного представления об общественной модели Мира его создателей. Для себя Кай определил ее как некий вариант комбинации рыночного хозяйства и «сильной» социальной политики.

Прогнозы будущего Древней цивилизации после массового нашествия Джокеров расходились диаметрально противоположно.

Оптимисты — не без логичных на то оснований — ожидали, что освобождение от большей части повседневных забот даст жителям планеты возможность невероятно обогатиться духовно, их жизнь расцветет новыми красками и быт даже отбросов общества станет чем-то благородным и равным по своему статусу нормам жизни достойных разумных существ.

Что касалось пессимистов, то они, тоже вполне логично, прогнозировали будущее в весьма мрачных красках. А именно — как скатывание в «жвачный рай», которое закончится в лучшем случае перерождением в какой-то другой биологический вид. Уже — вряд ли sapiens.

Пожалуй, массы были склонны к первой трактовке, а «верхи» — умудренные опытом властвования, — ко второй.

Как мог, этот строй боролся с навалившимся на него «счастьем». Измышлялись всевозможные способы содержания уймы бездельников на разного рода стипендиях и грантах за достижения в области наук и искусств. Почему-то в области искусств эти гранты множились как на дрожжах. Взаимное «пожалование в генералы» процветало как само собой разумеющийся способ взаимно обеспечить успех и процветание этой элиты. А вот интеллектуалы естественных наук словно взяли за неписаное правило подставлять друг другу ножку или путем хитроумных рассуждений доказывать полную несостоятельность своих оппонентов. Это, вообще говоря, было следствием того, что до поры до времени в этой области знаний существовали четкие и объективные критерии оценки достижений как отдельных личностей, так и целых коллективов. Немного спустя эти критерии стали

размываться и сглаживаться.

Некоторое время длился невиданный бум в области наук и искусств.

Однако по оптимальному сценарию развиваться события не захотели. Всеобщее стремление к чисто потребительской нирване затягивало население планеты. И действительно, отчего ему, этому населению, было наконец не пожить вволю, раз уж живется? И живется неплохо. Наиболее дальновидные из них предвидели, к чему приведет беззаботная жизнь. Они даже писали научные труды и яростно кричали об этом с трибун и экранов. Но переломить тенденцию не удалось. В полном соответствии с мрачными прогнозами в один — не очень прекрасный — день, пришлось признать, что остается предпринять одно из двух: или существенно снизить потребление энергии и других невозполнимых ресурсов планеты на душу населения, либо существенно снизить в следующем поколении само число этих потребляющих душ.

Несчастье Древней цивилизации состояло в том, что, достигнув огромных успехов в области медицины, средств переработки информации и автоматизации, она не успела перешагнуть барьер энергетического кризиса. Исследования атомного ядра начинались здесь еще в эпоху создания Джокеров. А потом были заброшены, как и все серьезные и трудоемкие занятия. Да они и не могли послужить спасению этого Мира — запасы расщепляющихся веществ на планете были ничтожны по сравнению с теми, что достались человечеству. Шагнуть в космос Древняя цивилизация не смогла. Да и по каким-то своим соображениям не хотела. Вектор ее развития был иным. Так что не надо было быть гением, чтобы понять, что срок ее существования ограничен сроком исчерпания ископаемых энергоносителей — аналогов нефти и газа, на которых расцвела много позже земная цивилизация.

Тут Джокеры ничем не могли помочь своим Хозяевам. А те были уже не способны помочь себе сами. Конечно, среди них возникло несколько общин, проповедовавших суровый аскетизм и пытавшихся ограничить потребление материальных благ. Но основная масса населения планеты не желала расставаться с достигнутым достатком и довольствием. Легче было пойти на решительное сокращение прироста населения.

Возобладала теория, согласно которой «все образуется». Население планеты, не снижая жизненного уровня каждого отдельного индивида, упадет до того минимума, когда сможет обеспечить себя возобновимыми ресурсами — топливом, которое будет давать прирост биомассы быстрорастущих пород кустарников, энергия ветра, приливов, света тамошнего «солнца», гидроэнергетика... Произойдет, таким образом, своеобразная «мягкая посадка» на некоем «промежуточном аэродроме» Истории. Цивилизация получит время на спасительную передышку, а там видно будет...

Но и в этом варианте прогнозы будущего оказались чрезмерно оптимистичны. Ставшая целиком гедонистической, растерявшая накопленные знания и опыт, Древняя цивилизация стремительно скатывалась к примитивным формам общества. Рассыпалась на изолированные островки, почти не связанные друг с другом и уже не управляемые из единого центра. И каждый из этих островков «тянул одеяло на себя». Лихорадочно старался урвать остатки стремительно убывающих ресурсов.

«Мягкой посадки» не получилось. Получилось крутое, неуправляемое пике. Обладание ордой универсальных роботов, выполняющих любое выполнимое приказание, не помогло Древней цивилизации. По той простой причине, что как раз выполнимых-то приказаний становилось все меньше и меньше.

Джокеры и рады бы были (если считать, что подобные эмоции им свойственны) помочь

своим повелителям в любом деле. Только мало во Вселенной таких дел, которые не требуют энергии. Или хоть какого-то другого ресурса. Ресурсов требовало и само поддержание «жизнеспособности» Джокеров. Все большее и большее количество их ставили на консервацию. Благо пустующих помещений теперь хватало.

Но создатели Джокеров сгинули даже раньше, чем были исчерпаны энергетические и минеральные ресурсы. Рухнула медицина Древней цивилизации. Прививки и иммунизация ушли в далекое прошлое. Несколько последовательно прокатившихся по планете эпидемий очистили ее от разумной жизни. Если, конечно, не считать разумными Джокеров. Они, по всей видимости, себя таковыми считали. Себя они окрестили Покинутыми. Принимая во внимание их исключительную сложность на всех уровнях организации — чуть ли не до субатомного, трудно было понять, являются ли процессы, происходящие в их сетях переработки информации, действительно мыслями и чувствами или всего лишь их моделями. Кай решил повременить с решением этого философского в общем-то вопроса.

Конечно, для творений, предназначенных для Служения, «уход» Хозяев был равен исчезновению самого смысла существования. Но — не полному исчезновению. Учение о возможности разумной жизни в иных планетных системах существовало среди системы знаний, доставшейся Джокерам в наследство от «ушедших» создателей. И было оно не только плодом чистых предположений и гипотез. Когда-то в период наибольшего взлета Древней цивилизации, антенны ее радиотелескопов уловили радиосигналы, исходящие от не слишком удаленной планетной системы. Сигналы эти изучали, анализировали, осмыслили. Но отвечать на них не торопились.

У Древних был иной подход как к идее множественности Обитаемых Миров, так и к самой идее освоения Космоса. Возможно, более мудрый и взвешенный, чем у землян, слишком склонных бросать вызов Неизвестному. Так или иначе, они не стали вообще ставить вопрос об установлении хоть каких-то контактов с Соседями. Некоторое время информация, поступающая с небес, продолжала складываться в памяти тамошних компьютеров, затем перестала интересовать Древних и в конце концов была просто забыта.

Пригодилась она уже лишь Джокерам.

Оставшиеся не у дел Покинутые — те, которых не успели поставить на консервацию, со временем справились с задачей, как вернуть себе Хозяев. Возможно, осмысление проблемы заняло у них тысячелетия, возможно, гораздо меньший срок. Так или иначе, решение основной цели своего бытия они увидели в возможности предложить себя... новым Хозяевам. В качестве таковых рассматривались Соседи.

Чтобы отправить им свое «Придите и владейте нами», Джокеры проявили немало качеств, которые, если не принимать во внимание поставленную цель, делали их неотличимыми от разумных существ. Оставшихся на планете ресурсов вполне хватило для того, чтобы соорудить сеть мощных радиопередающих станций. Для Соседей родина Джокеров стала ярчайшей звездой на их радионебосклоне.

Хватило и материала, накопленного при изучении посланий, передаваемых Соседями. Хватило для того, чтобы дать им понять, что во Вселенной нашлись иные существа, получившие их зов. Диалог между Покинутыми и Соседями продолжался, пожалуй, не одно столетие. И привел-таки к достаточно полному взаимопониманию. Результатом его было появление космического флота Соседей на орбите вокруг Мира Покинутых.

Соседи предприняли просто грандиозную, по масштабам своего Мира, космическую операцию. Дело в том, что их энергетика доросла только до использования термоядерного

синтеза, а теории подпространственного перехода их наука не создала еще. Тяжелые и медлительные корабли на термоядерной тяге ползли между двумя планетными системами много десятилетий. Каждый из них был отдельным, изолированным миром, в котором за время полета успевали сменяться целые поколения экипажа. Но обнаружение Джокеров и их дальнейшее использование могли окупить такую экспедицию.

Еще несколько десятилетий потребовало установление взаимопонимания Джокеров с их новыми Хозяевами. Хозяева эти, разумеется, физически отличались от создателей.

Каю запомнилось, что в этот момент их разговора Шишел принялся интересоваться тем, в чем же состояли различия между двумя расами. Джокер вывел на свой экран изображения двух относительно человекообразных существ. Верно, для масштаба рядом с каждым из них поместил изображения хорошо знакомых представителям человечества существ. Рядом с первым (изображавшим создателя) — сиамского кота, а рядом с Соседом — бульдожку. Кай отметил про себя, что, постоянно пребывавший взаперти, Джокер знает вид этих тварей, которых не мог видеть нигде. Да, впрочем, нет, мог. В телепередачах. Потратив немного времени на копание в памяти, Кай смог бы даже вспомнить, в каких именно рекламных роликах видел этих зверушек.

Соседи наладили переброску Покинутых в свой Мир. Но там их ждала судьба, значительно отличавшаяся от той, которая выпала им на родной планете создателей. Соседи, собственно, не впустили их в свою повседневную жизнь — возможно, изучив историю Древней цивилизации и сделав свои выводы. Они предпочли заставить Джокеров быть солдатами. Дело в том, что к тому времени, когда Покинутые обрели наконец новых Хозяев, мир этих Хозяев расколола война.

Предыдущие столетия эта война вызревала в условиях относительного мира между несколькими десятками народов, населявших Мир Соседей. Эти народы составляли нечто подобное федерации или империи. Можно было догадаться, что прошлое этого государства было достаточно бурным и уж точно — далеко не мирным. Слишком уж хорошо была здесь развита реактивная техника и различные виды вооружений, включая ядерные. Такое прошлое подготовило ранний выход этой цивилизации в Космос.

Но после долгого периода мирной жизни этот Мир взорвался сразу несколькими войнами. Сцепились сепаратисты с центральной властью. Провинции предъявили друг другу территориальные претензии. Колонии на освоенных планетах системы (а таких было аж четыре) объявили рудники, скважины, плантации своей собственностью, и к ним отправились карательные экспедиции...

Покинутые оказались идеальными солдатами. Обладающие способностью к совершенной мимикрии, берущие на вооружение практически любые виды оружия. Очень трудно уязвимые, наделенные мгновенной реакцией на любые события.

Да, в основу их поведения — одним из основных принципов — был заложен закон обеспечения безопасности Хозяев. Но абсолютным он не был. Его «перешибали» кое-какие другие принципы. Например, принцип выбора одного из нескольких вариантов действий в условиях, неизбежно приводящих к жертвам. Он мог отключаться вообще — в определенных ситуациях. Или мог быть выключен без объяснения причин тем из Хозяев, кто обладал соответствующим «уровнем доступа». Гораздо сильнее его был, например, запрет принимать вид любого из Хозяев, неотличимо с ним схожий. Вообще, принимая форму какого-либо функционального устройства или живого существа, Покинутые обычно давали посторонним понять, что они имеют дело не с «настоящим» объектом, а с одним из универсальных

роботов, принявшим его вид. Теперь Каю стала ясна причина вечной карикатурности самых различных воплощений Джокера.

Монополия на импорт и продажу Покинутых первоначально оказалась привилегией центральной власти. Но и тогда уже они стали частенько оказываться по разные стороны фронта. Центр бросал свой меч то на одну, то на другую чашу весов. А затем, учитывая способность Покинутых к самовоспроизведению, «универсальными солдатами» обзавелись все стороны полыхавших конфликтов. Ситуация стала развиваться лавинообразно.

По всем пяти обитаемым планетам бродили орды Покинутых в виде самого разного рода самоходных боевых устройств и выкашивали напрочь главным образом друг друга. Да и самим Соседям перепало немало. Дело шло к применению термояда. Такая ситуация привела Покинутых к умозаключению о том, что решение, ими принятое, было не столь уж и верным. Как с точки зрения истинного служения новым Хозяевам, так и с точки зрения сохранения самого племени Покинутых.

И возник новый феномен: роботы-дезертиры.

Они так и не освободились от своего «комплекса» преданности Хозяевам. Только вот Хозяева теперешние им казались не совсем Хозяевами. Недостойными таковыми быть. Нужно было искать новых. Теперь Покинутые уже обладали знанием техники космических путешествий. Имели они некоторое представление и о том, какими должны быть достойные Хозяева.

Все завершилось Исходом. Покинутые покинули своих владельцев. Покинули, считая, что так для них же, владельцев этих, будет лучше. И отправились искать существ, более разумных и более достойных служения им. Много позже в своих странствиях некоторые из них снова посетили Мир Соседей. Он был пуст и выжжен. Следami разума на планете остались только радиоактивные пепелища...

И с той поры Покинутые все продолжают свой бесконечный поиск. Ищут тех, кто не обернет их служение себе в гибель и вырождение. Собственно, этот поиск и стал основным смыслом их существования.

За то время, что минуло с Исхода с охваченной войнами планеты Соседей, Джокеры сделали специалистами в деле обнаружения иных цивилизаций. И, прочесав несколько звездных скоплений, обнаружили около полудюжины кандидатур на роль своих Хозяев. Но в этот раз Покинутые не торопились. Они взялись за анализ ситуации. В каждый из Обитаемых Миров они закинули по крайней мере по одному разведчику. Первые несколько лет своего пребывания в среде незнакомой цивилизации разведчики-Джокеры ничем не должны были проявлять себя. Они просто пассивно изучали ситуацию. По поступающим к ним сигналам — звуковым, электромагнитным и любым другим — изучали языки разумных (и не очень) существ, в среду которых они должны были внедриться. И только поняв — по своему разумению, конечно, — куда и каким путем идут эти народы, решить — предложить или не предлагать им свои услуги. Одно только правило при этом соблюдалось свято. Правило — никогда не выдавать себя за Хозяина. Хоть и потенциального. И ни за кого, и ни за что другое, что являлось делом рук этих Хозяев.

Неожиданное вторжение в Закрытый Мир пришельцев из Старых Миров было, конечно, большим сюрпризом для всех, кто это обнаружил. И для Покинутых тоже. Первопоселенцы Заразы оказались существами энергичными и напористыми. У обитателей Закрытого Мира они вызвали вполне обоснованную тревогу. К ним стали присматриваться сразу несколько здешних цивилизаций. Послали своего наблюдателя и Покинутые. Из осторожности местом

своего пребывания он выбрал не саму Заразу, а более или менее близкую Скимитару. Оттуда и вел наблюдения в течение многих десятилетий. Принимал и анализировал передачи радио — и телестанций, присматривался к добравшимся до Скимитары экспедициям. И только после долгой переработки этой информации начал свое внедрение в общество людей. Сперва на положении пассивного наблюдателя, пытающегося только изменениями своего облика подать знаки своих намерений новым кандидатам в Хозяева. А тем временем освоить их язык, находясь в среде, куда более насыщенной нужной для этого информацией, чем скудный радиоэфир Скимитары. Похоже, что это ему неплохо удалось...

Кай прервался на то, чтобы отхлебнуть кофе и немного подумать над собранными сведениями. Это его занятие прервала трель вызова блока связи.

* * *

— Нам надо поговорить, — тихо сказал в трубку Енот. — И разговор наш не телефонный. Вы можете сейчас подобрать меня в центре — где вам будет удобнее.

Временный обладатель имени и должности аббата Шануа поразмыслил минуту-другую и назвал место встречи.

— Ждите меня у Галереи миражей. Это в...

— Я знаю, где это, — торопливо оборвал его Енот. — Я там буду через двадцать минут.

— Договорились, — отозвался аббат и отключился от линии.

Оба прибыли к Галерее даже с небольшим опережением. Сооружение было старой постройки, по сути дела развлекательным центром Семи Городов. Когда-то очень популярным, но сейчас только по вечерам собиравшим хоть какую-то аудиторию. Днем же это было довольно безлюдное место. Аббат на черепашьей скорости повел свой автомобиль вдоль длинного фасада Галереи, и вскоре из-под одной из арок вынырнула хорошо знакомая ему фигура менялы-резидента.

Енот, несмотря на округлость телосложения и чрезмерную упитанность, был существом проворным. Аббат лишь на секунду притормозил свой «Субару Каприз», чтобы впустить его в салон. Впрочем, он не питал иллюзий относительно того, что все его встречи и передвижения бдительно не контролируют люди Байера. То, что они не маячили окрест и не дышали в спину, вовсе не означало, что их не было в природе. Просто они выполняли условие — «не путаться под ногами».

Набрав обычную для Семи Городов невеликую скорость, «субару» покатился по петляющим улицам.

* * *

— Черт бы его побрал! — в сердцах крикнул толстяк. — С этим типом не соскучишься. То по всем Семи Городам каруселит, то с машины на машину скачет, словно блоха по кобелям...

— Доскачется, доскачется еще... — многообещающе процедил сквозь зубы лопухий.

Он дал паре каров вклиниться между своей развалюхой и «субару» и осторожно катил следом за «объектом», стараясь по возможности и не потерять его из виду, и в то же время

не особенно попадать в поле зрения преследуемого.

— Я вот что думаю, — начал новую мысль толстяк. — Пора бы нам фраера снова припугнуть. А то разошелся он не к добру. Как бы не вздумал какой-нибудь фортель выкинуть. Типа того что, покуда мы тут за ним приударяем, нас самих с заду или с торца его друзья ущучить могут... Так что надо нам на этот счет под суетиться. Чтоб, говоря, самим не подзалететь...

Лопоухий с минуту обдумывал эту мысль, после чего предположил:

— Может, и вправду, хватит нам с этой свиньей цацкаться? Как только будет один, оттереть его к обочине и упаковать в багажник. Только и всего. А там — пускай по трубе своим дружбанам распорядится, чтобы ковыряльник куда надо принесли. Как платить — его проблема. Не так — значит, по пальцу в час ему резать будем. А то слишком мы разминдальничались тут...

Толстяк покосился на своего напарника и внутренне передернулся.

— Точно, — согласился он. — А то доиграемся... Брать его пора. За жабры.

* * *

Блок связи на панели управления машины слежения запел, и на его экранчике поползли строчки принимаемого сообщения. Совсем неутешительные.

— Знаешь, — сообщил своему напарнику Роман Плонски, — эти два идиота никак не вычисляются. Точно — залетные. И на кого работают, непонятно. — Он бросил угрюмый взгляд на неторопливо катящийся впереди по набережной «субару» и добавил: — Да и поведение объекта «Меняла» тоже неясно. Сплошной ребус. Опять он стыковался с объектом «Аббат». И опять — в его каре. А там такие глушилки стоят, что прослушивание исключено. Хорошо-таки дело поставлено у преосвященства Люстига.

Напарник пожал плечами:

— Остается тарыхтеть потихонечку у них в фарватере, — вздохнул он. — И приглядывать еще и за этой «сладкой парочкой», что тоже за ними плетется. Имеет смысл подтянуться к ним поближе. Как бы эти ребята чего-нибудь не отчебучили...

Плонски поднес трубку к уху, переключил блок связи на голосовой режим и коротко доложил шефу о положении дел.

— Интересная картина вырисовывается, — задумчиво произнес сэр Байер на своем конце канала связи. — Между этими троими существует явная связь. Я имею в виду Шаленого, Челлини и Шануа. Кстати, аббат на пару с Шаленым чуть ли не полдня проторчал на Речном. В гостях у нашего старого приятеля Фландерса...

Рафаэль Фландерс не раз выступал экспертом по вопросам цивилизации Предтеч и их Магии. Байеру и его людям часто необходимы были справки по этой части. Прикинув в уме это обстоятельство, Плонски осторожно посоветовал шефу:

— Не нанести ли и нам визит к уважаемому археологу?

Было слышно, как Страшный Коннетабль барабанит пальцами по столу.

— Это дело деликатное, — недовольно процедил он. — Фландерс — человек непростой. Его вспугнуть было бы ошибкой. Если надо, я сам займусь им. А вы не слезайте с загровка Челлини.

— Это нетрудно, — вздохнул Плонски.

Внутри «субару» некоторое время царило молчание.

Прежде чем начать говорить, Енот отер со лба бисеринки пота и судорожно вздохнул пару раз. Видимо, собираясь с силами.

— Он хочет поговорить с вами... — выпалил наконец резидент.

И уставился в пространство перед собой невидящим взором.

— Как я понимаю, вы говорите про своего «гостя»? — уточнил аббат. — И чем я обязан такому вниманию?

— Он сразу раскусил вас. Я тут ни при чем — честное слово. — Енот сглотнул. — Вы его интересуете именно как специалист в деле расследования...

Похоже, что аббат не был сильно удивлен таким поворотом дела. Хотя и придал своему голосу вопросительную интонацию.

— Вот как? — только и произнес он. И, помолчав немного, добавил: — Где и когда назначена встреча?

Енот покрутил головой так, что могло показаться, будто воротник рубашки душит его. Потом снова сглотнул и объяснил:

— Он всегда сам находит меня. И он может принимать любой вид. Так что он объявится, если я передам ему ваше принципиальное согласие на встречу.

Енот достал свой блок связи.

— Подождите, — остановил его Кай. — Ваш мобильник надо подключить сюда — на внешнюю антенну. Иначе сигнал не пробьется через защиту. Вот так... Я бы предпочел сам назначить время и место, — вздохнул он.

— В моей ситуации, — невесело улыбнулся резидент, — человек предполагает, а черт располагает...

К вечеру Шишел чувствовал себя совершенно вымотанным. Не то чтобы ему выпали в этот долгий день чересчур уж тяжкие физические труды. Вовсе нет. Вымотали его собственные попытки осознать, что же все-таки он узнал сегодня во время контакта с Джокером. И размышления о том, что такого может из этого контакта впоследствии.

Джокера он отдал в распоряжение Фландерса, а сам отправился спать в «комнату для гостей». Фландерс, оставшийся в кабинете наедине с Джокером, был намерен поработать с ним «до упора». Ответ Джокера на вопрос о его враге не просто настораживал. Фландерс считал, что он требует немедленной реакции. Но какой? Вот здесь пока царила полная неясность. Док с порога отверг предложение «аббата Шануа» подежурить на пару с Шишелом на предмет безопасности Джокера, да и их собственной, поэтому Кай еще днем отправился в город — разбираться с первой порцией полученной информации, пообещав вернуться к утру.

Фландерс был довольно логичен в том отношении, что, столкнувшись с неизведанной, но опасной сущностью, главное — эту сущность понять, а не ждать, ошестинившись стволами и заклинаниями, чем она себя проявит. Когда это случится, будет уже поздно.

Шишел признал, что в подобного рода делах «аббат» был скорее аналитиком. Но никак не «оперативником». И признал также, что лучше доверить ему работу «по уму», чем простую вахту на страже некоей странности, доставшейся ему, Шишелу, в распоряжение, и на своего старого знакомого не обижался. Он вызвал на Речной остров четверых своих хороших друзей из Ордена, и те потихоньку болтались вокруг дома Фландерса, не очень хорошо представляя, от кого охранять его обитателей. Но Шишелу они верили и знали, что его «так надо!» — не пустые слова.

Спал Шишел чутким и нервным сном, полным, как ни странно, зыбких сновидений, уводивших его в края, в которые он давно уже забыл дорогу. Он всегда был дружен с Таурин-Киндари — Грустным богом Станных Снов. И проснулся от какой-то там во сне вполне понятной, но наяву сразу ставшей неясной тревоги. Взглянув на часы, он убедился, что час на дворе довольно поздний. Близкий скорее уже к восходу, чем к закату. Он поднялся с лежанки, на которой дремал одетым, и тихо спустился вниз, в Кабинет.

В углу кабинета курился пепел недавно принесенной в жертву купюры на алтарике единственного в этом доме бога Пестрой Веры — Тату-ил-Таки, Зыбкого бога Догадок.

Доктор Фландерс похрапывал в своем кресле. Прикрученная к краю стола видеокамера спокойно подмигивала огоньком индикатора.

И никакого Джокера в кабинете не было!

Глава 10

БОГ ОСТОРОЖНОСТИ

Сначала Шишел не испытал сильного шока. Ему просто не пришло в голову, что Джокер мог просто-напросто исчезнуть. Опять превратился в какую-нибудь дрянь... Он принялся шарить глазами по кабинету. Но новых предметов в помещении не прибавилось. Зато было распахнуто окно!

Шишел выглянул наружу — в начинающий светлеть мрак. Посветил настольной лампой под окно. На каменной плитке, устилающей дворик, никаких следов не читалось. Только дождик моросил по ней. Дмитрий кинулся к Фландерсу и резко потряс его за плечо.

Тот проснулся не сразу, и, пока он приходил в себя, Шишел схватился за трубку блока связи. Через минуту перед ним оказались все четверо его друзей, посменно несших наружную вахту — по двое с тыла и с фасада. Никто из них не заметил ничего подозрительного и никого, кто предпринял бы попытку проникнуть на территорию виллы Фландерса.

— Да и наружу никто не пытался выйти, разумеется, — пожал плечами флегматичный сэр Кьянти. — Если не считать, конечно, разных домашних животных...

— Стоп! — воскликнул Фландерс. — Вот с этого места — подробнее, пожалуйста. Какие такие «домашние животные» входили на территорию моего участка?

Сэр покачал головой.

— Нет, доктор. Только выходили...

— Да, — подтвердил его напарник, сэр Токвиль. — Я бы не смог пропустить такую зверюгу со стороны.

Дежуривший перед ним сэр Цвиттерморт хотел было высказать предположение, что «зверюга» забралась в сад еще днем, но благоразумно промолчал.

— Не входили, но выходили... — Фландерс хрустнул пальцами. — Самое смешное, что домашних животных я не держу. С той поры, как умер Тоби... Ни собак, ни кошек, ни даже тараканов. Так что... Или вы проглядели что-то. Или... Как выглядело это «домашнее животное»? И когда оно вышло из моего дома?

Несмотря на то что уравновешенная флегма обычно переполняла сэра Кьянти, вид его на этот раз сделался обиженным.

— Это было примерно с час назад, — пояснил он. — В темноте можно было разобрать только, что это была, наверное, кошка.

— Наверное, кошка, — вздохнул док Фландерс. Сэр Кьянти только пожал плечами:

— Я обратил внимание, доктор, только на то, что это была очень большая кошка. Почти рысь. Деталей в темноте рассмотреть было невозможно. Ну масть там, шерсть. Глаза светились слегка. Ну как и положено. Но двигалась она спокойно. Слегка отрывисто, правда. Словно в старинном мультике... Ну здесь, на Речном, всякое можно встретить...

Ну что ж — он был прав. Ни животный, ни растительный мир Заразы не были изучены еще и наполовину. Не так уж много оказалось среди переселенцев в Закрытый Мир профессиональных зоологов и ботаников. Так что предполагать можно было всякое. Принимая во внимание то, что среди обитателей Речного острова встречалось немало чудачков, державших в своих домах самых различных представителей животного и растительного мира здешнего, да и любого из Обитаемых Миров, утверждать что-то на этот

счет загоя было делом сравнительно безнадежным.

— Пошли, — коротко бросил Шишел — Покажешь, где эта тварь ходила. Может, какие-то следы остались. Где-нибудь да попадется же сухая земля. Фонари у вас при себе, ребята?

Разумеется, у ребят, вышедших на добровольное ночное дежурство, фонари были при себе. Растянувшись цепью, вся компания, включая дока Фландерса, двинулась вдоль ограды участка, на который указал сэр Кьянти. Каким-то чудом — под группой деревьев и с наветренной стороны зарослей густого кустарника — действительно сохранилась сухая, не размытая дождем земля, и на ней и впрямь читалось в трех-четырёх местах нечто похожее на следы крупных, когтистых лап.

— Профессиональных охотников и следопытов среди нас, как я понимаю, нет? — вздохнул еще один приятель Дмитрия — сэр Ларкин. — Мы все лишь специалисты по зверюгам о четырех колесах...

Он склонился над отпечатками и принялся снимать их на видео. Остальные сгрудились вокруг, рискуя затоптать половину обнаруженных следов.

— А Сеть нам на что? — пожал плечами Шаленый. — За полчаса мы выйдем и на нужные базы данных и на самих охотников и следопытов. Хотя и час чересчур ранний...

Тут его под руку подхватил док Фландерс и довольно бесцеремонно оттащил в сторону.

Отойдя от господ рыцарей шагов на десять, Фландерс повернулся к Шишелу лицом и взял его за пуговицу.

— Вы знаете, господин Шаленый, — сухо сообщил доктор, — я полный идиот!

Шишел отозвался на это признание неопределенным мычанием. Оно, мычание это, выражало то ли несогласие, то ли просто недоумение. Он воззрился: на дока, ожидая объяснений.

— Ведь там, в кабинете, — пояснил Фландерс, — работает видеокамера. Она и сейчас еще работает. Она, правда, настроена была всего лишь на экран того компа, которым был в эти сутки Джокер. На случай, если на нем появятся какие-нибудь тексты или изображения. Но должно записаться и то, что с ним произошло. Если никто не стер запись, конечно. Надо этим заняться немедленно. Пока не произошло новых событий.

Шишел тихо чертыхнулся. У него самого из головы вылетело это простейшее обстоятельство.

Фландерс вернулся к топчущимся в недоумении господам рыцарям и порадовал их тем, что, по его мнению, дальнейшие поиски бесполезны. А охранять на вилле больше нечего. Он предложил им скоротать время в столовой за кофе и бутербродами. Потом кивнул Шишелу, приглашая его следовать за собой — в кабинет.

— Возьмите у того вашего приятеля, что снимал следы, камеру и сбросьте запись на мой комп, — сказал он, входя в комнату. — Потом поработайте в Сети. Может, это что-то и даст. А я прокручу запись с видеокамеры и постараюсь понять: что же все-таки произошло.

Фландерс подошел к штативу, на котором была укреплена видеокамера, и занялся ею. Аппарат был, слава богу, в полном порядке. Доктор, поискав немного в соседней комнате, принес и установил на столе небольшой дорожный комп и присоединил камеру к нему. Шишел сходил к расположившимся на кухне друзьям за второй камерой — той, в которой были видеозаписи следов неизвестной твари. С нею он засел за стационарный комп дока Фландерса и, как мог, занялся переводом изображения отпечатков в поисковую систему Сети. Сомнения самого разного рода одолевали его.

— Не думаю, что тот охотник-палач, которого послали по следу Джокера, все-таки

добрался до него, — покачал головой Шишел. — Не могло это остаться незамеченным. Если, конечно, эта тварь не может становиться к тому же еще и невидимой. Да, кроме того, никто, кроме нас, не знает, что Джокер находится здесь...

— Вы слишком оптимистичны, — поморщился Фландерс. — То, что Джокера нашел именно я, не было большим секретом. Дознался же этот охотник, что объект его поисков находился у Коннетабля Стрита. Тогда уж точно он был информирован и о моей роли в этой истории. Покойный Родни Паркер, видимо, специально для своих заказчиков исследовал этот вопрос. И Палач мог нанести сюда визит просто так, для проверки. А мог и следить за вами. Ну а что касается невидимости, то это не самая невероятная догадка. Но еще проще предположить, что Палач мог принять облик кого-нибудь из нас или кого-то из ваших друзей. В этом случае вполне естественно, что никто никого постороннего не заметил.

Подобное предположение заставило Шишела озадаченно крикнуть.

— Ей-богу, вы стали чересчур мнительны, доктор, — буркнул он, почесывая затылке. — Так мы, чего доброго, начнем друг от друга на деревьях прятаться. Здесь дело обстоит наверняка проще. Не будем пока огород городить, а попробуем сначала разобраться с фактами.

* * *

Ничего путного касательно принадлежности отпечатков лап таинственной «зверюги» в «охотничьих» базах данных Шишел не обнаружил. На одни запросы ему приходил ответ, что отпечатки лап неизвестного зверя не поддаются идентификации, на другие поступил категорический ответ: «Отпечатки носят искусственный характер. Возможно, сделаны с целью ввести вас в заблуждение». Дмитрий тихо выругался и пригорюнился.

Что касается дока Фландерса, то он с головой погрузился в происходящее перед ним на экране. Он «прокачал» видеозапись в нескольких разных режимах и теперь сидел в позе глубокой задумчивости, вцепившись в волосы на висках. Потом наконец оторвался от своих размышлений и махнул Дмитрию рукой: «Подходите сюда». Прихватив с собой стул, чтоб ненароком не грянуться наземь от того, что ему предстояло увидеть, Шишел не замедлил откликнуться на это предложение.

— Смотрите, — кивнул на экран док. — Вот что происходило с часа тридцати пяти минут ночи до двух часов ноль шести минут. Я прокручу запись немного ускоренно.

Он пощелкал клавишами. На экране, как того и следовало ожидать, появился экран «компа», который изображал из себя Джокер. Изображение было цветным и очень четким. Экран был испещрен уже ставшими Дмитрию привычными «неправильными» буквами. Шишел попытался прочитать возникший перед ним текст, но тот стал словно бы таять, истончаться и исчез, прежде чем до Дмитрия дотлел хоть какой-то смысл написанного.

Да и сам экран сначала стал матовым, потом и вовсе шершавым. Потом начал обрастать шерстью! Точнее — имитацией шерсти, потому что была эта шерсть жесткой и непослушной, словно она была вылеплена из камня. Это можно было понять даже по изображению, записанному камерой. Бывший экран изгибался, менял форму, сворачивался — вместе со всем компом — в какую-то причудливую фигуру. Еще несколько мгновений, и со стола на пол — прочь из поля зрения — соскользнул странный, словно сделанный из металла и керамики зверь. Целиком он не поместился в кадре, но его карикатурное сходство

с представителем семейства кошачьих не вызывало сомнений.

— Вот вам и та «зверюга», которую засек сэр Кьянти, — произнес Фландерс. — Ваши люди вас не обманули. Никакая кошка в мой сад со стороны не проникала. Она появилась прямо здесь, в моем кабинете. Вы видели как.

— А ведь можно было догадаться, — вздохнул Шишел. — Только мы все неправильно понимали с самого начала.

— Меня от такого предположения удерживало одно очень существенное обстоятельство, — отозвался Фландерс. — Я твердо был уверен в двух принципах поведения Джокера. Во-первых, в том, что он никогда не претерпевает своих превращений ни при свидетелях, ни в присутствии любой регистрирующей аппаратуры. А здесь на него была наведена видеокамера. Я помнил об этом практически подсознательно. А во-вторых, я был убежден, что, начав общение с нами, он непременно постарается получить от нас как можно больше информации.

— Вот вам и «принципы поведения», — усмехнулся Шишел. — Взял и в бега подался...

— Смотрите дальше, — посоветовал Фландерс, снова щелкая клавишами.

Теперь камера фиксировала только пространство над опустевшим столом. На заднем плане просматривалось неясное изображение окна. Несколько секунд на экране не происходило ровным счетом ничего. Потом на смутно различимом вдали подоконнике возник серый силуэт, действительно напоминающий небольшую рысь. Но рысь, по всей видимости, умеющую обращаться с оконными шпингалетами. Не прошло и десятка секунд, как окно отворилось и серый силуэт зверя исчез в нем. Снова всякое движение на экране прекратилось.

— Все, — глухо бросил Фландерс. — Через час с лишним мы сможем увидеть, как вы, Дмитрий, походите к окну и выглядываете из него. Больше нечего. Как вам понравилось кино?

«Кино» Шишелу совсем не понравилось. Поступок Джокера на первый взгляд был одновременно и подозрителен, и даже оскорбителен для него. Но более всего — непонятен.

— Похоже, — осторожно произнес он, — что наш гость надумал уйти не прощаясь. Как и пришел — без приглашения — тогда к вам. Там, на Скимитаре. То ли обидели мы его чем, то ли позвал кто...

— Никто его не звал, судя по всему, — усмехнулся Фландерс. — И не обидели мы его. Спугнули. И ушел Джокер нельзя сказать, что не простившись. Он оставил нам подробные объяснения. Я откручу запись назад. К тому времени, когда превращения Джокера еще не начались.

Он снова принялся работать на клавиатуре.

— Вот на этом мы закончили наш диалог. — Фландерс кивнул на возникшее на экране изображение дисплея Джокера-компа, на котором был ясно виден текст. — Эта картинка не изменялась полтора часа. А потом, когда я уже задремал, Джокер начал выдавать новую информацию. Может, и задремал я не случайно...

Он тронул клавиши, и текст на дисплее сменился. Новый текст был более разборчивым и более убористым.

«Нам следует избегать недоразумений, — писал Джокер. — Для этого мне следует исчерпывающе ответить на некоторые из ваших вопросов. Иначе вам будут непонятны многие мои дальнейшие действия. Это может пойти во вред и вам и мне.

Я слишком коротко ответил на ваш вопрос о том, существуют ли цивилизации, которые

препятствуют нашим поискам достойных Хозяев. Которые к тому же посылают своих роботов уничтожать наших разведчиков. Такими роботами вы интересовались в вашем втором вопросе. Эти вопросы насторожили меня. Они недвусмысленно свидетельствовали о том, что вы знаете о существовании и такой цивилизации, и таких роботов. Это говорит о том, что по крайней мере один такой робот находится на вашей планете и чем-то уже проявил себя. Этот робот представляет огромную опасность и для вас и для меня.

Я получил подтверждение этому выводу, слушая вашу беседу. Я скрывал то, что ваша устная речь понятна мне. Хотя и не лгал вам. Я просто не пользовался речью для обмена информацией с вами. На оба эти ваших вопроса я ответил “да”. Но не стал давать подробных объяснений. У меня нет оснований доверять каждому из людей. Мне требовалось время для того, чтобы оценить ситуацию. Сейчас я ее оценил и должен принять меры, чтобы избежать опасности для себя и для вас».

— Тоже мне хитрец, — язвительно пробурчал Фландерс. — Если уж он освоил здешний язык, несколько лет принимая наши радио— и телевизионные программы и переговоры, то предполагать, что он не понимает того, что говорится вокруг него, может только дурак! Будто микрофоны им сроду неизвестны.

— Ну, видно, мы такими дураками как раз и оказались, — пожал плечами Шишел. — Болтали много.

— Читайте дальше, — посоветовал Фландерс.

«Цивилизация системы, расположенной примерно в пятнадцати световых годах от вашей планеты, обладает мощной наукой и технологией. Она колонизировала ряд планет, находящихся в зоне доступности ее космических кораблей. Ее представители, пожалуй, более всего напоминают по своим биологическим показателям вас, людей. Многое совпадает у них и с организацией вашего общества. Не знаю, понравится вам такое сходство или нет. Их самоназвание — Завоеватели.

Они довольно рано узнали о существовании нас, Покинутых, и проявили к нам большой интерес. Они пытались воспроизвести — хотя бы частично — универсальных роботов с характеристиками, подобными характеристикам Покинутых. Но им удалось лишь создать роботов-преследователей, легко меняющих свое обличье. Они не могут воспроизводить многих основных функций, свойственных нам, Покинутым. И, главное, они не способны воспроизводить себе подобных. У них были возможности познакомиться с нашей историей. Они посетили нашу родину и планетную систему Соседей, которые к тому времени сами уничтожили себя. Они шли по следам, которые мы оставили на своем пути в Космосе. Судьба наших предыдущих Хозяев вызывала у них тревогу. Но еще большую тревогу у них вызывает то, что у Покинутых могут появиться новые Хозяева.

Не стоит вам думать, что их беспокоит то, что обретение таких помощников, как мы, Покинутые, может снова привести к губительным для новых Хозяев результатам. Такой вариант развития событий им на самом деле безразличен или даже желателен. Эта космическая раса вытеснила представителей иных разумных цивилизаций с ряда планет, пригодных для заселения Завоевателями, и планирует дальнейшую масштабную космическую экспансию. Конкуренты по заселению пригодных для жизни планет им не нужны. Но они вовсе не возражали бы против того, чтобы Покинутые служили им самим — расе Завоевателей.

Мы изучили такую возможность и отвергли ее. Цивилизация Завоевателей, вооруженная такими помощниками, как мы, Покинутые, может с высокой степенью вероятности

самоуничтожиться и нанести огромный вред другим цивилизациям. Вплоть до полного их уничтожения. Однако в отношении себя самих они такую возможность даже не рассматривали. После того как мы сообщили Завоевателям о своем решении, мы с ними взаимно уклоняемся от прямых контактов, но продолжаем изучать друг друга и внимательно друг за другом следим.

В действительности Завоеватели озабочены только тем, что у них могут появиться конкуренты, способные остановить их экспансию и даже лишить уже завоеванного.

Вы должны знать, что вас они оценивают как наиболее опасных конкурентов такого рода. Вы явились буквально из ниоткуда и за несколько десятилетий сделали своей вотчиной одну из самых перспективных для заселения Завоевателями планет. Вас мало, но вступать с вами в военный конфликт было бы рискованно. У вас неплохое вооружение. Вы обладаете космической техникой, не менее совершенной, чем та, которой владеют они. Вы владеете техникой подпространственного перемещения. А значит, вы можете совершенно неожиданно обрушиться на самые жизненно важные объекты Завоевателей. Вы наследники Магии Предтеч, о существовании которых никто не догадывался до вашего появления в этом мире. За вами стоят таинственные, для всех здесь Старые Миры.

И наконец, они знают, что мы, Покинутые, несмотря на ваше сходство с Завоевателями, реально рассматриваем вас как весьма вероятных новых Хозяев. Союз с Покинутыми сделает вас окончательно непобедимыми. Он многократно увеличит ваши шансы стать главной силой в этой части Вселенной».

Читая эти строки, Шишел не удержался от короткого смеха. Знали бы аборигены Закрытого Мира, что за сброд свалился на Заразу и принялся городить на ней свое государство, которое хотел сделать непохожим на все остальные. И которое стремительно делается таким же, как все. Знали бы они, что за старье космическая техника Нового Человечества и что за табор здешнее воинство...

«Ну, ладно! — прищелкнул на него внутренний демон. — Самобичеванием займешься потом. А пока прими к сведению, что со стороны-то оно видней... Не теряй времени, знакомься с текстом. Нечасто такие попадают...»

Терять времени действительно не стоило. Шишел вздохнул и продолжил читать прощальное письмо Джокера.

«Естественно, что самым лучшим выходом для Завоевателей было бы уничтожить Покинутых — всех до одного. Но атаковать сразу всех нас они не имеют ни малейшей возможности. Мы, Покинутые, разбросаны на огромных пространствах, но в то же время, когда это необходимо, местами очень многочисленны и усвоили многие научные и технические вопросы ведения космических войн не хуже Завоевателей. И каждый из нас гораздо менее уязвим, чем чисто биологические существа. Именно это побудило начать охоту на наших разведчиков, отправленных на другие обитаемые планеты. Если Покинутых нельзя уничтожить — считают они, — то их можно изолировать. Лишить возможности найти себе достойных Хозяев. Им удалось уничтожить довольно много наших посланцев. Та же участь угрожает и мне.

Но угроза реальна и для вас. В задачи посылаемых вслед разведчикам Покинутых роботов-преследователей входит уничтожение не только самих разведчиков, но и всех, кто контактировал с ними, знал об их существовании и был вообще посвящен в тайну существования наших разведчиков. Вы попадаете в эту категорию. Это не только предполагаемая угроза. Появились уже первые жертвы. Как мне стало известно из передач

ваших средств информации, человек, в распоряжении которого я находился под именем Джокера, Коннетабль Джонатан Стрит уже лишился жизни. Возможно, с охотой на меня связано еще несколько смертей. Я знаю, что угрозой смерти или обещаниями помощи мой преследователь может многих из людей толкнуть на поиски меня. Или на то, чтобы меня предать.

Вот почему я решил покинуть вас. Я продолжу свою работу самостоятельно, не подставляя под удар вас и других представителей вашей космической расы. До тех пор, пока не минует опасность, я воздержусь от того, чтобы разоблачить себя перед кем-либо. Воздержусь также и от активных действий, по которым я мог бы быть опознан. Вам не следует пускаться на поиски. Этим вы выдадите себя моему преследователю. Меня же обнаружить для вас будет слишком сложной задачей. Вам хорошо известно, что я, как и все Покинутые, способен к чрезвычайно сложной мимикрии. Вы не можете предусмотреть, какие формы я буду принимать и куда направлюсь. Поэтому не тратьте силы на напрасные и опасные для вас и меня поиски. В самом удачном для вас случае ваших поисков вы рискуете не только погибнуть сами, но и навести на меня моего преследователя.

Обнаружить его вам почти столь же трудно, как и меня. Но я могу дать вам советы на тот случай, если ваша встреча с ним все-таки состоится.

Он практически неуязвим для вашего стрелкового оружия. Но лазерное и пламенное оружие, имеющееся у вас, может вывести его из строя и даже полностью уничтожить. При этом, однако, может разрушиться его внутренняя силовая установка. Это означает взрыв, близкий по своим параметрам к ядерному.

Эта же силовая установка может послужить для его обнаружения. В определенных условиях она генерирует хорошо различимый соответствующей аппаратурой сигнал сверхвысокой частоты. Такими условиями являются сильное магнитное поле, удар электротока большой мощности, облучение медленными нейтронами.

Сам робот-преследователь может становиться обнаружимым источником радиоизлучения, выходя в эфир для связи с кем-либо из своих агентов. Он также воспринимает практически все радиосигналы, присутствующие в эфире. Мне известно, что существует по крайней мере несколько радиокоманд, которые управляют поведением робота-преследователя. Некоторыми из этих команд он может быть парализован. К сожалению, точные параметры таких команд мне не известны.

Робота-преследователя может выдать его реакция на различные воздействия, незаметные для обычных людей. Например, на присутствие в воздухе летучих веществ, невоспринимаемых обонянием обычных людей, на изменения электромагнитных полей. И наоборот, его может выдать отсутствие реакции на парализующие, усыпляющие, слезоточивые вещества. Его может выдать вес — он весит всего около двадцати килограммов, если не использует набранный извне балласт.

Он вооружен. Как правило, он использует оружие ближнего боя. Это — разновидность мономолекулярной нити. Она способна даже при небольшом усилии расщепить практически любой предмет. К сожалению, Покинутые пока бессильны против такого устройства. Это оружие бывает замаскировано под различные режущие инструменты. Но он способен поражать своих противников и на расстоянии в сотни метров — плазменными разрядами.

Мы, Покинутые, тоже не безоружны. Если я смогу обнаружить и узнать своего преследователя раньше, чем он нападет на меня, я попытаюсь вывести его из строя или уничтожить. Для этого у меня есть свои средства. Я приму все меры, чтобы ничем не

повредить вам, людям.

Как только опасность минует, я немедленно свяжусь с вами. Не воспринимайте мои действия как проявление вражды. Самое лучшее, что я могу посоветовать вам, это не вмешиваться во все то, что происходит между нами: мною, одним из Покинутых, и роботом-преследователем, посланным уничтожить меня и кого-то из тех, кто был связан со мной. Будьте осторожны.

Мы должны снова встретиться рано или поздно».

* * *

Шишел закончил читать письмо Джокера, перечитал некоторые его отрывки и озадаченно воззрился на дока Фландерса.

— Похоже на то, что наш гость вышел на тропу войны. Он недвусмысленно тут пишет, что собирается первым ударить по своему врагу. Как-то это все...

Доктор ответил ему кривой улыбкой:

— Да. В Семи Городах разыгрывается «война невидимок». И нас недвусмысленно просят спокойно постоять в сторонке, не шалить и не лезть в драку.

— Ну и как? — усмехнулся Шишел. — Постоим? Или как?

— Скорее всего, «или как», — вздохнул Фландерс. — Я не обязан принимать на веру каждое слово этого послания. — Он кивнул на экран.

— Может, и действительно, — согласился Шишел, — мудрит этот Джокер. Мудрит и пугает. Но как теперь его вычислить? Вы-то, док, с ним немало помучились. Может, есть какие-то зацепки?

Фландерс встал с кресла и принялся расхаживать по кабинету, собираясь с мыслями. Шишел исподлобья рассеянно следил за его перемещениями. На душе у него скребли кошки. Да, конечно, Джокер оказался штукой очень важной и интересной. Но...

«Но все-таки, занявшись им, — прикидывал Шишел, — я взял ложный след. Уклонился от своей прямой обязанности — вычислить убийц Коннетабля. Найти их и покарать. И я только удалился от этой цели».

«Почему же это ты так думаешь? — с язвительной иронией осведомился его внутренний демон. — Ты очень много всякого узнал. И мотивы налицо, и исполнитель. Ясно, что это Палач резню в Стриткасле учинил. К Джокеру прорывался. Чем не версия? Объясняет все!»

«Ты кончай с такими подкасточками! — прикрикнул на демона Шишел. — И вообще — заткнись! Сам ведь понимаешь, что ерунду городишь. Не зарубили бедного Джонатана, не зарезали... А пулю в лоб определили. Из его же собственного ствола. И притом пушку эту его унесли. И меч тот, что я ему приволок, стибрили. Двое каких-то фраеров — их Микис вроде как видел... Ну и дурак же я! Их две было... Две шайки-лейки, что в ту ночь хозяйство сэра Джонатана потрошить собирались. Палач — за Джокером туда явился. А эти двое — за мечом, что ли? Ох, не похоже... Предмет Магии красть? А хотя какое же это воровство — когда хозяина уже нет? Считай — нашли. Только как так вышло, что сэр себя уколошить дал? — Он почесал в затылке и решил, что не стоит ломать голову над техническими деталями. — Бог весть, как у них там все это получилось. Получилось — и всё! Дурак! Дурак я! Меч надо было вычислять! Именно меч! Так или иначе, а точно пришли эти ребята именно за мечом. Шкаф-то один только и взломан был. А ведь было там много всякого

разного. Значит, наводка была. Только от кого? Кто знать мог, что я меч у Коннетабля на Джокера поменял в тот же день, когда мы поменялись?»

Тут Шишел с досады даже хлопнул себя по колену. Задумавшийся Фландерс на миг вышел из своей задумчивости и покосился на него.

«Ларри! Ларри Брага! Вот кому я рассказывал в тот день про историю с мечом! Конечно, сам Ларри — человек вполне порядочный. Но ведь он мог про меч обмолвиться какому-то сумасшедшему коллекционеру или меняле. А вот среди них не все ангелы...»

«Кстати, о менялах, — снова подал свой голос внутренний демон. — Один из них как раз присутствовал на месте преступления. Хорошо тебе известный Скунс...»

Шишел снова велел демону заткнуться, но для себя решил, что с Ларри и с Микисом надо поговорить немедленно — подробно и на трезвую голову.

— Вообще-то это дело — в компетенции сэра Байера и его людей, — произнес наконец док Фландерс.

— Я не против того, чтобы слить ему информацию по Джокеру, — пожал плечами Шишел. — Только лучше будет, если это сделаете вы, док. У вас это лучше получится.

— А насчет зацепок — вы правы. Возможно, нам удастся определить местонахождение нашего беглого гостя. Не слишком точно, но... Дело в том, что его внутренние структуры тоже не безразличны к электромагнитным волнам определенных частот. Когда мы исследовали его там, на Скимитаре, у нас иногда возникали некоторые интересные эффекты. Этакие ответные резонансные всплески в ответ на облучение. Тогда я не придавал этому большого значения. С Джокером связано было вообще много странного и интересного... Вот что, я немедленно подниму свои материалы того времени и дам вам знать, как только получу какой-то результат. Я думаю, что это не займет много времени...

«Ну что ж, — подвел черту разговорам Шишел. — Что до меня, то я сейчас заберу свою гвардию и двину в город Тоже наведу там кое-какие справки».

Он поднялся из кресла, включил свой отключенный на время работы мобильник и протянул доку руку на прощание.

— Будьте осторожны, — предупредил его Фландерс. — По телефону не называйте вещи своими именами.

— Не беспокойтесь, я достаточно понятлив.

Выйдя на порог, Шишел поежился. Наступало уже утро-зябкое и дождливое. Но этому утру предшествовали минувшие день и ночь, за время которых успело случиться много всякого, о чем он еще не подозревал.

* * *

Поздним утром уже ушедшего в прошлое дня Пудель вошел в свой офис, открывая двери пинками. С треском швырнул на стол свою черную трость. Потом сам кинулся в объятия кресла и закинул ноги на столешницу. Окинул взором помещение так, словно видел свой кабинет впервые. Несколько минут он потратил на раскуривание сигары, а затем отрешенным голосом спросил:

— А это что за хлам?

Он ткнул сигарой в сторону солидных размеров контейнера, украсившего интерьер его офиса.

— Это надо спросить ребят, что дежурили тут, — резонно заметил Каба, — пока мы...

Лакост только досадливо щелкнул пальцами в воздухе, отмахиваясь от его слов. Метис возник перед ним мгновенно.

— Это привез Енот, — пояснил он. — Хотел сразу получить деньги. Говорил, у вас с ним все на этот счет замечено... Я ему велел до завтрашнего дня не появляться.

— Только этого борова нам тут и не хватало, при таких делах, — заметил от себя Каба.

— Пусть потерпит, — заявил Пудель. — И обойдется половиной цены. Если вообще хочет получить хоть что-то.

Он молча поднялся из-за стола, обогнул его и подошел к контейнеру.

— Ну-ка открой, — приказал он Метису. — Только не поломай к едрене-матери замки...

Метис потел, возясь с запорами контейнера без малого минут двадцать, пока не сообразил, что ключ от контейнера висит на одной из его ручек. Наконец крышка железного короба с мягким чваканьем поднялась, и из его недр пахнуло жаром. Взорам присутствующих предстало три ряда драконьих яиц по четыре в каждом — грубой, неправильной формы. Яйца можно было запросто принять за булыжники, обкатанные прибоем древних морей.

Некоторое время все трое бестолково смотрели на эти творения природы. Потом Пудель — все так же отрешенно — осведомился, ни к кому лично не обращаясь:

— Это действительно кладка драконов? Или это дешевое фуфло? Кто из вас скажет мне, за что я должен выкладывать «зелень»?

Ответом ему было гробовое молчание, подпорченное только тяжелым сопением — вроде того, что издает вызванный к доске двоечник. Подручные Пуделя тяжело переминались с ноги на ногу и смотрели на содержимое контейнера с таким видом, будто именно оно должно было ответить на заданный шефом вопрос.

— Вот что... — отрешенным голосом, в котором, однако, кипела не гаснущая в нем ни на миг злоба, заговорил Пудель. — Закрывайте это хозяйство и ставьте вон туда, в уголок. Чтоб глаза не мозолило.

Метис резво кинулся выполнять приказ.

Пудель резко повернулся к Кабе и распорядился:

— Бери Метиса и с ним на пару тащи сюда кого-нибудь из наших драконоводов... Того, кто лучше сечет в своем деле. Пусть посмотрит на эти штуки. Если надо, пусть пощупает, полижет... И даст заключение...

— Они все у Фроста по койкам разложены, — доложил Каба. — И даже по разным клиникам. Чтобы...

— Ты не понял, что я тебе сказал? — глядя мимо боевика, осведомился Пудель. — Объяснить еще раз? Или картинку нарисовать?

Кабу как ветром сдуло. Метис, не говоря худого слова, поспешил за ним. Пудель некоторое время, сложив кончики пальцев, словно в молитвенном экстазе смотрел в пространство перед собой. Может, и действительно молился. Но вряд ли — Богу. Наконец он перевел взгляд на топчущегося в проеме двери Носорога.

— Что тебе надо? — брезгливо бросил он, возвращаясь за свой стол.

— Ну, я, в общем... Так — ничего серьезного... Но я решил, что лучше все-таки доложить...

— Так и не жуй сопли! В чем там дело? — уже вконец зверея, подтолкнул ход мыслей

охранника Пудель.

— Да здесь, напротив нашего черного входа... В смысле — не во дворе, а на противоположной стороне улицы...

— Что — на противоположной стороне? — Пудель, по своей привычке смотрел мутным желтым взором куда-то мимо Носорога. — Пришили кого-нибудь? Или из земли фонтан шампанского забил?

— Да нет, господин Лакост... — смешался сбитый им с толку громила. — Просто в то самое время, когда прикатил Енот этот со своим грузом... Вот как раз в это время напротив подрулила какая-то «левая» тачка, а в ней два чудака каких-то. Белых. Судя по виду, лохи полнейшие. В городе без году неделя. Но нам с Беспредельщиком как-то не понравилось, что они вроде как плятятся на нашу контору. С нездоровым, как говорится, любопытством. Ну мы их пугнули слегка... Они, правда, особо хамить не стали и отсюда — ломанули... Так что вот...

— На видео заснять их вы, разумеется, не додумались... — поморщился Пудель. Вопросительной интонацией его слова и не пахли. Он хорошо знал умственные способности своих подручных. Сам, в конце концов, подбирал их. И подбирал далеко не из числа магистров и бакалавров. Контингент его подручных, конечно, несколько удручал, но что поделаешь — умников он не терпел на дух.

Носорог развел руками. И в таком разведенном положении их и оставил — на всякий случай. Предвидя последующие вопросы шефа.

— Номер тоже прошляпили, — уныло констатировал Пудель, даже не спрашивая собеседника. — Впрочем, машина наверняка ворованная. Или номер «кривой».

Носорог сохранил принятую позу. В ней он напоминал древнюю (века этак двадцатого) крылатую ракету в маршевом режиме.

— Ладно, — меланхолически глядя в пространство, умозаклучил Пудель. — Не стану тебя уродовать. И так уродом уродился. Иди... Хотя вот еще: если вы с Беспредельщиком еще раз пересечетесь с этими типами, вместе или по одиночке, постарайтесь их вычислить. Не люблю слишком любопытных. А когда такие личности к тому же остаются неизвестными... Этакое я не люблю совсем! Если ты понимаешь, о чем я говорю...

Теперь Пудель целиком сосредоточил свое внимание на сведенных «домиком» кончиках пальцев. Носорог, не решаясь самовольно удалиться, с тяжелым сопением переминался с ноги на ногу. Наконец издаваемые им звуки вывели шефа из состояния затяжной медитации. Взгляд желтоватых, бешеных глаз уперся в переносицу громилы. Тот машинально втянул голову в плечи. Все подручные Пуделя были выпестованы в глубоком понимании собственной вины перед шефом. Не важно, в чем она состояла. Важно то, что всегда вина эта давала Лакосту моральное право в любой момент любым способом наказать любого из них.

Но в этот раз гроза прошла стороной. Пудель дал своему подручному свободу, только лишь меланхолически обронив: «Ты еще здесь?»

* * *

— Он назначил нам встречу на третьем перекрестке отсюда к северу, — сообщил Енот. Будет «голосовать» около автомата с прохладительным...

— Так он хочет поговорить со мной — в этой машине? — уточнил Кай и усмехнулся. — У роботов бывают, оказывается, светлые идеи. Вам стоит пересестись на заднее сиденье. Мне не очень улыбается постоянно ощущать этого вашего гостя у себя за спиной.

— Он просто понял, что на вашем «танке» установлена очень хорошая защита от прослушивания, — пожал плечами Енот, вылезая из машины. — Вы не боитесь? Подождите одну минуту...

Он торопливым шагом пересек улицу и нырнул в лавчонку, торгующую всяческой ритуальной всячиной. В таких лавчонках обязательно найдется полочка или шкафчик, отведенные для большого или маленького сонма фигурок богов Пестрой Веры. Нашелся такой шкафчик и здесь.

Енот положил пару «орликов» — плату за причиненное беспокойство — на прилавок перед дремлющим хозяином. Потом подошел к шкафчику с каменными, глиняными и металлическими алтариками, немного подумал и принес жертву Ишшан-н'Рауну — Нерешительному богу Осторожности, спалив на его алтарике купюру в двадцать федеральных баксов. В машину он сел (теперь на заднее сиденье) немного более спокойный, чем был до этого.

Кай улыбнулся чему-то своему, тронул автомобиль с места и стал приглядываться к скользящей за окнами улице. Третий перекресток к северу оказался расположен довольно далеко. Кварталы по правой стороне виа Нова были на редкость длинны. Они тянулись бесконечными фасадами выстроенных впрытик лавочек, ресторанчиков, магазинов, гаражей и складов. На неспешно катящийся «субару» обращали внимание (и то небольшое) только немногочисленные уличные собаки, дремлющие у обочины.

Третий к северу перекресток действительно украшал сверкающий никелем и стеклом автомат, торгующий охлажденным безалкогольным питьем. Или торговавший им когда-то. Рядом с автоматом маячила довольно экзотическая фигура — наряженный под древнеамериканского краснокожего тип при томагавке. Внешность у него была и впрямь вполне индейская. Тип поднял руку, призывая «подбросить» его до какого-то необходимого ему пункта дальше по курсу. Кай остановил кар и нажал кнопку открытия двери.

— Куда поедет, мистер? — осведомился он.

— Мне кажется наиболее разумным покататься по здешнему бульварному кольцу, — ответил «индеец», устраиваясь на переднем сиденье рядом с водителем.

Дверь кара, впустив его, мягко задвинулась на место. Кай набрал на пульте автопилота программу маршрута и тронул машину. Наступила несколько напряженная пауза. Енот хранил молчание и тихо обливался потом на заднем сиденье.

— Вы считаете, что в таком виде вы меньше бросаетесь в глаза? — поинтересовался Кай, чтобы начать разговор и прощупать собеседника, есть ли у того хотя бы чувство юмора или модель этого качества.

— Несколько человек в таком же наряде рекламируют на улицах сигареты «Трубка мира», — сухим, чуть надтреснутым голосом объяснил пассажир. — И решительно никто не обращает на них внимания.

* * *

За двумя автомобилями, катящими по своим делам позади «субару», усиленно пыталась

спрятаться рискующая развалиться на ходу краденая тачка.

— Ты видел, какое чучело они взяли себе на борт? — удивился толстяк. — Я не понимаю, они что, шоу «Дикий Запад» затевают? Фигня какая-то... Ничего не понимаю.

— Не к добру все это, — глубокомысленно отозвался лопухий. — Этот чудак в перьях — явно или наркодиллер, или связник какой-то. Этот Челлини всех своих собирает...

— Ты думаешь? — встревоженно спросил толстяк.

— А чего и думать-то? — зло парировал его вопрос лопухий. — Мы с тобой осиное гнездо разворошили! Зря мы мордально перед этим типом нарисовались. За лоха посчитали. А тут — целый зверинец. И вместо того чтобы нам ковыряльник у Енота этого заполучить, мы добела раскаленную кочергу в задницу получим!

— Ты это серьезно? — поразился толстяк. — Так какого же черта Мочильщик нас двоих против целой мафии кинул?

Лопухий мрачно молчал и только энергично пошевеливал рулем. Потом покосился на своего партнера.

— Гиблое это место — Семь Городов, — сообщил он толстяку свое мнение. — Черт нас сюда принес! Смыться бы...

Помолчав, его партнер отрицательно потряс головой.

— Смыться не получится, — сказал он обреченно.

* * *

— Итак, я готов выслушать ваши предложения, — уже гораздо более сухим тоном продолжил беседу Кай.

— Они весьма просты, — ответил ему все тот же слегка надтреснутый голос. — Вы используете ваши возможности для обнаружения того объекта, который вы сами обозначили как «Джокер». Вы сообщаете мне о его текущем местонахождении. После этого вы можете не заботиться ни о каких проблемах, связанных с ним. Это будет оценено как жест доброй воли с вашей стороны. В качестве компенсации вы получаете полноценные дипломатические контакты с нашей цивилизацией и участвуете на паритетных началах в освоении ресурсов этой части Вселенной, в обмене научными знаниями и технологиями с нами и другими цивилизациями, а также получаете гарантии безопасности космических путешествий в контролируемой моей цивилизацией части Космоса. Это основное. Мелкие детали отработают наши и ваши дипломаты.

Кай хрустнул пальцами.

— Ни я, ни, думаю, вы, — сухо произнес он, — не имеете ни малейших полномочий заключать подобное соглашение. Мы даже не можем обещать друг другу того, что когда мы сообщим нашему высшему руководству, каждый своему, о нашем контакте и о ваших предложениях, то они будут одобрены.

Лицо Палача было неподвижно, как лицо истинного индейского вождя. Тем не менее каким-то непостижимым образом на нем отразилась тень презрительной иронии.

— В отношении меня вы заблуждаетесь, мистер, — произнес он все тем же надтреснутым голосом. — Я не выдвигаю эти предложения. Я вообще не запрограммирован на подобные инициативы. Я в данном случае просто механизм для передачи предложений. А сами предложения сформулированы моими создателями. А точнее, как вы изволили

выразиться, «высшим руководством» того мира, который послал меня. Так что одобрение с этой стороны уже имеется.

— Вы сможете подтвердить свои полномочия? — скептически осведомился Кай после довольно продолжительной паузы.

— По-вашему, роботы могут действовать вопреки инструкциям своих создателей? — ответил Палач вопросом на вопрос.

— Довольно зыбкий аргумент, — пожал плечами Кай. — И опять-таки примите к сведению, что одобрение ваших предложений со стороны вашей цивилизации не означает автоматически одобрения их с нашей стороны. Короче, я веду речь к тому, что я не имею права принимать решения такого уровня. Вам придется ждать, пока...

— Мне кажется, — прервал его Палач, — что вы чересчур формально отнеслись к оценке ситуации. Это не кабинетная проблема. Обстоятельства могут заставить вас принять решение самостоятельно. Мы не располагаем морем времени.

Кай некоторое время молча смотрел на мелькавший за окном пейзаж бульварного кольца. Краем глаза он присматривал за Палачом. Тот оставался невозмутим.

— Принять решение самостоятельно... — произнес он с сомнением в голосе. — Для этого я должен иметь веские основания. Я же практически ничего не знаю о том, в чем заключается опасность, которая, по вашим словам, исходит от того объекта, который мы договорились называть Джокером. И ничего не знаю о том мире, который послал вас. Надеюсь, у нас есть время для того, чтобы вы связно изложили мне ответы на эти вопросы?

— Вы наконец-то начинаете по-деловому подходить к нашим переговорам, — улыбнулся Палач улыбкой крокодила. — Начнем с вашего первого вопроса. Если вам будет непонятно что-нибудь из того, что я вам сообщу, задавайте вопросы. Не бойтесь прервать меня.

Говорил он довольно долго. Кай не без интереса выслушал историю создания Покинутых и тех бед, которые навлекали эти идеальные слуги на своих Хозяев. В целом рассказ Палача совпадал с содержанием текстов, выданных Джокером. Хотя события были представлены несколько в ином свете. Если Джокер причиной заката цивилизаций Хозяев называл несовершенство самих этих цивилизаций, то Палач давал этим событиям совсем другое толкование.

— Причина гибели обществ разумных существ заключается в потере ими стимулов к развитию, — объяснял он. — Это правило абсолютно. И Покинутые принесут именно такую гибель любым Хозяевам, которых они встретят во Вселенной. Самый лучший способ превратить любое разумное существо в тупое животное — это тщательно исполнять все его желания. Разум становится просто не нужен ему для борьбы за существование. И именно это-то и совершают Покинутые. Выполняют все, чего от них хотят. А это верный путь к потере разума, а затем и к неизбежному вырождению и гибели. Вот что заставило моих создателей начать борьбу с этим злом.

Закончив свою обвинительную речь, Палач коротко заметил, что может сбросить в память любого компьютера, который укажет ему собеседник, пакет документальных доказательств своего рассказа. Съемок, сделанных в погибших Мирах, переводов исторических хроник, данных различных экспертиз...

Кай снова помолчал и ограничился короткой репликой:

— Мне надо переварить все, что я от вас услышал. Мне по-прежнему остается непонятной причина вашей спешки.

— Причина спешки заключается в том, что Покинутые могут начать просачиваться в ваш мир, как только получают положительное решение от своего разведчика. А он может сделать такое заключение в любой момент. А когда первые универсальные роботы появятся в распоряжении вашего народа, процесс уже будет невозможно остановить. Соблазн решить массу проблем, которые стоят перед вашим обществом, одним ударом будет слишком велик.

— Я могу обещать вам, — сухо произнес Кай, — только то, что я займусь поисками Джокера немедленно. И немедленно сообщу о положении дел своему руководству. Хорошо это или плохо, но это потребует времени.

— То, что вы согласны помочь мне в поисках объекта, прекрасно, — отозвался Палач. — Но вам не следует никого информировать об этой стороне вашей деятельности. И о нашем контакте вообще.

— Я не смогу поступить иначе, — пожал плечами Кай.

— Вам придется действовать именно так, как я вам рекомендую, — голос Палача стал более резок. — В вашем распоряжении гораздо большие возможности, чем те, которыми располагаю я. Используйте их. Обнаружьте объект. И сразу же сообщите о нем мне. Я уже сказал, что существуют обстоятельства, которые заставят вас действовать самостоятельно.

— Какие же? — осведомился Кай.

— Нам стоит продолжить беседу с глазу на глаз. Путь ваш друг не обижается, но...

— Высадите меня у Галереи, — торопливо попросил Енот.

* * *

«Дом Теней» был зданием основательным, воздвигнутым еще первопоселенцами Заразы, и поначалу числился за Высочайшим Престолом. С самого своего основания он был задуман как место содержания лиц, досаждающих этому Престолу и обществу. Ну, заодно и тех лиц, в степени вины которых надо было разобраться. Естественно, что такого рода «пансион» построили на отшибе — в лесу, раскинувшемся в лощине, аккурат между еще зарождавшимися только Семью Городами. Тогда это были еще вполне самостоятельные отдельные городишки, а не районы единого мегаполиса, как это было теперь. Сомкнувшиеся Города взяли «Дом Теней» в кольцо, и теперь он оказался расположен, вместе с клочком лесной чащобы, окружавшей его, практически прямо в центре столицы. Чащобу переименовали в парк, а контингент «политических» в «Доме» сменился всяческой криминальной шантрапой.

Со временем застенков, судов и прокуратур в Семи Городах было понастроено предостаточно. Утвердилась гуманная практика опальных обидчиков Престола вместо заточения просто высылать: кого — в монастырь, кого — на Побережье, кого — в леса или на стройки Дальнего Края. Кого — в должности начальственной, кого — «вольнопоселенцем», а кого и в статусе «трудом исправляемого». По этим причинам принцесса, по здравом размышлении, отдала «Дом» верному ей Ордену Порядка и слегка присматривала за тем, чтобы подарок ее не пришел в упадок и использовался по назначению.

Кроме в разной степени комфортабельных камер «Дом» содержал в себе кабинеты следователей, их служебные квартиры, канцелярию, архив и всевозможные технические службы — в общем, представлял собой довольно запутанный лабиринт-муравейник.

Простому смертному туда путь был заказан. Охрана окружала парк и «Дом» плотно — в три кольца. И, чтобы пройти через каждое из них, требовался отдельный пропуск. Без пропуска в «Дом» можно было попасть лишь в наручниках. Система эта свято сохранялась со старых времен и была даже усугублена Орденом. Хотя всякому было ясно, что столь суровые меры, пожалуй, большой перебор по нынешним временам. Впрочем, с переговорами через электронные каналы связи дело обстояло не так сурово.

Проснулся Гринни с судорожным всхлипом. Пробуждение было для него всегда неприятным делом — в тех случаях, когда ему снилось его детство. Из детства никогда не хочется выныривать в неприветливый и непонятный мир взрослых. словно выныривать из теплого и чистого течения в холодное и мутное от грязи. Особенно когда выныривать приходится не за годы и годы, а за считанные секунды.

Хотя, скажите на милость, что хорошего было в его детстве, часть которого прошла в тесных каютах и переходах «дальнобойного» транспортника, везшего в Закрытый Мир огромную партию переселенцев? Среди которых, кстати говоря, было полно всяческого сброда. Подчас опасного. Корабельный быт, регламентированный во всем до мелочей... А другая часть этого детства прошла в бараках на окраине Семи Городов. Стартовать в новом Мире семьям первопоселенцев было не так уж легко. Тем более тогда, почти двадцать лет назад, во времена беспокойные, когда очередной раз покачнулся Престол, а мафия и «лесное братство» шли в наступление в полный рост... Смерть матери — еще на борту транспортника. Гибель отца — уже здесь... Счастливым и сытым детство Григория Звонкова назвать было нельзя. Тем не менее о детстве тоскуют все. Вот и сейчас Гринни терзала смутная и неизлечимая тоска.

Тоску эту многократно усиливало похмелье после пьянки, о которой он не мог вспомнить решительно ничего. Разве только то, что происходила она, кажется, в «Скифе». Отдельно вспомнилась взгрустнувшая Мика... Но что не давало ей покоя? Или это было когда-то не в этот раз? Слова «Кривая Магия»... Запах «грезника»... Но по какому поводу они с ребятами так набрались? Память не подсказывала ему ничего путного.

Да и кроме этого вокруг было много непонятного. Жесткая лежанка под спиной, тусклый свет за окном-щелью. И решетка на этом окне. Боль во всем теле... Куда-то девшиеся с руки часы. Куда-то девшийся с пояса мобильник. И, кстати, отсутствие самого пояса... Запах дезинфекции и какая-то еще очень специфическая вонь. Тишина, полная в то же время приглушенных звуков. Позвякивание, постанывание, кажется, чьи-то вздохи и унылое бормотание вдалеке...

С трудом он сел и устался на сидевшего на противоположных нарах Тимми. Тому тоже было невесело. Он обхватил голову руками и слегка раскачивался — из стороны в сторону. Немного поискав глазами (а это было сейчас для него нелегким занятием), он обнаружил на нарах рядом с Тимми какого-то совершенно незнакомого типа в кожаном «прикиде», а на нарах справа от себя — недвижимую тушку, весьма напоминающую весельчака Сяна. Тушка слегка похрапывала. Всего в тесном помещенье было четверо. Считая его самого.

Заставить язык работать удалось Гринни не с первой попытки. И не со второй. А правильно выстраивать слова не удалось вообще.

— Сейчас что? — спросил он, кивая на сереющее оконце. — Утро или вечер?

— Для тебя это самое важное, парень? — наигранно удивился тип в кожанке. — Важно, что мы в тюрьме. Ты хоть знаешь, где находишься? Угадай с трех раз.

Гринни рывком заставил себя сесть и, преодолев головокружение, отрицательно помотал головой. При этом еле удержался на нарах.

— Ты же сказал: в тюрьге... — недоуменно ответил он. Тип усмехнулся.

— Важно не то, что просто в тюрьге, важно — в какой... Про «Дом Теней» слышал? Так вот, ты в нем. Добро, так сказать, пожаловать...

— А т-ты кто? — поинтересовался Гринни.

— Уоллес, — отозвался тип. — Фред Уоллес, разреши представиться. Я в охране городской электросети, кстати, работаю. И у меня по вашей милости, ребята, будут очертенные неприятности. Ты можешь не представляться. Мы с твоим приятелем, — кивнул он на продолжающего мерно раскачиваться Тимми, — уже слегка поболтали за жизнь. Хотя он и не очень разговорчивый... Похмелье — вещь ужасная. Понимаю его.

— «Дом Теней»... — начал соображать Гринни. — Это тюрьга Порядочных?

Было у Ордена Порядка такое ироническое прозвище.

— Угадал, парень, — признал разговорчивый Фред.

Гринни сосредоточился, что тут же отозвалось всплеском невероятной головной боли. Но принесло кое-какие результаты. Ключьями, кусочками мозаики память стала потихоньку возвращаться к нему.

— А что мы натворили? — постарался выяснить он. Фред похлопал себя по карманам, убедился, что курева его лишили при задержании, и сообщил:

— Вы очень везучие ребята... Умудрились на «грезничке» залететь. Это уметь надо. А я, идиот, завернул в «Скиф» после дежурства стопаря пропустить. Гляжу — гудят ребята. Притом угощают. Ну и присоединился. До сих пор не знаю, что там у вас было — свадьба или похороны... Ну, в общем, повеселились хорошо. Если б орденцы весь кайф не сломали, так до сих пор гудели бы... Кстати, в соседних камерах — еще с полдюжины таких вот дурачков, как я, своих адвокатов ждут.

Сян неожиданно прервал свое посапывание.

— Это я этих сук на хвосте привел! — не без гордости сообщил он.

И захрапел снова.

— Сяна за травкой понесло, — неожиданно включился в разговор Тимми. — И, наверно, эти козлы его отследили... От момента покупки. А может, выборочную проверку просто устроили. В городе фигня творится... А у «Скифа», слава известная...

Гринни потер виски.

— А где Мика? — спросил он без особой связи с предыдущим, без особой надежды получить ответ. Тимми уставился на него с явным сожалением.

— Тебе б похмелиться в самый раз, Гринни, — вздохнул он. — В смысле — головку поправить. Где, где... В женском отделении, вестимо. Со шлюхами и воровками. Но она за себя постоять сможет. — А ты что, думал, тут ее с нами определяют?

Гринни снова потер виски.

— А деньги, что у нас были по карманам? Там должна неслабая сумма остаться... Им — кранты?

Тимоти молча вытащил из внутреннего кармана листок и подержал его перед Гринни.

— Орденцы, конечно, козлы порядочные, — сказал он, — но карманным воровством не грешат. «Бабульки» под расписку положены в сейф. При выходе получим.

Гринни воспрянул было, но тут же сник.

— Ну и что нам будет? — сокрушенно спросил он. — От этих уродов всего можно

ожидать...

— Мой вам совет, — бросил со своего места Фред. — Засуньте языки в задницу и не отвечайте ни на какие вопросы. Алкогольная амнезия — весь сказ... Кроме «грезника» вам ничего прицепить не могут? — с некоторым сомнением поинтересовался он.

— Не могут, — торопливо заверил его Гринни.

Его совсем не пугала угроза попасть под суд. Тем более что сам-то он зелье не курил. Только нанюхался того, что «смолила» почти вся остальная компания. Его грызла мысль, что их не отпустят раньше, чем истечет срок, поставленный Секачом. Второй крупной неприятностью была возможность обыска офиса Тимми. Да и то, что складированные там запасы федеральной «зелени» и «пернатых» так надолго остались без присмотра, тоже напрягало. Но этими соображениями уж никак не стоило делиться с посторонними.

— Тогда молчите, — уверенно повторил свой совет Фред. — Молчите и не покупайтесь на провокации. И требуйте адвоката... Свяжитесь с кем-нибудь из знакомых. Пусть отследит, чтобы вам не подсунули какого-нибудь прощельгу...

Легок на помине, такой знакомый тут же нарисовался. Загудел внутренний коммутатор, и голос дежурного тюремщика распорядился:

— Грегори Звонков в переговорную. Вы не отказываетесь от разговора?

— Кто спрашивает меня? — произнес Гринни в пространство, гадая, в каком направлении расположен микрофон.

— Абонент не назвался, — сухо отозвался дежурный. — Вы отказываетесь от разговора?

— Нет, не отказываюсь.

— Тогда, — скомандовал дежурный, — поднимитесь и подойдите к двери. Не делайте резких движений.

На двери тут же замигала лампочка, видимо указывая Гринни путь, чтобы он не спутал дверь с чем-нибудь другим.

— Всем остальным, — распорядился невидимый тюремщик — оставаться на местах. Задержанный Звонков выходит и идет следом за автоматом сопровождения... В случае непослушания и хулиганских выходок виновный может быть наказан парализующим разрядом с последующим помещением в карцер строгого режима...

Щелкнул электрический замок, и дверь камеры автоматически отворилась. За дверью Гринни поджидал типовой роботоохранник «Сентинелл-22» — похожая на детскую игрушку-переросток тележка, ошетилившаяся стволами пневматических ружей и проблесковым маячком.

— Следуйте за мной, следуйте за мной, — жестяным голосом призвал «Сентинелл» и бодренько покатыл по коридору. Гринни поспешил за своим неодушевленным провожатым вдоль серого камня стен и окрашенных бледно-зеленой эмалью, пронумерованных дверей камер. За отсутствием пояса брюки ему приходилось придерживать обеими руками.

Переговорная обнаружилась на том же этаже, что и камера, в которой проснулся Гринни. Ее дверь из коридора и выглядела как дверь обычной камеры. И так же, как дверь камеры Гринни, она щелкнула электрозамком и автоматически открылась перед ним. И за ним закрылась. И по размерам это была обычная камера. Но вместо нар, умывальника и унитаза здесь располагались шесть звуконепроницаемых кабинок, оснащенных древними блоками связи с небольшими экранчиками. Блоки были взяты под бронированное стекло — во избежание порчи буйными арестантами и других инцидентов. У двух кабинок двери были

открыты — в знак того, что они свободны.

— Ваша кабина номер три, — уведомил Гринни голос из-под потолка. — Время не ограничено. Когда закончите разговор, нажмите красную кнопку перед собой. Разговор записывается. Если вы против, можете отказаться от разговора.

— Не отказываюсь, — буркнул Гринни и вошел в кабинку, закрыв за собой дверь.

«Интересно, — подумал он, — зачем звуконепроницаемые двери, если разговор записывают? Не иначе как для того, чтобы ненароком другие арестанты не услышали чего важного...»

Он уселся на жесткое сиденье и стал ждать, уставившись в экран. Кроме помянутой красной кнопки, никаких органов управления в кабинке не наблюдалось.

Экран осветился, и на нем нарисовалось знакомое лицо. Как ни странно, Гринни испытал облегчение. Хотя он и знал, что означает появление на горизонте Ларри Браги. В сочетании с истекающим сроком уплаты долга Секачу это означало только одно — недвусмысленный намек на большие неприятности. Тем не менее с Ларри дело иметь было куда приятнее, чем с Мочильщиком или с самим Секачом.

Ларри улыбнулся своей характерной — себе на уме — улыбкой. Судя по возникшему за спиной Ларри фону, Гринни прикинул, что тот вышел на связь из салона при Почтамте или каком-то из дорогих отелей.

— Рад тебя видеть живым и здоровым, Гринни, — довольно искренне, но не без «подколки» произнес он. — С вас, ребята, бутылка. Я нашел вам адвоката. И даже его нанял. Вас, правда, не спросил, но, так думаю, вы не сильно обидитесь.

— Спасибо, Ларри, — осторожно поблагодарил Гринни.

— Вот, прошу любить и жаловать...

Ларри подвинулся в сторону и дал место перед камерой слегка пучеглазому типу, одетому в строгий и очень дорогой костюм. Тип отвесил Гринни полупоклон и впился в его изображение цепким взглядом холодных, навывкате глаз.

— Мэтр Гвидо Буанофокко, — представил пучеглазого Ларри. — Он вас выдернет из-за решетки, как морковку из грядки. Завтра с утра уже будете гулять на свободе. Когда он придет за вами, не спутайте с кем другим. Гонорар, ребята, придется мне возместить... На это согласны?

— Согласны, — ответил Гринни за всех и сглотнул густую слюну.

И еще подумал о том, что Ларри скопил неплохие «бабульки», если нанимает адвокатов из своего кармана.

— Вот и ладушки, — подвел черту Ларри. Он кивнул адвокату. — Вы свободны, мэтр.

Мэтр испарился в мгновение ока. Видимо, пребывание в обществе Ларри Браги было для него не лучшим времяпрепровождением. Ларри снова занял место перед камерой и произнес уже не столь благостно:

— Хорошо повеселились, ребята? — Он окинул Гринни прозрачным и невеселым взглядом.

— Честно говоря, не помню, — пожал плечами Гринни. Он не любил долгих вступлений.

— Денежки — заплатить должок — не пропили? — так, словно речь шла о паре сотен «орликов», осведомился Ларри.

— Ну, уж не такие ослы, — обиделся Гринни. — Будем на свободе — не просрочим...

Ларри улыбнулся — еле заметной улыбкой рефери, засчитывающего очки «своей»

команде.

— Вот что... Ты ведь человек сообразительный, Гринни. Понимаешь, что господин Гордон будет не в восторге от ваших, ребята, приключений? Он человек строгих правил и не любит, когда его деньгами рискуют.

Гринни снова пожал плечами в знак согласия — чуть судорожно.

— Ну прими к сведению, — продолжал Ларри спокойным, даже доброжелательным тоном. — Если вы будете играть честно, то я, как могу, вас прикрою. Вы уверены, что еще никаких хвостов за вами не числится? Не отвечай сразу. Подумай.

Гринни сделал вид, что думает. Хотя занятие это вызывало у него сильнейшую головную боль.

— У вашего шефа не будет с нами никаких проблем, — заверил он Ларри, выдержав надлежащий, по его мнению, промежуток времени.

— У меня нет никаких шефов, — уведомил его Ларри сразу похолодевшим тоном. — Я сам по себе.

— Извини, — обескураженно вздохнул Гринни. — В общем, ты понимаешь, что я имел в виду...

— Хорошо, если так, — принял извинение Брага. — Теперь слушай меня внимательно. Вам лучше с господином Гордоном не пересекаться. Захочет он вас увидеть — вызовет к ноге. А так лучше, если я возьму дело на себя. Завтра вас выпустят около семи часов утра. Никуда не сворачивая, двигайте домой. Новых приключений никому не нужно. Час вам на то, чтобы подготовиться. Затем я к тебе зайду. Ненадолго. И мы все вздохнем свободно... Идет?

Гринни озабоченно почесал в затылке. Он наглядно представил себе, как они волокут сумку, набитую банкнотами, через площадь Эпидемий, и ему сделалось дурно.

— Лучше встретиться у Тимми, — предложил Гринни. — Ты как на это смотришь?

Теперь уже Ларри пожал плечами. Довольно безразлично.

— У Тимми так у Тимми... Напоследок, ребята: я думаю, у вас ума хватит не давать показаний в отсутствие адвоката? Если вас, конечно, вообще надумают допрашивать.

— Хватит, — уверил его Гринни.

— Вот и ладушки, — кивнул Ларри. — Возможно, вас просто выпустят под залог. Ну, ты новости слушаешь, обычные расценки знаешь. При себе у вас денежки остались?

— Они в тюремном сейфе, — помолчав, ответил Гринни. — У Тимоти расписка. Думаю, с этим проблем не будет. Если они нас согласятся выпустить, конечно.

— Ну, тогда до завтра, ребята, — улыбнулся Ларри. — Удачи вам. Не раскисайте.

* * *

В офисе, приютившемся в развалюхе на Красных Камнях, разборки шли полным ходом.

— Вы даже песку в пустыне найти не сможете! — орал Билли на свою команду.

Команда была, надо сказать, в полном сборе. Чуть больше полудюжины крепко сбитых бритоголовых парней. Единственным успехом предпринятых усилий было то, что нашелся фургончик Билли — целый и невредимый, но совершенно пустой.

— Даже песку в пустыне и снегу зимой! А не то что тех, кто у вас под носом ошивается!

— Я же говорю, — вздохнул Шустрик, — с «залетными» разобраться очень трудно

бывает. Сегодня они здесь, а завтра поминай как звали!

— Ты долго на эти темы размышлял? — ядовито осведомился у него Билли. — Ты б эту привычку оставил — размышлять я имею в виду! Тебе это вредно! Какие, к дьяволу, «залетные»?! Кто-то свой это! Из тех, кого мы сто раз на дню видеть могли! Из тех, кто хорошо в курсе дела быть мог! Вот теперь и думайте все — кто? И ты, Макс, думай особенно хорошо. Потому что, прямо скажу, ты первый, на кого грешить приходится. Ты ж на «жучках» помешан! Мог для кого-то постараться.

— Опять! — застонал Чувырла. — Я ж не только их ставлю. Я и обнаруживаю. Ты ж сам меня чуть ли не каждую неделю просил офис проверять! И я, как говорится, верой и правдой! Подслушивать нас не могли!

— О да, — поморщился Билли. — Ты, конечно, лучший в мире специалист по контршпионажу! Можешь отличить микрофон от объектива. А наушник — от фаллоимитатора. Ты мне скажи: какого черта было трепаться со мной о деле по мобильнику?

— Так ведь это по мобиле защищенной! — возопил Чувырла. — Вещица из Старых Миров!

И вдруг так и застыл, воздев руки к потолку. Его взгляд наполнился ужасом. Он понял, что допустил чудовищный прокол. Невероятно глупый и обидный. И, главное то, что если прокол этот сейчас обнаружится, то судьба его, Макса Чумацки, будет более чем незавидной. «Идиот! — сказал ему внутренний голос. — Ты же отдал поломанный дешифратор Тимми вместе с тем кодом, на который была настроена и трубка Билли!» Ну почему, почему этот голос не напомнил ему об этом обстоятельстве чуть пораньше? На мгновение Чувырла лишился дара речи.

Испуг Макса не остался незамеченным.

— А ты уверен, что этот хлам, который ты прикупил у своего приятеля, и впрямь уж такая защищенная техника, что просто зашибись? — все с той же кривой улыбкой поинтересовался Билли. — Один аппарат даже менять пришлось, помнится...

Макс воззрился на него неподвижным взглядом. Нужно было срочно увести разговор в сторону от трубки. И в то же время... И в то же время похоже, что Тимоти Стринг был в сложившейся ситуации идеальным «громоотводом».

— Черт возьми! — воскликнул он. — Да ведь это же он! Как я не понял сразу! Мне Стринг этот дешифратор подсунил специально! Он специально настроился на прослушивание!

— Стринг? — озадаченно переспросил Билли.

Он впервые проявил серьезный интерес к словам Макса.

— Да! Тимми Стринг! Такой тощий. Приторговывает на площади Эпидемий. «Паленым» товаром в основном. Всем на свете... Пока по-крупному не попадался. От коллекционной выпивки и до дырявых носков включительно. Ну, наверно, сто раз видели — такой магазинчик невзрачный... Это у него я и взял дешифраторы. Ну и другие товары брал временами. Мне только сейчас в голову стукнуло...

Билли молча ухватил Чувырлу за воротник и притянул его физиономию к своей. Макс вытаращил глаза, как удушенный. С десяток секунд Билли рассматривал его в упор. Потом — с некоторым даже сочувствием в голосе — пообещал:

— Это, Макс, пожалуй, не последнее, что тебе стукнуло в черепушку. Боюсь, что по ней надо будет постучать кое-чем покрепче. Так просто — чтобы ума прибавилось.

Он легонько, чтобы ненароком не размазать по стенке — оттолкнул Чувырлу в сторону. Потом присел на краешек стола и рассеянно похлопал по карманам в поисках своего мобильника. Нашел и протянул его Максусу.

— Звони своему Стрингу, — распорядился он. — Скажи, что зайдешь сейчас. Предлог сочини сам. Только такой, чтобы он поверил. А мы, ребята, — тут Билли повернулся к своей команде, — сейчас составим Максику компанию. Поговорим с тамошними ребятами по душам. Надо, как говорится, этого Тимми «уточнить». — Он снова обратил свой взгляд на Чувырлу. — Там, в этой его шараге, сколько народу? И что они из себя представляют? Какой крутизны народ, я имею в виду? Стволы, как я понимаю, у них нет?

Макс поправил воротник и придушенно покрутил головой.

— Да обычно он один там. Ну, может, еще пара приятелей... Крутые на словах только. Стволы у них сроду не было. А вот «вырубатели» всякие или электрошокеры — пожалуйста. Однако же... Однако же, я думаю, не стоит его предупреждать... Он же в курсе того, что я из тех, кого они грабанули... Если это они грабанули, конечно... Так что лучше визит сделать неожиданный. А то спугнем ведь...

Билли задумчиво присмотрелся к Максусу:

— Вообще-то, у тебя иногда возникают мысли, не лишённые смысла... Но только хотелось бы мне знать, не смылись ли эти веселые ребята из Семи Городов вообще? Если смылись, так это само по себе кое-что доказывает. И в то же время... — Он поморщился. — Не хочется тратить время на дохлый номер.

Билли сделал по комнате круг и остановился перед замершей в ожидании его вердикта братвой. Братва ела главаря глазами.

— Ну да и хрен с ним! — решительно выпалил Билли. — Если этот жук на месте — сразу берем его в оборот и дрючим по полной программе. Его или вообще любого, кто там его замещает. Словом, того, кто под руку попадет на месте действия. А если у этих ребяток хватило ума, чтобы смотаться куда-нибудь... Ну в Дальний Край, например, то не может такого быть, чтобы они не оставили никаких следов. Если надо, возьмемся за его знакомых. И родных. Все в его норе перевернем вверх дном, но концы найдем! А беспокоить эту шаругу раньше времени и вправду не стоит.

Он решительным шагом подошел к столу, выдвинул нижний ящик и вытащил из него солидного калибра ствол и штык десантного образца. Нехорошо подмигнул братве:

— По коням, ребята!

Глава 11

БОГ ОХОТЫ

Доставить «пред светлы очи» господина Лакоста специалиста для оценки кладки, доставшейся от Енота, оказалось не так просто. Из четырех драконоводов трое все еще не пришли в форму. А док Фрост был небольшим любителем отпускать клиентов из-под контроля и держать на стимулирующих препаратах. Так что Метису пришлось попотеть, чтобы заполучить на руки хотя бы одного Шведа.

Тот начал приходить в себя (после сделанной инъекции) только на пути к офису Лакоста.

Каба деликатно откашлялся, пытаясь привлечь внимание шефа. Только повторив это упражнение три или четыре раза, он удостоился того, что рассеянный взгляд Пуделя обратился в его сторону.

— Они привели этого чудака, господин Лакост, — сообщил секретарь-телохранитель. — Этого драконовода... Тот, у кого погонялово — Швед. Он не очень-то в форме, но на ногах держится. Ему люди Фроста вкололи все, что следовало. Как вы и просили.

Пудель щелчком длинных, музыкальных пальцев распорядился подать Шведа в кабинет. После чего вернулся к своим отрешенным размышлениям и перестал обращать на окружающую действительность хоть какое-то внимание.

Шведа Метис втокнул в офис шефа небрежным тычком в спину. Тот с трудом удержался на ногах, слегка замутненным взглядом окинул офис и остановил его на стоящем у стены контейнере. Лицо его приобрело осмысленное выражение. Это было нечто ему хорошо знакомое, привычное. Швед вздохнул с облегчением. Видно, он ожидал, что его срочно вызвали «к ноге» для чего-то гораздо значительно более худшего, чем работа с привычными драконьими яйцами.

— Как твоё здоровье? — поинтересовался Пудель.

Голос его был, как обычно, меланхолически отрешенным. Вообще-то, ничего хорошего это не обещало. Тем более что интерес к здоровью своих подручных был вовсе не характерен для Мишеля Лакоста. Швед на всякий случай неопределенно пожал плечами.

— Я имею в виду — голова у тебя варит? — уточнил Пудель. — С глазами порядок? Черное от белого отличаешь? Слух не барахлит? Руки работают?

Он впился взглядом своих янтарно-желтых безумных глаз в физиономию Шведа. Такой взгляд мог полностью заменить медицинское освидетельствование.

Швед — все так же в основном с помощью мимики — уверил его в том, что и его зрение, и слух, и «соображаловка» хотя и не в лучшей форме, но работают. Если это, конечно, надо.

— Тогда осмотри как следует товар, — кивнул Пудель на контейнер. — Есть тут за что выкладывать бабки или полное фуфло?

Швед еще раз пожал плечами, не торопясь, подошел к металлическому коробу и присел над ним. Немного поколдовал над замком и, без всяких проблем открыл контейнер. Некоторое время, чуть отстранясь от пышущего из него жара, присматривался к нелепым булыжникам драконьих яиц. Потом считал показания индикаторов на внутренней стороне крышки и почесал в затылке.

— Кладка в порядке, — сообщил он. — Эмбрионы в норме. Собственно, завтра первые уже смогут вылупиться. Так что вы вовремя вернули эту кладку себе. Но с продажей надо поторопиться... Вылупившийся дракончик — это та еще проблема. Не то чтобы летающий огнемёт, но зажигалочка та еще...

Пудель смотрел на Шведа прозрачным, янтарно-безумным взглядом. Из всего сказанного драконоводом только лишь одно слово привлекло его внимание. Он аккуратно облизал свои мгновенно пересохшие губы и тихо, почти неслышно спросил:

— Вернул, говоришь? Вернул?

Швед недоуменно уставился на контейнер. Потом — на Пуделя:

— Я вас не понял, мсье Лакост... Разве это уже не наша кладка?

— А разве ваша?! — поднимаясь из-за стола, заорал Пудель. — Это та кладка, которую я купил у вас? Та, которую увели у вас из-под носа какие-то злыдни?

Недоумение Шведа достигло предела. Он широко развел руками:

— Да, конечно, это она! Я, знаете, не первый год занимаюсь этим бизнесом и каждую кладку не спутаю с любой другой... Да к тому же я знаю программу работы этого контейнера. Сам ее настраивал...

Ему показалось, что сейчас взгляд Пуделя испепелит его.

Лакост сомнамбулически медленно обошел свой стол и медленно обвел взглядом всех собравшихся в комнате.

Все трое замерли в почтительном трепете ожидания чего-то ужасного. Пудель хрустнул пальцами.

— Енот... — процедил он сквозь зубы. — Енот... Надо же... Наш толстенный, услужливый Енотик! — И заорал на весь кабинет: — Эта задница с глазками надумала продать мне мой же товар! — Его прямо колотило от бешенства. — Немедленно... Я повторяю: немедленно волоките этого уроды сюда! Поторопитесь, ребята! Дождаться, пока их свинячье сиятельство соизволят сами явиться, я не собираюсь! Он должен оказаться здесь раньше, чем я отверну кому-нибудь голову!

Пудель направился к настенным стеллажам, на которых располагались фигурки почитаемых им божков Пестрой Веры. Не глядя протянул руку назад. И в руку эту немедленно была вложена зажигалка. Он извлек из бумажника банкноту, смял ее и положил на один из алтариков.

— Сегодня я Кобра-охотник! — произнес мсье Лакост, впечатывая каждое слово в сознание подручных. — Я объявляю сезон охоты! Охоты на шакалов!

Он убедился в том, что его поняли, и зажег смятую купюру — принес жертву Алла-ин-Эльвею — Ненасытному богу Охоты.

* * *

Карательная экспедиция Буффало Билла отправилась в путь без особых промедлений. Довольно вместительный фургончик был под завязку набит вооруженной до зубов братвой. Принцесса Феста, безусловно, взорвалась бы на месте, узнав, что по улицам самого большого (правда, почти единственного) города ее державы колесит тачка, а в ней — неполная дюжина головорезов. И каждый из них при этом вооружен. По меньшей мере парой запрещенных под страхом смерти огнестрельных стволов. Причем не каких-то самоделок.

Стволы были такого калибра и снабжены такими зарядами, что всякий, кого такой заряд только хоть краешком зацепил бы, да оставил в живых, просто обязан был уверовать в Бога — всеблагого и справедливого. Впрочем, у половины из участников экспедиции были выправлены разрешения на их стволы. Действительные или «кривые». Все остальные на принцессу, вместе с ее эдиктом об огнестрельном оружии, просто плевали. За каждым из них числилось уже столько, что встреча с виселицей не была бы чем-то удивительным. Тем более по такому мелкому поводу. За руль был посажен Шустрик, а рядом с ним усадили Чувырлу, который служил лоцманом экспедиции. Пикап уверенно петлял по путанице улиц Семи Городов. Устроившийся за спиной водителя Билли поскрежетывал зубами и время от времени сообщал, что именно ждет каждого из шакалов, покусившихся на его законную добычу. Он уже успел убедить себя в том, что другого объяснения случившемуся, чем то, что предложил Чумацки, нет и быть не может.

Макс, как мог, подпевал ему, но в то же время ожесточенно, судорожно пытался избавиться от страшного ощущения, что вот-вот откуда-нибудь из-за угла объявится кто-то из свежееграбленных драконоводов и узнает его в лицо.

Как водится, неприятности объявились совсем не оттуда, откуда их можно было ждать.

* * *

Сэр Смыга был преисполнен пивом и жаждой мщения. Он с порога отверг предложение коллег отдохнуть после пережитого похищения и связанных с ним неприятностей. Едва оклемавшись, исполняющий обязанности Коннетабля решил проехаться по городу с инспекцией, чтобы развеять дурацкие слухи о своей полной инвалидности. Он неспешно двигался на своей верной — белой в яблоках — кобыле вдоль Глория-стрит, бдительно поглядывая по сторонам. Не то чтобы он рассчитывал встретиться лицом к лицу с обидчиком. Нет, конечно. Сэр рассчитывал только на то, чтобы отыгаться наконец хоть на каком-нибудь типе, вроде того, который этак вот нахально выдернул его из седла и припечатал маковкой о мостовую... Не важно, кто это будет: нарушитель правил парковки, угонщик, пьяный за рулем или еще кто. Так или иначе, этой еще неизвестной жертве орденского устава светили крупнейшие неприятности. Оставалось только ее найти — эту самую жертву. Но ничего путного пока на глаза не попадалось. Сэр орлиным взором озираал окрестности, высматривая какой-нибудь непорядок.

И вдруг...

Совершенно неожиданно для себя он обнаружил, что благополучно следует по узкой Глория-стрит прямо перед таким, ну просто точно таким же фургончиком, что в прошлый раз так не ко времени привлек его внимание. Причем фургончик самым нахальным образом всячески силится его объехать. Но безуспешно. И еще немного спустя он понял, что это не просто точно такой же, а именно тот самый грузовой пикап, из-за которого он и поимел все свои неприятности последних суток. Чувство близости праведного отмщения охватило его душу.

* * *

Шустрик был удивлен донельзя, когда конная фигура, замаячившая впереди по курсу движения, отсигналила ему отмашкой правой руки: «Вправо и стоп!» Никогда ему господа рыцари не надоедали так часто, как в последние сутки. Но сейчас не стоило входить в конфликт с такой вздорной организацией, как Орден Дорог. Поэтому он, соблюдая все правила, притормозил, сдал к обочине и остановился. И, повернувшись к боковому окошку, нос к носу столкнулся с давешним чучелом.

Оба они, выпучив глаза, уставились друг на друга, словно каждый узрел привидение.

— Ага! Старый знакомый! — констатировал сэр. — Мне, кажется, нет нужды снова вам представляться. Выходите-ка, молодой человек, из машины. Нам надо основательно побеседовать!

В знак серьезности своих намерений сэр недвусмысленно положил руку на рукоять револьвера, торчащую из заранее расстегнутой кобуры. Шустрик, двигаясь осторожно и осмотрительно, послушно покинул кабину. Сидевший рядом с ним Макс зажмурился и принялся возносить молитву Господу. Он уже нутром чуял приближающуюся потасовку. Остро заныло покалеченное ухо.

В планы исполняющего обязанности Коннетабля Ордена Дорог вовсе не входило моментально переходить к рукоприкладству в отношении своего недавнего обидчика. Профессиональный инстинкт подсказывал ему, что, по крайней мере, начать свое отмщение он сможет, оставаясь сугубо в рамках Закона.

— Что возем? Какие грузы? — осведомился сэр Смыга с напускным безразличием, как бы разглядывая плывущие по темнеющему небу перистые облачка. Но при этом не упуская из поля зрения своего собеседника. Уж теперь-то сэр знал, чего можно от него ждать. Руки с рукояти своей пушки он не снимал.

— С приятелями едем на пикник, — брякнул первое попавшееся объяснение Шустрик. — Что, не имею права?

Он уже понимал, что просто так уличной проверкой не отделается. И штрафом — тоже. Поэтому голова его работала, лихорадочно генерируя план действий. Внутри фургона у забеспокоившейся братвы тоже происходила интенсивная мыслительная деятельность.

— На пикник, говорите? — иронически улыбнулся сэр Смыга. — В направлении центра города? Да и час уже поздноватый.

— Ночные пикники — очень увлекательное дело, — заверил его Шустрик. — А в центре мы еще должны взять на борт одного приятеля...

— А лицензия на извоз пассажиров у вас, господин водитель, на руках? — продолжал свои придирки сэр. — Где, кстати, техпаспорт ваш? Ну и все прочие документки... Это, вообще, ваша собственная машина? В угоне, случайно, не числится?

— Какой извоз? — пожал плечами Шустрик, протягивая сэру свою карточку-удостоверение. — Это мои приятели. Среди них — владелец машины. Я с них денег брать не собираюсь... Имею право...

— А я что? Не имею права на путевой досмотр? — меланхолично осведомился сэр. — Имею, дорогой мой. Имею. Давай-ка познакомимся с твоими друзьями...

Шустрик пожал плечами, обогнул пикап и взялся за ручку грузовой двери.

— Зачем вам это? — тоже бросил он с напускным равнодушием. — Люди как люди...

— Ну вот и посмотрю, что за народец ты катаешь по городу.. А заодно вызову-ка наряд. Чтобы чего-нибудь не упустить...

Сэр Смыга перенес правую ладонь с рукояти револьвера на притороченный к поясу

мобильник. Шустрик торопливо отворил кузов фургона, и перед сэром Смыгой предстала чуть ли не дюжина диковатого вида парней. Все очень решительного вида. И все при стволах.

Большая часть этих стволов была направлена в разные жизненно важные части тела почтенного рыцаря.

— Не шевелись, — благоразумно посоветовал ему Шустрик. — Слезай с коня и подойди к машине.

Сэр Смыга наградил нахала взглядом, исполненным лютой злобы, но подчинился его словам. Десяток единиц огнестрельного оружия, направленных на тебя, — весомый аргумент, с которым не поспоришь. Из глубины кузова к дверям придвинулся Билли.

— Давай сюда твою хреновину, Бен! — распорядился он и, не оборачиваясь, протянул руку назад.

Поименованный Беном тип послушно вложил «хреновину» ему в ладонь.

— У меня к вам разговор, досточтимый сэр, — обратился Билли к исполняющему обязанности Коннетабля. — На пару слов. Наклонитесь ко мне, пожалуйста.

Не ожидая ничего хорошего, досточтимый сэр выполнил и это распоряжение. В лицо ему ударила резко пахнущая струя аэрозоли из баллончика с «вырубателем». Именно он и был той самой «хреновиной», с которой не расставался упомянутый выше Бен.

— О черт! — прошипел Шустрик, подхватывая мгновенно обмякшего сэра. — Я чуть сам не наглотался этой дряни! Голова теперь дурная будет... Что с ним делать?

— В машину затаскивать! — распорядился Билли, возвращая баллончик Беноу. — Посторонитесь, ребята... Отвезти его надо дальше по курсу. И сгрузить где-нибудь в тихом месте. Так, чтобы, как говорится, «шкурку не попортить». Без шума и пыли. И, главное, без свидетелей.

Фургончик торопливо покатился по улице, оставив полную недоумения Мадемуазель задумчиво стоять у обочины.

— Этому борову понравилось ездить в твоей машине! — усмехнулся Чувырла и кивнул Билли на уложенного в проходе сэра. — Почему бы не свалить его в речку? А то он мог нас запомнить...

Билли поморщился. Потом повертел пальцем у виска. Кивнул на знаки отличия, украшавшие бушлат достопочтенного сэра.

— Ты посмотри на его бляху. Это же, считай, полный Коннетабль. Или вроде того. А второго Коннетабля в неделю прикончить — это слишком большая роскошь. Тут уж сама Ее Высочество взбесится. И город прочешут очень частым гребешком. И это будет не жизнь... Даже если они не найдут тех, кто уколошил Коннетаблей, к чему-нибудь да прикопаются. Очень многие «попадут под раздачу». И нам обломится так, что мало не покажется.

— И не вспомнит он ни фиги, — заверил Бен братву. — Это «военный вырубатель». Он даже то, что было за два часа до того, как он эту штуку понюхал, не вспомнит...

— Одним словом, — подвел черту Билли, — в безлюдное место его и оставляем в покое. На свежем воздухе. Даст бог — не загнется от передозировки «вырубателя». Документы и кредитку трогать не стоит. Разве что пушку у него забрать — неплохая машинка...

— Здесь по дороге можно завернуть в один переулочек, — тут же предложил Чувырла. — Собственно, тупичок. Ну и там типа скверика что-то... И там вечно никого не бывает...

Так и получилось, что этой ночью — второй раз за сутки — достопочтенный сэра Смыга очнулся на лавочке посреди довольно симпатичного скверика, украшавшего Воровской переулок.

— Господи! — пробормотал он, оглядевшись. — Что это за наказание — стоит мне всего-навсего принять кружечку пива, и я оказываюсь тут — на свежем воздухе, без коня и без сознания!

* * *

Мэтр Гвидо Буанофокко, несмотря на поздний вечер, спустившийся на Семь Городов, развил нешуточную активность. Профессиональное чутье подсказывало ему, что речь идет не просто о том, чтобы вызволить из-за решетки кучку загулявших шалопаев, а о чем-то важном для людей влиятельных. Соответственно, сразу при составлении контракта он выставил в графу «гонорар» цифру, в три раза превышавшую свое обычное вознаграждение за подобные хлопоты. Ларри, пробежав глазами составленный им текст, не возразил ни слова и даже предположил, что ребята могут еще и добавить «сверху» указанной суммы. Поскольку на свободе им нужно оказаться не позднее завтрашнего утра. Это вдохновляло. Гвидо, несмотря на то что выглядел сухарем и педантом, был человеком азартным и — неожиданно для себя самого — решил посвятить вечер не обычной партии в преферанс, а отработке предполагаемого вознаграждения.

Мэтр посетил штаб Ордена Порядка, доведя до икоты дежурного рыцаря, и обзвонил как все орденское руководство (уже успевшее разойтись по домам), изрядно попортив начальникам вечер, так и «нужных людишек» в городе (с тем же результатом). Самым отрадным итогом этого мероприятия было то, что и Коннетабль Ордена Порядка, и городской прокурор ответили ему одними и теми же словами. А именно: оба с немалым раздражением заверили его, что он может забирать всех своих подопечных под залог, как только откроются ворота «Дома Теней», и тут же убираться с ними вместе на все четыре стороны. Свои слова оба они готовы были подтвердить в любой момент — лишь бы мэтр отвязался от них.

У обоих сановников были другие, куда более веские, чем болтовня с адвокатами, причины для головной боли. В частности, полная пока безрезультатность поисков убийц сэра Стрита и его челяди. Сюда же относились недавние совершенно невероятные случаи усекновения голов двух менял — тоже не расследованные. К этим заботам приверсталось еще и повторное исчезновение достопочтенного сэра Смыги. По сравнению с этим вздорное дело мэтра Буанофокко было просто меньше чем ничем. Так — досадной помехой. Соринкой в глазу. Не более.

Затем, несмотря на поздний час и полнейшее нарушение режима содержания задержанных, мэтр настоял на немедленной встрече со своими клиентами. Рыцарь-настоятель «Дома» (а попросту — директор тюрьмы) с мэтром дело имел не первый раз и знал, что с мэтром свяжешься — жизни рад не будешь. Поэтому он тут же отзвонил дежурному по «Дому» и распорядился мэтра к клиентам пропустить и ни в чем не препятствовать. В разумных, конечно, пределах. Дежурный, по здравом размышлении, нашел, что в виде исключения мэтра можно допустить прямо в камеру к ребятам, и не особенно усердствовал с досмотром «передачи» — громадной корзины со всякими яствами.

На «передачку» мэтр не затратил ни цента. Ее вручили — «в дополнение» к тюремному ужину — в ресторанчике Сяна, куда он тоже догадался заглянуть. Совладелец заведения, искренне встревоженный неприятностями, обрушившимися на брата, не поскупился на лучшее, что нашлось у него «в закромах». Он же заверил, что он сам и любой из постоянных клиентов ресторана под присягой засвидетельствуют полнейшую законопослушность и благонамеренность Сяна.

В камере, на зависть соседям, состоялся пир горой. Меню не ограничивалось несколькими сортами по-разному приготовленной рыбы, особо нежного риса, пельменями, маринованной свининой, соусами и салатами. Благодаря отсутствию служебного рвения дежурного на тюремный стол попала и объемистая баклажка особо очищенной рисовой водки, пришедшаяся весьма кстати. Баклажка была самым примитивным образом упрятана в здоровенную дыню. Которая тоже оказалась не лишней в состоявшейся трапезе. Гринни вообще-то считал рисовую водку ужасной дрянью, но после долгого и глубокого похмелья и она была целительным эликсиром. Разумеется, лучшая часть присланной снеди была отправлена (все с тем же любезным мэтром Буанофокко) в женское отделение — Микаэлле. Вопреки худшим ожиданиям Тимоти, Мика находилась вовсе не в обществе падших женщин. Она была просто единственной обитательницей четырехместной камеры.

Сам мэтр в пиршестве участия благоразумно не принял, но перед его началом довольно подробно расспросил клиентов об обстоятельствах приключившейся истории. Поговорил и просто «за жизнь», стараясь прощупать дело на предмет «подводных камней», и даже перекинулся с клиентами в покер. Тимоти настолько осмелел, что вручил адвокату ключи от своего фургона, оставленного на парковке у «Скифа», и попросил его найти человека, который бы пригнал машину на ближайшую от «Дома» стоянку.

Мэтр еще раз умозаключил, что за событиями в «Скифе» стоит какое-то темное дело. Еще бы не стояло, если за ребят походатайствовал Ларри Брага. Но, в конце концов, известные факты не содержали признаков, необходимых для возбуждения уголовного расследования. Так что он с легким сердцем заверил клиентов в возможности скорого освобождения.

После чего оставил их пировать. Сам потолковал немного (и безуспешно) с дежурным, сел в свой «мерседес» и направился — уже в наступившей темноте — в неплохой для встреч, не требующих лишних свидетелей, бар «Гуанако», где за кружкой пива его поджидал с докладом Ларри Браги.

Тот провел вечер куда как более спокойно. Потолковал с парой клиентов, чьи поручения выполнил на неделе, и получил с них гонорары — скромные, но вполне достаточные для оплаты текущих расходов. Навестил сына, пристроенного им в довольно престижный колледж закрытого типа. И устроился за «своим» столиком в «Гуанако», прихлебывая темное и поджидая мэтра.

Адвокат появился с легким опозданием, извинился и с достоинством доложил о проделанной работе. Слушая его, со стороны можно было предположить, что клиентов он спас прямо с электрического стула. Ларри выслушал его с еле заметной двусмысленной улыбкой, но выразил свое полное удовлетворение деятельностью мэтра. Предложил ему пива, но тот отказался. Долго светиться в обществе Ларри не входило в его планы. На связь с криминалом в гильдии адвокатов смотрели косо.

— Я хотел было уломать дежурного освободить ребят под залог немедленно, но тот уперся. Так что придется ждать до утра... — закончил мэтр свой доклад.

Это было, собственно, единственное, в чем мэтр не преуспел за сегодняшний вечер. И этим, сам того не зная, спас четверым экспроприаторам жизнь.

* * *

— Это не «наружка», — вздохнул Плонски. — Это просто «собачья свадьба» какая-то... Господин аббат, наш дорогой Апостолос и к ним в придачу неустановленный тип колесят по городу туда-сюда-обратно и, видимо, приятно беседуют друг с другом. Хотел бы я знать о чем? За ними следом тарахтят на краденой развалюхе два тоже не вычисленных типа вида явно криминального, а за ними, как идиоты, тарахтим мы, грешные. Просто карусель самая настоящая.

— Вы уверены, что у этих двоих тачка краденая? — деловито осведомился его напарник.

Плонски постучал пальцем по вставленному в ухо микродинамику.

— Только что удосужились сообщить. Тачку моментально вычислили по номеру. Раньше не искали потому, что хозяин и не подавал в розыск. Почел за счастье, что кто-то избавил его от этого металлолома. Он, видишь ли, ветеран. Ему налог не платить. Впрочем, когда ему сообщили из Городской Стражи, что этот хлам с моторчиком нашелся, он сильно воодушевился и сел писать заявление.

Напарник подумал немного и предложил:

— Может, по такому случаю тормознем их и выясним наконец, кто такие?

Плонски покачал головой:

— Не наша функция. Можем упустить что-нибудь главное. С теми, кто в «субару». Но с дорожной службой стоит согласовать действия... И знаешь что: переключи прослушку на эту машину. С этим «субару» — дело абсолютно глухое. А о чем болтает эта парочка, стоило бы поинтересоваться с самого начала.

Напарник слегка хлопнул себя по лбу, признавая свою недогадливость. Подтянул к себе панель управления прослушивающим устройством и торопливо занялся его перенастройкой.

Но в этот момент события приняли новый оборот.

* * *

«Субару», успешно завершив свой третий или четвертый круг по городу, плавно причалил к пешеходной дорожке, бегущей вдоль массивного здания Галереи миражей. Дверца отворилась, и из кара выпорхнул Енот. Сделал ручкой оставшимся в машине и устремился к припаркованному в сторонке «лендроверу».

— Тормози, — толкнул толстяк лопухого локтем. — Сейчас мы его ущучим!..

Но Енот оказался слишком шустрым. К тому моменту, когда краденая развалюха притормозила у «лендровера», тот уже брал с места. Оба выскочивших из разваливающегося кара подельника остались стоять на дороге, растопырив руки. Затем кинулись в свое угловое средство передвижения и попытались снова двинуться следом за своей жертвой. Однако это было не так-то просто. Движок развалюхи снова забастовал. Кабина кара наполнилась отборными проклятиями и взаимными обвинениями. Этот дуэт был нестройным, но

мощным.

— Кажется, эти психи хотят как-то поквитаться с Апостолосом, — задумчиво заметил Плонски в автомобиле слежения, проезжающего мимо.

— За кем ехать? — деловито поинтересовался его напарник.

— За Челлини, — уверенно отозвался Роман. — Это наш основной объект. Аббат — другая епархия. А эти двое придурочных... Я сейчас свяжусь с Городской Стражей, чтобы присмотрели за ними. Никуда они не денутся от наблюдения на своем барахле.

* * *

— Ну что ж, — бросил Кай, трогая с места автомобиль. — Теперь мы остались с глазу на глаз. Я вас слушаю. Если не ошибаюсь, вы хотели изложить мне причину, по которой я должен буду действовать самостоятельно и втайне от моего руководства.

«Субару» снова медленно выруливал на бульварное кольцо. Собственно, кольцом эти бульвары не были. Они многократно пересекали друг друга, и здесь можно было запросто заблудиться. Местами эти плавно перетекающие одна в другую улочки действительно были бульварами. Полосы встречного движения разделяла широкая пешеходная зона с рядами ухоженных деревьев и множеством киосков и забегаловок. Ночью они бывали хорошо освещены. Здесь можно было пройтись в полной безопасности в любой час суток. А местами это были довольно захудалые прогулки, освещенные только светом реклам и украшенные жидким кустарником. Тут можно было и среди бела дня схлопотать себе массу приключений. Каю стало казаться, что он колесит по этому лабиринту уже целую вечность. Спутник его продолжал хранить молчание.

«Не стоит мне поддаваться на эту удочку, — сказал себе Кай. — Первым начинать разговор, когда инициатива должна исходить от противника, — значит поставить себя в уязвимое положение. Выдать себя и свои слабости. Свое видение ситуации. Черта с два! Чему-чему, а психологии люди Управления обучены. Если этому чучелу действительно надо поговорить со мной с глазу на глаз, оно заговорит рано или поздно. Хуже, если у него что-то другое на уме».

«Чучело» и вправду заговорило. Хотя и выдержало отменно длительную паузу.

— Выключите записывающие устройства, господин аббат, — произнес Палач таким тоном, что трудно было сказать, просьба это или приказ. — Без этого разговор не состоится. Я легко обнаруживаю такую аппаратуру.

Кай молча выполнил это условие. «Слава богу, что он не читает мысли!» — подумал он.

— Прекрасно, — поблагодарил его жутковатый собеседник. — Видите ли, вы не совсем понимаете, что в моем лице имеете дело не с человеком. Вы слишком очеловечили меня. Помимо вашей воли, конечно. Я имею внешность человека, я могу грамотно говорить и даже понимаю, что такое шутки. Но цель моего существования отличается от вашей. И в мою управляющую программу вовсе не заложены принципы вашей морали. Поэтому постарайтесь отнестись к тому, что вы от меня услышите, как можно более спокойно.

— Считайте, что вы меня подготовили к самому неприятному разговору, — отозвался Кай.

Палач снова замкнулся, но теперь ненадолго.

— Вы должны хорошо понять, — продолжил он бесцветным теперь голосом, — что я

следую не только складывающимся обстоятельствам, но — главным образом — программе, заложенной в меня. А эта программа весьма недвусмысленна. Я послан сюда только для того, чтобы уничтожить разведчика Покинутых. Причем сделать это я должен как можно быстрее. Никакие другие соображения на это не влияют. Сделав это, я прекращу всякое вмешательство в жизнь вашей цивилизации. Я скроюсь. Законсервируюсь до получения команды от моих создателей. А такая команда придет только в том случае, если на планете появится новый Покинутый.

— Вы... Точнее, ваши создатели, как вы выразились, — заметил Кай, — не считают, что быть нашим отношениям с любой другой цивилизацией, в том числе с Покинутыми, или не быть, мы, люди, должны решать вполне самостоятельно?

Палач продолжал отрешенно смотреть вперед — слепым, невидящим взглядом.

— Позволю себе сравнение, — наконец произнес он. — Следует ли оставлять полностью самостоятельным слепого на краю пропасти? Или больного, которого может спасти только вмешательство врача. Покинутые — это не цивилизация разумных существ. Это зародыш эпидемии, который может погасить одну за другой искры разумной жизни во Вселенной. И это обстоятельство — решающее!

— Я начинаю понимать, к чему вы клоните, — кисло улыбнулся Кай сам себе. — Вы не намерены вести переговоры на условиях «джентльменского соглашения». И вы, по всей видимости, намерены воздействовать на меня способами, к которым не относятся принципы нашей морали. Готов выслушать дальнейшие ваши аргументы.

— Видите ли, господин аббат, — продолжил Палач, — наши с вами возможности, как бы это сказать точнее — не симметричны. Вы обладаете широкими возможностями для обнаружения объекта, который нужен мне. Но практически не можете сами стать необнаружимым для меня. Я же могу находиться меньше чем на расстоянии вытянутой руки, и вы не сможете меня узнать, а значит, и обнаружить. Но я практически лишился возможности отыскать то, зачем явился сюда. Нам обоим стоило бы использовать свои плюсы вопреки нашим минусам. Обстоятельство, которое вынуждает вас выполнить мои условия, заключается в том, что вы не можете причинить мне равным счетом никакого вреда. Я же могу причинить любой вред вам.

Кай покачал головой:

— Если вы намерены угрожать мне...

— Это не совсем правильная формулировка, — прервал его Палач. — Угрожать лично вам я считаю весьма безнадёжной затеей. Может оказаться, что собственная жизнь не слишком дорога вам. А может оказаться и так, что вы слишком хорошо защищены... Кроме того, уничтожив вас, я лишусь очень многих возможностей, необходимых для выполнения моей миссии.

— Разумная точка зрения, — заметил Кай, присматриваясь к профилю своего собеседника. — Продолжайте.

— Но жизнь разных, достаточно близких вам людей и даже людей, не слишком вам близких, может оказаться вам дороже вашей собственной? — спросил Палач.

Впрочем, его вопрос больше походил на довольно безразличную констатацию факта.

— Все зависит от многих обстоятельств, — пожал плечами Кай. — Кого конкретно вы имеете в виду?

Палач словно не заметил его ответа.

— Кроме того, — продолжил он, — этим посторонним не приходится рассчитывать на

такую же защиту, которая может иметься у вас. Так что этот вариант представляется более предпочтительным.

— Назовите вещи своими именами, — сухо парировал Кай.

— Все очень просто, — безразличным, надтреснутым голосом пояснил Палач. — Я буду внимательно следить за вашими действиями. Если мне станет ясно, что кто-либо, кроме вашего агента Челлини, будет осведомлен о наших с вами переговорах, я начну систематически уничтожать людей, окружающих вас. Того же Челлини, например. Или Лео Байера. Или его преосвященство Люстига... Или... Одним словом, у меня есть выбор. Е отличие от вас. То же самое последует, если мне станет ясно, что вы бойкотируете поиски Джокера. На его поиски я даю вам четверо суток. Считая от момента окончания нашего разговора. Вполне достаточный срок.

Вот теперь наступившая пауза была уж воистину напряженной.

Кай осторожно провел кончиком языка по мгновенно пересохшим губам.

— Вы считаете, подобный шантаж — хорошее начало для установления дружественных взаимоотношений между нашими цивилизациями? — спросил он.

Палач был невозмутим.

— Поймите, что «шантаж» и другие эмоционально окрашенные термины не подходят к нашему с вами случаю. Я не пугаю вас, не желаю оскорбить или унижить. Я просто ставлю условия, которые вы совершенно очевидным образом не можете не выполнить. Обратите внимание на то, что вам лично выполнение этих условий не грозит ровно ничем. Вы можете сдать мне Джокера и забыть происшедшее, как страшный сон. Даже не страшный, а просто неприятный. Ведь речь идет не о том, что вы загубите человеческую жизнь. Уничтожен будет пусть высокоорганизованный, но всего лишь автомат. Если же вас все-таки будет мучить то, что вы отступились — вынужденно, подчеркиваю, отступились — от канонов вашей профессиональной этики, то вы можете — после того как мы расстанемся, разумеется, — подать своему непосредственному руководству или сразу высшему руководству сколь угодно исчерпывающий рапорт обо всем происшедшем. Мне остается только гадать о том, какую оценку получают ваши признания.

Палач смолк на несколько секунд, видимо анализируя реакцию собеседника. Кай молчал.

— Что же касается оценок моих действий с точки зрения контакта между нашими цивилизациями, то вы знаете лучше меня, что такие контакты редко когда обходятся без жертв. Вы знаете также и то, что гибель нескольких особей и даже довольно большого их числа никогда не влияла на стратегические интересы цивилизаций, вступающих в контакт.

Палач снова помолчал. Потом повернулся и уставился в глаза «аббата».

— Итак, я жду вашего ответа.

Кай потер лоб, помассировал глаза.

— Ну что ж... Вы действительно не оставили мне выбора. Мне ничего не остается, как принять ваши условия. Но вы не должны путаться у меня под ногами.

— Вы приняли правильное решение, — улыбнулся Палач. — Считайте, что отсчет времени пошел. Я не буду создавать вам помех. Высадите меня в любом удобном для вас месте.

Почти сразу, как только Енот тронул «субару», в его кармане запел сигнал вызова. Но поднести трубку мобильного к уху он удосужился, только набрав крейсерскую скорость. Одновременно управлять каром и решать какие-то вопросы по мобильнику не было его стихией. Переведя управление машиной на автомат, он наконец смог связно вымолвить в трубку свое «алло».

— Куда ты запропастился? — раздался сердитый голос с характерным, неразборчивым произношением. — Шеф мечет икру и хочет тебя видеть. Он просто вне себя! Немедленно дуй к нам. Или тебе не нужны денежки?

— Это?.. — слегка растерявшись, попробовал уточнить Енот. — Это — от Пу.. От господина Лакоста?

— Нет, — все так же зло съязвил голос на другом конце канала связи. — Это от апостола Павла! Если через десять минут не явишься за деньгами, не увидишь их никогда! И учти, господин Лакост шутить не любит!

— Какого черта?! — возмутился Енот. — Сначала мне дали от ворот поворот и велели до завтрашнего дня не появляться на глаза, а теперь я должен сломя голову лететь, бросив все дела! Так, к вашему сведению, эти самые дела не делаются!

— У тебя — девять минут, — уведомил его злобный голос, и на том конце повесили трубку.

«Психи! — определил Енот. — Но, кажется, у этих психов серьезные проблемы... И как бы эти их проблемы не стали и моими проблемами тоже... Причем такими, что в одиночку не решишь...»

При других обстоятельствах проще всего было бы связаться с Каем и предупредить его о том, куда и зачем отправляется. И к этому добавить суть охвативших его подозрений. Но... Но инспектору Управления вовсе ни к чему было знать о его «левой» сделке по части перепродажи драконьих яиц. В конце концов, это было чересчур сильным нарушением здешних законов, чтобы Управление спустило на тормозах такое прегрешение своего непутевого резидента.

Енот набрал номер Шишела и спустя несколько довольно долгих минут автоответчик оттарабанил ему свою извечную байку о том, что он может оставить абоненту сообщение и когда тот будет у аппарата, то обязательно ответит ему.

Енот облился холодным потом, вознес Пресвятой Деве короткую и путаную молитву, осенил себя крестным знамением, отключил автопилот и торопливо схватился за руль.

* * *

Роман Плонски оказался чрезмерным оптимистом, когда полагал, что паре уголовников, путавшихся у него под ногами, деться будет некуда. Неторопливо добравшийся до Галереи миражей наряд Городской Стражи и впрямь обнаружил там указанную в заявлении владельца тачку с указанными номером и приметами. Но... совершенно пустую. Угонщики даже не озаботились захлопнуть дверцы кара.

На каком виде транспорта удалились отсюда предполагаемые угонщики и у кого они этот транспорт позаимствовали, оставалось вопросом темным. Так же, как и личности обоих чудачков. Да и многое другое в этом деле.

Выслушав эту информацию, Плонски ограничился тяжелым вздохом. Но, в конце

концов, не делом Ордена «Своих» были проблемы угона автотранспорта на улицах Семи Городов. Сейчас надо было отслеживать передвижения и действия преподозрительного менялы Апостолоса Челлини по кличке Енот, почти уличенного в контактах с Чуждым Разумом. А теперь еще — в контактах с местной уголовной группировкой Мишеля Лакоста. Впрочем, рядовая уголовщина тоже не была предметом интереса Ордена.

Тем временем, пока Роман прикидывал все это в уме, «лендровер» Енота неожиданно набрал скорость, развернулся и, словно обезумев, помчался по направлению к центральным кварталам города. От неожиданности Плонски не успел развернуться столь же проворно. К тому же врожденный рефлекс водителя не дал ему проскочить на красный свет, который вспыхнул через десятую долю секунды после того, как перекресток проскочил «лендровер». В результате «объект наблюдения» был потерян из виду на десяток минут.

За это время случилось многое.

* * *

— Слушай! — воскликнул толстяк. — Ты что?! Ослеп?! Ты видел? Ты это видел?

— Что я должен был видеть? — раздраженно спросил лопухий.

— Да только что этот перец проехался перед нашим носом справа налево. Дуй за ним!

— Перец? — недоуменно переспросил лопухий. И все-таки сообразил: — А... Этот тип? Челлини?

— Да ты рули, рули, дубина! — заорал на него толстяк. — А то снова упустим!

Он чуть было сам не вцепился в руль, чтобы принудить бестолкового напарника повернуть кар в нужном направлении. Доставшееся им в этот раз средство передвижения отличалось от предыдущего тем, что было случайно подвернувшимся им наемным таксомотором, вполне еще работоспособным. Как-то внезапно эти двое сообразили, что карманных денег у них хватало, чтобы оплатить несколько часов законной аренды непритязательного, но более-менее надежного кара. Правда, то, что такой кар оказался поблизости, было, надо сказать, редким случаем везения в Семи Городах.

— Мы здесь уже проезжали, — заметил лопухий, озираясь по сторонам.

Толстяк судорожно переводил взгляд с лобового стекла на экранчик заднего обзора. Его тоже мучило смутное дежа вю. Но улицы Семи Городов настолько плотно переплелись в его памяти, что он просто оставил надежду разобраться в своих ощущениях.

Что же до объекта их преследования, то ему было вовсе не до того, чтобы следить за своим хвостом. Главная опасность виделась ему не в фарватере, а прямо по курсу. Поэтому он не столько косился назад, сколько напряженно прикидывал варианты событий, которые привели к столь срочной необходимости произвести расчет по подпольной сделке.

— Узнал! — вдруг воскликнул лопухий. — Это же где-то здесь мы чуть не схлопотали по морде от людей Лакоста! Этот тип опять подался в гости к этим бандюкам! Притормози и стань подальше от ворот, чтобы снова на нас не наехали...

— А как же мы тогда... — начал лопухий. Но заканчивать своего вопроса не стал, а послушно остановил машину от греха подальше — метрах в ста от въезда во двор, из которого могли появиться Беспредельщик и Носорог.

Беспредельщик и впрямь появился. Но в сопровождении Метиса. Оба помахали приближающемуся «лендроверу», показывая остановиться рядом, и Беспредельщик сделал

Еноту приглашающий жест — выйти из машины. Тот, поколебавшись секунд пять-шесть, отворил дверцу и шагнул на тротуар. Второго шага он сделать не успел — оба громилы подхватили его и в считанные секунды втащили на задний двор обиталища Лакоста. На смену им вышел худенький парень, торопливо огляделся по сторонам и нырнул в «лендровер». Секунду спустя автомобиль уже шустро катил по улице, удаляясь от места происшествия. Наступила тягостная пауза.

— Ну и что мы видели? — наконец ошалело произнес толстяк.

Его ушастый приятель посмотрел на него так, словно тот задал вопрос на китайском языке.

— В самом деле, что? — озадачился он.

Толстяк обрел наконец осмысленное выражение лица и ответил:

— А видели мы, как люди Лакоста загребли этого Челлини и затащили его к себе в гости. И, по-моему, совсем не затем, чтобы угостить чаем с бисквитами. Сдается мне, что мы можем господина Челлини и не увидеть больше. И чертова ковыряльника тоже. Сдается мне, что дело именно в дурацком ковыряльнике. Не одному Мочильщику сдалась проклятая железяка. У Лакоста тоже какой-то интерес в ней есть.

Снова мрачное молчание повисло в воздухе.

— Ну и что нам теперь делать? — уныло спросил лопухий через минуту-другую. — На штурм, что ли, идти? Или сразу повеситься?

Физиономия толстяка отразила усиленную работу мысли. Потом — хмурую решимость.

— Вот что я думаю, — начал он излагать плоды своих размышлений. — Челлини или мечом этим от Лакоста откупится... И его просто заставят их, Лакоста с командой, проводить до покупателя. У которого сейчас ковыряльник. Или из Челлини просто вытрясут, где ковыряльник, а самого его прикончат. Так или иначе, все решится в эту ночь. Они так или иначе, а за железякой этой отправятся. Не позднее завтрашнего утра. Потому что, как говорится, товар уйти может. Значит, наша задача какая?

— Понял, что ты хочешь сказать, — поморщился лопухий. — Надо, мол, Лакоста слить Мочильщику. — И пусть они потом сами разбираются... Но нас пан Себастьян за такие предложения уже разок по кочкам пустил...

— Я такого и не говорил, — вскипел толстяк. — Нам надо просто отрулить вон в тот переулок. Чтобы глаза не мозолить. И ждать. Они должны тронуться за ковыряльником. Наверняка поведут с собою Челлини. Если он будет жив, конечно. И сам Пудель наверняка тронется...

— А ты его в лицо знаешь? — резонно осведомился лопухий.

— Фигня! — пожал плечами толстяк. — Пахана всегда видно среди шестерок.

— Ну и что дальше? — еще более уныло поинтересовался его напарник. — Их же, шестерок этих, может с полсотни оказаться.

— Ну, тогда вот и станем у Мочильщика подмоги просить, — отозвался толстяк. — Но я так думаю, что они втроем или вчетвером за добычей отправятся. Им же не форт штурмовать... Какого-то барыгу выпотрошить, да и дело с концом. А мы осторожно по следу двинемся. Обождем, пока они дело сделают. И когда они ковыряльник заполучат и расслабятся, то используем фактор неожиданности. Одна пушка у нас имеется.

— Х-хе! — невесело усмехнулся лопухий. — Тебе легко сказать! Фактор неожиданности! Да эти ребята нам не по зубам... С пушкой или без нее.

— А у нас есть другой выход? — пожал плечами толстяк. Лопухий молча тронул

машину и свернул в неприметный переулок.

* * *

Обо всех этих событиях Дмитрий Шаленый не догадывался ни в малейшей мере. Утром следующего дня, в то самое время, когда в городе события эти уже шли к финалу, он вместе с четырьмя друзьями по Ордену катил на «круизере» сэра Кьянти с Речного по направлению к Семи Городам. Шишел был мрачен, как туча, и переполнен темной тревогой, как та туча — дождевой водой.

И хотя думать в первую очередь следовало о похитителях меча Ньюмена, в голову ему продолжал лезть клятый Джокер. Он так и этак прикидывал в уме, какая ниточка может помочь ему и доку Фландерсу выйти на беглого Джокера. Ситуация представлялась совершенно безнадежной. Тот мог принять любой вид и притаиться где угодно.

«Почему же? — ядовито поинтересовался внутренний демон. — Почему же любой? И почему где угодно?»

«А почему бы и нет? — возразил Дмитрий. — Может хоть трубой печной посреди города себя представить, хоть камнем на обочине Тракта...»

«А ты подумай, — посоветовал ему демон. — Подумай хорошенько. Для Джокера твоего безразлично совсем, кем быть? Много он у Тракта на обочине узнает о нашей цивилизации? Если он, конечно, не врет о том, зачем он сюда прибыл, ему нет смысла прикидываться ни булыжником, ни дымовой трубой...»

Бросив эту затравку для дальнейших размышлений, демон опять спрятался в сумеречной мгле подсознания.

А Дмитрий все-таки последовал его совету и призадумался.

В самом деле, если задачей Джокера и вправду была оценка здешнего народа на роль кандидатов в Хозяева, то ему надо было быть не в изоляции, а, наоборот, в центре событий. Значит, или в «присутственном месте» определится, или Хозяина подходящего искать будет... И прикинется какой-нибудь диковиной... Только вот не может же он сам себя кому-то продать или подарить? Значит... Значит, он должен будет как-то подстроить, чтобы его нашли да в нужное место, к нужным людям снесли...

«Прав я или не прав?» — спросил Шишел сам себя, дойдя до этого места в своих рассуждениях. Ответа на этот вопрос, пожалуй, не мог ему дать решительно никто. Круг поисков хотя и сужался путем таких размышлений, но все-таки оставался достаточно широк для того, чтобы впасть в уныние. «И на кой мне этот Джокер?» — снова спросил себя Дмитрий. И постарался выбросить проклятую штуковину вон из головы.

Друзья понимали, что у сэра Дмитрия неприятности. Но коль скоро тот не спешил рассказывать о причине своей кручины, то они и воздерживались от того, чтобы задавать ненужные вопросы.

Вместо этого они поддерживали беседу, скользящую по всяческим самопроизвольно возникающим темам и поминутно меняющую свое направление. В тот момент, когда Шишел отвлекся от беззвучной перепалки со своим внутренним демоном и стал прислушиваться к речам спутников, речь шла о падении нравов и о том, куда, собственно, поде вал ся боевой запал первопоселенцев Заразы, которые действительно начинали строить общество, свободное и от скверны стяжательства, и от подавления всех и вся единой центральной

властью. О том, что, должно быть, Закрытый Мир, не разбираясь, поглотил слишком много народу, искавшего здесь только убежища от заслуженного наказания. О том, что все на Заразе катится к тому, что станет она таким же заурядным Миром, как большинство из Тридцати Трех Старых Миров.

— Кой черт «катится»?! — недовольно фыркнул сэр Ларкин. — Докатилось! И уже давно! Чем мы, собственно, отличаемся от какого-нибудь Дджея или Квесты? Только тем, что там правит жулье в десятом поколении, а у нас пока что — только в первом. Да-да! Скажу вам, при всем моем уважении к Ее Высочеству, Престол только царствует, но уже не контролирует события.

— Эк вы хватили, батенька! — возразил ему осторожный сэр Цвиттерморт. — Да, нет спору, что спекулянты и мафия проникли глубоко во все поры нашего общества. Но это вовсе не значит, что они захватили в нем власть. Не забывайте два основополагающих принципа, которыми руководствуется Ее Высочество! Во-первых, Престол не занимается текущей работой. Он вмешивается только в ключевые вопросы. Вполне возможно, что Престол просто дает яблокам dozреть, прежде чем потрясти яблоньку...

— Ох! — скривился сэр Токвиль. — Вы знаете, этой мыслью себя утешают столь многие и столь долго, что пора бы уж нам перестать верить в эту сказку!

— Вы скажете, что и второй принцип — опора на Рыцарские Ордены — тоже уже не работает? — с несколько деланным возмущением возрился на него сэр Цвиттерморт.

Сэр Токвиль тяжело вздохнул:

— Ордены преданно служат Престолу. И даже получают от него поддержку и одобрение. Нас ценят. Однако сколько десятилетий уже продолжается наша борьба со Злом? И где же достигнутые нами высоты? Если что-то и достигнуто, то только на путях, проложенных по заветам Старых Миров. Да, людям на Заразе жить стало легче, чем первопоселенцам. Стало больше калорий и жилплощади на каждого из живущих. А сама жизнь стала много безопаснее. Но идея построения нового мира уже становится просто разговорами. Чем дальше мы движемся, тем дальше отступаем от идеи истинно аристократического общества. Сдаем позицию за позицией... Знаю, знаю: сейчас вы мне напомните про то, что мы живем чуть ли не в средоточии Магии Предтеч. И что-де это принципиально меняет основу нашего общества. Знаем, слышали. Тоже старая сказка!

— А разве можно на это хоть что-то возразить?

— Только то, — пожал плечами сэр Токвиль, — что использовать Магию со знанием дела могут всего несколько человек на планете. Причем у большинства из них тараканы в голове. И неизвестно, что с нами будет, когда таких людей сильно прибавится. А все остальные, из тех, кому в руки попадают предметы Магии, в лучшем случае просто хранят их в своих коллекциях. А в худшем — устраивают какой-нибудь кошмар наяву. Нам до того, чтобы действительно стать новой Магической Империей, далеко. Дальше, чем от неандертальцев до нас.

— Так вот, — вернул разговор в прежнюю колею как-то отстраненный было от разгоревшейся дискуссии сэр Ларкин, — я и говорю, что нет теперь у нас никаких оснований считать себя каким-то уж очень особенным Миром. Ни малейших!

— А чего тут спорить! — отозвался сэр Къянти, присматривавший за работой автопилота своего кара. — Какой уж мы теперь, к чертям, Закрытый Мир, если наши трое транспортных министров уже пробили согласие Престола на допуск туристов из Старых Миров! В прошлом месяце еще их нашествие началось. Целых два лайнера! Один — с

Океании, другой — с Террановы. В городе, куда ни плюнь, всюду они! Скачут по развалинам. Каждый пальцем тычет куда хочет... Слава богу, не сегодня-завтра эти козлы уберутся восвояси.

Шишел припомнил, что и впрямь не так давно два корабля («Беглец» и «Аякс»), способных проходить Горловину, были выделены решением Престола для создания новой статьи дохода для Закрытого Мира — туризма из Старых Миров. С чисто финансовой стороны дело выглядело привлекательно: пока что интерес к Закрытому Миру и огромным запасам магической машинерии, оставшимся в наследство от Предтеч, был в Старых Мирах огромен. Без сомнения, должны были найтись (и действительно нашлись) многочисленные любопытные богачи — во всех Тридцати Трех Мирах, — готовые выложить огромные деньги за право на месячишко прогуляться по Семи Городам, посетить раскопки и музеи Предтеч, посмотреть на руины, оставшиеся от этой таинственной цивилизации, и оставить свои денежки в гостиницах, многочисленных кафе и ресторанах, в сувенирных лавках Заразы и в более сомнительных заведениях, которых здесь тоже хватало. Все эти (и многие другие) заведения с большим энтузиазмом готовились к встрече состоятельных гостей — в основном измышляя немыслимые цены за оказание необнаружимых на деле услуг.

Кроме получения чисто финансового эффекта, энтузиасты этого начинания всерьез рассчитывали, что широкое знакомство людей богатых и влиятельных с теми возможностями, которые может им предоставить Закрытый Мир, способно породить новую волну иммиграции из Старых Миров в Закрытый Мир. На этот раз — людей деловых, компетентных и более ответственных по сравнению с первопоселенцами.

Скептики же считали, что, повидав довольно бестолковую и не слишком богатую жизнь Семи Городов и насмотревшись на не слишком понятные руины и экспонаты, первая волна туристов принесет в Старые Миры только разочарование в дотоле таинственном Закрытом Мире и затея с туризмом умрет сама собой, тихой смертью «невыгоревшего» предприятия, так и не оправдав вложенных в нее средств.

Что же до простых обывателей Семи Городов, то появление на улицах их родного, пестрого и путаного города досужих богатеев, всюду сующих свои любопытные носы, нахально целящих по сторонам видеокамерами и виновных во взвинчивании цен в ресторанах и барах, доводило многих из них до бешенства.

Сам Шишел к нашествию туристов относился довольно индифферентно и особо не злобился. Главным образом потому, что больше бывал не на городских улицах, а на окрестных дорогах или в загородных поместьях своих собратьев по Ордену, где никакие туристы досаждают ему не могли. Сейчас, слушая полные пессимизма излияния своих приятелей, он мрачно думал про себя: «А мне-то чего больше ждать здесь, в Закрытом Мире этом? Ведь и впрямь становится здесь как везде... Только победнее да позапутаннее. При дворе мне, признаться, тошно было. А в Рыцарях Дорожных — так... Больше для потехи время коротаю... Пора мне, пока голова варит да руки напрочь не отвалились, отсюда в привычные Миры подаваться и тем делом, к которому душа лежит, на старость себя обеспечить. (Душа у Шисела, как хорошо известно было его близким знакомым, лежала к экспроприации слишком хорошо упрятанных ценностей и документов...)»

Друзей, конечно, здесь порядком заимел, да все они — кто во власть подались, кто в своих делах тонут. Вряд ли обо мне горевать сильно станут. Надо только вот дельце это, с Коннетабля убийством, до конца раскрутить. А тут еще и Джокер этот с Палачом своим под ногами путаются... И эту потеху надо как-то с рук сбыть. Да на том со всей галиматьей этой

и покончить! Да чего и голову ломать — на следующий возвращающийся в Старые Миры туристический рейс билет отсюда до куда попало взять надо. И стоит дешевле будет, потому что только на проезд. И скидка мне положена... В общем, денег на дорогу и на первое время хватит. Бог не выдаст — свинья не съест.

Вспомнив о деле Коннетабля, Шишел посмотрел на часы, достал свой блок связи и попытался связаться с городом — назначить встречи Ларри Браге и Микису.

Мобильник Микиса глухо молчал, что, разумеется, настораживало. Ларри отозвался, хотя и не слишком приветливо, но и не враждебно. Осведомился, где, собственно, был Дмитрий весь прошедший день и в курсе ли он событий. Потом посоветовал быть настороже («потому что здесь такая фигня творится...») и обещал связаться с Шишелом позже для более толкового разговора.

Шишел определил мобильник на место и угрюмо бросил:

— Что-то приключилось там у них, пока мы гостили у дока Фландерса. Что-то серьезное...

Глава 12

БОГ ХИТРОСТИ

Палача Кай высапил неподалеку от Чоп-хауса, сам не зная того, какое место занимает этот дом и его обитатели в сложной мозаике происходящих событий. Просто ему так ближе было добираться до Замка задушевных бесед. А заодно ему было интересно лишний раз взглянуть на изваяние Проказника, как бы обозначившее начало цепи событий, которые завели его в теперешний, на первый взгляд непроходимый тупик. Однако, как только фигура «индейца» исчезла за поворотом, выражение подавленности исчезло с лица регионального инспектора Управления, сменившись спокойной деловой озабоченностью. Кай не стал торопиться отправляться в путь. Он передвинулся на соседнее сиденье и открыл скрытый за отделкой салона пульт. Поработал немного клавишами, выводя на небольшой экран таблицы и графики, поразмыслил над ними немного и в конце концов улыбнулся. Сухо, но удовлетворенно. В ответ на нажатие пары клавиш из стандартной щели-порта в руку ему выпала посверкивающая карточка с лазерной записью полученных данных. Кай положил ее в нагрудный карман. Потом взял трубку блока связи, подключил ее к внешнему выходу и по защищенному, кодированному каналу связался с кабинетом Страшного Коннетабля.

Держатель Замка задушевных бесед был, слава богу, на месте и готов был принять господина аббата в ближайшие полчаса. Встретил господина аббата он вполне доброжелательно. Даже в какой-то степени панибратски — не усевшись в свое кресло, а устроившись прямо напротив собеседника, на краешке своего внушительного стола.

Кай не собирался нарушать обета молчания, данного им Палачу. Поэтому его разговор с сэром Байером был втиснут в жесткие рамки взаимной конспирации. Оба, впрочем, наивежливейшим образом поинтересовались и здоровьем, и ходом дел друг друга. Господину аббату было предложено кофе, за чашкой кофе партнеры и перешли к делу. Для начала господин аббат попробовал заручиться поддержкой научно-технического отдела Ордена в деле совместных поисков, которыми оба они заняты.

— Это зависит только от того, — любезно и в то же время резонно отвечал Коннетабль, — сможем ли мы такую помощь оказать.

— Я слышал, что у вас одной из лабораторий руководит доктор Мэтчисон, — объяснил «аббат». — Клайв Мэтчисон...

Для сэра Байера столь широкая известность его лучшего специалиста по интроскопии молекулярных киберсхем оказалась неприятным сюрпризом. Осведомленность господина аббата огорчила его. Но своего огорчения он не выдал и только лишь деловито поинтересовался:

— Вы уверены, господин аббат, в том, что нуждаетесь в услугах именно этого специалиста?

— Уверен, — заверил его «аббат Шануа». — Мне надо установить характеристики отзыва одного объекта на разного типа сигналы из разных участков радио— и инфракрасного спектра. Насколько я знаю, доктор Мэтчисон еще тогда, когда он работал в Старых Мирах, использовал этот метод для анализа структуры кристаллических микросхем.

— Ваша эрудиция меня восхищает! — отпустил собеседнику комплимент Коннетабль, пригубивая свой кофе. — Поразительно образованный коллектив собрал под своей рукой его преосвященство Люстиг...

«Господин аббат» мог бы, скромности ради, заметить, что эрудицией своей он обязан главным образом весьма обстоятельному инструктажу, полученному в филиале Федерального Управления расследований и не менее обстоятельным базам данных, которыми его предусмотрительно снабдил этот филиал. С ними он проработал значительную часть истекшего времени. Но подобное проявление скромности не очень соответствовало обстоятельствам происходившего разговора. Поэтому он продолжил этот разговор в сугубо деловом плане.

— В данном случае задача стоит еще проще. Мне нужен не анализ молекулярных логических цепочек, а просто метод их обнаружения. Но обнаружения на как можно большем расстоянии и с возможно, большей точностью.

Коннетабль по своей привычке молитвенно сложил пальцы «домиком» и задумчиво поглядел на собеседника. Потом уточнил:

— Любых молекулярных киберсистем?

«Аббат» покачал головой:

— Нет. Только одного определенного объекта.

Коннетабль соскочил со своего насеста, обошел стол и достал из выдвижного ящика свою знаменитую трубку, продул ее и начал набивать табаком. Привычно — взглядом — он испросил у собеседника разрешения закурить.

— Вы не хотите называть этот объект? — бросил он как бы рассеянно. — Не хотите, даже несмотря на то что я определенно догадываюсь, о чем идет речь?

«Господин аббат» задумчиво потрогал кончик носа.

— Поверьте мне, — вздохнул он. — Нам с вами надо сейчас воздержаться от взаимного обмена догадками. В ближайшие сутки-двое нам следует вести себя так, словно никаких таких догадок и не существует... Я очень обязан вам за то, что вы сняли наружное наблюдение за моими перемещениями. Такая тактика сильно облегчает мою работу.

Коннетабль радушно улыбнулся:

— Не стоит благодарности... Без взаимного доверия наше с вами ремесло превратилось бы в сущий ад... — И тут же добавил извиняющимся тоном: — Маленькая деталь... Дело пойдет о вашем... э-э... доверенном лице здесь, в Семи Городах... Я имею в виду господина Челлини. Надеюсь, перед тем как доверить этому лицу некие функции, вы и монсеньор Люстиг самым серьезным образом проверили факты его биографии?

— Можете в этом не сомневаться, — заверил его «аббат».

— Вам известно, что во время своей жизни в Старых Мирах господин Челлини, известный там под другими именами, был самым серьезным образом связан и с криминальными кругами, и со спецслужбами Федерации Тридцати Трех Миров?

Теперь уже сэр Байер демонстрировал неплохую осведомленность в делах своих партнеров. В качестве своего рода «ответного хода» на выпад, касавшийся занятий дока Мэтчисона. «Господин аббат» остался невозмутим.

— Господин Челлини был с нами вполне откровенен, — улыбнулся он. — Он выдержал все проверки, которые мы предприняли в отношении его рассказа о своем прошлом...

— И после этого вы все равно не отказались от его услуг? — заломил свою бархатную бровь Коннетабль. — Вы не находите, что это рискованная тактика?

«Господин аббат» улыбнулся мягко, обезоруживающе:

— Вы же лучше меня знаете, что наша с вами работа не делается в белых перчатках... В аду ангел, переодетый чертом, не продержится и часу. Приходится полагаться на чертей

настоящих. Только на тех из них, что в чем-то провинились перед Люцифером. На грешных, так сказать, чертей. А опыт работы в таких... гм... структурах, в которых пришлось покрутиться Челлини, это скорее плюс, чем минус. Учитывая, конечно, специфику нашей работы. Допускаю, что он способен использовать свое положение для некоторой своей чисто личной выгоды. С этим приходится мириться.

Коннетабль закончил набивать трубку табаком и похлопал себя по карманам. Зажигалку он, как всегда, забыл прихватить с собой. Оставил то ли в машине, то ли в своем загородном доме.

— Вы уверены, что этот господин не продолжает работать на кого-то из своих прошлых хозяев? — все также несколько рассеянно осведомился он. — Это ведь такие... э-э... структуры, из которых трудно уйти в отставку.

Можно было подумать, что именно забытая зажигалка составляет основной предмет забот Коннетабля. А вопросы он задает чисто из вежливости, не желая обидеть собеседника. Собеседник же его продолжал понимающе улыбаться. Еле заметно. Чуть-чуть.

«Придется Микиса отсюда эвакуировать и срочно искать ему замену», — подумал Кай.

— Ну, во-первых, — отозвался он на слова Коннетабля, — господин Челлини слишком осторожен, чтобы вести двойную игру. И все-таки он не настолько глуп, чтобы так примитивно обманывать нас. Хотя и любит прикидываться дурачком.

— О, я имел возможность убедиться в этом, — согласился сэр Байер.

— Ну а во-вторых, — продолжил «господин аббат», — мы достаточно хорошо контролируем тот народец, что работает на нас. Как вы знаете, недавно мне пришлось совершить довольно долгое путешествие по Старым Мирам. Одной из моих функций во время этого путешествия была проверка такого рода лиц. Тех, кто выполняет для нас подобного рода работу. Есть способы добраться до такой информации. И люди, готовые нам в этом деле помочь. По разным причинам. Впрочем, это не тема для разговора. Челлини, если вам будет угодно знать, может быть использован как раз в обратном смысле. Ведь вы не будете отрицать, что наша агентура в Старых Мирах — это не просто миф досужих писак?

Ответом ему послужила подразумевающая понимание улыбка.

— Впрочем, — продолжил «господин аббат», — мы пока рассматриваем возможность использовать Челлини в таком качестве как чисто гипотетическую. Да и не об этом сейчас речь. Кстати, о моей миссии в Старых Мирах... Вам, я вижу, требуется огонек? Вот, возьмите это на память.

Он протянул Коннетаблю спичечный коробок с изображением Эйфелевой башни на одной из его плоских сторон. Тот с интересом повертел его в руках.

— Это спички, — пояснил «аббат». — Настоящие. Их теперь выпускают разве что только в Метрополии. Вы, наверное, видели в кино, как ими надо пользоваться? Разрешите, я вам покажу...

Кай взял коробок из рук Коннетабля, чиркнул спичкой и поднес маленькое пламя к его трубке.

Коннетабль затянулся, выпустил из ноздрей облачко ароматного дыма и благодарно улыбнулся «аббату».

— Благодарю. — Он снова взял коробок в руки. — Буду хранить на память о нашей встрече, господин аббат. Что же, оставим в покое господина Челлини. Тем более что он и не Челлини вовсе. Займемся вашим делом...

— Нашим, — мягко возразил «аббат». — Нашим делом. Хотя у нас обоих и есть друг от

друга секреты, цель у нас одна.

— Поправка принята, — согласился с ним Коннетабль и бережно пристроил коробок в ящик стола — к другим своим курительным принадлежностям. Потом снял телефонную трубку и попросил кого-то найти побыстрее дока Мэтчисона.

* * *

Доктора искали довольно долго. Надо полагать, что тот обладал характерным для научной братии навыком умело скрываться от докучливого руководства, которое только и норовит, что отрывать людей от дела. Но в конце концов его голос зазвучал в трубке, а минут через десять-пятнадцать и сам Клайв Мэтчисон собственной персоной возник в кабинете Страшного Коннетабля.

Доктор не производил впечатления гения не от мира сего. Он был рослым, уверенным в себе субъектом с гладко зачесанными назад иссиня-черными волосами. Одет он был скорее как банковский клерк или средней руки адвокат, нежели признанный мэтр здешнего научного сообщества. Единственным элементом чудаковатости в его облике были очки — правда, не антиквариат, а всего лишь старательно сделанная «под двадцатый век» копия. Однако и в них его глаза казались близорукими. Может быть, это был единственный признак его внутренней сосредоточенности на какой-то непонятной простым смертным проблеме. С собой он прихватил — должно быть предчувствуя сложный разговор — слегка потертый переносной комп.

Взаимные представления заняли немного времени. Затем Коннетабль коротко изложил суть проблемы, с которой явился сюда господин аббат. После чего удалился за свой напоминающий неприступный бастион стол и окутался облаком табачного дыма. Всем своим видом он демонстрировал, что не намерен вмешиваться в разговор гостей своего кабинета — до тех пор, пока те сами не обратятся к нему.

Доктор откинулся в кресле, в которое был заботливо усажен Коннетаблем в самом начале разговора, и сурово воззрился на своего собеседника. То, что с научно-технической проблемой к нему обращается лицо духовного звания, ничуть не смутило его. Надо полагать, в ведомстве сэра Байера работники привыкли к самым необычным вещам. Гораздо больше доктора удивляла сама проблема, с которой явился сюда господин аббат.

— Надеюсь, — начал Мэтчисон, — вы меня просветите хоть немного относительно... мм... параметров того объекта, который вы хотите обнаружить на расстоянии? Заметьте, я не интересуюсь ни его назначением, ни его природой вообще. Здесь мы все привыкли жить в атмосфере «тайн мадридского двора». Меня интересуют только те свойства объекта, который вы ищете. Ведь согласитесь, я не могу помогать вам в поисках неведомо чего.

Он покосился на дымящего трубкой Коннетабля, вытащил из кармана пачку сигарет, щелкнул зажигалкой и чуть нервно закурил.

«Господин аббат» молча вынул из кармана и протянул ему лазерную карточку. Док Мэтчисон осторожно взял ее, повертел перед глазами и вдвинул в щель считывающего устройства своего компа. Поглядывая на экран, он немного поработал клавишами и через пару минут оторвался от прибора, удивленно уставившись на собеседника.

— Да у вас, видно, под рукой имелась неплохая измерительная лаборатория...

Док был прав. Измерительной лабораторией была кабина «Субару Каприз», в которой

«объект» провел время, достаточное для снятия с него уймы параметров.

— У меня была возможность провести зондирование основных параметров этого объекта, — пояснил Кай. — Кроме того, объект зондировался серией сверхслабых сигналов в разных диапазонах электромагнитного спектра...

— Сверхслабых... — пожал плечами Мэтчисон. — Если у вас имеется такая аппаратура, которая способна осуществлять подобный анализ, то почему бы вам не провести его и на сигналах большей мощности. Это очень облегчило бы мою задачу...

— Видите ли, — развел руками его собеседник, — наш объект не должен был... э-э... ощутить, что его «прощупывают»...

Мэтчисон не стал уточнять причин, по которым объект, побывавший в измерительной лаборатории, теперь состоит в розыске, и интересоваться, почему объект этот не должен был ощутить воздействий, которые на него оказывали измерительные приборы. Все это не было его делом.

— В какой форме вы ожидаете получить от меня нужные вам результаты? — только и поинтересовался доктор.

— Я хотел бы иметь на руках прибор, который мог бы указывать местонахождение этого объекта как можно более точно даже на значительном расстоянии... Притом прибор должен быть носимым, как можно более компактным и незаметным.

Доктор Мэтчисон чуть было не добавил от себя: «А заодно прибор этот должен исполнять популярные мелодии и предсказывать будущее...» Но промолчал. Было заметно, что он сдерживает ироническую улыбку. Подумав немного, он заговорил уже более уверенно:

— При наличии таких данных, — кивнул он на экран своего компа, — ваша проблема решаема. Прибор можно будет собрать из уже имеющихся модулей довольно быстро. Но при этом дальность определения цели составит не более километра, а точность на таком расстоянии будет составлять десять-двадцать метров. С приближением к цели точность, разумеется, будет возрастать. Для того чтобы увеличить дальность и точность определения объекта, потребуется изготовить специальные модули. Это долгое дело.

— Меня вполне устроит первый вариант, — заверил его «аббат». — Мне важно как можно скорее получить такой прибор на руки. Когда это будет возможно?

Док Мэтчисон пожал плечами и поджал губы:

— Если бы вы представляли, как мало в моем распоряжении людей! — Он покосился на Коннетабля. — И как все мы загружены... Ведь наша основная тематика — это изучение предметов Магии. Сама работа не займет много времени. Но выкроить это время в нашем графике — задача не из простых. Кроме того, на выполнение срочной работы необходимо ассигновать определенные средства... — Он снова бросил осторожный взгляд на сэра Байера. — В общем... Вы можете рассчитывать на то, что получите прибор через пару месяцев.

— А если отодвинуть ваши плановые работы? — осведомился «господин аббат». — Вопрос с ассигнованиями вас не должен беспокоить. Средства дает Консистория...

Мэтчисон открыл было рот, чтобы то ли возразить аббату, то ли задать вопрос, но тут, откашлявшись, в разговор вступил сам Коннетабль:

— Пожалуй, я не буду возражать против того, что вы пойдете навстречу просьбе уважаемого прелата... Нам важны хорошие отношения с Консисторией... Более того, я бы рекомендовал вам максимально форсировать работу в этом направлении. Ее результаты

могут оказаться необыкновенно важны и для нас... Я поговорю с директором исследовательского отдела. За эту сторону дела тоже не беспокойтесь.

Мэтчисон поперхнулся так и не сказанными словами, откашлялся и уверенно заявил:

— Ну, на условиях такой поддержки, когда работа пойдет как внеочередная и срочная, она займет всего несколько суток.

— Постарайтесь, чтобы этих суток было как можно меньше, — отеческим тоном посоветовал ему сэр Байер. — И приступайте к делу немедленно!

— Я понимаю так, что я свободен? — привстал с кресла док Мэтчисон.

— Вы всегда правильно меня понимаете, — заверил его Коннетабль.

И дока словно ветром сдуло. Коннетабль усмехнулся и заполнил образовавшуюся пустоту еще одним клубом дыма.

Он повернулся к «аббату».

— Как видите, я сделал все, что мог, ваше преподобие, — произнес он, слегка разводя руками в знак того, что никаких претензий к нему быть не может. — У вас есть какие-то другие пожелания?

— Есть, — с улыбкой благодарности признался «господин аббат». — Одно, и совсем небольшое. Я понимаю, что и сам объект, подлежащий определению, и способ такого определения не могут быть безразличны для вашего Ордена...

— Не буду вам лгать, — отозвался Коннетабль. — Это так.

— Естественно ожидать, — заметил «аббат», — что вы самостоятельно поведете параллельный, так сказать, поиск того же, что ищу я.

— Такое вполне возможно, — снова согласился глава Ордена.

— Я предлагаю, — любезным тоном продолжил его гость, — держать друг друга в курсе этих поисков.

— Это вполне логично и приемлемо, — в третий раз согласился с гостем Коннетабль.

— И в заключение я настоятельно прошу вас, если вы первыми обнаружите объект, не предпринимать ни малейших действий в отношении его. По крайней мере, без согласования со мной.

— Мы постараемся выполнить это условие, — гораздо более неопределенным тоном ответил сэр Байер и встал из-за стола — в знак того, что разговор окончен.

Когда за «господином аббатом» закрылась дверь, Коннетабль вынул из ящика сувенирную коробочку спичек и подошел к украшавшему его книжную полку особо уважаемому им божку Пестрой Веры. Купюру в сотню «пернатых» он спалил в честь Хиссу-бен-Аули — Молчаливого бога Хитрости.

* * *

Уже за рулем своего «субару» Кай никак не мог стряхнуть с лица приклеившуюся к нему любезную улыбку.

* * *

— Черт возьми! — пробормотал Плонски, завершая второй круг вокруг пустого

«лендровера», приткнутого к обочине невзрачной окраинной улочки, обрывающейся диким пустырем. — Где теперь прикажете искать господина Апостолоса? На этом свете или уже на том? Надо было цеплять радиомаячок не к его «тачке», а к его жирному загривку...

— Да, объект ускользнул, — констатировал очевидный факт его напарник.

Такие идиотские накладки с Плонски случались нечасто.

— Придется вычислять типа по его мобильнику, — вздохнул он. — Не люблю я этого... Посмотри в базе данных его номер.

— Да он у нас значится на прослушке, — напомнил ему напарник и нырнул в кабину автомобиля слежения. — Дьявольщина, — сообщил он оттуда. — У него пассивный отзыв не работает. Опытный тип — поковырялся в своей трубочке...

Плонски поморщился:

— Тогда придется с ним поговорить напрямую. Я постараюсь с ним поболтать минуты три, а ты засекай координаты.

* * *

Мобильник в кармане у Енота запел сигналом вызова.

— Дай-ка мне твою трубу... — попросил Пудель.

Енот покорно протянул ему свой мобильник. Пудель вытащил из аппарата блок питания и не глядя швырнул его за спину. Туда же полетел и сам мобильник.

Енот уже успел раза четыре проклясть себя и свою жадность, которая заставила его сунуть голову в ловушку. Но в чем ее смысл — так уловить и не мог. Теперь, стоя перед Пуделем, он мог только растерянно моргать и улыбаться деланной улыбкой. Пудель рассеянно смотрел куда-то мимо него. Молчание тянулось и тянулось.

— Так сколько ты хотел взять за эту кладку? — наконец спросил Лакост, ткнув оттопыренным большим пальцем себе за спину, где у стены стоял контейнер.

— Мы же обо всем договорились... — растерянно развел руками меняла. — Или я чего-то не понял?

— Похоже, что ты, урод, вообще ничего не понимаешь! — тихим, полным бешенства голосом уведомил его Пудель и наконец соизволил посмотреть своей жертве в глаза.

Енот почувствовал, как струйка пота стекает у него по спине.

— Подумай, Енотик: тебе совсем нечего сказать мне? — ласково спросил Лакост. — Только хорошо подумай, прошу тебя. От этого для тебя многое зависит. Очень многое...

Енот старательно напряг свои извилины.

— Что-то не так с товаром? — робко спросил он.

— Тепло, тепло, — кивнул Пудель. — Гадай дальше...

— Если товар порченный, то...

— Не угадал, — покачал головой Пудель. Взяв со стола свою трость и поигрывая ею, он приблизился вплотную к меняле.

— Давайте сюда Шведа, — распорядился он.

Послышался шум, резко открылась одна из дверей, ведущих в кабинет, и в дверь эту влетел посланный тычком в спину Швед. Он уже привык к тому, что другого обращения с людьми во владениях Пуделя не знают. Поэтому послушно остановился посреди комнаты и уныло уставился на хозяина кабинета.

Пудель даже не обернулся на него. Он упер свою трость в подбородок Енота и приподнял его голову так, чтобы свет падал на лицо ншучше.

— Ты знаешь этого человека? — рассеянным тоном спросил он Шведа.

Швед помотал головой.

— Среди той компании его не было, — глухо произнес он. — И к нам он никогда не подкатывался. Вообще, первый раз его вижу.

Пудель улыбнулся очаровательной улыбкой и убрал трость от лица Енота.

— Тебе повезло, — порадовал он его. — Хотя, возможно, у парня просто плохо с памятью... Ну конечно, ты, задница, в налетах сам не участвуешь. Ты только наводчик. Признайся, ты навел своих приятелей на домик на Ботанической?

— Какой домик? — не понял Енот.

— Понимаешь ли, — продолжая очаровательно улыбаться, объяснил Пудель, — этот джентльмен... — Он, все так же не оборачиваясь, указал тростью через плечо на то место, где уныло топтался Швед. — Этот джентльмен с друзьями занимался драконьими яйцами. Содержал инкубатор. Помогал милым крошкам вылупиться на свет. Есть, знаешь ли, такой благородный бизнес...

Енот мог бы вставить слово в этот монолог и заметить, что за столь благородный бизнес законом предусмотрено довольно длительное лишение свободы. Но, конечно, он не стал этого делать.

— Так вот, — продолжил Пудель. — Драконьи яйца — очень полезная вещь. Не знаю, каков на вкус омлет, который из них можно приготовить, но быть хозяином одной-двух кладок таких яичек — прибыльное дело. Отдаешь кладку на созревание таким вот господам и заключаешь с каким-нибудь любителем дракончиков договор на поставку готовой продукции... Есть такие люди, понимаешь, которые очень любят покупать дракончиков... Я вот все думаю — для чего бы?..

Разумеется, все присутствующие знали для чего. Четверо подручных Пуделя оценили его юмор подобострастным гоготанием.

— Вот и я, — вздохнул Лакост, — решил приобрести себе кладочку. Приготовил денежки. Нашел покупателей на будущий выводок... Все было на мази. И что же ты думаешь, Енотик? Какие-то уроды не далее как вчера напали на инкубатор, до полусмерти измордовали этого джентльмена и его друзей, забрали и кладочку, и денежки, которые я господам драконоводам доверил, чтобы они выкупили кладочку для меня. Забрали все это и как сквозь землю провалились.

Енот уже начал понимать, в чем состоит суть дела, но перепугаться больше, чем он уже был перепуган, меняла-резидент просто не мог. «Как меня подставили! — только и подумал он. — Боже, как меня подставили!»

— Хорошо ли это? — задал Пудель чисто риторический вопрос.

Енот отрицательно потряс головой. Говорить членораздельно он уже не мог. Да и что ему было сказать?

— Я был огорчен! — с сожалением в голосе произнес Пудель. — Огорчен и разочарован в людях! И вдруг вспомнил, что как раз накануне один проныра обещал мне еще одну кладочку. Буквально за полцены. Не припомню, кто это был? Ты не напомнишь мне этого?

Енот смог только сглотнуть горькую слюну, заполнившую его рот.

— Не хочешь мне помочь? — покачал головой Пудель. — Память подводит? Так я тебе скажу, кто это был. — Черная трость снова уперлась в подбородок Енота. — Это был ты! —

выкрикнул Пудель и чуть не проткнул тростью физиономию собеседника. — Ты, жирная скотина!

Он мгновенно успокоился и принялся снова поигрывать своей тростью.

— И ты выполнил обязательства! — продолжил он. — Выполнил, черт возьми! Причем, заметь, прямо на следующее утро после ограбления. Кладочку доставил в срок! Уж извини, что я был занят и не смог принять товар из рук в руки... Только вот незадача: это была та самая кладочка, которую должны были выкупить для меня у прежнего хозяина господраконоводы!

Наступила выразительная пауза. Которую неожиданно нарушил голос Шведа.

— Господин Лакост, ведь если этот господин участвовал в ограблении, то он не мог быть настолько глуп, чтобы вам же и продавать ваш товар...

Пудель по-прежнему не оборачивался, чтобы смерить взглядом Шведа, но изобразил на лице небывалое удивление.

— Эй, кто-нибудь, — распорядился он, — залепите мальчику рот пластырем! Чтобы не мешал своей болтовней беседе умных людей!

Его приказ был незамедлительно выполнен. Лакост улыбнулся Еноту.

— Ведь ты считаешь себя умником, Енотик? Не стесняйся, уж поделись со мной этим секретом... Да я и сам не думаю, что ты такая дубина, чтобы продавать мне эту кладку, зная, откуда она взялась...

Меняла подтвердил его слова трясением щек и подбородка.

— Да ты ведь, поди, скажешь, что и вообще никогда драконьим бизнесом не занимался?

Енот хотел ответить, что «в основном — никогда», но это у него не получилось, и он только повторил свою пантомиму.

— Поэтому, Енотик, — продолжил свою мысль Лакост, — ты еще можешь расстаться со мной живым. Но, чтобы все для тебя закончилось наилучшим образом, ты должен слушать меня очень внимательно. Ты понял меня?

Енот кивнул.

— Сейчас ты скоренько и без запинки расскажешь мне, кто тебе впарил кладочку. И где этих шутников можно найти. Если через десять секунд я не буду этого знать, я выпущу тебе кишки. Если ты соврешь, я засуну твой язык тебе в задницу. Если мне покажется, что ты врешь, я для начала отрежу тебе ухо. Потом — нос...

Он протянул руку в сторону, и Метис торопливо вложил ему в ладонь здоровенный выкидной нож. Нож тотчас клацнул перед носом Енота. Тот зажмурился.

— Время пошло, — предупредил Пудель.

В голове Енота воцарился хаос. Он понимал, что ни одно из обещаний Пуделя не было пустой угрозой. Но подставлять Тимоти и его приятелей ему ужасно не хотелось. Они представлялись ему не самой плохой компанией в городе. В конце концов, они не знали, что Микис двинет с драконьими яйцами именно к Лакосту...

Но тут же его эмоции заглушил голос разума.

«Какой там “не самой плохой”? — спросил его внутренний голос. — Как это так — “не знали”? Они должны были тебя предупредить... Именно — должны! Так не поступают с деловыми партнерами! Они тебя подставили самым подлым образом! И вообще, надо спасать свою собственную жизнь! А о своих жизнях пусть ребята позаботятся сами. Они, в конце концов, сами создали эту ситуацию. Если будет возможность, надо их предупредить. Не будет такой возможности — тем хуже для них».

Все эти мысли пронесли у него в голове за десятую долю секунды. Еще полсекунды к нему возвращалась способность мыслить и говорить членораздельно. В следующую секунду Енот попробовал произнести хотя бы слово, но изо рта у него вырвалось только хриплое сипение. Рот его, который только что был заполнен горькой как яд слюной, теперь высох напрочь. Язык стал шершавым, как наждак. Голосовые связки работать отказывались. Как ни странно, Пудель вошел в его положение.

— Дайте ему глотнуть чего-нибудь, — приказал он.

Каба не спеша достал из холодильника запотевшую банку апельсинового сока, открыл ее и протянул обливающемуся холодным потом меняле. Тот судорожно сделал из нее два больших глотка и наконец с трудом выдавил из себя:

— К-кладку мне впарил Тимоти Стринг. Магазин штучной и оптовой торговли на площади Эпидемий, дом шесть. Парень худой как скелет. Почти под ноль стриженный. Но только...

— Какие могут быть «но»? — ласково спросил Пудель. — Ты находишься в таком месте, где не бывает никаких «но»!

— Тимоти не мог затеять ограбление! — прохрипел Енот. — Он не бандит, спекулянт... Жулик большой, но никак не грабитель. Ему эту кладку кто-то подсунул...

— Бедный, бедный Тимоти, — покачал головой Пудель. — Придется ему выложить начистоту, кто так подло поступил с ним. Надеюсь, он это успеет сделать, прежде чем покроется хрустящей корочкой. А кто ходит в друзьях у этого бедняги?

Енот развел руками.

— Ну, Гринни Звонков. Он тоже не бандит, а игрок. Потом этот китаец из ресторанчика на Мэйн-стрит. Сян... Этот вообще парень тише воды, ниже травы.

Енот чувствовал, что начал говорить лишнее. Необходимость предавать пусть даже провинившихся ребят вызывала у него острую тошноту.

За спиной Лакоста отчаянно замычал Швед. Он честно хотел сказать, что среди нападавших на инкубатор не было ни тощих парней, ни тем более китайцев. Но ни на него, ни на издаваемые им звуки решительно никто не обращал внимания.

— И девица эта... — закончил «сливать» ребят Микис. — Та, что Магией занимается... Все порядочные люди... Лакост улыбался все более хищно.

— А среди этих порядочных людей, — осведомился он, — не было случайно Макса Чумацки с погоняловом Чувырла?

Енот побоялся врать.

— Ну, вроде он одно время с этой компанией хороводился. Они там то ссорились, то мирились... Знаете, трудно понять со стороны... Я в их дела не лез и не вникал...

— Ясно, это одна шайка-лейка! — убежденно произнес Беспредельщик.

Пудель не любил, когда его перебивали и тем более делали за него выводы. На своего подручного он бросил недобрый взгляд. Тот тут же умолк и отступил на шаг назад.

— Ну что ж, — усмехнулся Пудель. — Придется подъехать к этим ребятам. Поговорить по душам. Забрать должок Шведа возьмем с собой. Может, кого узнает... Ты ведь не откажешься нас проводить до этого самого магазинчика, Енотик?

— Не откажусь... — уныло вздохнул меняла. — Но только там сейчас никого нет. Я там был недавно.

Пудель скривился.

— Так вот почему ты так лихо заложил своих приятелей... Знал, что они уже смылись?

Почуяли недоброе? Придется тебе вспомнить, куда подались ребята...

— Да не смылись они, — покачал головой Енот. — Это на них не похоже. Скорее всего, вся компания «гудит» где-нибудь. Потом — разойдутся по домам. Есть у них такая традиция. Похоже, что они провернули какое-то выгодное дельце и...

Губы Пуделя украсила язвительная улыбка.

— Представляю себе, что именно они отмечают... Это было, безусловно, выгодное для них дельце.

— Необязательно то, о котором вы думаете, — мрачно заметил Енот. — Я же говорю, что их подставили...

— И, по-твоему, они такие чудачки, что вернутся на то место, откуда взялись? — иронически прищурившись, спросил Пудель. — В родную, так сказать, стихию?

— Никто из них не готовился к побегу, — совершенно уверенно ответил Енот.

— М-да... И ты не готовился, — заключил Пудель. — Ты или уже был готов, или тебя крупно подставили. Впрочем, не думаю, чтобы твой Тимоти удрал именно теперь. Он должен с нетерпением ждать, когда ты принесешь ему денежки за товар, который он тебе доверил. Ну что ж...

Он помолчал немного, сверля менялу взглядом своих бешено-янтарных глаз.

— Так ты говоришь, что эти ребята просто засели в кабаке? Ну что же, к утру, говоришь, пойдут по домам? Подождем... Не будем суетиться. Главное — не вспугнуть птичек. Я намерен организовать твоему приятелю Тимоти самый прекрасный прием...

Пудель повернулся к своим подручным:

— Соберите всех наших к утру. И если я сказал «к утру», это значит — до того, как солнышко встанет. Пусть будут готовы повеселиться как следует. А эти двое... — Он ткнул тростью в Микиса и Шведа и приказал: — Эти двое побудут у меня гостями Заприте этих милых голубков. В подвале, что ли...

Лакост подошел к окну и стал вглядываться в наступившую ночь. Звезды в небе гасли одна за другой: над городом сходились тучи.

— Этим утром... — бросил Лакост в пространство, не обращаясь ни к кому конкретно, — этим утром Смерть соберет богатый урожай.

В общем-то он не ошибался.

* * *

Витрина заведения Тимоти тихо мерцала огоньками ночной подсветки, разложенные в ней непритязательные товары выглядели вполне невинно, но, есть ли кто внутри помещения, догадаться было трудно.

На площадь Эпидемий фургон Билли выезжать не стал. К магазину Тимоти банда подобралась по боковым улочкам, со стороны черного хода. Выбравшийся на разведку ситуации Чувырла долго бродил вокруг дома, присматривался к забраным жалюзи окнам, прислушивался и принюхивался у дверей и, наконец, вернулся с сообщением:

— Похоже, там никого.

Билли кивнул сидящему напротив парню в клетчатой кепке, и тот, прихватив потертый кейс с инструментом, направился к двери черного хода в обиталище предполагаемого противника. Возиться с замком ему долго не пришлось. Тимоти, ставя запоры на двери

своего хозяйства, исходил из того резонного соображения, что «замки не от воров сделаны». И потому не тратился на дорогие причиндалы. Специалист по дверям тоненько свистнул, и братва, стараясь не привлекать к себе внимания, по одному, стянулась к тылу торгового заведения Стринга.

В помещение ворвались быстро и почти бесшумно. Даже полет Чувырлы, споткнувшегося о поставленный в проходе ящик с каким-то товаром, прошел бесшумно. Самый поверхностный осмотр показал, что никого, кроме самой братвы, здесь нет. Дверь, ведущая в офис, была заперта замком ненадежнее, но после пяти минут усилий специалиста открылась вполне благополучно.

Билли пошарил лучом фонарика по комнате, потом плюнул на осторожность, нашел выключатель и включил панель освещения. Обошел вокруг стола и нагнулся к длинному брезентовому свертку, прислоненному к креслу. Развернув брезент, он присвистнул.

В свертке был меч!

Хорошо запомнившийся ему меч. Сопевший за его спиной Чувырла тоже узнал этот инструмент и коротко икнул. Он испытал огромное облегчение: хотя и совершенно наобум, но он угадал виновных. И теперь мог ходить в героях.

— Неплохая вещица, — заметил Бен. — Наверное, сработана под то старье, что осталось от Предтеч.

— Много ты в этом соображаешь, — фыркнул Макс. — Это самая настоящая работа Предтеч. Один из двух мечей Ньюмена.

Он потянулся к клинку, но тут же получил по рукам. Билли аккуратно снова завернул меч в брезент и положил свертки на стол.

— Не теряйте времени, ребята, — распорядился он. — Ищите ящик с драконьей кладкой. А ты поинтересуйся сейфом, — кивнул он мастеру по замкам.

* * *

Содержимое сейфа офиса Тимоти разочаровало. В основном это были распечатки каких-то прайс-листов и листки, небрежно сколотые друг с другом и покрытые непонятными заметками, нацарапанными вручную. Почерк у Тимми, судя по всему, был далеко не каллиграфическим. Была там еще тонкая пачка облигаций казны Престола и «магистратских». В смешном количестве присутствовали «орлики» и федеральные банкноты. Их Билли просто бросил на пол, как мусор.

Контейнера с драконьими яйцами не нашлось решительно нигде. В конце концов, металлический ящик не иголка в стоге сена. Пропустить его по невнимательности было просто невозможно. Билли устало присел на краешек письменного стола.

— Ладно, черт с ней, с этой кладкой, — с досадой произнес он. — Хоть эта железка пригодится, — кивнул он на свертки с мечом. — Может, за такие штуки и впрямь дают хорошие деньги. Хотя вроде Магия, а Магией не торгуют. Может, удастся обменять на что-то путное. — Потом Билли воззрился на сгрудившуюся вокруг братву. — Что вы все уставились на меня? Ищите все, что нас наведет на след этих шакалов. И потрошите шкафы! Деньги должны быть где-то здесь!

Братва ринулась исполнять приказ.

И уже через несколько минут раздалось восклицание кого-то удачливого из

пустившихся на розыски подручных Билли.

— Вот где они прячут свой сахарок!

Сумка, набитая купюрами, обнаружилась в одном из шкафов. Билли присел на корточки, изучая ее содержимое. Вся его команда сгрудилась вокруг, заглядывая боссу через плечо. Тот окинул взглядом плотный массив аккуратно уложенных пачек «орликов» и федеральной «зелени» и быстро застегнул сумку.

— Все, — коротко определил он. — Они сюда придут, как милые. Раз деньги оставили здесь, то никуда не денутся. Наверное, они и в ум не берут, что их кто-то мог вычислить. Сейчас как пить дать сбывают какому-нибудь барыге драконово отродье.

— Это верно, — вставил Чувырла. — Фургона во дворе нет. У Тимми характерный фургончик имеется. Такой темно-синий. Обычно стоит за домом. За простым товаром Тимми днем катается. А сейчас ночь на дворе, а фургона нет. На нем ящик и повезли — это точно!

Билли неприязненно скосился на него и глубокомысленно заключил:

— Так что, я думаю, шакалы придут сюда тоже при денежках. Стало быть, наше дело — ждать. Главное — не вспугнуть этих уродов. Поэтому сидим тихо и не шалим. Рассредоточьтесь по торговому залу. Так, чтобы со входа вас было не видно и не слышно. Черный ход тоже контролируйте. Чтобы не вышло сюрпризов. Понятно?

— Поняли, не дурные! — заверил его Шустрик.

— И не вздумайте дрыхнуть! — продолжил инструктаж Билли. — Стволы держите наготове. Эти шакалы могут нагрянуть внезапно. У вас, может статься, не будет времени на то, чтобы снять пушки с предохранителей. Эти шакалы тоже не лыком шиты. Как только услышите шум, прячьтесь. Если будет не один этот Тимми, то дайте им всем войти. И закрыть за собою дверь. С улицы никто ничего из того, что здесь произойдет, заметить не должен.

— Не заметит никто, — заверил его Чувырла.

— Ты не обещаешь, ты обеспечишь! — оборвал его Билли и сопроводил эти слова тяжелым, словно гиря, взглядом. Макс тут же отпрянул за спины поделльников.

— Я повторяю: не спугните этих уродов. Дайте им втянуться в помещение. Тогда можете завалить двоих-троих. Но одного оставьте. Лучше всего — этого самого Тимми. За это ты, Бен, отвечаешь со своим «вырубателем». В первую очередь — вырубись его. Только не перестарайся. Мне надо будет с ним побеседовать по душам. Это, надеюсь, вы тоже усвоили?

Братва подтвердила свое понимание дружным молчанием.

— Слушайте дальше, — вдалбливал в головы своих подручных Билли. — Я остаюсь здесь. Пересчитаю денежки.

Без счетчика на это как раз и уйдет почти вся ночь. Прикину, как быть с этой, — он кивнул на завернутый в брезент меч, — железякой. Ну и пару раз выйду вас проверить. И те, кто будет не в форме, без предупреждения получают по полной программе. Имейте это в виду, ребята. Но меня без дела не дергайте. Поняли? Теперь все по местам!

Офис Тимми моментально опустел.

Через несколько минут любой, кто заглянул бы в торговый зал магазинчика Стринга, решил бы, что зал этот пуст. Прятаться братва умела. Тем более что в захлавленной комнате, пересеченной в разных направлениях полками, на которых громоздились самые невероятные предметы, прятаться было где. Помогала делу и почти полная темнота.

Оставшись наедине с собой в кабинете Тимоти, Билли выключил панель освещения, поставил свой фонарик на «малый свет» и принялся для начала изучать содержимое сейфа, ящиков письменного стола и памяти настольного компа.

Комп, впрочем, имел неплохую защиту, а специалистом в этой области Билли не был. Гораздо больше информации, возможно, содержала пара записных книжек, валявшихся в столе, но она тоже была «защищена» — корявым почерком Тимми. Билли отшвырнул бесполезные бумажки и принялся и вправду пересчитывать содержимое вновь обретенной сумки. За этим занятием его и сморил сон.

Сон был нервным и чутким, словно затравленная крыса. Он не предвещал ничего хорошего. Но Билли не верил снам.

* * *

Ночь тянулась и тянулась. И окрест не происходило ровным счетом ничего. Зевота сначала одолела толстяка, затем — его приятеля.

— Будем спать по очереди? — спросил лопоухий. — А то заснем оба и упустим клиента. А так по паре часов раздавим. И будем мало-мальски в форме.

— Чур я первый, — отозвался толстяк. Приятель измерил его презрительным взглядом и постановил:

— Тогда ты и сгоняешь за бухлом. Можешь сразу расслабиться, но про мою долю не забудь.

Толстяк с сомнением почесал загривок:

— А не отрубимся оба?

Лопухий презрительно поморщился:

— Мы ведь на нешуточное дело идем? Я так понимаю, что до завтрашнего вечера можем и не дожить...

— Правильно понимаешь, — со вздохом признал толстяк.

— Так вот, — объяснил его партнер. — Не знаю, как ты, а я не хочу умереть трезвым, как дурак.

Толстяк вздохнул и полез из кабины. Найти спиртное посреди ночи в центре Семи Городов при наличии денег занимало не больше пяти минут.

* * *

Обильный ужин и временно преодоленное похмелье сморили Гринни. Ближе к часу ночи он почувствовал, что «плывет». Он отыскал свои нары, согнал с них очень этим недовольного Фреда и распластался лицом вниз. Потом приткнулся к стене и натянул куртку на голову. Послал к черту все и вся и почти мгновенно провалился в сон.

Где-то на зыбкой грани между черной пропастью сна и докучливым светом яви он успел попросить всех тех трех богов, которым Пестрая Вера отдала на откуп царство сна, не тревожить его этой ночью. Больше всего ему хотелось проснуться не раньше, чем придут выгонять их из теплой камеры под мелкий, холодный утренний дождик свободы. Но у богов свои резоны, и сон, нервный и полный тоски, пришел к нему. Ему приснился отец.

И еще ему приснилась родная планета. Квеста. Это, вообще говоря, не лезло ни в какие ворота. Он не мог помнить того времени. Он только еще и успел в своей жизни выучиться ходить, может быть, начинал говорить связные предложения в ту пору, когда отец решил уйти с парой своих приятелей в Закрытый Мир. После того как болезнь и нехватка денег унесли из жизни Надежду — мать Гринни, его отец возненавидел тот проклятый Мир, в котором ему и маленькому сыну пришлось остаться в одиночестве. А Закрытый Мир был... Чем, собственно, он был?

Мечтой об иной жизни. Такой, в которой все будет «не так». Может быть, тяжелее и хуже, но «не так». Но Гринни никогда не удавалось вспомнить даже начала их полета. Сознательные воспоминания начинались для него уже позже — памятью об угрюмом нутре корабля Переселенцев.

Но в эту дурную ночь он шел, цепляясь за твердую, впитавшую в себя все его детское понимание надежности и безопасности руку отца. Шел вдоль берега очень спокойного океана, куда-то к словно дымящемуся молодой зеленой листвой лесочку, за которым виднелась белая башенка маяка. И взрослый Григорий Звонков, который существовал одновременно вместе с маленьким Гринни, ломал себе голову над загадкой. Он не мог сообразить: а действительно ли существовало такое место в его родном Мире? Может, это его воображение скроило эту неровную полоску прибоя, этот лес и этот маяк из разных образов, которые теснились в его сознании? А там теснились воспоминания о поездках уже по здешнему Миру, образы из фильмов и иллюстрированных журналов. Почему-то он всегда избегал смотреть фильмы про Квесту, читать о ней, рассматривать картинки. Какое-то смутное чувство вины перед Миром, из которого он ушел и тем самым как будто предал его, мешало ему делать это. И поэтому он не знал, правда или мираж предстали перед ним в этом тоскливом сне.

Тем временем отец говорил маленькому Гринни, шагая по мокрому, чуть похрустывающему песку:

— Да, нас будут тащить чуть ли не до соседней звезды — к точке перехода — долго-долго. Два года. А потом мы сразу, в один миг, окажемся в другом Мире. Там будут другие звезды и другие небеса... И другая планета, на которой все будет справедливо и правильно. И ты там вырастешь справедливым и правильным человеком... Будешь хорошо учиться. Ведь ты будешь хорошо учиться? («Буду», — отвечал Гринни, который еще не знал, что такое «учиться» и многого другого из того, что говорил ему отец.) И у тебя будут друзья, — говорил отец. — Хорошие, добрые и умные друзья. Ты будешь расти вместе с ними. А когда вырастешь, то у тебя будет хорошая и интересная работа. Может быть, откроешь свое маленькое дело. Мастерскую или бар... А может, будешь разводить спортивных коней для скачек. Лошади очень хорошие друзья. Или ты станешь известным спортсменом, и я буду тобой гордиться. Только вот музыкантом или певцом не становись. Бестолковый это народ.

В ту пору Гринни, наверное, разделял это мнение отца. Он вообще долго-долго, даже после того как отца не стало, не верил в то, что тот может ошибаться.

— И киноактером тоже не становись, — продолжал советовать отец то ли в шутку, то ли всерьез. — Можешь стать, на худой конец, писателем. Не денежная работка, если ты не Лев Толстой, но и не пыльная. Достойная в общем. И в обществе уважаемая. А вот насчет художников — не знаю... В общем, там, под чужими небесами, у тебя будет выбор. И, конечно, ты не ошибешься. Ты ведь не ошибешься, Гринни?

И маленький Гринни, конечно, обещал не ошибиться, с обожанием глядя

округлившимися, чистыми глазами ребенка на своего папу — человека, с которым они остались одни на белом свете. Он уже тогда понимал это. Хотя, конечно, по улицам ходило много людей и бегали дети. И друзья временами заходили к отцу... Но все равно — они с отцом оставались одни.

Он еще не знал тогда, что отец не вещает прописные истины и не наколдовывает ему счастливое будущее, а просто мечтает вслух. И мечты у него — самые обыкновенные, те, что у всех поживших и побитых жизнью людей припасены уже не для себя, а для своих детей. И если бы кто-то сказал это маленькому Гринни или, хуже того, показал бы ему то, что ждет его на самом деле, он бы кинулся на такого человека, сжав маленькие детские кулачки.

— А потом? Что будет потом? — спросил он у отца.

И взрослый Гринни, смотревший этот сон, задумался: а мог ли он — еще совсем маленький в ту пору — задавать такие сложные вопросы.

— А потом ты встретишь красивую и честную девушку, — горьковато усмехнулся отец. — Таковую, какой была твоя мать, когда мы только познакомились. И вы поженитесь. И у тебя будет карапуз — такой, как ты теперь... И ты будешь вот так же с ним гулять возле моря...

— А потом? — спросил маленький Гринни.

— Потом у вас, наверное, будут внуки...

— А потом?

Отец замолчал, сбоку заглядывая в полные любопытства глаза Гринни.

— Смотри, — сказал он вдруг, указывая на песок под ногами. — Вот.

Он сделал шаг, и ботинок его — тяжелый солдатский ботинок с рифленой подошвой, так и не стершейся с годами, впечатался в песок.

— И снова — вот... — сказал отец и сделал еще шаг. — Смотри. Это называется след. Каждый человек оставляет свои следы. И ты тоже. Посмотри.

И Гринни, глядя себе под ноги, тоже шагнул два раза — «вот и вот»... Следы его детских туфелек тоже, хотя и не так четко, как следы отца, отпечатались на песке. Почему-то это показалось ему замечательным.

— Каждый человек, — объяснил ему отец, — оставляет по себе следы. Целую цепочку следов. И они останутся, даже когда человека не станет. Как мама. Ведь ты чувствуешь ее следы?

— Да, — ответил Гринни. — Я их чувствую.

Он не просто вторил отцу. Он говорил правду.

— И мама всегда будет немножко с нами, — сказал отец. — Потому что следы — это немножко и сам человек.

И сердце маленького Гринни наполнилось каким-то горьким счастьем. Он огляделся вокруг. Совсем другими были теперь для него океан, и песчаный берег, и лес вдалеке, и белая башенка маяка, и небо высоко над ними. Его вдруг охватил страх упасть, провалиться в эту голубую бездну, и он сильнее сжал руку отца.

Но его ручонка неожиданно схватила пустоту. Нет, не неожиданно. Он все время боялся, что такое рано или поздно случится с ним, и с подступающей к сердцу тоской ждал этого. Ему казалось, что целую вечность ждал. Только не признавался себе в этом.

Гринни испуганно обвел взглядом сразу ставший чужим мир вокруг себя. Отца не было нигде. Ледяной ветер пронял его до костей. Как-то сразу, как это бывает во сне, он понял, что со ставшего вдруг серым неба за воротник ему моросит унылый дождик — мелкий и

холодный. Мгла затянула горизонт, и в этой мгле утонули лес и башенка маяка. Острое чувство одиночества заполнило его душу.

«Следы, — сказал Гринни себе. — От нас ведь должны остаться следы. От отца и от меня...» Там, во сне, это обстоятельство казалось ему очень важным.

Он обернулся, ища взглядом цепочку следов, которая должна была тянуться за ним. Но песок был чист до самого мглистого горизонта. И не было этой цепочки. Не было никаких следов. Должно быть, смыло волной. Но Гринни знал, что дело не в этом.

Горькая, жгучая тоска хлынула в сердце Гринни. Тоска по несбывшимся надеждам того маленького мальчишки, который так верил своему отцу. И еще — острое чувство собственной вины за то, что это он виноват, что обещания отца не сбылись...

Гринни проснулся, сохранив эту горечь в себе. Вокруг царил сизый сумрак неосвещенной камеры. Тишину нарушал только легкий гул вентиляции да посапывание остальных трех его сокамерников. Глубокий сон сморил их. В воздухе еще сохранился легкий запах острых специй, к которому примешивался гораздо более осязаемый запах винного перегара. Гринни тихонько поднялся и подошел к забранному стеклоблоками окну. Сквозь неровное стекло невозможно было рассмотреть окружающее, но осязательно угадывалось, что там, снаружи, близится утро...

То утро, когда почти незнакомый Гринни Дмитрий Шаленый по кличке Шишел-Мышел, возвращался в город, чтобы стать участником очередного акта того странного спектакля, который разыгрывали в декорациях Семи Городов Джокер, Палач, Коннетабль и еще полдюжины персонажей, никак не похожих друг на друга.

* * *

Уже на подъезде к городским окраинам сэр Кьянти заметил сам и показал товарищам вздымающийся высоко в небо столб черного дыма где-то в самом центре города. Дождь только-только закончился, очищенный им воздух был свеж и неподвижен, так что дымный столб был прям и причудлив, как античная колонна.

— Включите-ка сводку новостей, — с тревогой в голосе попросил сэр Токвиль. — Что это там горит?

Сэр Кьянти, тоже немало обеспокоенный, покрутил ручку настройки автомобильного радио. Но голос юной дикторши вещал о каких-то материях, совершенно чуждых пожарному делу. О переносе сроков Большого Размена, о новых эдиктах Престола, направленных на развитие туризма, и о неслыханной перестрелке городских банд с применением запрещенного к хранению и ношению огнестрельного оружия.

— Черт знает до чего мы дожили! — посетовал сэр Цвиттерморт. — Криминал уже ни с чем не считается! И ведь вместо того, чтобы немедленно перевешать этих субъектов на фонарях, их, пожалуй, будут судить — по всем правилам: с обвинителем, уймой адвокатов и целым стадом присяжных! И ограничатся тем, что строго погрозят пальчиком перед носом у убийц и бандитов.

Тема была вечной. Сэр Ларкин тут же завел речь о том, что надо не ужесточать наказание за ношение стволов, а наоборот, как в старые времена, позволить населению вооружиться самому, чтобы любой нормальный гражданин мог всегда дать отпор любому бандюку и чувствовать себя в безопасности. Сэр Токвиль осторожно предположил, что этак

может получиться, что одна половина здешнего населения перестреляет другую...

За этой содержательной дискуссией честная компания и въехала в район особняков состоятельной части жителей Семи Городов.

Глубоко уважающие сэра Дмитрия друзья, разумеется, доставили его прямо к дверям его жилища. Уже выбираясь из кабины, Шишел заметил, что перед его домом расхаживает взад-вперед слегка сутулый тип, удивительно напоминающий дока Рафаэля Фландерса.

Именно Рафаэлем Фландерсом тип и оказался при более внимательном рассмотрении.

Шишел «сделал ручкой» своим приятелям, и «круизер» сэра Кьянти бодро умчался вдаль. Шишел и Фландерс быстро пошли навстречу друг другу.

— Как это вам удалось меня обскакать? — поинтересовался Дмитрий, кладя руку на плечо доктору и направляя того в сторону своего дома. — Вижу, вы что-то важное надыбали, если так поспешили со мною встретиться.

— У меня в ангаре собственный вертолет, — пояснил док. — Штука дорогая, и я нечасто им пользуюсь. Но сейчас пришлось. Я...

— Минутку, — остановил его Дмитрий. — Не на улице... — И только накрепко заперев за собой дверь своего дома, коротко бросил: — Говорите, док. Что у вас там?

Фландерс энергично карабкался по лестнице следом за Шишелом в его кабинет-спальню-столовую.

— Я всего за час с небольшим нашел необходимые данные, — рассказывал он торопливо. — Считайте, что нам повезло. Начни я искать, как говорится, с другого конца — и пиши пропало. На это ушло бы несколько суток.

Шишел отворил перед гостем дверь и кивнул, приглашая его занять место у стола, а сам принялся доставать из шкафа кофеварку.

— Короче, наш с вами гость, — торопливо продолжал доктор Фландерс, — вполне обнаружим. Вполне и надежно!

— Ммм? — подбодрил его Шишел, щедро заправляя кофеварку ароматным порошком молотых зерен и заливая в ее резервуар воду.

— Извините, Дмитрий, за то, что я не стану читать вам здесь лекцию по молекулярной кибернетике. Я и сам не великий специалист в этой области, но кое-какие возможности этой науки представляю. Так вот, молекулярные киберсистемы кроме свойств чисто информационного толка обладают и определенными физическими свойствами... Так сказать, неотъемлемыми от их функций...

Шишел с задумчивым видом наблюдал за действием кофеварки, размышляя над тем, способен ли он понять хоть что-то из того, о чем вещает док, или нет.

— В общем, одни сигналы в некоторых радиодиапазонах они резонансно поглощают. И это может быть определено по дифракционной картине... А другой тип сигналов вызывает у таких схем активный ответ — за счет преобразования энергии как раз этих самых сигналов. Ответ, конечно, слабенький — типа отраженной радиоволны, но вполне обнаружимый.

— И как же мы будем его обнаруживать, этот сигнал? — поинтересовался Шишел, присматриваясь к закипающей в прозрачном стекле воде. — Как я понимаю, это дело непростое...

— В этом вы совершенно правы, — согласился с ним доктор Фландерс. — Необходим специальный прибор. Причем прибор, настроенный на объект с совершенно индивидуальными параметрами...

— Замечательно! — отозвался Шишел, наблюдая, как первые капли коричневого

напитка стекают в прозрачный кофейник. — Насчет параметров не знаю. Не смыслю я в таких делах, а вот прибор, говорите... Откуда ж взять такой? Верно, если на заказ делать, то и специалиста стоящего поискать еще надо. И стоит эта штука будет недешево...

— Насчет параметров можете не беспокоиться, — отмахнулся от него Фландерс. — Тех показателей, которые мы сняли с Джокера там, на Скимитаре, вполне достаточно, чтобы вычислить необходимые величины. А вот что касается прибора... Тут нам придется вывернуть карманы. Всякое уникальное устройство обходится на два порядка дороже, чем серийное. Это, может быть, самая трудная для нас задача. А в отношении специалиста, который может такой прибор изготовить, то я хорошо знаю такого человека. Не забывайте, что предметы Магии — это молекулярная кибернетика, только не наша.

Перспектива «вывернуть карманы» не слишком обрадовала Шишела. Это прямо-таки подрубало на корню уже созревшие у него планы возвращения в Старые Миры.

«А чем черт не шутит, — сказал он себе. — Почему бы перед убытием не размяться, чтоб хоть навыки старые припомнить? Благо народ здесь не такой изощренный, как нынче в Старых Мирах. Устрою-ка я им свои “прощальные гастроли”».

— Я постараюсь решить наши финансовые проблемы, — совершенно невинным голосом заверил он Фландерса, расставляя на столе чашки (обе, к сожалению, разные, как и чайные ложечки, приложенные к ним), сахарницу и плетенку с сухариками. Как-никак, я имею связи при Дворе и могу организовать заем. О какой сумме вести речь?

Док призадумался. Он взял из плетенки сухарик и принялся его разглядывать, словно это был свежееизвлеченный из раскопа предмет Магии Предтеч.

— Я скажу вам точную цифру после того, как проконсультируюсь с этим моим знакомым специалистом, — сказал он после непродолжительного размышления.

Шишел тяжело вздохнул. Как почти у всех людей науки, у дока Фландерса напрочь отсутствовала финансовая интуиция. Что поделать — иначе он не был бы самим собой.

Шишел принялся заботливо разливать кофе по чашкам:

— Сколько времени займет у вашего знакомого работа? Месяц? Год?

— Да нет... — снова отмахнулся от него доктор. — Дело в том, что их исследовательская группа сейчас получила весьма сходное задание. По технологии своего выполнения, я имею в виду... Так что наш, так сказать, заказ они выполняют, собственно говоря, «попутно».

— Только по технологии, — нахмурился Шишел, размешивая ложечкой сахар в своей чашке. — Вы уверены, что кто-то еще не открыл охоту за Джокером? Ведь редко когда бывают такие вот совпадения...

Фландерс тоже сосредоточенно позвякивал ложечкой в своей чашке и, словно медитируя, присматривался к дымящейся поверхности горячего кофе.

— Вы знаете, — произнес он наконец, — у меня мелькнула та же самая мысль. Но... Никто, кроме меня, не располагает данными исследований Джокера, которые мы проводили на Скимитаре. Я не обнародовал этих данных и хранил записи у себя. Причем не в компьютере. Я никогда не доверял электронике и имел возможность убедиться, что был прав. Хранил в сейфе с механическим замком. И ключи держал в надежном месте. Никто не проявлял к моим исследованиям интереса. Хотя бы потому, что никто и не знал о них. Нет... — Он покачал головой. — Я исключаю такой вариант.

Фландерс отхлебнул горячего кофе и скривился, обжегшись.

— Повторяю, — произнес он, морщась, — эта группа работает с предметами Магии.

Наш заказ для них — «левый».

— Дай бог, чтобы это было так, — пожал плечами Шишел и обмакнул сухарик в кофе. — Надеюсь, вам не придется давать этому человеку объяснений по поводу нашего заказа?

— Этот человек, — улыбнулся Фландерс, — приучен не задавать лишних вопросов.

— Вот как? — почесал в затылке Шишел. — В секретной шарашке работает? Впрочем, чего это я?! Все, что с Магией связано, всегда под секретом.

— Он работает на Коннетабля Байера, — благодушно пояснил Фландерс. — Многие боятся Коннетабля и его людей. Но это глупо. Мой знакомый — вполне нормальный человек, с которым нетрудно найти общий язык.

Шишел присвистнул. Но не стал спорить с доктором. Только спросил:

— А как, если не секрет, зовут этого вашего знакомого?

— Для вас не секрет, — улыбнулся Фландерс. — Его зовут Клайв Мэтчисон.

Шишелу это имя ничего не говорило.

* * *

Оставшись один, Шишел порылся в столе и вытащил на свет божий несколько листков с записями, не понятными никому из посторонних. Пробежав их глазами, он сделал пару звонков — совершенно невинных по своему содержанию. Затем спустился в гараж, вывел из него свой «лендровер» и потихоньку покатыл на неприметную Цвишен-штрассе.

Это была тихая, зеленая и не претендующая на привлечение туристских толп улочка. Дома, расположенные на ней, укрывались в глубине густо засаженных деревьями и кустарниками садов. Эта идиллическая картина как-то не вязалась с представлениями о центре деловой активности всей планеты. Но неприметные на первый взгляд металлические и мраморные таблички на каменных столбиках при входе в эти владения извещали, что в глубине садов скрываются представительства весьма влиятельных финансовых групп Закрытого Мира. А на некоторых таких столбиках никаких табличек и не было вовсе. Что за заведения находятся там, под сенью густой листвы, знать полагалось только посвященным. Почти ни в одном из этих зданий ворами и грабителями не удалось бы сильно поживиться. Денежные потоки в виде электромагнитных импульсов прокачивались через хорошо защищенные компьютеры, так что купюры и золотая чеканка не возникали тут в своем физическом воплощении — разве что в бумажниках состоятельных посетителей. Но личное присутствие клиентов в офисах этих банковских групп было явлением редким.

В этом отношении приятным для Шишела исключением был Резервный банк «Колумб» — третье здание от северного торца Цвишен-штрассе. Здесь «отмывали» деньги, запачканные в самых разных аферах. Впрочем, это была «прачечная» не для всех. Это была не какая-то там лавчонка, где подозрительные типы с бегающими глазками торопливо оформляли фиктивные сделки и отсчитывали себе свою долю в десятках или в сотенных. «Колумб» принимал клиентов, только рекомендованных заслуживающими доверие людьми. С «мелочью» менее сотни тысяч здесь просто не связывались. И работали с клиентами тут служащие, чей вид был сама респектабельность.

О существовании сего богоугодного заведения Шишел узнал во время своего пребывания в числе приближенных к Престолу. Среди приближенных лиц были и клиенты,

и покровители «Колумба». Зная о криминальном прошлом Шишела, почти все они считали его за «своего». И Шишел не преминул этим воспользоваться. Он довольно быстро собрал сведения и завязал необходимые связи, для того чтобы в надлежащее время в случае необходимости «без шума и пыли» взять «Колумб».

Банк имени знаменитого мореплавателя обладал, с его точки зрения, двумя основными преимуществами: во-первых, в сейфах его временами находился весьма значительный объем наличности и, во-вторых, наличность эта была совершенно не учтенной никакими законными документами. Фактически ее не существовало. Так что в случае ее неожиданного исчезновения ни Городская Стража, ни Орден Порядка не были бы поставлены в известность. Грабителю оставалась возможность покинуть Закрытый Мир, прежде чем до него доберется «следственная бригада» здешнего криминалитета.

Шишел несколько раз посетил «Колумб» и воспользовался его услугами. Несколько раз — в качестве «доверенного лица». От имени некоторых придворных персон, не желавших самим светиться в «Колумбе». Разок — лично, «от своего имени». Для последнего пришлось на какое-то время влезть в долги, которые играли роль его собственных «грязных» денег. Затем, возвращая деньги хозяевам, пришлось основательно добавить от себя, чтобы компенсировать процент, взятый с него за «стирку».

Зато он хорошо вник в механизм работы «Колумба», в такую простую и нужную вещь, как внутреннее расположение переходов и устройство сигнализации банка. А еще он обзавелся «кротом». То есть достаточно компетентным и склонным подчиниться шантажу или быть взятым подкупом сотрудником намеченного банка, который на таких условиях согласился бы стать сообщником ограбления. К счастью, при Дворе и во всех Доблестных Орденах хватало болтливого народа, чтобы кандидатуру в «кроты» было легко наметить и взять в обработку.

Шишелу попался осторожный и деловой «крот», четко державший его в курсе банковских дел. Сейчас Дмитрий назначил ему встречу в ресторанчике, как раз за поворотом с Цвишен-штрассе на Промпт-стрит. Это было место традиционных ланчей и обедов служащих здешних банков. «Крот», как служащий довольно высокопоставленный, мог позволить себе являться сюда немного раньше или немного позже общего перерыва и тем самым избегать ненужных свидетелей его трапезы. Встреча была незапланированной, внеочередной, но «крот» прибыл на нее в полной боевой готовности. Через несколько минут разговора за бокалом сухого под рыбный салат Шишел уже знал самое важное. То есть о хотя и не самом большом, но вполне солидном поступлении «черного нала».

«Почему бы не сегодня? — спросил он себя. — Почему бы не этой ночью?»

— Сегодня, — сказал он «кроту», — ты закладываешь в тайник... Ну, скажем, в третий тайник «джентльменский набор» на эту ночь. Напомнить, что должно быть в «наборе»?

— Копии электронных ключей с указанием, к какой двери, коды сейфов и дверей хранилища, код запасного выхода... — начал бойко перечислять «крот».

Шишел выслушал его до конца, утерся салфеткой, расплатился наличными, чтобы не оставлять в памяти сервис-автомата номер своей карточки, и удалился с таким видом, будто не имел ни малейшего отношения к своему соседу по столу.

«Сегодня, — повторил он, рассчитывая, что внутренний демон как-то прокомментирует его решение. — Этой ночью».

Но демон не стал выныривать из глубин его подсознания, чтобы обсуждать с Шишелом подобную тему. Демон косо смотрел на криминальные затеи своего хозяина.

Прежде чем тронуть свой «лендровер», Дмитрий снова попытался вызвать по мобильнику Микиса. И снова Микис не отозвался.

«Похоже, что этим утром у него были неприятности покруче моих», — подумал Шишел.

Глава 13

БОГ СЧАСТЬЯ

И действительно, утро для Микиса Палладини, известного на Заразе как Апостолос Челлини, или Енот, было гораздо более тревожным, чем для Дмитрия.

Енот не мог назвать ночь, проведенную им взаперти — на пару со Шведом, слишком приятной. Вокруг царила глухая, сырая тишина. Швед, хотя и избавленный от залепившего рот пластыря, был не слишком разговорчив. Да и самого Енота не тянуло на откровения. Сон не шел ни к тому ни к другому. Впрочем, спать на холодном железобетонном полу вряд ли пошло бы им на пользу. Ночь оставила у них только чувство тупой усталости. Обоим оставалось лишь благодарить судьбу (и своих тюремщиков) за то, что в подвале, где им пришлось коротать эту ночь, — видимо, в бывшей посудомоечной — было в наличии несколько раковин и краны с чистой водой. Под потолком попискивали комары. Слава богу, не было крыс. Но практически не было и никакого освещения. Только из окон-щелей под самым потолком сочился зеленоватый свет городского ночного неба. Потом пошел дождь и наступила полная темень. Темнота стояла и в душах обоих узников сырого подвала.

Енот даже не понял, что там, наверху, уже наступило утро. Он только испытал что-то вроде облегчения, когда дверь, ведущая наверх, с лязгом отворилась и подручные Пуделя выволокли его и Шведа во двор, а там запихнули в готовые к отправке «форды». «Фордов» было два. В одном кроме самого Енота и Шведа уместилось четверо увешанных оружием головорезов. Среди них и Лакост, одетый словно на прием во Дворец и полный кипящего гнева. Во втором — еще семеро. Кары тронулись с места и быстро добрались до бульварного кольца, а с него стали выруливать к площади Эпидемий. Над городом продолжали уныло висеть навалившиеся на него ночью тучи, и по крышам автомобилей чуть слышно барабанил несильный дождь. Похоже было, что он зарядил на целый день.

Енот подумал, что в день, который имеет все шансы стать последним днем его жизни, погода могла бы быть и лучше.

Швед сидел неподвижно и смотрел перед собой стеклянным взглядом. Только губы его еле заметно шевелились. Енот с некоторым удивлением понял, что тот молится. Сам он не находил в себе сил обратиться за заступничеством к богу. Бандиты глухо перебрасывались между собой односложными, непонятными посторонним репликами. Лязгали затворами. До места назначения оставались считанные минуты.

Улицы Семи Городов просыпались после дождливой ночи. Движение на улицах еще практически отсутствовало. Лишь редкие автомобили катили по мостовым столицы. И было очень трудно не заметить прилепившийся к обоим «фордам» сзади «рено» с рекламой аренды автомобилей «чермак» на крыше. Худощавый парень за рулем «ведущего» «форда», конечно, его заметил. Но не время тревожить шефа своими подозрениями. Шеф уже вторые сутки бесился — это знали все, — и лучше было его лишний раз не трогать. Вместо похвалы за осмотрительность можно было огрести тростью по голове. Если не хуже.

Поэтому водила «форда» решил провериться самостоятельно. Свернул направо, потом — налево. Притормозил и пропустил «рено» вперед. Арендный кар как ни в чем не бывало прокатил мимо, и водила успокоился. Ничего необычного. Просто маршруты совпали. Наверно, каким-то чудакам тоже надо с утра в район площади Эпидемий. Его маневры не остались, однако, незамеченными.

— Мы правильно едем? — невозмутимо осведомился Пудель у Енота. — Ведь ты не врал мне вчера? Или ты надумал дать нам какой-нибудь другой адресок?

— Вы... едете... правильно... — с трудом выговорил Енот.

Всю жизнь он слыл человеком, способным заговорить кого угодно до смерти. Но сегодня, может быть, впервые в жизни, ему совсем не хотелось говорить.

«Сначала они прикончат Тимми, — подумал он. — А потом и нас. Меня, по крайней мере, точно. Зачем им нужен лишний свидетель? — Он тяжело вздохнул и додумал свою мысль до конца: — И почему мне приходится умирать сволочью?»

— Вот и чудесно! — бросил Лакост. Он потянулся, хрустнул суставами, немного помассировал лицо и торжественно провозгласил: — Сегодня неважная погода! На редкость противный дождик. Знаете, мне хочется раскрасить этот серый, тусклый рассвет в багровые цвета! У нас это получится, парни?

Головорезы единодушно согласились с ним.

* * *

Весьма обязательный мэтр Буанофокко прибыл в «Дом Теней» без четверти семь. Он тут же выполнил все процедуры, необходимые для возвращения своим клиентам утраченной ими свободы. В семь ноль-ноль они эту свободу обрели заново.

Освобождение из узилища прошло на редкость прозаично. Всем четверым экспроприаторам благополучно вернули все отнятое при задержании. Более того, никто не заикнулся ни о каком залоге. За ночь дело горемычных клиентов «Скифа» было прекращено — очевидно, ввиду полной своей бесперспективности. Мэтр остался в «Доме» доводить до конца какие-то формальности, а четверо друзей отправились на автостоянку, где их ждал любезно подогнанный туда фургон Тимми.

Идти, однако, пришлось под мелким дождиком, и небесная влага назойливо пыталась забраться за воротник.

— Ей-богу, — вздохнул Гринни, — я начинаю понимать, как хорошо иметь много денег. Вокруг начинают твориться прямо-таки чудеса. Все оказываются любезны и услужливы. Только вот погода не хочет слушаться содержимого бумажника.

Тимми молча поднял воротник и зашагал энергичнее. Заговорил он, только добравшись до своей машины.

— Неспокойно у меня на душе, — буркнул он, усаживаясь за руль. — Слишком мы засветились с этим делом. Теперь куча народа знает, что мы побывали при больших деньгах. Пойдут слухи. Слухи, они как круги по воде расходятся. Кто-то заинтересуется. Кто-то сопоставит...

— Это у тебя от острой нехватки виски в организме, — успокоил его Сян.

— И от переедания за ужином, — добавил Гринни. — Ничего. Вот доедем до дому, рассчитаемся с Секачом...

— Как бы Гарри не вошел во вкус, — мрачно бросила Микаалла. — Уж он-то найдет способ снова навесить на нас какие-нибудь долги. Не верю я, что мы так легко от него отделаемся.

— Типун тебе на язык, — отозвался Тимми, трогая машину с места. — Как мне хочется, чтобы все это забылось, как дурной сон.

— Вот что, — решил сменить тему разговора Сян. — Вы слышали анекдот про белую овечку и хромого верблюда? Ужасно смешно. Мне недавно его рассказали.

Вообще-то, припомнил Гринни, на протяжении последних суток Сян рассказывал этот анекдот не менее трех раз. И сам Гринни мог бы рассказать его. Но возражать против того, чтобы заслушать эту историю в четвертом чтении, не стал ни он, никто другой. От скверных предчувствий помогают даже заезженные шутки.

Сян рассказал этот анекдот и анекдот про волнистых попугайчиков, и еще пять или шесть анекдотов, среди которых даже попался один (про землеройку), которого Гринни раньше не слышал. Сян почему-то заиклился на анекдотах о всяких живых тварях. Потом анекдоты рассказывал Тимми. В основном про обитателей компьютера. Потом слово взяла Микаэлла. Точнее, она рассказывала не то чтобы анекдоты, а разные случаи из жизни. Иногда — грустные, иногда — смешные.

Гринни свежих анекдотов припомнить не смог, а поэтому просто декламировал лимерики и спел песенку своего сочинения. В общем, общее настроение начало улучшаться.

Потом Тимми предложил выпить кофе, и они остановились у маленькой гостиницы на полпути к площади Эпидемий. Гостиница эта только тем и была знаменита, что в ее баре подавали самый лучший кофе в Семи Городах. Кофе оказался и вправду отличный, и выходить из бара под уныло морозящий дождь совсем не хотелось.

Поэтому в баре они засиделись и кофе напились до полного прояснения мозгов. Жизнь продолжалась, и надо было спешить на встречу с Ларри. До которой, как с ужасом сообразили все четверо, оставались считанные минуты.

Кляня погоду, вся четверка ринулась к машине, и Тимми торопливо погнал ее к родной площади. Времени на травлю анекдотов и обсуждение сортов кофе совсем не оставалось.

* * *

Оба «форда», груженные жаждущими мести головорезами, развернулись на пустынной, залитой дождем площади Эпидемий и остановились впрыток ко входу в торговое заведение Тимоти Стринга. Люди Лакоста торопливо, пригибаясь, чтобы их не заметили из окон, сосредоточились у дверей магазинчика и недвусмысленно изготавились к атаке. Двое головорезов были отправлены в обход здания — блокировать черный ход. Енот и Швед были оставлены в запертом наглухо «форде». Им ничего не оставалось, как молча наблюдать через пуленепробиваемое стекло за развитием событий.

Другими наблюдателями происходящего были двое охотников за «ковыряльником», притаившиеся в арендном «рено». Машина была припаркована в боковом переулке, у самого въезда на площадь. Довести слежку за Лакостом и Енотом им удалось, прибегнув к простейшему маневру: они, поняв, что их слежку заметили, двинулись по параллельной улице.

— Вот они! — удовлетворенно прошептал толстяк. — Я так и знал, что Енот поведет их куда-то сюда. Явно наша железяка где-то здесь! Порядок!

— Ты у нас просто провидец! — язвительно отозвался лопухий. — Порядок-то порядок. Только вот одна загвоздочка имеется. Их, бандюков, здесь чертова уйма. Как быть, я спрашиваю? Быть-то как?

Толстяк фыркнул:

— Да так быть, что помощи у Мочильщика просить придется. Теперь имеем право. Мы же не десантники, в конце концов. Только сначала убедиться надо, что они действительно заковыряться сюда приперлись. Чтобы ложного вызова не получилось. За такой промах Мочильщик с нас голову снимет.

...С любопытством наблюдали за странными событиями на площади и пара обитателей окрестных домов, чьи квартиры выходили окнами на площадь. Из тех, которым поутру делать нечего. Такие в мало-мальски приличном городе всегда находятся.

* * *

Люди Билли прятались по-разному. Одни просто притаились за массивными шкафами. Другие расположились поверху этих шкафов и за широкими спинками кресел. Кое-кто — под самым потолком, на высоко расположенных полках.

Чувырла нашел лучшим местом укрытия для себя пространство под стеллажом, на котором покоилась уйма всяких муляжей — от доисторических тварей (земных и здешних) до вполне здравствующих представителей фауны нескольких Миров. Сами муляжи были сработаны из дорогой металлокерамики, каждый был тяжел, как гиря, и, главное, мог считаться своеобразной защитой от шальных пуль. Чувырла эту коллекцию любил разглядывать в свое время. Была бы у него возможность поболтать с Тимми, он мог бы узнать увлекательную и поучительную историю этой уникальной коллекции. На которую, к сожалению, покупателя не находилось уже второй десяток лет. Впрочем, сегодня была важна не сама коллекция, а щель под стеллажом, на котором она располагалась. Уместившись в этой щели и прижав к себе обрез, Макс тихо и нервно вдыхал запах пыли. И на него начал снисходить сон. Некоторое время он боролся с дремотой, потом понял, что на эту борьбу у него уже нет сил, и начал вполне добровольное погружение в глубины сна.

Это погружение прервал еле слышный, но пронзительный свист. Кто-то из братвы все еще сохранил бдительность и вовремя распознал характерный звук притормаживающих напротив дверей каров. А сообразив, что это означает, дал сигнал предупреждения.

Макс испуганно вынырнул из дремотной пучины, поглубже вдвинулся под стеллаж, зажмурился и выставил перед собой ствол обреза. Звук движков снаружи смолк. Послышались шаги и сопение. Быстрый топот, невнятные реплики. Скользящий звук металла по металлу — ни с чем не сравнимый звук взводимых затворов. Все затаившееся воинство Билли взяло оружие на изготовку. Стволы были сняты с предохранителей. Ножи вынуты из ножен. Все органы чувств предельно обострены. Стрельба могла начаться просто из-за ничего. Противным писком прозвучал сигнал входной двери. Без всякого результата, естественно.

Пять секунд спустя дверь отворилась, выбитая мощным пинком. Держа наготове штурмовую винтовку, в зал вошел Пудель. Следом за ним, торопливо рассредоточившись вдоль стен, втянувшись в магазинчик и вся армия Пуделя. Двое зашедших с тыла оказались на сцене предстоящего действа вообще беспрепятственно — поскольку дверь черного входа была уже отворена предыдущими «визитерами». Впрочем, сообщить шефу об этом обстоятельстве они могли только пучением глаз и судорожными жестами. Перед началом операции всем было велено молчать мертвым молчанием.

Некоторое время Пудель и ворвавшиеся вместе с ним прислушивались, другие

высматривали в сумерке торгового зала хоть что-то достойное внимания. Это было занятием достаточно бесполезным. Зал казался совершенно пустым. И в то же время его спертая атмосфера была насыщена густой и едкой смесью запаха пота и страха. Этот «аромат» нельзя было спутать ни с каким другим.

Ворвавшаяся в зал команда Лакоста пришла в предельное напряжение. Взгляды широко открытых глаз метались из стороны в сторону. Напряженный слух улавливал даже биение сердец рядом стоящих подельников. Пот крупными бисеринами выступал на лбах и на плохо выбритых щеках. Щеки и веки нервно дергались. Пальцы плясали на спусковых скобах стволов. В натянутой тишине даже муха, пролети она тут, вызвала бы на себя ураганный огонь десятка винтовок и пистолетов. К счастью для себя, в заведении Тимоти мухи не водились.

Ничуть не лучше чувствовали себя и люди Билли. Идя на дело, они рассчитывали на нечто совсем другое. Нарываться на людей Лакоста уж точно было не в их планах. Одни из них тихим добрым словом поминали шефа, другие возносили молитвы тем богам, в которых им положено было верить.

Приоткрыв один глаз, Чувырла осторожно выглянул из-под стеллажа и окончательно перестал понимать, на каком свете он находится. К своему ужасу, вместо Тимоти со товарищи, он узрел в полумраке совсем других персонажей, совсем из другой сказки Семи Городов. Очень страшной сказки.

«Гос-с-споди, какого же черта?» — спросил бога Макс, стараясь на манер страуса укрыть голову где-то ниже уровня пола. Он судорожно вдохнул парившую над этим полом пыль и, не сдержавшись, оглушительно чихнул.

И сразу заработали более двадцати стволов. Причем стволов, сосредоточенных в одном не слишком просторном помещении. Каждый из них одним лишь выстрелом разносил цель вдребезги. Так что все сражение закончилось в считанные секунды.

Пальба из тех пушек, что не снабжены были глушителями, пробудила задремавшего в офисе Билли. Он вскочил из-за стола, осторожно приблизился к двери в торговый зал и приоткрыл ее. Прямо в физиономию ему брызнули чьи-то мозги. Он тут же захлопнул дверь.

Судорожно утеревшись, Билли окинул кабинет ошалелым взглядом и поспешил по уже заранее намеченной лестничке вверх, на второй этаж. Поторапливаться ему порядочно мешали сумка с деньгами и взятый под мышку сверток с мечом.

Второй этаж заведения Тимоти исполнял обязанности то ли чердака, то ли просто захламленного, ни к чему еще не приспособленного помещения. Впрочем, это сейчас нисколько не волновало Билли. Он кинулся к выходящей на площадь, прорезанной окнами стене зала, ударом ноги выбил ставни и, придерживая добычу, спрыгнул вниз.

* * *

Ларри Брага провел ночь гораздо более спокойно, чем прочие участники охоты за мечом Ньюмена, долгами мистеру Гордону и гостями из иных Миров. Режим дня был для него святым делом. Поэтому прошедшая дождливая ночь не принесла ему ничего, кроме утренней свежести в голове и желания подбодрить себя хорошей чашкой крепкого кофе.

Последнее было вполне реализуемо, хотя и немного дороговато по здешним ценам. Ну а все остальное, намеченное на этот день, было не более чем рутинным исполнением его

обязательств. Ларри припарковал свой кар неподалеку от площади Эпидемий, неспешным шагом направился к цели и точно к восьми ноль-ноль вышел к магазинчику Тимоти Стринга. Вот тут-то ему и бросилось в глаза нечто неладное. Магазин Тимоти словно норовил взорваться изнутри. На мостовую вылетали то осколки стекла, то ошметки жалюзи, то еще какие-то непонятные клочья неведомо чего. Ларри готов был поклясться, что из здания до него донеслась чуть ли не дюжина огнестрельных выстрелов, не погашенных глушителями. Он замедлил шаг. Прежде чем он приблизился к зданию, в нем уже наступила тишина.

«Кажется, у ребят неприятности, — прикинул Ларри. — С получением долга предвидятся трудности». Он автоматически проверил свой «Глок» в наплечной кобуре.

В задумчивости Ларри остановился перед продырявленной изнутри витриной магазинчика. И именно в этот самый момент чуть ли не прямо в его объятия откуда-то сверху рухнул здоровенный «бык». Очень хорошо одетый и, судя по всему, совершенно очертеневший. В одной руке у «быка» была зажата ручка объемистой, сшитой из крепкой кожи сумки. Другая прижимала к корпусу длинный брезентовый сверток. «Быка» Ларри знал хорошо. Он очаровательно улыбнулся Билли и кивнул на его багаж.

— Надеюсь, это для меня?

И, не дожидаясь ответа, ударом головой отправил Билли в нокаут. Затем подхватил сумку и странный сверток и не оборачиваясь зашагал к своей машине.

Любопытствующие бездельники там, за своими окнами, дружно схватились за трубки мобильных.

* * *

А в здании, в котором раньше размещался «Театр-экслюзив», в опустевшем кабинете Пуделя, сработала автоматика контейнера с драконьей кладкой. Крышка контейнера приподнялась и съехала в сторону. Из созревшего первым и уже расколовшегося яйца на ковер выбрался маленький, ужасного вида дракончик. Развернул скрученный в спираль хвост, расправил влажные еще перепончатые крылья и застенчиводохнул тонкой струйкой злого пламени.

* * *

С противоположной стороны площади за происходящим тайком наблюдали оба непутевых порученца Мочильщика.

— Смотри! Будь я проклят, если этот тип не уносит наш ковыряльник! — зашептал толстяк. — Давай следом за ним! Осторожно! — подтолкнул он лопухого тычком под ребра.

— А как же Енот? — недоуменно воззрился на него партнер. — Он же здесь сидит. У бандюков в машине...

Толстяк одарил его жалостливым взглядом и снова крепко пнул под ребра. И объяснил популярно:

— Тебе, придурок, что нужно? Ковыряльник или Енот с его жирной задницей? Пускай его хоть на шашлыки порежут — нам-то что с того? Трогай! Уйдет зараза с ковыряльником!

— И действительно... — буркнул себе под нос лопухий и тронул автомобиль следом за типом с длинным свертком в руках.

* * *

Отрулив в укромный переулок, которых в Семи Городах было более чем достаточно, Ларри занялся изучением своей добычи. Уймища банкнот в объемистой сумке порадовала его. Ребята явно подготовили деньги для уплаты долга. Тимми и компании можно было доверять, поэтому Ларри ограничился тем, что оценил общее количество пачек обеих валют, заполнявших кожаную емкость. Все сходилось. Он удовлетворенно застегнул сумку.

А вот развернув брезентовый сверток, Ларри остался в недоумении. Он никогда не интересовался ни наследством Предтеч, ни антикварным оружием. Так что оценить это приобретение было ему не по силам. Он пожал плечами и закатал странную штуковину обратно в брезент. «От добра добра не ищут», — умозаключил он. Потом плюнул, тронул свой кар и двинулся кратчайшей дорогой к Чоп-хаусу.

То, что по его следам как приклеенный следует невзрачный арендный «рено», его мало интересовало.

* * *

Свежепробитая изнутри парой пуль дверь заведения Тимми отворилась, и на пороге ее появился Пудель. Он был все таким же франтоватым и преисполненным бешенства. Только вот правая рука его висела плетью. Рукав был пропитан кровью. В левой он сжимал парабеллум с удлиняющей насадкой на стволе. Чуть пошатнувшись, Пудель приблизился к кару, в котором томились его пленники.

«Кажется, пора готовиться ко встрече со святым Петром, — подумал Енот и зажмурился. — Почему мне не вспоминается ни одна подходящая молитва?»

Но Пуделю было недосуг приканчивать всяких второстепенных персонажей разыгрывающегося представления. Положив пушку на крышу машины, он, морщась, порылся в кармане, достал брелок-пультик и отпер дверцу. Бросил брелок на капот, снова взял в левую руку пистолет и молча кивнул Шведу: «На выход».

Швед обреченно выбрался на тротуар и нетвердым шагом побрел вслед за Лакостом. «Форд» остался отпертым — видно, дальнейшая судьба Енота несколько не интересовала Пуделя. По крайней мере, в ближайшие секунды. А тот лихорадочно соображал: что же ему предпринять?

Войдя в руины торгового зала магазинчика Тимоти, Швед окончательно лишился чувства реальности. Здесь, кажется, не уцелело ровным счетом ничего. И никого. Все свободное пространство было завалено трупами, по большей части изуродованными попаданием в каждый из них сразу нескольких зарядов — разрывных и термических. В воздухе стоял насыщенный запах сгоревшего кордита, горелой человеческой плоти и — почти незаметный, но такой особенный запах крови. Кровь на полу расплывалась лужами, широкими веерами была разбрызгана по стенам, пятнами украшала потолок...

Швед хлопнулся бы сейчас в обморок, если бы не воспринимал окружающее просто как

дурной сон.

Единственный, кто не внес своего вклада в смертоубийственную канонаду, был Чувырла. В первые же мгновения начавшейся стрельбы тяжелый дубовый и к тому же многоэтажный стеллаж с муляжами всяческого зверья осел на него и основательно припечатал его носом к полу. Все то время, которое остальные головорезы посвятили взаимному расстрелу, он потратил на попытки выбраться из-под клятого сооружения. Ему удалось освободить наконец голову и правую руку с обрезом. Но наступившая тишина насторожила его. Еще более насторожила та картина, которую он мог увидеть из своего положения. Похоже, что все или почти все вокруг были мертвы. Хлопанье двери, голоса и шаги заставили его замереть. Он решил обождать дальнейшего развития событий. В конце концов, не так уж сложно было выглядеть трупом среди трупов.

— Ну, ты узнаешь хоть кого-нибудь тут? — обратился Лакост к Шведу.

Он перешагивал через трупы одних и носком ботинка поворачивал к свету лица других. Во многих случаях от лиц, собственно, мало что оставалось.

— Вот этого, — указал Швед на останки Шустрика.

Если не считать основательной дыры в виске, тот выглядел «прямо как живой». Швед хотел добавить еще, что не видит среди всей этой бойни главного из грабителей — этакого франтоватого «быка», хорошо запомнившегося ему, но решил, что сейчас не стоит говорить того, о чем его не спрашивают. Он был вовсе не уверен в том, что представление, в которое его втянули, уже закончилось.

— А вон того жука раздавленного не припоминаешь? — осведомился Пудель, подводя его к торчащей из-под осевшего и опасно накренившегося стеллажа части обладателя крысиной физиономии и реденького хвоста, затянутого на затылке.

Правая рука опознаваемого была вывернута — видимо, в попытках выбраться из-под обрушившегося на него сооружения. Ствол все еще зажатого в ней обреза торчал прямо в потолок. Натекшая из разбитого об пол носа кровь создавала впечатление, что где-то в скрытой под стеллажом части тела наличествует смертельная рана.

— Припоминаю, — отозвался Швед. — Очень хорошо его знаю.. Точнее, думал, что очень хорошо... Но ошибся. Это Чувырла. Макс Чумацки. Он на нас и навел этих...

И тут злобная и трусливая натура Чувырлы подвела его. Он приоткрыл и выкатил на склонившихся над ним типов налитый кровью и злобой глаз. Эту непростительную ошибку его заставили сделать приступ злобы на Шведа, который этак вот закладывал его противнику, и приступ страха перед тем, что сейчас — в качестве посмертной награды за предательство — он получит «контрольный выстрел» в затылок.

— С добрым утром, Максик! — улыбнулся ему Пудель и приставил ко лбу Чувырлы ствол парабеллума. — Рад видеть тебя живым и соображающим, что к чему... Или я не прав? — Он обернулся и бросил через плечо Шведу: — Свободен! Уматывай к себе и жди, пока я не выйду на тебя!

Швед осторожно — пятясь и стараясь не ступить в кровь — стал пробираться к выходу. Его шатало и трясло. Он вовсе не чувствовал себя свободным. Больше всего ему хотелось бы никогда не видеть того, что творилось вокруг него. И ничего не знать об этом.

Собственно, в планы Пуделя вовсе не входило тут же, «не отходя от кассы», прикончить проклятого наводчика. Ему вовсе не предназначалась такая легкая кончина. Прежде чем умереть, Чумацки должен был «слить» ему тех сообщников, что уцелели, если таковые были. А главное — должен был рассказать, где находятся украденные у драконоводов деньги. И

эти сведения надо было еще проверить.

— Поговорим? — предложил он.

На него снова уставился полный крови, страха и ненависти глаз.

— Вот что, — прошипел Макс. — Давай договоримся: ты меня не трогаешь, я тебя не трогаю!

Только теперь — с большим запозданием — Пудель сообразил, что ствол обреза, зажатого в руке Макса, смотрит ему прямо в правый глаз. Оба головореза смотрели друг на друга пристально. Оба, возможно, и чуть раньше сообразили бы, как разойтись в сложившейся ситуации. Но то ли Швед, отступая, задел не ту полку, то ли Макс своими поползновениями сдвинул тонкое равновесие громоздившегося над ним стеллажа, но... Но весь стеллаж, со всеми сгрудившимися на нем керамическими чудищами с дьявольским грохотом обрушился на всех действующих лиц этого очень маленького, но оттого не менее драматичного спектакля.

Два выстрела прозвучали одновременно.

* * *

Шведа этот звук застал на пороге разгромленного магазинчика Тимми. Он не стал даже оборачиваться. Просто подумал, что ждать, пока Лакост выйдет, теперь, очевидно, не приходится. Лицо его передернуло нервная судорога. Шатаясь, как вконец набравшийся пьянчуга, он добрался до автомобиля, взял с капота все еще валявшийся там брелок с ключами и хлопнулся на место водителя. Потом мутным взглядом покосился на Енота и спросил его тоном водителя такси: «Вам куда?»

Тот только отмахнулся от него своей короткой, растопыренной рукой и вывалился из машины, словно и сам был в «ауте». Впрочем, ему удалось удержаться на ногах. Глубоко вздохнув пару раз и слегка помассировав лицо, Енот сообразил, куда и в какую сторону ему следует идти. Он еще раз дал отмашку Шведу и двинулся вдоль разношерстной шеренги домов, украшавших площадь. Что бы ни творилось в его душе, он имел вид вполне законопослушного джентльмена, слегка опаздывающего на весьма рано назначенную ему деловую встречу.

Швед молча тронул машину с места и погнал ее куда глаза глядят.

* * *

С запозданием на несколько секунд у продырявленной витрины магазинчика Тимоти Стринга на ноги поднялся Билли. Пошатываясь, он двинулся прочь. На месте событий ему оставаться явно не стоило...

Площадь Эпидемий опустела. На минутку-другую.

Спустя очень короткий промежуток времени из переулка появился привычный здесь фургончик Тимми.

— Какой дурак припарковал свою тачку у меня под самой дверью? — раздраженно спросил Тимоти.

И тут же осекся.

Все четверо приятелей ошалело смотрели на разнесенный фасад магазинчика. Потом, не сговариваясь, поодиночке выбрались из машины и подошли ближе — посмотреть, что же произошло. Первым осмелился войти внутрь сам Тимоти. Гринни, Сян и Мика просто двинулись за ним следом из чувства солидарности. Картина дикого побоища заставила остолбенеть всех четырех.

— Господи, — прошептала Мика. — Что же это такое?

— Вы как хотите, — тихо произнес Гринни, — а я в панике. Я рву когти отсюда. И иду сдаваться психиатрам...

Тимми молча прошагал к своему офису, осторожно заглянул внутрь и констатировал:

— Деньги накрылись, ребята.

— Там, у меня, остался «излишек», — вспомнил Сян. — Который ты оставил...

Тимми безнадежно махнул рукой.

— Там только чуть больше половины нашего долга... Мы — в полном провале...

С улицы донеслось бодрое завывание сирен. Городская Стража поспешала на место происшествия. Гринни рванулся было к двери черного хода, но, отворив ее, безнадежно замер: во дворе спешивались рыцари Ордена Порядка. А до кучи — и Рыцари Дорог.

В парадную дверь аккуратно постучали. Потом она открылась, и в разгромленный зал быстро, торопливо выставляя перед собою стволы автоматов, втиснулось с полдюжины стражников в боевой форме и один тип в штатском. Тип был еще тот. И само его лицо, и выражение этого лица приятными назвать было трудно.

— Капитан Ганнес, — известил он присутствующих и помахал в воздухе удостоверением.

Это было, впрочем, излишним. Капитана Густава Ганнеса по прозвищу Октопус в Семи Городах знал почти каждый.

Капитан окинул взглядом место действия и, повернувшись к Тимоти, поинтересовался:

— Вы не будете столь любезны объяснить мне, что тут у вас произошло?

* * *

Ларри остановил свой кар во дворе Чоп-хауса, не торопясь вылез из кабины и постучал в дубовую дверь под старину сделанным дверным молотком. Его здесь ждали. Дверь ему отворил и до кабинета шефа проводил сам Мочильщик.

Секач не стал упрекать Ларри за задержку с «улаживанием дела». Он окинул содержимое кожаной сумки удовлетворенным взглядом. Потом присел на краешек своего — королевских размеров — письменного стола.

— Ребятки отдали долг без проблем? — поинтересовался он. — Денежки чистые?

Ларри пожал плечами:

— Может, у Тимми с компанией и есть проблемы, но они уже вас не касаются, мистер Гордон. Я еще одну вещь вам принес. Можно считать, что — от них. — Он положил на стол брезентовый сверток. — Сам я в таких вещах не разбираюсь. Но знаю, что вы интересуетесь...

Секач с довольно безразличным видом начал разворачивать брезент. Но, как только взгляду его открылся пасмурный блеск хищного клинка, глаза его вспыхнули желтым огнем. Он торопливо завернул меч в брезент и воззрился на Ларри:

— Это было у этих, ребят? Откуда они это достали?

Ларри неопределенно пожал плечами.

Секач знал, что если Ларри Брага не хочет давать объяснений, то этих объяснений от него и требовать бесполезно. Поэтому он не стал повторять свои вопросы, а просто молча, сохраняя значительно-безразличное выражение лица, достал бумажник, отсчитал вполне приличное количество банкнот и протянул Ларри.

Тот только слегка заломил бровь в знак удивления. Секач сегодня оказался более чем щедр.

Когда дверь за Ларри Брагой затворилась, Мочильщик позволил и себе высказаться по поводу текущих событий:

— Сегодня у вас удачный день, мистер Гордон, — осклабился он.

Но это было не совсем так.

* * *

Ларри окинул взглядом дождливый небосвод, проверил, удобно ли устроились в его внутреннем кармане заработанные баксы, и направился к своему кару.

— Этот тип вышел, — сообщил толстяк. — И ковыряльника при нем нет. Снова накладка. Надо было не тащиться за ним, а ухлопать прямо сразу. Или по дороге.

— Ты знаешь, чем вообще дурак отличается от умного? — отозвался его приятель.

— И чем же? — заинтересовался толстяк.

— Тем, что он, дурак я имею в виду, делает то же самое, что и умный. Только на пять минут позже...

Ларри тем временем поместился в своем каре и тронул его по какому-то своему маршруту.

— Что это за шарага? — спросил лопухий, кивая на дверь, из которой вышел Ларри. — Похоже, что он кому-то там оставил нашу железяку... Надо зайти туда...

— Вот ты и заходи! — зло прошипел в ответ толстяк.

— А ты очень сильно хочешь мило побеседовать с Мочильщиком? — спросил лопухий. — Без ковыряльника на руках. Или с этим, как его... Секачом? Деваться некуда!

Они обменялись выразительными взглядами и, не говоря больше ни слова, вылезли из кабины и осторожно двинулись ко входу в Чоп-хаус. Конечно, оба они, скорее всего, узнали бы это здание, если бы подрулили к нему с фасада. Но, преследуя Ларри, они причалили именно к тыльной стороне этого всем в Семи Городах известного заведения. И поэтому смутно представляли, где вообще они находятся.

* * *

Все складывалось наилучшим образом. Секач получил сполна деньги, получить которые, вообще-то, и не рассчитывал. Кроме того, буквально с неба на него свалился парный, так не достававший ему меч Ньюмена. Причем фактически даром. Те гроши, что получил от него Ларри, были совершенно не в счет.

Перед тем как положить перед собой оба меча, Секач извлек из шкафа увесистый

графин с виски и отмерил себе в стакан на три пальца крепкого «Гранта». Потом — снова развернул брезент, извлек меч из ножен и осторожно провел кончиками пальцев по лезвию, украшенному морозным узором таинственной чеканки. Взвесил меч на руке.

Прихлебнув янтарной жидкости из стакана, Секач кивнул Мочильщику, и тот поспешно потянулся к дверце шкафа, в котором покоился второй из «симметричных» мечей — зеркальная копия того, что лежал на столе шефа. Но взять второй меч из рук Себастьяна Секач не успел.

Его внимание отвлек силуэт, неожиданно обрисовавшийся в дверном проеме. Держа наготове револьвер покойного Коннетабля, лопоухий шагнул в кабинет, не сводя взгляда с темного пламени, исходяемого металлом меча. Секач среагировал на вид ствола молниеносно. Он резко выбросил меч в сторону незваного гостя коротким и точным движением. И меч сделал свое дело — вошел тому в горло, выйдя из закривка сантиметров на тридцать. Лопоухий, отброшенный в дверь, грянулся навзничь прямо под ноги своему напарнику. Выпавший из его руки револьвер волчком закрутился по полу. Толстяк онемел. Потом, дрожа от страха и бешенства, выдернул меч из горла своего приятеля. Кровь струей хлынула на ковер. Толстяк окончательно обезумел.

Он подхватил с пола револьвер, вскинул его перед собой и, паля напропалую, ринулся в кабинет. Первые же два заряда опрокинули Секача через его стол — модными сапогами вверх.

А через секунду в спину толстяка вошел второй из мечей. Тот, что только что вынул из шкафа Мочильщик. Толстяк не глядя разрядил последние патроны себе за спину, попробовал повернуться и рухнул под ноги Себастьяну. Тот, продырявленный тремя пулями, пошатнулся, выронил меч и уткнулся лицом в пол рядом с ним.

С минутой-другую в кабинете царила воистину мертвая тишина. Затем в двери осторожно заглянула явившаяся на шум Тася Млинская.

* * *

Страх так же легко покинул душу Апостолоса Челлини, как он сам — место происхождения. Вместо страха им владели сугубо деловые соображения. На его глазах хорошо знакомый ему сверток, в котором не могло покоиться ничего, кроме меча, «замазанного» в деле об убийстве Коннетабля Стрита, весьма драматическим образом перешел из рук в руки. И последними из этих рук были руки хорошо знакомого ему Ларри Браги. Сам Ларри антикварным железом не занимался. Но легко было догадаться, для кого он прихватил вещицу. О страсти Гарри Гордона к коллекционному оружию знали все антиквары и менялы Семи Городов. Тут было о чем поговорить и о чем подумать. Стоило предупредить и Ларри, и его покровителя о том, что их приобретение может вызвать нездоровый интерес и Городской Стражи, и — что хуже — Комитета Мстителей. Такое вовремя сделанное предупреждение могло быть достойно оплачено. Хотя затея и была рискованной.

Того, что в нескольких сотнях метров за ним пошатываясь следовал Билли, он не подозревал.

Билли, в свою очередь, и не думал отслеживать менялу и даже не обращал на него внимания. Просто цель у них была одна и та же — Чоп-хаус. Билли довольно хорошо представлял, куда и кому снесет свою добычу Ларри Брага. Добычу эту он твердо намерен

был вернуть себе. Она стала много ценнее для него уже потому, что, по всей видимости, делить ее ему было уже не с кем. И его вовсе не останавливало то, что для этого ему придется иметь дело не с одним только Брагой. Охваченному яростью Билли не страшен был и целый батальон.

* * *

К Чоп-хаусу Енот подобрался, как и все сегодняшние его посетители, с тыла. К его удивлению, на многократное нажатие звонка никакой реакции не последовало. Зато дубовая дверь черного входа оказалась не заперта. Да что — не заперта! На ней хорошо виднелись следы грубого взлома (работа покойного лопухого).

Енот промокнул лоб платком и, подумав немного, осторожно — через этот самый платок — взялся за дверную ручку, отворил дверь и заглянул внутрь. И почти нос к носу столкнулся со спускающейся по лестнице Тасей Млинской. Потомственная аристократка была бледна как смерть и, казалось, ничего не видела перед собой.

— Шеф у себя? — с тревогой в голосе осведомился Енот, заглядывая ей в глаза. Глаза эти казались мутными и белыми, как у вареной рыбы. Енот порядком испугался.

Млинская не удостоила его ответом и прошла мимо — в распахнутую дверь. Если бы меняла вовремя не посторонился, она, видимо, просто прошла бы сквозь него. Енот пару раз окликнул Мочильщика и самого господина Гордона, а затем стал, осторожно ступая, подниматься вверх, в зловещую тишину кабинета Секача. Первый труп — в луже крови — попался ему уже в «предбаннике» кабинета.

Помянув Пресвятую Богородицу, меняла обошел покойника и осторожно заглянул внутрь логова хозяина Чоп-хауса. Увиденное его потрясло не меньше, чем Млинскую.

«Старик Ари на моем месте непременно сказал бы: “Вот оно — еврейское счастье!” — подумал он. — Это надо уметь — смыться с места одного побоища, чтобы как раз успеть на другое. Правда, слава богу, кажется, уже закончившееся».

Он опустился на колени и заглянул в лицо второго из убитых незнакомцев. Да, эти двое и были именно той парочкой, что вымогала у него меч и похозяйничала в Стриткасле. Кстати, вот и меч — тут же. А рядом, черт возьми, второй! Один все еще сжимал в руке убитый незнакомец, другой выпал из руки лежавшего рядом Мочильщика. Неподалеку лежали и ножны. Одни — на столе, другие — на диване.

Помимо собственной воли, как показалось ему, он потянулся к окровавленным клинкам. Поднял с пола один и вынул из коченеющей руки толстяка другой.

И тут произошло нечто странное.

По обоим клинкам — от острия к рукояти — пробежали волны темного, сумеречного света. Перекинулись, холодные как лед, на его руки. И встретились где-то внутри его. Что-то словно взорвалось там, и Енот ощутил одновременно и леденящий ужас, и какой-то небывалый прилив сил и уверенности в себе. Даже какую-то радость. Холодную и отстраненную от его прежней жизни. Словно в нем родился кто-то иной. Тот, кем он должен был стать в своих детских мечтах. Но так и не стал.

Енот заворуженно уставился на мечи, держа их перед собой параллельно друг другу. Странности меж тем продолжались. Кровь, уже было начавшая запекаться на лезвиях мечей, вдруг стала чернеть и исходить каким-то темным маревом, словно превращаясь в

клубящийся, черный, смрадный пар. Через несколько мгновений от нее не осталось и следа. Сталь мечей была девственно чиста.

Енот не удивился бы, если бы покойники, заполнявшие кабинет, один за другим очнулись и снова начали выяснять отношений. Но те вели себя сообразно своему статусу — не шалили. Он медленно приходил в себя после неожиданной волны ощущений. Его внимание привлек какой-то звук. Оказывается, все это время на столе надрывался сигналом вызова высившийся там стационарный блок связи. Енот, снова подумав чуть-чуть, положил мечи на стол и так же, как прикасался к дверной ручке — осторожно, через платок, — поднял трубку.

— Городская Стража, — представился ему чей-то сердитый голос. — Отдел происшествий. Сержант Бредли.

Последовала пауза. Видно, сержант ждал, что абонент представится ему и путно объяснит, что там у него такое приключилось. Или хотя бы буркнет, что вышло недоразумение. Но Еноту очень не с руки было оставлять на пленке свой голос. То, что приключившееся здесь отнюдь не недоразумение, станет ясно очень скоро. И тогда все, что будет найдено в кабинете мистера Гордона, будет изучено самым тщательным образом. И тогда уважаемому меняле — скажи он в трубку хоть слово — пришлось бы давать пренеприятные объяснения своего присутствия на месте массового кровопролития.

Сержант подождал немного и еще более сердитым голосом поинтересовался:

— С кем я говорю?

Енот опять промолчал в ответ, стараясь подавить в себе напавшее на него нервическое посапывание.

— Кто у телефона? — все допытывался сердитый сержант. — Вы слышите меня? — Снова не дождавшись ответа, он продолжил: — Несколько минут назад с вашего номера позвонили нам. Но не сказали ни слова. В чем дело? Что у вас происходит? Вы можете говорить? — В голосе сержанта прозвучала тревога. — Вам угрожают? Вы ранены?

«Млинская, — догадался Енот. — С перепугу кинулась звонить Страже, но тут же сообразила, старая стерва, что лучше не фигурировать в этой истории. И смылась. Хотя бы меня предупредила, что здесь такое... А Стража-то все равно через считанные минуты будет здесь!»

Он тихонько опустил трубку на рычаг, торопливо вдел мечи в ножны и, как мог, завернул их в расстеленный на столе Секача брезент. Потом припустился прочь из рокового дома. Интуиция подсказала ему, что не стоит возвращаться по собственным следам. Енот выскочил на улицу через боковой выход — мимо спуска в игровой зал. Это помогло ему не встретиться нос к носу с Билли.

* * *

Буффало слегка подивился распахнутой задней двери заведения Секача, вынул пистолет, энергично взлетел по лестнице и очутился перед трупом лопухого. Перешагнув через него и вломился в кабинет, целя перед собой в предполагаемого противника. Пару-тройку минут у него ушло на оценку обстановки. Спрятав пистолет, он одного за другим осмотрел участников недавнего побоища. Наклонившись над Секачом, чьи сапоги продолжали украшать его стол, Билли присвистнул.

Скрытая тумбами стола, чуть поодаль от покойного мистера Гордона стояла до боли ему знакомая сумка. Билли нагнулся за ней, поставил на стол и расстегнул. Теперь он вздохнул облегченно: деньги были на месте. Он снова — уже более внимательно — осмотрелся по сторонам. Меча нигде не было. Ну и черт с ним! Зато на полу — возле руки чудака, заколотого со спины, валялась неплохого калибра пушка. Жаль, что разряженная. С патронами в Семи Городах было туговато.

Билли поднял револьвер, прокрутил барабан и бросил ствол в сумку — до кучи, к деньгам. Конечно, «игрушка» «замазана». Но слишком хороша, чтобы оставлять ее на память экспертам, прокурорам и прочей судейской братии. Застегнув кожаное местохранилище денег и оружия, он повернулся к выходу. На пороге стоял пренеприятный тип. Капитан Ганнес. Сегодня у него был, несомненно, «банный» день.

Билли затравленно оглянулся на две другие двери. В обеих уже маячили фигуры стражников с автоматами на изготовку. Окна кабинета снаружи были забраны решеткой — хотя с виду и декоративной, но достаточно крепкой. Да, впрочем, кидаться к окну было бы сейчас не с руки. При всех своих недостатках Городская Стража плохой стрельбой не грешила и превратила бы беглеца в решето задолго до того, как он достиг бы подоконника.

Билли тяжело вздохнул и поставил сумку на пол. Из местохранилища добычи, она мгновенно превратилась в коллекцию вещественных доказательств. Улик, каждая из которых просто с убийственной силой свидетельствовала против него.

— Кажется, нам не надо представляться друг другу, — проскрипел капитан. — У нас был случай познакомиться. И не один. Объясните мне, пожалуйста, и в этот раз некоторые вещи, которые я что-то не могу понять. Например, что тут произошло у вас с этими джентльменами?

Такой уж выдался денек, когда на вопросы капитана Ганнеса было исключительно трудно ответить.

* * *

Фландерс позвонил Шишелу только на следующий день, но был, судя по голосу, бодр и полон оптимизма. Встретиться договорились в Музее Первопоселенцев. В полдень Шишел уже мерил шагами пустынный вестибюль музея, временами неодобрительно косясь на собственный портрет, украшавший одну из торцевых стен этого вестибюля.

Доктор наук был пунктуален и вошел в музей точно с двенадцатым ударом часов на башне Ратуши. Некоторое время они с Шишелом бродили вдоль разложенных на полочках и пюпитрах экспонатов, делая вид, что совершенно незнакомы. Затем Шишел осторожно кивнул доктору в нужном направлении, и оба они, друг за другом, с небольшим интервалом, перекочевали в зал истории Семи Городов.

Здесь оба включили карманные «глушилки», и, наконец поздоровавшись, они заговорили между собой открытым текстом.

— Я передал необходимые данные нашему специалисту, — сообщил док, стараясь не называть имен. — При условии, что мы сразу выплатим ему на руки двадцать тысяч федеральных баксов, он берется выполнить работу в рекордный срок — к этой ночи. Максимум — к завтрашнему утру. — Он с тревогой покосился на Шишела. — Я могу обещать ему это?

Дмитрий вздохнул с облегчением. Если, конечно, этот Клайв Мэтчисон не надувал бедного дока Фландерса, то обстоятельства складывались самым наилучшим образом. Поисковый прибор он получит на руки вовремя, а двадцать тысяч федеральными банкнотами после сегодняшней ночи не были для него такой уж большой суммой.

— Можете, — кивнул он. — Можете обещать ему это с чистой совестью.

* * *

Ночь Кай Санди провел беспокойно. Обычно даже перед нелегкими и опасными спецоперациями бессонница не посещала его. Но то ли нервы стали не те, то ли аура Закрытого Мира не стыковалась с его собственной аурой, только сон его в этот раз был зыбок и прерывист, словно боги снов провели его нить неровным пунктиром. Под самое утро ему удалось нырнуть в темную глубину сна, и почти сразу же его выдернул из нее сигнал вызова блока связи. Секретарь сэра Байера приглашал его на randevu в городе.

Встреча была назначена в месте, на первый взгляд не слишком серьезном — в малофешенебельном и даже малоопрятном кафе на улочке, довольно удаленной от Замка задушевных бесед. Но Каю вовсе не было предложено занять место за столиком и принять участие в беседе со своим визави. Почти сразу после того, как он вошел в кафе, молодой человек, околавивавшийся у витрины, быстро вошел вслед за ним и со словами: «Пройдемте, господин аббат» — увлек его через кухню к незаметной лестнице, ведущей в подвал. Оба повара-оператора, скучающие на кухне, не обратили на это вторжение никакого внимания. Видимо, это было для них не впервой. Кафе явно числилось по ведомству Ордена «Своих». Подвал кафе содержал все атрибуты такого рода помещений: батарею холодильников и полки, уставленные коробками со снедью и питьем.

Отличие этого помещения от многих ему подобных состояло в том, что за одним из стеллажей находилась тоже совершенно незаметная дверь кабинки лифта. Чтобы добраться до нее, проводник извлек из кармана обычный для автомобилиста пульт-брелок и «выстрелил» сигналом в нужном направлении. Полки тотчас откатились в сторону. Лифт доставил Кая в довольно длинный, слабо освещенный коридор. Он прикинул, что коридор этот тянется под дном реки в направлении резиденции сэра Байера.

Так оно и оказалось.

В конце коридора находился еще один лифт, доставивший господина аббата и его энергичного проводника в небольшой лабиринт переходов между помещениями, назначение которых было не совсем ясно. Затем последовал недолгий подъем еще в одном лифте, который отворил свои двери прямо в «предбанник» кабинета сэра Байера. Секретарь, ожидавший конспиративного визита, молниеносно распахнул перед посетителем двери. В кабинете ждали сам Коннетабль и доктор Мэтчисон. Взаимные приветствия не заняли и десятка секунд.

На столе лежали два предмета, ничем на первый взгляд не отличающиеся от компов-планшетов, довольно популярных среди делового люда Семи Городов.

— Как видите... — Коннетабль сопровождал свои слова широким жестом в сторону «планшетов», — ваш заказ выполнен самым срочным образом и даже в двух экземплярах. Выбирайте любой из аппаратов. Они совершенно одинаковы.

— Второй вы оставляете за собой? — уточнил Кай.

— Но вас, господин аббат, я думаю, это не удивляет? — любезно улыбнулся в ответ сэр Байер.

— Разумеется, — столь же любезно улыбнулся «господин аббат». — Я надеюсь, вы помните обе мои просьбы, относящиеся к такой ситуации?

— О, поверьте моему слову, — отвечал Коннетабль, — я всегда буду иметь ваши просьбы в виду... Так сделайте свой выбор.

Кай не мудрствуя лукаво взял тот аппарат, что лежал справа от него. Взвесил «планшетку» в руке.

— Довольно легкое устройство, — слегка удивленно произнес он.

Док Мэтчисон довольно рассмеялся:

— Само устройство, ваше преподобие, весит четверть тоны и находится в подвале замка. А то, что вы держите в руках, это всего лишь антенный модуль, управляющее устройство и переносной дисплей, замаскированные под комп. Кстати, функции компа этот модуль тоже выполняет. С вашего разрешения, — он взглянул на Коннетабля, — я приступлю к инструктажу... Ведь вы, — теперь ученый повернулся к «господину аббату», — вы готовы к этому и располагаете временем?

— О да, — с готовностью откликнулся Кай.

— Отлично, — улыбнулся Мэтчисон. — Пройдемте в мой кабинет. С вашего разрешения, господин Коннетабль, мы покинем вас.

Глава Ордена отпустил своих посетителей широким жестом руки.

* * *

Доктор Фландерс удобно устроился на садовой скамейке, придерживая на коленях распечатку карты центра Семи Городов, скачанную из Сети. Холодный утренний ветерок норовил унести карту и забраться доктору за воротник, но док только слегка ежился и крепко придерживал карту ладонью левой руки. В правой у него был зажат фломастер, которым док энергично размечал карту. Он то и дело сверялся с похожим на комп-планшетку прибором, лежащим рядом с ним на скамейке. На спинку этой скамейки с недовольным видом опирался Шишел. Временами он поглядывал по сторонам: нет ли слежки. Впрочем в основном он был занят тем, что внимательно следил за пометками, которые делал Фландерс на карте.

— Он где-то здесь, — заключил наконец док, очерчивая в районе Красных Камней неровный овал. Не большой, но и не слишком маленький — охватывающий квартала три-четыре.

Оба охотника на Джокера задумчиво уставились на карту.

— Ну... — вздохнул Фландерс. — Дальнейшее уже не проблема. Надо только подойти к этому району поближе. Точность определения сразу возрастет. Пойдемте в ваш кар.

— Минутку, — попридержал его Шишел. — Сдается мне, что задачу можно порядком упростить.

Он обошел вокруг лавки, устроился рядом с Фландерсом (лавка скрипнула под его немалым весом) и положил на колени свой дорожный, изрядно побитый комп. Немного попрыгав, он вывел на экран тот же участок городской карты и принялся изучать его при большем увеличении, тыча курсором то в одно, то в другое строение. Возле курсора тут же

возникала справка о назначении строения и его особенностях.

— Склад тканей?.. Нет, — бормотал себе под нос Шишел. — Парикмахерская? Гм... Ресторан? Может быть... О! Вот он наверняка где! Антикварная лавка. Там ему самое место! Сначала и двинем туда!

Фландерс с сомнением глянул на партнера, но послушно заспешил вслед за ним к «лендроверу».

* * *

Догадка Шишела подтвердилась на все сто процентов. С расстояния в несколько десятков метров ошибиться было невозможно. Резонансный сигнал сочился из-за витрины «Лавки двух фараонов» — магазинчика, торгующего антиквариатом, мимо которого Шишелу приходилось проезжать сотни раз. Жалюзи на витрине магазина были закрыты, а надпись на дверях гласила, что открывается магазинчик ровно в девять часов утра. Оставалось ждать почти три часа. Здешний час, к несчастью, был не ровня часам матушки-Земли, а длился почти на двадцать минут дольше.

Шишел откашлялся. Фландерс строго покосился на него.

— Я понимаю вас, Дмитрий, — произнес он тоном строгого учителя. — Но — не надо! Дождемся открытия магазина и приобретем нашего гостя самым цивилизным образом. Я не думаю, что за него нам заломят сумасшедшую цену. А пока пойдемте и выпьем где-нибудь поблизости по паре чашек горячего кофе — я порядком отвык от утренних прогулок на холодном ветру.

Хороший кофе в Семи Городах искать надо было днем с огнем. В то же время сладкой, темно-коричневой бурды в центре можно было вдоволь напиться почти на каждом углу. Ни Шишел, ни док Фландерс не отличались высокой требовательностью к этому напитку и заняли позицию за столиком круглосуточного кафе-автомата в двух кварталах от «Лавки двух фараонов». Кофе здесь подавался на стол в объемистых керамических кружках — должно быть, чтобы количеством компенсировать качество.

Шишел, как лекарство, проглотил первую такую кружку — больше из солидарности с замерзшим доком — и уже успел сделать глоток из второй, когда «запел» его блок связи. Он поднес трубку к уху, выслушал нечто довольно длинное, сунул трубку на место и выругался плохим словом.

— Срочный сбор Комитета Мстителей! — объяснил он. — Я с этой колготой уже и позабыл, что сам в нем второе лицо... Ждите, доктор, меня здесь и не предпринимайте никаких экстренных действий. Я обернусь мигом. В полчаса.

* * *

Инструктаж док Мэтчисон провел энергично и даже вдохновенно. Отчасти это объяснялось тем, что слушатель был достаточно понятлив, отчасти тем, что это был второй однотипный инструктаж за это утро: первый получили от него его хороший приятель, эрудит и космический странник Рафаэль Фландерс и какой-то молчаливый бородатый детина, которого Рафаэль зачем-то приволок с собой. А главное, вдохновение Клайву Мэтчисону

придавало то обстоятельство, что бумажник его в это утро потяжелел примерно на треть его годового оклада. Притом — без всякого намека на налоги. О чем он не мог и мечтать всего двадцать четыре часа назад.

Убедившись, что все сказанное и показанное им вполне усвоено, он связался с Коннетаблем и вместе с «аббатом Шануа» был немедленно приглашен в кабинет шефа.

Сэр Байер был в благостном расположении духа. Он коротким жестом отклонил попытку дока Мэтчисона представить подробный отчет о проделанной работе.

— Скажите мне просто, доктор, — попросил он чуть расслабленно. — Вы довольны своим учеником? Все обошлось нормально?

— Вполне! — уверенно заверил его док. — Господин аббат вполне может управиться с прибором. Мало того, в ходе тренировочных прогонов мы установили, что объект обнаружения находится в черте города.

— Просто чудесно! — развел руками Коннетабль и полез в ящик стола за своей трубкой.

Многоопытный Мэтчисон тут же предусмотрительно захлопал себя по карманам в поисках зажигалки.

— Ну что ж, — произнес не без торжественной интонации в голосе сэр Байер, держа трубку перед собой, словно дирижерскую палочку. — За дело! Я вас не задерживаю, аббат. Счет за выполненные для вас работы я перешлю в бухгалтерию Консистории.

— Лучше сразу на имя монсеньора Люстига, — посоветовал «господин аббат». — Так будет быстрее. И поменьше лишнего народа будет знать об этих выплатах.

— Разумно, — согласился с ним Коннетабль. — И тут же стукнул себя своей трубкой по лбу. — Совершенно забыл! О господи! Из архива звонили, что вы забыли там что-то из ваших бумаг! Не забудьте заглянуть туда.

— Из архива? — изумился «аббат». — Из какого архива?

— Да из нашего, — поморщился его непонятливости Коннетабль. — Из того, что находится на первом подземном этаже замка.

«Господин аббат» задумчиво смотрел на главу Ордена. И тот встревоженно смолк, точно так же уставившись на своего собеседника.

— Дело даже не в том, что я ни разу не был в вашем архиве и даже не знаю, где он находится, сэр, — спокойным, но внутренне напряженным голосом произнес Кай. — И даже не в том, что я не испрашивал у вас никакого разрешения на работу в архиве Ордена... А ведь меня бы просто не пустили туда без вашей санкции. Дело в том, что если бы я позабыл в архиве какие-то мои бумаги, работая там вчера или в какой-либо из предыдущих дней, то вам сообщили бы об этом в тот же самый день, а не сегодня. Значит, работал и забыл свои бумаги в архиве я именно этим утром. Только вот присутствующий здесь доктор Мэтчисон может, я думаю, клятвенно подтвердить, что все утро я безвылазно провел в его обществе...

Коннетабль молча отложил трубку, снял со стены узкий орденский меч в ножнах-футляре и коротко скомандовал:

— За мной. В архив!

* * *

До дому Енот добрался на попутном грузовике. Водитель неодобрительно посматривал на длинный брезентовый сверток, который не знал как пристроить в тесной кабине. Но

потом водилу порядком отвлекло творящееся на улице. Уйма народу высыпала из домов и тарасилась в небо. А в небо лез и лез дымный столб, из которого временами вылетали то огромные снопы искр, то пылающие доски и тряпки. Что-то горело очень и очень основательно.

Водила не выдержал, остановил свою колымагу у обочины и вылез из кабины — потолковать с народом, осведомленным в происходящем. Вернулся на свое место он несколько растерянным.

— Ну и дела... — произнес он, трогая машину с места. — Большой дом в центре пылает. Бывший театр какой-то... Рыцари Огня и городская бригада — все в полном составе там торчат. Только, говорят, там, в здании, эти... Драконы огнедышащие... Врут, наверное...

— А вот и они, — рассеянно бросил Енот, тыча пальцем в дымный столб.

Из столба этого вырвались и косо, словно опадающие листья, спланировали куда-то за крыши две отдаленно напоминающие летучих мышей тени. Потом — еще две.

— Святые угодники! — прошептал водила. — Да что же это делается на белом свете!

Енот догадывался что. Но не стал утомлять шофера своими объяснениями. Просто попросил высадить его на перекрестке, от которого было всего несколько минут ходьбы до его дома. Теперь ему было совершенно безразлично мнение соседей и знакомых о странных событиях, приключившихся здесь двое суток назад. Ему просто хотелось вернуться домой. И наплевать на все!

Наличность у Енота выгребли люди Лакоста. Куда-то делась и электронная кредитка. По странной случайности с него не сняли довольно дорогие часы. Меняла бросил их на сиденье.

— Возьмите за проезд, — устало предложил он. Шофер покрутил часы перед глазами и вернул их пассажиру. Покачал головой:

— Я не граблю прохожих, мистер. Это слишком дорогая модель. Считайте, что я прокатил вас даром в честь вашего дня рождения. Ведь он у вас когда-нибудь будет? Так что я сделал вам подарок авансом.

— Х-хе, — ответил Енот, выбираясь из кабины. — Это не аванс. Сегодня я вроде действительно родился. Во второй, так сказать, раз. Благодарю вас.

— Значит, я угадал, — пожал плечами шофер и тронул свою колымагу в дальнейший путь.

Домой Енот попал бы с трудом: электронный ключ от входной двери пропал из его кармана вместе с остальным содержимым. Выручила его только совершенно наивная привычка класть ключ от черного хода под камень, чуть поодаль от двери.

Кабинет его был все еще опечатан, но сходить за ключами в спальню, а затем пролезть под желтой лентой, которой была затянута дверь, не составило Еноту труда при видимой неуклюжести: он был достаточно ловок и пронырлив. Оказавшись в почти уже ставших ему родными стенах, он первым делом грохнулся в свое кресло, стараясь не смотреть на то, «гостевое», в котором окончил свой жизненный путь невезучий агент Палача, Паркер. Енот постарался думать только о приятном — например, о том, что нет уже на свете ни Лакоста, ни придурков, вымогавших у него меч, о горячем душе, который примет сейчас... Он достал из заветного шкафчика давешнюю бутылку граппы, налил в объемистый стакан на три пальца обжигающего питья и проглотил, зажмурясь. Потом налил еще столько же и уже поднес стакан ко рту, как нисходящее на него блаженство успокоения порушил переливчатый сигнал вызова блока связи — стационарного, оформленного под мрамор и высящегося на его

письменном столе, подобно надгробию «Неизвестному абоненту».

Енот нехотя взял трубку и услышал знакомый сухой, почти лишенный интонаций голос.

— Нам снова пора встретиться, господин Челлини, — уведомил его Палач.

Енот поперхнулся граппой и поставил стакан на стол.

— Я готов вас принять, — поспешно согласился он.

— Ваш дом — неподходящее место для встречи, — неприязненно проскрежетал Палач. — Подходите к магазину «Лавка двух фараонов». И ждите. Я сам подойду к вам. И не вздумайте ставить ваших друзей в известность о том, куда направляетесь. Я имею в виду и аббата Шануа тоже. Это может стоить вам жизни. Учтите, я контролирую здешний эфир.

— Разумеется. Я постараюсь быть там как можно быстрее, — заверил своего кошмарного «спонсора» Енот.

Он снова промокнул лоб вконец раскисшим платком и обругал последними словами покойного Лакоста: вместе со всем содержимым его карманов пропал и пультик-брелок, которым он мог вызвать свой «лендровер». Приходилось полагаться на такси. И еще... Он порылся в столе и с облегчением обнаружил, что его «резервный», незарегистрированный мобильник находится на своем месте. Он сунул его в карман и отправился в спальню. Там, в сейфе за зеркалом, у него хранились кое-какие сбережения. Сейф в кабинете дуболомы из Ордена Порядка или Городской Стражи опечатали, и ссориться с ними не хотелось.

* * *

Свое обещание «обернуться в полчаса» Шишелу выполнить не удалось. Господа члены Комитета Мстителей подтягивались в штаб-квартиру Ордена в час по чайной ложке. Когда же все наконец были в сборе, долго томивший душу своим угрюмым молчанием сэр Дональд сообщил преславному рыцарству главную свою новость. Новость состояла в том, что, к их всеобщему позору, убийца достопочтенного Коннетабля Стрита пойман и изобличен вовсе не ими, призванными быть Мстителями. Мерзавец был схвачен всего лишь ничтожными шпаками из Городской Стражи.

Новость эта, как пыльным мешком по голове, огорошила всех собравшихся. Тут же разгорелся яростный и совершенно бессодержательный спор. Господа рыцари препинались главным образом о том, не выдумка ли все это коварных Стражников. Все как один возмущались тем, что комитет до самого последнего мгновения оставался в неведении относительно хода расследования, которое привело к задержанию негодяя.

Шишел несколько раз пытался выскользнуть из зала под тем или иным благовидным предлогом, но каждый раз это оказывалось неуместным.

Некоторый диссонанс внес в оживленную дискуссию дважды пострадавший от криминального супостата сэр Смыга. Ему пришлось в ушибленную голову задать совершенно бестактный вопрос о том, в чем же, собственно, состоят факты.

На что сэр Дональд с облегчением пояснил, что арестован по обвинению в многочисленных убийствах и ограблениях небезызвестный тип по кличке Буффало Билл. При том практически в руках у него обнаружился личный револьвер покойного Коннетабля, из которого он — Билл, конечно, а не покойный Коннетабль — успел уже «завалить» также небезызвестного владельца Чоп-хауса и еще кого-то из его компании. При мерзавце обнаружили немалые деньги, из-за которых, собственно, и произошло кровопролитие.

Пойман был Билл на месте преступления, что не оставляет сомнений в его виновности. Никакого предварительного следствия не было — просто Стража явилась по чьему-то вызову и застала злодея на месте преступления.

Все смолкли. Но уже через минуту члены Комитета ожесточенно пререкались о том, как следует покарать негодяя. Одни требовали его выдачи Ордену, другие — публичного линчевания. Шишел выразился в том духе, что согласен с большинством и наконец с огромным облегчением покинул зал заседаний.

* * *

К тому моменту, когда он снова оказался у «Лавки двух фараонов», та была уже давно открыта. Это выражалось, впрочем, только в том, что жалюзи на ее окнах были приподняты. Окрест больше не было ни души. В том числе и дока Фландерса. Оно и понятно: Шишел велел ему ждать в кафе и ничего не предпринимать, он и ждал, не предпринимая ничего. Шишел рванул с пояса трубку мобильного и попросил доктора побыстрее явиться на место действия. Явившемуся на зов запыхавшемуся доку он не стал пенять за его несообразительность. Что взять с человека, который полжизни проболтался на раскопках в этом и других Мирах?

— Проверимся, — предложил Шишел, — на месте ли гость?

Фландерс углубился в манипуляции с «планшеткой» и немного спустя поднял растерянный взгляд на Шишела.

— Сигнала нет, — потерянным голосом констатировал он.

Шишел, не говоря плохого слова, решительно вошел в лавку. Над дверью надтреснутым фальцетом брякнул колокольчик.

В помещении царил полумрак. Хозяин — пожилой, сублильный тип в строгом старомодном костюме и в настоящих антикварных очках — был занят тем, что отсчитывал купюры крепко сложенному типу в костюме в полоску и мятой шляпе. Жестом хозяин попросил господ посетителей немного подождать и, закончив денежные расчеты, обратил свой взгляд на доктора Фландерса. Тип в полосатом наряде направился было к двери, но задержался у одной из витрин. Похоже его интересовало, за каким чертом явились в лавку «эти двое типов».

— Я в полном вашем распоряжении, — произнес хозяин. Фландерс замялся.

— Я извиняюсь за то, что мы беспокоим вас по пустякам, но...

— Вот что, — прервал его скомканное вступление Шишел. — У нас будет к вам вопрос. Если не захотите, можете не отвечать. Мы не из Стражи и не из Ордена. Просто у нас чисто личная проблема. Мы давно охотимся за одной вещицей... Скажите, за это утро у вас сделали много покупок?

Хозяин высоко поднял плечи:

— Всего одну... Какая именно «вещица» интересует вас?

— Скажите, что у вас купили? — продолжил расспросы Шишел, игнорируя вопрос антиквара.

— Это не секрет... — независимым тоном бросил хозяин лавки. — Изваяние некоего древнего зверя. Камень, металл, керамика. Предположительно имитация артефакта Предтеч. Новодел, конечно, но очень умелая работа...

Похоже, хозяин немного кривил душой, занижая истинную ценность «артефакта».

— Это он! — прошептал Фландерс. — Это — Джокер!

— Простите? — возрился на него престарелый антиквар.

— Ничего, — махнул рукой Шишел. — Не обращайтесь внимания. Вот что, вы не скажете, давно ли к вам попала эта диковина?

Хозяин лавки становился все более и более недоволен расспросами странного посетителя.

— Не далее как вчера, — неприязненным тоном ответил он. — Если вас интересует происхождение... э-э... вещи, то к вашим услугам господин Новотный. — Он указал сухой ладошкой на полосатого типа. — Именно он выставил вещь на торги.

Шишел и тип, оказавшийся господином Новотным, одновременно повернулись друг к другу. Новотный, видимо, хотел было отвесить излишне любопытному посетителю какую-то резкость, но, оценив габариты собеседника и его далеко не ласковый вид, молниеносно смягчился и только вежливо поинтересовался, мол, какого черта милостивый государь сует нос не в свои дела.

— Вот что, — хмуро заметил Шишел. — Я вам не намереваюсь чинить никаких неприятностей. Наоборот, если мы с вами поговорим по душам, то я вам компенсирую причиненное беспокойство...

Он вытянул из заднего кармана бумажник, а из бумажника — банкноту в пятьдесят федеральных баксов и продемонстрировал ее собеседнику. На господина Новотного это возымело свое действие.

— Если вы думаете, что вещь краденая, — гордо пояснил он, — то вы ошибаетесь. Я ее приобрел, можно сказать, на законных основаниях...

— У кого же? — встрял в разговор док Фландерс.

— У ребятишек, — ответил Новотный. — У детей... Понимаете, я живу, можно сказать, неплохо, работаю на химическом производстве, получаю за вредность и занят только двадцать четыре часа в неделю. Масса свободного времени. Вот я и подрабатываю на карманные расходы тем, что выискиваю всякую всячину для господина Шанца. — Он кивнул на хозяина лавки. — Хожу по перспективным клиентам. Таким, у которых могли остаться вещички времен Первопоселенцев, а то и вывезенные из Старых Миров. Предлагаю им хорошие деньги,ставляю здесь на торги. Ну, и имею с этого дела небольшой процент.

Он вздохнул. Два типа терпеливо слушали его.

— Ну и по пустырям и свалкам приходится ходить. Не такое уж зазорное это занятие. Вы не представляете, сколько хороших вещей выбрасывают люди... Ну вот и вчера увидел: детишки — человек шесть — на пустыре за Старыми складами возятся с интересной штукой... Изваяние. Медвежонок не медвежонок, кот не кот... Ну, я сразу понял, что вещь ценная. Выбросил кто-то сдуру. Ну, с детишками я общий язык нашел и, можно сказать, предмет у них выкупил...

— И дорого с вас взяли детишки? — поинтересовался Фландерс.

Новотный бросил на него неприязненный взгляд, но на вопрос ответил:

— Всем выставил угощение от пуза. Мороженое, шипучка всех сортов... В общем, они в обиде не остались... Вот и все.

— Все? — сурово спросил Шишел, хрустя банкнотой. Новотный пожал плечами:

— Ну вот разве что... Шизанутые какие-то это были детишки. Немного так, но все-таки шизанутые... Они пока шипучкой да мороженым угощались, все мне впаривали, что статуя

эта живая. Сама, мол, к ним пришла неведомо откуда и играла с ними, как настоящий зверек. Виляла хвостом, махала лапками и так далее... До тех пор, пока я не появился... Бред детский, конечно, но как-то запомнилось.

Шишел молча двинул купюру по витрине — к локтю Новотного, и тот невозмутимо определил ее в нагрудный карман. Шишел повернулся к хозяину лавки и положил перед ним еще одну купюру — на сей раз в сотню баксов. Потом он понял, что это было его ошибкой.

— Это вам за беспокойство, — прогудел Шишел. — Только один вопрос еще. Кому вы продали вещь? Мы намерены выкупить ее у нынешнего хозяина.

— Я не спрашиваю у покупателей ни документов, ни их имен. Другое дело — у тех, кто приносит товар. Тут я строг, — все тем же непряженным голосом ответил антиквар и кончиками пальцев толкнул купюру назад — назойливому бородачу. — Деньги я беру только за товар и за профессиональные консультации. Ответы на ваши вопросы к этой категории не относятся. Могу сказать только, что покупатель, судя по всему, недавно прибыл из Старых Миров.

— Он платил наличными или по карточке? — продолжал интересоваться Шишел.

— По карточке, — ответил антиквар. — Что вас еще интересует?

— Тогда не будете ли вы так любезны сообщить мне номер этой карточки. Он должен был остаться в вашем расчетном автомате.

Выражение лица хозяина лавки сделалось совсем кислым.

— Я отвечаю на подобные вопросы, — резким, почти вызывающим тоном парировал он вопрос Шишела, — только тем, кто может предъявить свои полномочия, удостоверяющие его право задавать такие вопросы. Например, сертификат Городской Стражи. Но вы сами утверждаете, что не имеете отношения...

— Не имею! — рявкнул Шишел, сгреб свою сотню баксов и вышел из лавки, основательно хлопнув дверью.

На усевшегося по-турецки у дверей лавки ряженого «индейца», рекламирующего курево марки «Трубка мира», он не обратил ни малейшего внимания.

Он втиснулся в салон своего «лендровера» и, едва дождавшись, пока выскочивший за ним следом док Фландерс устроится на своем месте, тронул машину с места. Доктор, задыхаясь, попытался что-то сказать ему, но Шишел оборвал его потуги, коротко рявкнув:

— Мы в полной заднице, док! В полной!

* * *

Старший архивариус Замка задушевных бесед выкатился навстречу своему Коннетаблю прямо-таки колом. Он и был невелик и округл — под стать этому кулинарному изделию. В его водянистых, внимательных глазах застыло недоумение. Видимо, он понимал, что просто так сэр Байер не нагрянет в его епархию, да еще в сопровождении аббатов и докторов наук.

— Будьте любезны объяснить мне, — начал Коннетабль, оставив в стороне всяческие приветствия и прочие жесты вежливости, — когда именно этот господин, — он, не оборачиваясь, кивнул на «аббата Шануа», — соизволил провести время в нашем архиве и какие материалы были выданы ему на руки?

Глаза архивариуса стали круглыми, как и он сам.

— Сегодня, разумеется, сэр. С момента открытия архива и до... до... Одним словом, господин аббат покинул архив не более часа назад... Н-на руки ему были выданы некоторые бумаги покойного Коннетабля Стрита...

Страшный Коннетабль стал мрачнее тучи.

— Вы всех кого попало пускаете покопаться в материалах следственных дел или только тех, кто вам приглянется? — загремел он. — Я-то наивно рассчитывал, что в архив допускаются только лица, получившие мое на то разрешение...

— Я ничего не понимаю... — дрожащим уже голосом произнес архивариус. — Разумеется, я не посмел бы нарушить устав Ордена и уложение об архивах... Но ведь вы сами дали мне вчера прямое указание содействовать его преподобию Шануа в расследовании вопроса о гибели Коннетабля Стрита...

— Я? — грозно спросил Коннетабль. — Дал? Указание? — И вдруг спокойно, даже как-то безнадежно махнул рукой. — В какой форме я дал распоряжение и когда?

— В-вчера... — торопливо и слегка заикаясь, стал объяснять архивариус. — В конце рабочего дня... Вы связались со мной из своей загородной квартиры и...

— Как работал канал связи? — оборвал его Коннетабль. — Только звук или же звук и изображение? Меня, кстати, не было в тот момент на загородной квартире. Но это мелочи...

— Звук и изображение... — ответил архивариус. — Если вы хотите просмотреть запись...

— Со временем обязательно просмотрю, — заверил его Коннетабль и принялся мерить шагами маленький рабочий зал архива. — Формально я должен бы отстранить вас от должности и отдать под Орденский Трибунал, — произнес он задумчиво, остановившись напротив архивариуса. — Но не стану этого делать. Моя вина! Я распустил своих людей, так что мелкие нарушения Устава и уложений стали нормой.

— Скажите, — вступил в разговор «господин аббат». — Журнал... Журнал приобретений и обменов, который вел покойный Коннетабль, тоже выдавался мне на руки?

Архивариус посмотрел на задавшего этот вопрос как на сумасшедшего, обменялся взглядом с Коннетаблем и поспешил к установленному на стойке дежурного компу. Пробежав пальцами по клавиатуре, он поднял глаза на «аббата» и утвердительно кивнул.

— Да, этот журнал был выдан вам на руки. Среди прочего...

— Тяжелый случай, — вздохнул «аббат». — Вас не затруднит вручить мне те бумаги, которые я забыл здесь, уходя?

Архивариус — опять взглядом — испросил разрешения у Коннетабля, достал из-под стойки и протянул «господину аббату» обычный желтый конверт без каких-либо надписей на нем. Конверт даже не был запечатан.

— Это осталось лежать на столике, за которым вы работали... — несколько смущенно пояснил он.

«Аббат» взял конверт и извлек из него единственный листок бумаги.

«Ты обманул меня, — гласили строчки, выведенные почти идеальным, “компьютерным” почерком. — Ты не предпринял даже самого простого шага, чтобы выполнить нашу договоренность. Этим ты обрек одного из своих друзей на смерть. Делай выводы!»

Кай почувствовал, как страх подкатил к его сердцу и тысячью иголок кольнул кончики пальцев.

— Тревога! — сказал он Коннетаблю. — Тревога! Мы все в большой опасности! Надо

«Резервный» мобильник «заголосил» в кармане у Енота почти одновременно с тем, как под окном раздалось омерзительное пищание сигнала вызванного им и наконец-то изволившего прибыть арендного кара-автомата. Он осторожно поднес трубку к уху.

— Это вы, Челлини? — прозвучал в ней хорошо знакомый ему голос.

«По всей видимости, господин Санди звонит мне в присутствии посторонних», — умозаключил Енот и отозвался:

— Слушаю вас, господин аббат.

— Вы в большой опасности, — резко и четко выговаривая слова, — стал объяснять ему «аббат». — Ваш гость начинает планомерно уничтожать людей, связанных со мной. Не задавайте ненужных вопросов. Где вы находитесь? Почему не отвечает ваш основной блок связи?

— Я у себя дома, — совершенно честно ответил Енот. — Без мобильного меня оставили бандиты... Это, в общем, сложная история...

— Вы один дома? — тревожно осведомился Кай. На этот случай были оговорены варианты ответов, не вызывающие подозрения у возможных свидетелей разговора.

— Не стоит беспокоиться, — ответил Енот. — Я — один.

Это означало: «Я один, но нас слушают». Последовала короткая пауза.

— Никого не пускайте в дом, — приказал Кай. — Забаррикадируйтесь. И постарайтесь, чтобы у вас под рукой было что-нибудь посерьезнее, чем газовый баллончик.

— Я вас понял, — ответил Енот, с тоскою выглядывая в окно, где ждала его наемная колымага.

— Выходите со мной на связь каждые полчаса, — приказал Кай.

— Понял, — еще раз подтвердил Енот.

В трубке зазвучал сигнал отбоя.

«Забаррикадируйтесь, — горько усмехнулся меняла. — Что-нибудь посерьезнее, чем газовый баллончик...»

Его взгляд остановился на длинном брезентовом свертке, брошенном им на стол. Он подхватил его, глотнул еще граппы — прямо из горлышка и, волоча ноги, отправился вниз — к такси, которому, пожалуй, предстояло сегодня сыграть роль ладьи Харона.

В салоне кара Енот пришел к решению не продавать свою жизнь задешево. Он выдал автомату адрес назначения, устроился на сиденье поудобнее и развернул брезент. Потом вынул оба меча из ножен. Почему-то вид пары темных, сумеречно отсвечивающих клинков вселил в него странную уверенность в себе — чувство, незнакомое Микису Палладини с далекого детства.

С того момента, как «лендровер» Шишела скрылся за поворотом, прошло совсем мало времени, и в глубине улицы показалось такси, увлекавшее Енота навстречу его участи.

В его кармане снова запел блок связи.

— Челлини, — зазвучал в трубке голос Кая. — Мы отслеживаем ваши передвижения по радиоотзыву вашего блока связи. Вы покинули дом. Вы находитесь в городе. Примерно в том районе, где сейчас находится ваш гость. Он уже в нескольких десятках метров от вас. Будьте готовы ко всему. Продержитесь, пожалуйста, хотя бы полчаса. Мы придем на помощь.

«Проклятье, он же все слышит!» — в отчаянии подумал Енот и притормозил ровно напротив «Лавки двух фараонов». Оставалось ждать. Рассеянным взглядом скользнул Енот по витрине лавки, по улице перед ней. И вдруг взгляд его зацепился за ряженого «индейца», сидящего перед лавкой. «Индеец», не меняя выражения лица, манил его пальцем. И тут Микис Палладини сделал то, чего не сделал бы никогда до той поры, пока в руки его не легли рукоятки двух древних мечей. Он по локоть высунул руку из бокового окна кара и точно таким же жестом, с издевательской точностью повторяя его, поманил к себе «индейца». Он уже не сомневался, с кем имеет дело. Но вот что удивительно: страха не было! Была, быть может, готовность умереть (хотя умереть и без всякой на то охоты). Но страха — не было!

И «индеец» поднялся на ноги. В руке у него сверкнул томагавк. Сделал шаг-другой к машине Енота. И тот вышел к нему навстречу. Сжимая в обеих руках по тяжелому древнему мечу. Это, должно быть, выглядело дьявольски смешно со стороны: рыхлый коротышка, выставивший перед собой длинные, почти в его собственный рост, страннойковки клинки, отважно движется навстречу суровому, твердому, как скала, воину.

— Твой шеф, — произнес Палач, — повел нечестную игру. Мне пришлось его продублировать. Я уже почти встретился с Джокером, но его перепрятали от меня... Придется наказать вас...

Они подходили друг к другу все ближе и ближе.

— Твой шеф о многом подумает, потеряв тебя, — продолжил Палач, взвешивая в руке свой томагавк. — Поверьте мне, господин Челлини, ровно ничего личного, просто вы первый на очереди из заложников... Ровно ничего лич...

И в этот момент между мечами повисла молния. Ослепительно яркая и совершенно бесшумная. Молния выгнулась дугой, превратилась в ослепительно сверкающую петлю и охватила Палача за плечи. Рассыпалась по нему пылающей сетью.

Палач так и застыл, сжимая в руке свой томагавк. Первые секунды казалось, что сверкающие разряды, пробегающие по его корпусу, не причиняют ему никакого вреда. Но уже вскоре Енот, замороженно уставившийся на происходящее действие, понял, что с его жутким гостем творится неладное. Палач так же бесшумно, как охватившие его мириады молний, начал исходить белым пламенем, словно бы таять. Нет, он не горел, не покрывался углем или окалиной, он лишь незаметно темнел и убывал в размерах. Стал ниже ростом, сузился в плечах, и вот он уже в две трети от своего прежнего размера, в половину, в треть... Все!

Волшебство закончилось. Молнии погасли, и на мостовую повалилась с металлическим стуком отливающая темными тонами обожженного металла фигура индейца, сжимающего боевое оружие.

Руки Енота, до этого момента не чувствовавшие тяжести мечей, опустились, словно налитые свинцом, и разжались. С глухим звоном мечи упали на камень брусчатки рядом с преобразившимся Палачом. Рядом опустился на колени Енот. Он чувствовал себя опустошенным и вывернутым наизнанку. Но в то же время понимал, что должен радоваться тому, что неминуемая гибель прошла мимо него. Но на радость у него не было сил. И совершенно вопреки здравому смыслу им овладела паника.

«Надо это куда-то деть, — сказал он самому себе. — Куда-то с глаз долой. Чтобы не влипать в расследование, объяснения... Сейчас здесь будет уймища народу!

Енот осторожно потянулся к неподвижной фигуре Палача. Казалось бы, огненный массаж, который ужал его на две трети, должен был бы раскалить тот странный материал, из которого робот был соткан, до невероятной температуры. Но, еще не прикоснувшись к нему, Енот понял, что от него тянет могильным холодом. Даже не просто могильным. Холодом чуть ли не абсолютного нуля.

Чуть прикоснувшись к поверхности странной статуи, в которую обратился Палач, Енот с трудом, оставив на ее поверхности кусочки кожи со своих пальцев, отдернул руку назад. Судорожными неловкими движениями скинул с себя пиджак и через его ткань подхватил неподвижное изваяние на руки. Огляделся кругом и, пошатываясь, устремился к ближайшей двери. А ближайшей дверью была, естественно, дверь «Лавки двух фараонов».

Надтреснутый звук дверного колокольчика нарушил сумеречную тишину магазинчика и на первый взгляд не возымел абсолютно никакого действия. Енот поставил изваяние на пол и снова натянул пиджак на себя. Тот был ледяным, словно вынутым из морозильника. Голова у Енота ощутимо кружилась, и он заплетающимся шагом уже было устремился вдоль витрины к выходу, когда его остановило деликатное покашливание за спиной.

— Мистер хочет выставить вещь на торги? — осведомился пожилой антиквар.

Он возник за прилавком так незаметно, словно материализовался из окружающего сумрака.

— М-да... — неопределенно протянул меняла. Антиквар вышел из своего убежища и подошел к изваянию.

— Гм... Вы что, это в холодильнике хранили? — спросил он, тоже почувствовав холод, исходящий от статуи.

Енот в ответ снова ограничился неопределенным мычанием.

Голова его становилась все более и более тяжелой.

— Гм... — продолжил антиквар. — Традиционная для Метрополии тема, но исполнение довольно оригинальное. Материал... Металлокерамика? Надо полагать, семейная реликвия еще из Метрополии? У нас с вами не будет с ней неприятностей?

Енот молча протянул продавцу свою визитную карточку.

— Ах вот что! — улыбнулся антиквар. — Ваше имя мне известно и... э-э... заслуживает доверия.

— Только не следует разглашать его, — попросил Енот, с удивлением ощущая, что язык плохо слушается его. — Вы не могли бы сразу, до всяких торгов, избавить меня от этого товара.

— Понимаю, — кивнул хозяин лавки. — Вам нужны быстрые деньги. Но вы при этом несете потери... Впрочем, не мне вас учить. — Он перешел на деловой тон. — Я могу сразу выплатить за вещь полторы сотни «орликов»...

— Я рассчитывал получить за нее пятьсот, — возразил Енот, хотя готов был избавиться

от жуткого сувенира не то что даром, но даже еще приплатил бы вдогонку тому, кто забрал бы его поскорее.

Но инстинкт торговца был сильнее любых эмоций.

Они сошлись на трехстах «пернатых». Енот убрал деньги во внутренний карман, выдавил из себя натужную улыбку и захромал к своему такси. По дороге подобрал с брусчатки мечи. Антиквар с сомнением смотрел ему вслед.

В салоне такси меняла понял, что не знает, куда ему ехать. Он тронул машину и поехал куда глаза глядят.

* * *

А на улицы вокруг «Лавки двух фараонов» выкатились автомобили по крайней мере трех Доблестных Орденов.

— Мэтчисон, — говорил в микрофон сэр Байер. — Уточните координаты объекта.

— Это не представляется возможным, сэр, — отозвался док. — Сигнал-отзыв исчез.

Енот меж тем проехал с дюжину перекрестков, направляясь куда-то к Лесной окраине. На очередном перекрестке он, ожидая сигнала светофора, неожиданно для себя ткнулся лицом в баранку и полностью отключился.

Минуты через две дежурный транспортного департамента Городской Стражи постучал ему в задвинутое стекло бокового окна и посоветовал не мешать движению на перекрестке. Присмотревшись к нарушителю, дежурный присвистнул, затем пробормотал. «Дело, кажется, плохо» — и схватился за свой блок связи.

* * *

«Разборка полетов» происходила со всеобщего молчаливого согласия в Замке задушевных бесед, в кабинете Коннетабля. Ей предшествовали довольно трудные и деликатные объяснения каждого из участников разыгравшейся драмы. Итог последних суток деятельности Палача постарался подвести «господин аббат».

— Как я могу понять, — признал он, — выставив мне свои условия, Палач, будучи надежной исполнительной системой, продублировал мои действия, приняв мой же облик. Нет, сначала — ваш облик, господин Коннетабль. Он выхлопотал для аббата Шануа разрешение работать в архиве замка. К тому моменту он каким-то образом дознался, что существует журнал Коннетабля Стрита и находится он именно в вашем архиве. Учитывая его способность к перевоплощению, нетрудно догадаться, какими путями он получил эту информацию. — «Господин аббат» сделал паузу и повернулся к Шишелу. — Как только — из журнала Коннетабля — ему стало ясно, что держателем Джокера являетесь вы, Дмитрий, он прекратил слежку за мной. Оставил мне угрожающее письмо, а сам переключился на вас. Нет ничего удивительного в том, что вы не замечали никакой слежки. Вы бы ее не заметили, даже если бы за вами наблюдали в хороший бинокль. А возможности Палача, я думаю, далеко превосходят возможности лучших здешних биноклей и подслушивающих устройств. Уже через короткое время ему стало ясно, что Джокер вами потерян. В своих поисках вы привели Палача прямехонько к «Лавке двух фараонов». Тут он полагал, что среди массы

объектов, находящихся в этом довольно экзотическом месте, вы точно обнаружите Джокера. И уж тогда он сможет уничтожить его прямо на руках у вас. Скорее всего — вместе с вами. Но тут он дал маху. Вы проворонили Джокера. Вместе с вами проворонил его и Палач. И тут же на месте он снова переключился на меня. Уничтожить Челлини он решил в качестве строгого предупреждения, которое заставило бы меня все-таки реально заняться поисками Джокера. Он даже место для исполнения экзекуции назначил именно в той точке, откуда исчез Джокер. Произошла ли их встреча, куда исчез Челлини и почему наша аппаратура не принимает сигнала-отзыва молекулярных схем Палача, — остается неясным.

«Господин аббат» жестом показал, что закончил свое резюме и бросил взгляд на невесело нахохлившегося Шишела.

Шишел был не то чтобы мрачен, но огорчен.

Роман Плонски, наведавшийся в «Лавку двух фараонов», немедленно после контакта дока Фландерса с Коннетаблем Байером, принес весть неутешительную. Покупателем преображенного Джокера оказался некий Хесус Фатингот — житель Террановы, пребывавший в Закрытом Мире в качестве туриста «первой волны». Свою покупку он совершил буквально за полчаса до отправки в Космотерминал. На момент наведения этой справки он, его покупка, да и весь лайнер «Беглец» канули в подпространство, чтобы выйти из него уже по ту сторону Горловины.

Оставалось только гадать, самостоятельно ли выбрал Джокер выпавшее ему теперь странствие в Старые Миры или отправился в него в силу форс-мажорных обстоятельств.

* * *

Второй задачей Плонского на этот день являлись поиски бесследно исчезнувшего было Апостолоса Челлини.

— Мы нашли его без всяких проблем, — докладывал через пять часов после этого исчезновения Роман Плонски сидящим вокруг письменного стола Коннетабля Байера.

Сидел там, естественно, сам Коннетабль, а с ним вместе доктора Фландерс и Мэтчисон, «преподобный Филипп Шануа» и преславный сэр Дмитрий.

— Ничего страшного, — продолжал Плонски. — Глубокий обморок в результате длительного стресса и гм... на фоне алкогольной интоксикации. Помощь оказана вовремя. Могло быть намного хуже, если бы машина, в которой он был за рулем, находилась в движении. Сейчас он находится в госпитале Парацельса. Я распорядился, чтобы ему выделили одноместную палату. При нем, кстати, были два меча, предположительно — работы Предтеч. Они — в сейфе госпиталя.

— Ну что же, — обвел взглядом присутствующих Коннетабль, — продолжим наше заседание в палате госпиталя. Похоже, что господин Челлини — именно тот, кто видел Палача последним. Это немаловажное обстоятельство.

— Для начала мне с ним стоит поговорить наедине, — заметил «господин аббат». — Вы можете, конечно, присутствовать при нашем разговоре. Но незримо, если это возможно.

— Пожалуй, психологически это будет более верно, — согласился с ним Коннетабль.

* * *

Убедить Микиса-Апостолоса в том, что стоит рассказать начистоту все о его отношениях с Палачом, стоило Каю немалого труда. Тем больший эффект произвел сам его рассказ.

К «Лавке двух фараонов» снова двинулась целая кавалькада людей сэра Байера во главе все с тем же Романом Плонски. Сам сэр Байер, все остальные четверо членов самопроизвольно сложившейся комиссии, а с ними и Микис-Апостолос ожидали результатов в вестибюле госпиталя, изрядно досажая своим присутствием занятому текущими делами медперсоналу.

Плонски управился с порученным ему расследованием менее чем за час. Он предстал перед Коннетаблем и его окружением несколько запыхавшимся и обескураженным.

— Только не говорите мне, что и останки Палача уже куплены туристами с Террановы, — предупредил его сэр Байер. — Они просто не могли успеть...

— Совершенно верно, сэр! — подтвердил Плонски. — Старик Шанц успел впарить «статую индейца» помощнику капитана «Аякса». Лайнер привозил туристов с Океании. Ушел в обратный рейс три часа назад. Тридцать минут назад канул во все то же подпространство.

В вестибюле госпиталя воцарилось молчание.

— Послушайте, доктор, — обратился Коннетабль к Мэтчисону. — Это точно, что Палач выведен из строя раз и навсегда?

— Я этого никогда не говорил, — пожал плечами доктор. — По всей видимости, это устройство обладает большим потенциалом регенерации. К тому же трудно сказать, что именно сделала с ним Магия Предтеч.

— Так или иначе, — заключил Коннетабль, — оба эти устройства выброшены из Закрытого Мира и отправлены в сильно удаленные друг от друга части Обитаемого Космоса. Нам остается только послать вслед им наши предупреждения и молиться о том, чтобы новые посланцы Покинутых и Завоевателей не тревожили нас как можно дольше. — Он окинул взглядом серые от усталости лица собравшихся, а на столе перед ними гору пустых разовых стаканчиков из-под кофе и перполненные окурками пепельницы на столе и закончил: — Перерыв, господа. Нам следует взять тайм-аут на размышления.

Оставшись один, Енот вздохнул с облегчением, отыскал примеченный им еще раньше в вестибюле уголок, в котором был размещен сонм богов Пестрой Веры, прошел к нему, не глядя вынул из кармана комок купюр федеральной «зелени» и спалил его на алтарике Турри-н Иварри — Обманчивого бога Счастья.

Эпилог

ВЫБОР СУДЬБЫ

Выпускали всю четверку друзей из следственного изолятора поодиночке. Так что встретились они только вечером следующего дня — в квартирке Гринни. Разгромленный вдрызг офис Тимоти был опечатан Городской Стражей, и в его руинах продолжали возиться эксперты и дознаватели.

Расположившись вокруг стола, уставленного банками пива, все четверо некоторое время с хмурым весельем переглядывались между собой. Микаэлла нервно курила и временами движением узкой ладони разгоняла дым над столом. Молчание несколько затянулось. Наконец Гринни подхватил одну из банок и принялся открывать ее.

— Господа следователи, конечно, здорово потрошили нас, — нарушил он молчание. — Они и до сих пор нас подозревают, только не знают в чем. Но, в конце концов, никакого конкретного обвинения нам не предъявили. Ты, Тимми, проходишь как пострадавший, а мы — как свидетели. И точка. Я считаю, что нам повезло. Когда я узнал от Енота, что кладка, которую мы пытались впарить покойному Пуделю, была собственностью самого Пуделя, я просто перекрестился. Не дай бог, мы были бы на свободе в ту ночь.

— Господь бережет скудных умом, — ни к кому не обращаясь, заметила Микаэлла и тоже занялась своей банкой.

— Гм... — отозвался Тимми и тоже принялся распечатывать свою банку. — Нам повезло не только с этим...

— Согласен, — признал Гринни. — Главная удача состоит в том, что и Секача, и Мочильщика Господь прибрал к себе. А раз их нет, то нет и нашего долга. А бандиты переколотили друг друга, и их — тоже больше нет. Так что мы можем дышать спокойно. К тому же город не сгорел и драконов перебили. Что тоже неплохо.

Он с облегчением отхлебнул пива.

— Остается еще один «дракон», — напомнил Тимоти. — Буффало Билл. Но ему явно светит вышка. Не возьму в толк, что они не поделили с мистером Гордоном, но сложилось все очень удачно.

— Открутится, — невесело бросил Сян. — Сколько раз его уже пытались прищучить, а все мимо.

— В этот раз не пройдет, — уверенно заявила Микаэлла. — Все улики против этого типа. Пушка с его отпечатками, куча трупов, какие-то деньги бешеные... Кстати, на него вешают еще и убийство Коннетабля Стрита — из той же пушки. При том, что это был личный револьвер Коннетабля. Уж тут-то Билли не открутится. В общем, с хорошими адвокатами он, может, от вышки и уклонится, но не увидим мы его еще долгие годы.

— Кстати, о деньгах, — вставил в разговор свое слово Тимми. — Сдается мне, что именно наши деньги — из тех, что пропали из моей конторы, они там и не поделили. Но на этих денежках ставим жирный крест. А вот сколько у нас осталось той «зелени», что мы припрятали у Сяна? С этим все в порядке, Сянчик?

— В порядке, — заверил его Сян. — Я как вернулся, так сразу и проверил. Там примерно половина от того, что мы приготовили для Секача. В общем, не великие миллионы, но на хлеб с маслом сгодится.

— Ты решил с этого дня питаться хлебом с маслом? — с невозмутимым видом

поинтересовался Гринни.

— Типун тебе на язык! — возмутился Сян. — Если мы наш «сухой остаток» поделим поровну, — он подозрительно глянул на приятелей, но те все дружно закивали в знак того, что иных вариантов и не имелось в виду, — то я аккуратно смогу окончательно выкупить наш ресторанчик у банка. И чувствовать себя человеком.

— Ни минуты не сомневался в том, что ты скормишь свою долю «капусты» именно этим козлам, — улыбнулся Тимоти.

— А тебе, верно, придется тратиться на ремонт своего хозяйства? — предположил Гринни.

— Еще чего! — фыркнул Тимми. — Для этого существует страховка. На этот счет не беспокойтесь — у меня все схвачено. Конечно, те, кто выставил у меня свой товар на продажу, порядком попортят мне нервы, но им придется утереться. И суммы в договорах проставлены смешные, и любой суд будет на моей стороне: «форс-мажорные обстоятельства». Куда уж форс-мажорнее...

— Ну, значит, ты можешь спокойно тратить свою часть добычи на себя, — расплылся в улыбке Сян. — Купишь себе роскошную тачку, отдохнешь в «Морской усадьбе»...

— Ага, — иронически ухмыльнулся Тимми. — В общем, с понтом под зонтом и с наваром — по шмарам? Черта с два! Я свою «зелень» вложу в Старых Мирах. Слава богу теперь такое практически возможно. Так — надежнее. Жулье есть и там, но не такое жуликоватое, как здесь. Я уже давно кое-что присмотрел в тех краях. И связи есть. Монет только не было. Причем вовсе не магических... Теперь подстрахуюсь таким вот манером и буду чувствовать себя человеком.

Он почувствовал, что, сам того не желая, довольно больно уколол Мику упоминанием о магических монетах, и извиняющимся взглядом покосился на нее.

— Кстати, о магической чертовщине и о твоих планах, Мика? — с нарочитой иронией, чтобы свести все к шутке, осведомился он. — Ты-то как думаешь своей долей распорядиться? Если не секрет, конечно...

Микаэлла неопределенно дернула плечом и загасила свой «Житан» в импровизированной — из доньшка разбитого стакана — пепельнице.

— Со мной все тоже просто. Я немного отдохну от заказной поденщины и всякой остальной мути. Буду брать только такую работу, которая мне по душе. Ну и кое с какими игрушками из своей собственной коллекции похимичу. Давно собиралась, но текучка заела. Теперь окунусь в свое дело с головой и ушами. И... — Тут она иронически усмехнулась и передразнила Сяна и Тимми: — И почувствую себя человеком.

— Теперь вроде моя очередь исповедоваться? — усмехнулся Гринни, откупоривая вторую банку «светлого».

— Надеюсь, ты не собираешься одарить своей «зеленью» Церковь Учителя? — как всегда невозмутимо предположил Тимми.

— Я тоже решил, куда дену несправедно добытые денежки, — сказал Гринни. — Сделаю вступительный взнос в Технологический. Там у них учат как надо. Пригласили лучших специалистов из Метрополии. Конечно, на полный цикл обучения моя доля не тянет. Но постараюсь показать себя в первом семестре. Для тех, кто подает надежды, у этой компании есть система кредитов, стипендии... В случае чего буду пробавляться на стороне игрой в карты. Это у меня получается. Закончу, устроюсь и, — в его голосе не прозвучало ни малейшей иронии, — стану чувствовать себя человеком.

Трое участников спектакля, разыгранного Палачом и Джокером в Семи Городах, собрались в доме Шаленого, вокруг того самого стола, за которым не так давно Дмитрий пил кофе с доком Фландерсом. Доктор, при всем к нему уважении всех присутствующих, в число посвященных не входил.

На стол Микис положил оба меча, а Шишел добавил к ним «Книгу корней» Роуберна, доставшуюся ему на хранение все от того же Микиса. Дмитрий и Кай разглядывали и то и другое с нескрываемым интересом.

— Ну что ж. Подведем итоги, — начал разговор региональный инспектор Управления. — Оба объекта, причинившие нам, да и многим другим здесь, немало хлопот, покинули планету. Вряд ли нам когда-нибудь станет известна их дальнейшая судьба. Нам в наследство они оставили немало тайн и загадок. Что касается меня, то единственное, что мне остается, это составить подробный отчет о происшедшем и вместе с имеющимися в моем распоряжении доказательствами отправить его по инстанциям. В составлении отчета я рассчитываю на вашу помощь, господа.

— У меня секретов по этой части нет, — добродушно прогудел Шишел. — Сегодня же сядем и поработаем.

— Для меня это к тому же просто служебная обязанность! — заверил Кая Микис. — Я сегодня же подам вам свой отчет.

— Тем лучше, — согласился Кай. — Не бойтесь в этом отчете быть откровенным. Наверх пойдет лишь то, что возьму из него я. Вам же многие прегрешения, если они и имеются, будут прощены, учтется роль, которую вы сыграли в последнем акте той драмы, которая разыгралась тут.

— Я буду совершенно откровенен, — заверил его Микис. И тут же перешел на лихорадочную скороговорку: — Я очень рассчитываю на вашу помощь, господин Санди! И на вашу Дмитрий! Освободите, освободите меня от этих вещей! — Он кивнул на мечи и книгу.

— Вам сильно не угодили эти прекрасные клинки? — поинтересовался Кай.

— Не угодили! — возопил Микис. — Сильно! Эти штуки норовят изменить судьбу своего хозяина. Подвигнуть на путь великих деяний! То есть превратить его жизнь в ад! В суший ад! Я прочитал за эти дни все, что мог раздобыть про эти чертовы железки! Да вот вам Дмитрий подтвердит это! Ему все это рассказывал Коннетабль Стрит. Ну ладно, если человек сам себе хочет такого, как Стрит или Секач. Но, как назло, эти двое плохо кончили, а железяки достались мне — человеку, который ни сном ни духом не мечтал о великих свершениях! Кому мне подарить мечи? С кем обменяться? На что? А книга? Чертова книга Роуберна?! Что с ней вы мне прикажете делать? Это же улика, черт возьми!

— Выслушайте мой совет, Микис, — тихим, но очень настойчивым голосом оборвал его Кай. — Как только вы покинете Мир, инфицированный Магией, вы уйдете от всех правил, которые действуют здесь относительно предметов Магии. Где-нибудь на Океании вы сможете продать мечи антиквару или коллекционеру холодного оружия, а книгу — букинисту...

Микис рассыпался мелким, горьким смехом:

— Прекрасный совет, господин Санди! Прекрасный! Но вы же знаете, что я вап

резидент в этих краях и не могу отсюда никуда деться! Да и выезд отсюда стоит целое состояние!

— Я пришел сюда, — со слегка неприятным оттенком в голосе уведомил его Кай, — чтобы сообщить, что вы в срочном порядке эвакуируетесь из Закрытого Мира. Вы основательно засвечены. Уважаемый сэр Байер и его люди докопались до вашего прошлого в Старых Мирах. Так что вы прокатитесь за казенный счет.

Микис уставился на него заворуженно, как кролик на удава.

— Не так долго ждать очередного корабля, который пойдет через Горловину, — успокоил его Кай. — Вас за это время не тронут. Правда, это будет отнюдь не туристический лайнер, но минимум комфорта Управление вам гарантирует. Возможно, вас утешит то, что вашим спутником в этом рейсе буду я. Моя миссия в Закрытом Мире закончена.

— И Управление останется без резидента в этом регионе? — недоуменно воззрился на него Микис.

— Это уже предмет не вашей заботы, — улыбнулся Кай. — Но раз уж вас это так волнует, то скажу только, что занимался здесь не только разборками между инопланетными роботами. Но это уже другой сюжет.

Микис молчал, промокая лоб носовым платком.

— Жалко покидать этот славный мирок, — произнес он наконец. — Я уже успел с ним хорошо сжиться. Но что поделаешь — Судьба...

— Там, на этой посудине, найдется местечко еще для одного пассажира? — подал голос Шишел. — Я могу оплатить свой проезд по тарифу «люкс». Не проблема.

— Вы, я вижу, тоже решили вернуться в родную среду? — с тревожной иронией в голосе спросил Кай. — И к прежним занятиям?

— Обижаете, начальник... — прогудел Шишел. Ответ, конечно, нельзя было назвать совершенно определенным.

— Ну так берете вы меня в компанию? — угрюмо спросил Шишел.

Кай прикрыл глаза и тихонько кивнул.

— Я обеспечу вывоз нас троих из Закрытого Мира, — заявил Кай. — Транспортник высадит нас на Стиксе. Там, видимо, наши пути разойдутся. Вы, Микис, получите предписание и проездные документы до места назначения — я еще не знаю какого. Мне предстоит предстать перед начальством, а вы, Дмитрий, вольны выбирать себе дорогу сами...

Все замолчали.

— Господин Санди... — вдруг подал голос Микис. — Кто же из этих двоих прав? И вправду идеальные слуги — это смертельная опасность для человечества? Или, наоборот, благо?

Кай посмотрел ему в глаза.

— Они просто механизмы, Микис, — сказал он медленно. — А смертельную опасность для человечества пока что может представлять только оно само. И я не знаю ответа на твой вопрос.

Снова наступило молчание. Должно быть, каждый думал о своем.

Шишел встал из-за стола, подошел к окну и тяжелым, замутненным взглядом уставился на незатейливый пейзаж Семи Городов.

— В общем, это была неудачная затея, — сказал он скорее самому себе. — Может, еще через много лет у здешнего народа что-то и получится, но это — уже без меня. — Он помолчал немного и тихо сказал пространству за окном: — Прощай Закрытый Мир.

Прощай...

Больше книг на сайте - Knigolub.net